

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2026 Том 23 № 2

«ПОЛИФОНΙΑ ПАРМЫ: ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР КОМИ»

Приглашенные редакторы:

Сергиева Наталья Станиславовна, Остапова Елена Васильевна

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданай Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Заместитель главного редактора

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Ответственный секретарь

Овчаренко Ульяна Владимировна, кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аминева Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Андрущенко Елена Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

Арзамасов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН, Республика Татарстан, Российская Федерация; профессор, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ахмедова Нигора Рахимовна — доктор искусствоведения, профессор, академик, Академия художеств Узбекистана, главный научный сотрудник, Института искусствознания Академии наук Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Бороякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан, Российская Федерация

Гаринова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламажая Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Сальникова Екатерина Дмитриевна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, заведующая сектором художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Султанова Рауза Рифкатовна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая центром искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Республика Татарстан, Казань, Российская Федерация

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, заместитель академика-секретаря отделения историко-филологических наук, научный руководитель института этнологии и антропологии имени Николухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Хугаев Иран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухунн Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Сайт журнала: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (открытый доступ)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: Белый список РЦНИ, РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, Dimensions

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентует стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов У.М. Бахтиреева, В.П. Сиячкин

Компьютерная верстка Н.В. Маркеловой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 25.06.2026. Выход в свет 29.06.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonC».

Усл. печ. л. 21,53. Тираж 500 экз. Заказ № 551. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Volume 23 No. 2 (2026)

POLYPHONY OF PARMA: LANGUAGES, LITERATURE, AND FOLKLORE OF THE KOMI

Guest Editors:

Natalia S. Sergieva, Elena V. Ostapova

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

HONORARY EDITORS

Steven J. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San Antonio, United States of America

Suresh Canagarajah, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Applied Linguistics of English; Director of the Center for Migration Studies, University of Pennsylvania, United States of America

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ulyana V. Ovcharenko, Candidate of Philology, Teacher of Continuing Education, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Elena A. Andrushchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Alexey A. Arzamazov, Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Russian Language Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Nigora Akhmedova, Academy of Arts of Uzbekistan; Institute of Art History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Aisa N. Bitkeeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Tamara G. Borgoyakova, Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology; Khakass State University named after N.F. Katanov, Republic of Khakassia, Abakan, Russian Federation

Prof. Gulchira T. Garipova, Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zukhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Ekaterina D. Salnikova, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature; Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Rauza R. Sultanova, Art History Center, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Prof. Valery A. Tishkov, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugayev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University; RUDN University, Moscow, Russian Federation

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Journal homepage: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (Open Access)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, Dimensions

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

English Text Editors *Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin*

Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИФОНΙΑ ПАРМЫ: ЯЗЫКИ, ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР КОМИ

Sergieva N.S., Ostapova E.V. The Polyphony of Parma: Guest Editors' Introduction (Полифония Пармы: от приглашенных редакторов выпуска)	237
---	-----

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Попова Р.П. Современный коми-пермяцкий литературный язык: проблемы функционирования и основные тенденции развития	247
Lobanova A.S., Mikhaylova A.V. Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects (Послелогои и предлоги в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка: структурные и функционально-семантические аспекты)	259
Fedina M.S. The Izhma Komi: <i>As Kyu</i> as a Part of Life (Коми-ижемцы: <i>ас кыы</i> как часть жизни)	272
Урманчиева И.С. Коми-русские языковые контакты по данным печорской фразеологии	289
Пунегова Г.В. Пауза как средство создания подтекста в коми прозаических произведениях	299
Пунегова Г.В., Федосеева С.О. Языковая репрезентация эмоции <i>Радость</i> в современной коми прозе	315
Некрасова О.И. «Поклон» в этикетных речевых формулах коми языка	330

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ельцова Е.В. Коми художественная литература в 1920-е годы: основные тенденции в развитии поэзии, прозы и драматургии	343
Лимерова В.А. Жанр святочного рассказа в творчестве коми писателя М.Н. Лебедева	354
Горинова Н.В. Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми: история и современность	366

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Лимеров П.Ф. Национальное своеобразие коми анекдота	377
Рассыхаев А.Н. Рассказы о святочных гаданиях в традиции вишерских коми	390
Панюков А.В. Вербальная магия в охотничьей и рыболовной практике коми-зырян	400

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н.** Средовой подход в вузе как условие формирования этнокультурной компетентности у будущих педагогов начальной школы 414
- Трубинова Н.А.** Особенности применения контрастивного подхода в практике подготовки студентов к преподаванию русского языка в условиях коми-пермяцкого русского билингвизма 435

ИНТЕРВЬЮ

- Остапова Е.В.** К 100-летию литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда») : интервью с главным редактором журнала Ниной Александровной Обрезковой 448

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТАТЬИ

- Eltsova E.V., Nekrasova O.I.** Komi-Language Journal of Science and Education (Научно-образовательный журнал на коми языке) 459

CONTENTS

POLYPHONY OF PARMA: LANGUAGES, LITERATURE, AND FOLKLORE OF THE KOMI

Sergieva N.S., Ostapova E.V. The Polyphony of Parma: Guest Editors' Introduction.....	237
--	-----

LANGUAGE IN PROCESS

Popova R.P. Modern Komi-Permyak Literary Language: Functioning Problems and Main Development Trends	247
Lobanova A.S., Mikhaylova A.V. Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects	259
Fedina M.S. The Izhma Komi: <i>As Kyy</i> as a Part of Life	272
Urmancheeva I.S. Komi-Russian Language Contacts in the Data of Pechora Phraseology	289
Punegov G.V. Pause as a Means of Creating Subtext in Komi Prose Works	299
Punegov G.V., Fedoseeva S.O. Linguistic Representation of the Emotion of <i>Joy</i> in Modern Komi Prose	315
Nekrasova O.I. “Bow” (“Poklon”) in Komi Speech Etiquette Formulas	330

LITERARY SPACE

Eltsova E.V. Komi Literature in the 1920s: The Main Trends in the Development of Poetry, Prose and Drama	343
Limerova V.A. The Yuletide Story Genre in the Works of the Komi Writer M.N. Lebedev	354
Gorinova N.V. The National Music and Drama Theatre of the Komi Republic: History and Modernity	366

FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE

Limerov P.F. The National Identity of the Komi Joke	377
Rassykhaev A.N. Stories about Yuletide Fortune-telling in the Tradition of the Vishera Komi	390
Panyukov A.V. Verbal Magic in the Hunting and Fishing Practices of the Komi-Zyryans	400

BILINGUAL EDUCATION

Poberezkaia V.F., Terentyeva S.N. Environmental Approach in Higher Education as a Condition for the Forming of Ethnocultural Competence of Future Primary School Teachers 414

Trubinova N.A. Features of Applying a Contrastive Approach in Training Students to Teach Russian in the Context of Komi-Permyak-Russian Bilingualism 435

INTERVIEW

Ostapova E.V. The 100th Anniversary of the Literary and Artistic Journal *Voyvyv Kodzuv* (“Northern Star”): An Interview with Editor-in-Chief Nina A. Obrezkova 448

INFORMATIONAL ARTICLES

Eltsova E.V., Nekrasova O.I. Komi-Language Journal of Science and Education 459

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-237-246

EDN: JCRKOF

Editorial article / Редакторская статья

The Polyphony of Parma: Guest Editors' Introduction

Natalia S. Sergieva[✉], Elena V. Ostapova^{id}

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ nsergieva@yandex.ru

For citation: Sergieva, N.S., and E.V. Ostapova. 2026. "The Polyphony of Parma: Guest Editors' Introduction." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 237–246. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-237-246> EDN: JCRKOF

Полифония Пармы: от приглашенных редакторов выпуска

Н.С. Сергиева[✉], Е.В. Остапова^{id}

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Российская Федерация

✉ nsergieva@yandex.ru

Для цитирования: Сергиева Н.С., Остапова Е.В. Полифония Пармы: от приглашенных редакторов выпуска // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 237–246. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-237-246> EDN: JCRKOF

By Decree of the President of the Russian Federation (No. 962 of December 25, 2025), the year 2026 has been proclaimed the Year of Unity of the Peoples of Russia. This year is meant to serve as a reminder of the value of all the peoples who live in our vast country. The foundation of Russia's national policy lies in preserving the unique identity of every people residing on its territory. Care for the preservation of languages, traditions, and cultural distinctiveness helps foster harmonious interethnic relations and achieve peace and accord among Russian citizens.

Since 2022, RUDN University has been using its journal *Polylinguality and Transcultural Practices* as a direct platform for specialists from Russia's regions to address a broad range of issues related to the preservation and development of national languages and cultures. The significance of this initiative cannot be overstated. Ethnocultural diversity of Russia is a unique spiritual heritage that forms the multifaceted unity and distinct identity of Russian civilization.

© Sergieva N.S., Ostapova E.V., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Historically, the Komi have had two permanent, compact areas of settlement: the Komi Republic and Perm Krai. Komi communities can also be found on the Kola Peninsula in Murmansk Oblast, as well as in Yamal, Yugra, and Siberia. On the one hand, this geographical dispersal creates a rich polyphony — a diversity of natural landscapes, dialects, and distinctive ways of life and culture. On the other hand, the Komi cultural code has helped maintain connections and mutual influence — a kind of enduring dialogue — across the centuries.

One of the unifying concepts for the Komi is *Parma*. The word *parma* has several meanings. Some researchers believe it derives from the legendary Finno-Ugric land of Biarmia, which is mentioned repeatedly in Old Russian and Scandinavian chronicles and in the Viking sagas from the 9th to 13th centuries. In Russian, *parma* translates as “a spruce forest on high ground” or simply “forest, taiga.” In geological and geomorphological terms, it refers to a vast and varied territory in the far north and northeast of the European part of the Russian Federation — a landscape type characterized by predominantly flat terrain, uplands, and ridges of the Ural range, covered in dense spruce-fir taiga typical of the Komi Republic and Perm Krai.

For the indigenous peoples of these areas — the Komi-Zyryans and Komi-Permyaks — *Parma* is a deeply conceptual notion. Since ancient times, it has represented their native land, their homeland, the place where they live and sustain themselves. Rich in natural resources, it has been poetically celebrated in folklore and literature, while at the same time remaining far from fully explored or fully understood.

According to the 2020 All-Russian Census, the total number of Komi people in Russia is approximately 200,000, including about 144,000 Komi-Zyryans and some 56,000 Komi-Permyaks. The majority of Komi-Zyryans live in the Komi Republic, while Komi-Permyaks are primarily concentrated in the Komi-Permyak Okrug of Perm Krai. In the Komi Republic, the titular language has official status. A common adverse trend, driven mainly by urbanization, is the decline in the share of the indigenous population proficient in the Komi language. Administrative and civic efforts are underway in the Komi Republic to support the Komi language and expand its public functions. In 2023, May 19 was established as the Day of the Komi Language and Writing.

In ancient times, the Komi people were united as they settled the territories of the Kama region, sharing a common ethnicity, culture, and folklore traditions. Beginning in the 1920s, two distinct ethnic groups were officially distinguished: the Komi-Zyryans (northern Komi) and the Komi-Permyaks (southern Komi, named after the toponym *Perm*, meaning “faraway land” or “land beyond the portage”). The name *Zyryans* first appears in the *Life of Stephen of Perm*, written by Epiphanius the Wise in the early 15th century, and by the 1570s, the exonym “Zyryan” had become firmly established for the modern Komi-Zyryans, gradually replacing the common name *Perm*, which first appears in the early 12th century.

The traditional self-designation among all Komi has long been the compound terms *Komi mort* and *Komi voityr* for the Komi-Zyryans, *Komi otir* for the Komi-Permyaks, as well as simply *Komi* or *Komiyas*. Etymologically, this autonym derives from a Proto-Finno-Ugric root meaning “person” or “man.”

The native language of the Komi-Zyryans and Komi-Permyaks is Komi, which, together with Udmurt, forms the Permic branch of the Finno-Ugric group of the Uralic language family. Komi-Zyryan and Komi-Permyak are linguistically very close, yet by long-standing tradition they are treated as separate languages. Together, the two languages encompass around twenty dialects.

The Komi language has a long-standing written tradition. A unique phenomenon in world culture is the emergence of the first Komi alphabet, *Anbur* (in some sources, *A-bur*), created in the late 14th century by Stephen of Perm, an educator and Orthodox missionary, based on Cyrillic, the Greek alphabet, and local runic signs (*pas*). This was the first alphabetic writing system specifically devised for a Finno-Ugric people. It remained in use for about two centuries and served as the foundation for the rise and development of Komi written culture and literature. Stephen of Perm translated numerous liturgical texts, thereby spreading the use of the Old Komi language both in Perm the Lesser (on the Vychegda River) and in Perm the Great, throughout the territories inhabited by the ancestors of the Komi-Permyaks. From the Old Komi writing system, only fragments have survived to the present day, in the form of inscriptions on icons, copies of the alphabet, and marginal notes in Russian manuscripts from the 15th and 16th centuries. Subsequently, the Komi quickly adopted Russian writing. The active educational work of the Church, the early emergence of writing, and the development of book culture were factors that contributed to the Komi having the highest literacy rate among the Finno-Ugric peoples until the early 20th century.

Currently, the main research and educational centers in the Komi Republic are the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. In Perm Krai, they are Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences and Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Fundamental academic linguistics traditionally aims to study the internal structure of a language and its lexical composition, as well as their normalization and development. A prominent representative of the Komi people and the founder of Komi linguistic scholarship was Georgy Stepanovich Lytkin (1835–1907) — a historian, ethnographer, Finno-Ugrist, Mongolist, Komi poet, and educator. Significant contributions to the advancement of Komi linguistics were made by A.S. Sidorov, V.I. Lytkin, A.I. Turkin, A.N. Rakin, E.S. Gulyaev, L.M. Beznosikova, G.V. Fedyuneva, E.A. Igushev, G.G. Baraksanov, G.A. Nekrasova, E.A. Tsypanov, V.M. Ludykova, as well as the Komi-Permyak linguists R.M. Batalova and A.S. Krivoshekova-Gantman. Among the new generation of linguists, notable

scholars include M.S. Fedina, A.G. Musanov, G.V. Punegova, S.A. Sazhina, O.I. Nekrasova, and others, along with the Komi-Permyak linguists A.S. Lobanova and R.P. Popova.

In recent decades, new trends have emerged in the development of Komi academic linguistics — namely, the pursuit of applied problems alongside fundamental ones. Komi linguists are engaged in extensive work on the preparation and publication of popular science literature on Komi linguistics, university textbooks, as well as textbooks and self-instruction manuals for the Komi language.

Fiction in the Komi language emerged in the mid-19th century and is associated with the name of Ivan Alekseevich Kuratov (1839–1875), the founder of Komi literature, whose literary and scholarly legacy cannot be overstated and whose talent is of global significance. In his multifaceted work, he transformed the Komi language into a language of Komi poetry. At the beginning of the 20th century, Kallistrat Falaleevich Zhakov was called both the Zyryan Lomonosov and the Zyryan Faust, in recognition of his scientific and literary achievements in mathematics, astronomy, philosophy, ethnography, folklore studies, poetry, prose, and drama.

The 1920s were a time that gave the world unique literary phenomena. In Komi literature, this was embodied in the work of the founders of 20th-century national literature: Tim Ven — Veniamin Timofeevich Chistalev, Nebdinsa Vittor — Viktor Alekseevich Savin, and Illya Vas' — Vasily Ilyich Lytkin.

The pioneers of Komi-Permyak literature include Pityu Önyö — Andrey Nikolaevich Zubov and Mikhail Pavlovich Likhachev. They were individuals of diverse interests, possessed extensive knowledge, had a gift for pedagogy, and carried out significant work in shaping the Komi-Permyak literary language and creating textbooks.

The outstanding writers of the Komi people became for subsequent generations an example of selfless love and devotion to their people, their native language, and their culture. Komi literature of the 20th century proved its maturity and substance, creating unforgettable images and evoking a rich palette of feelings and emotions.

A significant contribution to the study of the history of Komi literature and poetics has been made by literary scholars A.A. Vezhev, A.N. Fedorova, A.K. Mikushev, V.A. Latysheva, A.E. Vaneev, V.I. Martynov, V.N. Demin, and V.V. Pakhorukova. The traditions established in Komi literary studies are preserved and furthered by T.L. Kuznetsova, V.A. Limerova, E.V. Ostapova, N.V. Gorinova, E.V. Eltsova, L.E. Surnina, and others.

For the written culture of a people, one of the important sources is its oral poetic tradition. Folklorists have uncovered layers of folk creativity rooted in the Middle Ages and sometimes dating back to an even more ancient period — the era of the Permian linguistic community. The collection of folklore material in the 19th and early 20th centuries was carried out primarily by linguists, while Komi folklore studies as an academic discipline developed in the 20th century through the efforts of I.A. Osipov, F.V. Plesovsky, A.K. Mikushev, and other scholars. Their work is

being continued by a new generation of researchers: P.F. Limerov, A.V. Panyukov, N.S. Korovina, A.N. Rassykhaev, and L.S. Lobanova.

The present issue contains articles by researchers from academic and higher education institutions in Syktyvkar and Perm. The articles presented cover a range of topics. Alongside leading scholars, the issue features work by emerging researchers. Thematically, the issue is diverse, addressing current questions in the fields of Finno-Ugric linguistics, literary studies, folklore studies, and ethnopedagogy. The articles explore issues of language contact and their consequences for the linguistic system, forms of ethnic and linguistic self-identity, contexts for the preservation and development of literary languages, problems of linguostylistics, the history of Komi literature and art, traditional and contemporary folklore genres, practices of traditional culture, and applied aspects of educational bilingualism and the dialogue of cultures.

In celebration of the 100th anniversary of the literary and artistic journal *Voyvuyv kodzuv* (*Northern Star*), the issue features an interview with the journal's editor-in-chief, Nina Obrezkova, a renowned poet in the Komi Republic. Throughout its history, the journal has opened its pages to literary works in the Komi language. It has played, and continues to play, an important role in the history of Komi literature, its formation and development, and in the creative careers of both established and emerging Komi authors.

Since 2020, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (SSU) has been publishing the scholarly and educational journal *Komi Philology*, which offers authors the opportunity to publish their research findings specifically in the Komi language. This special issue includes an informational article providing an overview of the materials published in the journal and highlighting its important role in bringing together Komi scholars interested in publishing academic work in their native language.

The administration of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, together with the authors and editors of this issue, express their gratitude to the editorial board of the journal *Polylinguality and Transcultural Practices* and personally to Professor U.M. Bakhtikireeva for supporting the concept of this issue and for their assistance in its preparation.

RU

Указом Президента Российской Федерации (№ 962 от 25 декабря 2025 г.) 2026 год объявлен Годом единства народов России. Этот год призван напомнить о ценности всех народов, проживающих в нашей большой стране. Основа национальной политики России — сохранение уникальной самобытности каждого народа, проживающего на её территории. Забота о сохранении языков, традиций и культурных особенностей народов способствует гармонии

зации межэтнических отношений, достижению мира и согласия между гражданами России.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы на страницах журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики» уже с 2022 г. предоставляет площадку специалистам регионов Российской Федерации для освещения широкого комплекса вопросов, связанных с сохранением и развитием национальных языков и культур. Такую инициативу трудно переоценить. Этнокультурное многообразие России являет собой уникальное духовное наследие, составляющее многоликую целостность и самобытность российской цивилизации.

Исторически сложилось, что у коми постоянным, компактным местом проживания являются два центра — Республика Коми и Пермский край. Коми поселения также имеются на Кольском полуострове Мурманской области, на Ямале, в Югре, Сибири. С одной стороны, такая пространственная разрозненность создаёт многоголосие в разнообразии красок и звуков природы, наречий, особенностей жизнедеятельности и культуры. С другой стороны, культурный код коми помогает поддерживать взаимосвязь и взаимодействие, своеобразную переключку, в течение многих веков.

Одним из объединяющих понятий для коми является *Парма*. Слово *Парма* имеет несколько значений. Некоторые исследователи полагают, что это название произошло от названия легендарной финно-угорской страны Биармия, которая много раз упоминалась в древнерусских и скандинавских летописях, сагах викингов, живших в IX–XIII вв. На русский язык *Парма* переводится как «ельник на высоком месте», «лес, тайга». В геологическом и геоморфологическом отношении — обширная неоднородная территория на Крайнем Севере и северо-востоке Европейской части Российской Федерации, тип ландшафта с преобладающей равнинной частью, с возвышенностями и хребтами Уральского кряжа, покрытая густой елово-пихтовой тайгой, характерной для Республики Коми и Пермского края.

Для коренных народов этих мест — коми-зырян и коми-пермяков — понятие *Парма* является концептуальным. Издавна для коми Парма — это родная земля, родина, место обитания и жизнедеятельности. Она богата недрами, поэтически воспета в фольклоре и литературе, в то же время далеко не полностью освоена и изучена.

По данным Всероссийской переписи 2020 г., общее количество коми в России насчитывает около 200 тыс. человек, из них коми-зырян около 144 тыс., коми-пермяков около 56 тыс. человек. Большинство коми-зырян проживает в Республике Коми, коми-пермяков — в Коми-Пермяцком автономном округе Пермского края. В Республике Коми титульный язык региона имеет статус государственного. Общей неблагоприятной тенденцией, связанной прежде всего с урбанизацией, является сокращение доли коренного населения, владеющего коми языком. В Республике Коми предпринимаются администра-

тивные и общественные усилия по поддержке коми языка и расширению его общественных функций. В 2023 г. 19 мая учрежден День коми языка и письменности.

С 20-х гг. XX в. официально выделяются два этноса — *коми-зыряне* (*северные коми*) и *коми-пермяки* (*южные коми, от топонима Пермь, обозначающего «дальняя земля» или «земля за волоком»*). Название *зыряне* впервые упоминается в Житии Стефана Пермского, созданного Епифанием Премудрым в начале XV в., и в 1570-х гг. экзоним «зырянин» окончательно закрепляется за современными коми-зырянами, вытесняя общее название «пермь», которое впервые встречается в начале XII в. Самоназванием у всех коми издавна было словосочетание *коми морт, коми войтыр* у коми-зырян, *коми отир* у коми-пермяков, а также просто *коми, комияс*. Этимологически автоэтноним восходит к прафинно-угорскому корню со значением «человек, мужчина».

Родным языком для коми-зырян и коми-пермяков является коми язык, образующий вместе с удмуртским пермскую ветвь финно-угорской группы уральской языковой семьи. Коми-зырянский и коми-пермяцкий языки лингвистически очень близки, но по давней традиции их рассматривают как отдельные. Вместе оба языка насчитывают около 20 диалектов.

Коми язык обладает давней письменной традицией. Уникальным феноменом в мировой культуре можно назвать появление первой коми азбуки «Анбур» (в некоторых источниках «А-бур»), созданной в конце XIV в. просветителем и православным миссионером Стефаном Пермским на основе кириллицы, греческого алфавита и местных рунических знаков (пасов). Это первая алфавитная письменность, предназначенная специально для финно-угорского народа. Она функционировала около двух веков и стала фундаментом для зарождения и развития письменной культуры, художественной литературы коми. Стефан Пермский перевел многие богослужебные тексты, распространив пользование древнекоми (древнепермским) языком как в Перми Малой (Вычегодской), так и в Перми Великой, на территориях проживания предков коми-пермяков. От древнекоми письменности до наших дней дошли лишь фрагменты в виде надписей на иконах, списков азбуки, приписок в русских рукописных книгах XV–XVI вв. В дальнейшем коми достаточно быстро усвоили русское письмо. Активная просветительская деятельность церкви, раннее появление письменности и книжная культура стали факторами наиболее высокой грамотности коми среди финно-угорских народов до начала XX в.

В настоящее время научными и образовательными центрами в Республике Коми являются Институт языка, литературы и истории, Институт языка, литературы и истории, Коми научного центра Уральского отделения РАН и Сыктывкарский университет им. Питирима Сорокина. В Пермском крае — Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН и Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Фундаментальная академическая лингвистика традиционно ставит своей целью изучение внутреннего устройства языка и его лексического состава, их нормализацию и совершенствование. Ярким представителем народа коми, основоположником языковедческой науки, был Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) — историк, этнограф, финно-угровед, монголовед, коми поэт и просветитель. Значительный вклад в развитие коми лингвистической науки внесли А.С. Сидоров, В.И. Лыткин, А.И. Туркин, А.Н. Ракин, Е.С. Гуляев, Л.М. Безносикова, Г.В. Федюнева, Е.А. Игушев, Г.Г. Бараксанов, Г.А. Некрасова, Е.А. Цыпанов, В.М. Лудыкова, коми-пермяцкие языковеды Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. Из ученых-языковедов нового поколения можно отметить М.С. Федину, А.Г. Мусанова, Г.В. Пунегову, С.А. Сажину, О.И. Некрасову и др.; коми-пермяцких языковедов А.С. Лобанову, Р.П. Попову.

В последние десятилетия наметились новые тенденции в развитии коми академического языкознания — разработка наряду с фундаментальными проблемами проблем прикладных. Коми лингвистами ведется большая работа по подготовке и изданию научно-популярной литературы по коми языкознанию, учебных пособий для вузов, учебников и самоучителей коми языка.

Художественная литература на коми языке начинается в середине XIX в. и связана с именем основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова (1839–1875), литературное и научное наследие которого трудно переоценить, чей талант имеет мировое значение. В его многогранном творчестве произошло преобразование коми языка в язык коми поэзии. В начале XX в. Каллистрата Фалалеевича Жакова называли то зырянским Ломоносовым, то зырянским Фаустом, отдавая должное его научным и литературным заслугам в области математики, астрономии, философии, этнографии, фольклористики, поэзии, прозы, драматургии.

1920-е гг. стали временем, которое дало миру уникальные литературные явления. В коми литературе — это творчество основоположников национальной литературы XX в.: Тима Веня — Вениамина Тимофеевича Чисталева, Нёбдинса Виттора — Виктора Алексеевича Савина — коми советского поэта Виктора Алексеевича Савина, Илля Вася — Василия Ильича Лыткина.

К зачинателям коми-пермяцкой литературы относятся Питю Ёньё — Андрей Николаевич Зубов и Михаил Павлович Лихачёв. Они были людьми разносторонних интересов, обладали обширными знаниями, педагогическим даром, вели большую работу по формированию коми-пермяцкого литературного языка, созданию учебников.

Выдающиеся литераторы коми стали для последующих поколений примером беззаветной любви и преданности своему народу, родному языку и культуре. Художественная литература коми XX в. доказала свою зрелость и состоятельность, создавая незабываемые образы, рождая разнообразную палитру чувств и эмоций.

Значительный вклад в изучение истории коми литературы и поэтики внесли ученые-литературоведы А.А. Вежев, А.Н. Федорова, А.К. Микушев, В.А. Латышева, А.Е. Ванеев, В.И. Мартынов, В.Н. Демин, В.В. Пахорукова. Выработанные в коми литературоведении традиции сохраняют и развивают Т.Л. Кузнецова, В.А. Лимерова, Е.В. Остапова, Н.В. Горинова, Е.В. Ельцова, Л.Е. Сурнина и др.

Для письменной культуры народа одним из важных источников является его устно-поэтическое творчество. Фольклористами были выявлены пласты народного творчества, уходящие корнями в Средневековье, а иногда принадлежащие к ещё более древнему периоду — к эпохе существования пермской языковой общности. Сбор фольклорного материала в XIX и начале XX в. осуществляли в основном языковеды, а коми фольклористика как научная дисциплина развилась в XX в. усилиями И.А. Осипова, Ф.В. Плесовского, А.К. Микушева и других ученых. Их дело продолжают исследователи нового поколения П.Ф. Лимеров, А.В. Панюков, Н.С. Коровина, А.Н. Рассыхаев, Л.С. Лобанова.

В предлагаемом выпуске журнала представлены статьи ученых из научных учреждений и высших учебных заведений Сыктывкара и Перми. Статьи различны по тематике. Наряду с ведущими учеными в номере представлены работы начинающих исследователей. Тематически номер получился разноплановым, освещающим актуальные вопросы в области финно-угорского языкознания, литературоведения, фольклористики, этнопедагогики. В статьях освещаются проблемы языковых контактов и их последствия для языковой системы, формы проявления этнической и языковой самоидентификации, контексты сохранения и развития литературного языка, проблемы лингвистистики, история коми литературы и искусства, традиционные и современные фольклорные жанры, практики традиционной культуры, прикладные аспекты учебного билингвизма и диалога культур.

К 100-летию литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда») публикуется интервью с главным редактором журнала, известным в Республике Коми поэтом, прозаиком, драматургом, переводчиком Ниной Обрезковой. На протяжении своей истории журнал предоставляет свои страницы для публикации художественных произведений на коми языке. Он сыграл и продолжает играть важную роль в истории коми литературы, ее становлении и развитии, в творческой биографии как маститых, так и начинающих коми авторов.

С 2020 г. в СГУ им. Питирима Сорокина издается научно-образовательный журнал «Коми филология», в котором авторы имеют возможность опубликовать результаты своих научных исследований именно на коми языке. В спецвыпуске помещена информационная статья, в которой представлен обзор опубликованных в журнале материалов, подчеркнута важная роль жур-

нала в объединении коми ученых, заинтересованных в научных публикациях на родном языке.

Руководство Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, авторы и редакторы выпуска выражают благодарность редакции журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» и лично профессору У.М. Бахтикиреевой за поддержку идеи этого номера и содействие в его подготовке.

Сведения об авторах:

Сергиева Наталья Станиславовна — доктор филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация, 167001, Октябрьский проспект, д. 55. ORCID: 0000-0003-0261-6901; eLibrary SPIN-код: 8363-2257; WoS Research ID: A-7306-2018. E-mail: nsergieva@yandex.ru

Елена Васильевна Остапова — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой коми филологии, финноугроведения и регионоведения, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация, 167001, Октябрьский проспект, д. 55. ORCID: 0000-0001-9128-7980; eLibrary SPIN-код: 8061-5703; WoS Research ID: G-2517-2016. E-mail: Ost-1966@yandex.ru

Bio notes:

Natalia S. Sergieva is a Doctor of Philology, Chief Researcher, International Center for Social Research, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky prospect, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0261-6901; eLibrary SPIN-code: 8363-2257; WoS Research ID: A-7306-2018. E-mail: nsergieva@yandex.ru

Elena V. Ostapova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies and Regional Studies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky prospect, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9128-7980; eLibrary SPIN-code: 8061-5703; WoS Research ID: G-2517-2016. E-mail: Ost-1966@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE IN PROCESS

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-247-258

EDN: JDOYIA

Научная статья / Research article

Современный коми-пермяцкий литературный язык: проблемы функционирования и основные тенденции развития

Р.П. Попова

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Российская Федерация

✉ rimmapp@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу состояния современного коми-пермяцкого литературного языка. Литературный язык обслуживает коммуникативные потребности общества во всех сферах его деятельности. Именно наличие литературной формы языка свидетельствует об уровне его развития, потенциальных его возможностях и уровне культуры народа в целом. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью углубленного изучения языковой ситуации в Коми-Пермяцком округе в современных условиях. Целью данной работы является выявление и анализ некоторых наиболее очевидных тенденций развития современного коми-пермяцкого литературного языка и проблем его функционирования. Используются описательный и аналитический методы исследования. Выявлено, что в настоящее время, несмотря на значительный период своего становления, литературный коми-пермяцкий язык имеет много нерешённых проблем, препятствующих его полноценному развитию. Отмечено, что в современных условиях литературный коми-пермяцкий язык живёт и развивается в различных сферах, наиболее востребованной он является в сфере образования. Крайне ограниченно функционирует на сегодняшний день как язык официального общения и как язык науки. Несмотря на наличие определённых проблем, можно отметить отдельные тенденции в развитии коми-пермяцкого литературного языка, а именно создание коми-пермяцкой лингвистической и литературоведческой терминологии, тенденцию к созданию неологизмов, которая характеризуется как целенаправленная деятельность по расширению лексических средств литературного языка, стремление обогатить лексику за счёт собственных языковых ресурсов. Положительной тенденцией в развитии современного коми-пермяцкого языка является формирование религиозного стиля, связанного с переводом богослужебных книг на коми-пермяцкий язык. Отмечена роль Интернета в расширении границ функционирования языка и дальнейшего его развития. Исследование подчёркивает значимость коми-пермяцкого языка как компонента культурного наследия, способного сохранять национальную идентичность и обеспечивать преемственность поколений.

© Попова Р.П., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: коми-пермяцкий литературный язык, функциональные стили, языковая ситуация, литературная норма

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2026; принята к печати 14.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Попова Р.П. Современный коми-пермяцкий литературный язык: проблемы функционирования и основные тенденции развития // Полилингвальность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 247–258. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-247-258> EDN: JDOYIA

Modern Komi-Permyak Literary Language: Functioning Problems and Main Development Trends

Rimma P. Popova^{ID}

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ rimmapp@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the analysis of the state of the modern Komi-Permyak literary language. Literary language serves the communicative needs of society in all spheres of its activity. The presence of a literary form of a language indicates the level of its development, its potential, and the cultural level of the people as a whole. The relevance of the research topic stems from the need for an in-depth study of the language situation in the Komi-Permyak Okrug under modern conditions. The aim of this work is to identify and analyze some of the most evident development trends of the modern Komi-Permyak literary language and the problems associated of its functioning. This study utilizes descriptive and analytical research methods. It has been revealed that at present, despite a considerable period of its formation, the literary Komi-Permyak language has many unresolved problems that hinder its full-fledged development. It is noted that under modern conditions, the literary Komi-Permyak language lives and develops in various spheres; it is most in demand in the sphere of education. Today, its functioning as a language of official communication and as a language of science is extremely limited. Despite the presence of certain problems, some trends in the development of the literary Komi-Permyak language can be noted, namely, the creation of Komi-Permyak linguistic and literary terminology, a tendency toward neologization, which can be characterized as a rational, targeted effort to expand the lexical resources of the literary language, and a desire to enrich the vocabulary using its own linguistic resources. A positive trend in the development of the modern Komi-Permyak language is the formation of a religious style associated with the translation of liturgical books into the Komi-Permyak language. The role of the Internet in expanding the boundaries of the language's functionality and its further development is noted. The study emphasizes the importance of the Komi-Permyak language as a component of cultural heritage capable of preserving national identity and ensuring the continuity of generations.

Key words: Komi-Permyak language, literary language, functional styles, linguistic situation, literary norm

Article history: received 04.02.2026; accepted 14.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Popova, R.P. 2026. “Modern Komi-Permyak Literary Language: Functioning Problems and Main Development Trends.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 247–258. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-247-258> EDN: JDOYIA

Введение

Литературный язык является высшей формой существования любого национального языка. Литературный язык обслуживает коммуникативные потребности общества во всех сферах его деятельности, он является языком художественной литературы, научной и учебной литературы, СМИ, официально-деловой и религиозной литературы. Именно литературная форма языка свидетельствует о зрелости его развития, его потенциальных возможностях и уровне культуры народа в целом. Литературная форма языка противопоставляется территориальным и социальным диалектам, поэтому в коммуникативном пространстве он занимает главенствующее место. Фундаментальная роль любого литературного языка заключается в его определяющей функции быть хранителем и выразителем культуры народа, средством взаимопонимания людей, универсальным средством общения. Как отмечает В.И. Кодухов, «литературный язык занимает центральное место среди всех форм существования и функционирования языка, потому что его назначение — объединить членов социальной общности»¹. Следовательно, основной функцией коми-пермяцкого литературного языка является объединение всех коми-пермяков, проживающих в Коми-Пермяцком округе и за его пределами, носителей всех семи коми-пермяцких диалектов, независимо от возраста, профессии, образования, социального статуса.

Формирование и развитие литературного языка происходит в течение длительного времени. В коми-пермяцком языкознании долгое время бытовало мнение, что до октябрьских событий 1917 г. коми-пермяцкий язык не имел своей письменности. Это утверждение запечатлено в разделе «История коми-пермяцкого литературного языка» учебника «Коми-пермяцкий язык» 1962 г. издания, который до сегодняшнего времени является единственным изданием для высших учебных заведений². Однако все же следует признать, что коми-пермяцкий литературный язык не возник спонтанно в начале 20-х гг. прошлого столетия, задолго до октябрьских событий 1917 г. были подготовлены и изданы труды, освещающие разные аспекты языка. Невозможно правильно осмыслить процессы развития коми-пермяцкого языкознания без учета того, что было сделано до начала планомерной работы над созданием литературного языка. Развитие коми-пермяцкого языка в разные исторические периоды проходило неравномерно: XVII–XVIII вв. являются периодом фиксации коми-пермяцкого материала в различных письменных памятниках, составления словников и небольших словарей; в XIX в. появляются первые рукописные и печатные нормативные грамматики, первые пермяцкие буквари, расширяется

¹ Кодухов В.И. Общее языкознание : учебник. Изд-е 2-е, испр. и доп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 173.

² Коми-пермяцкий язык : учебник для высших учебных заведений / под ред. и при соавт. проф. В.И. Лыткина. Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. С. 34.

лексикографическая и переводческая деятельность. Коми-пермяцкий язык в его современной кодифицированной форме свое развитие получил в 20-е гг. XX в. В этот период стала создаваться учебная литература, была решена проблема диалектной основы литературного языка, было введено преподавание коми-пермяцкого языка в школах, нормы литературного языка стали закрепляться в нормативных грамматиках и словарях, начала зарождаться коми-пермяцкая художественная литература.

На сегодняшний день в научной литературе существует несколько подходов к определению статуса коми-пермяцкого языка: он рассматривается как самостоятельный язык, имеющий литературную форму [1. С. 229], начальную стадию формирования литературной формы [2. С. 87], а также квалифицируется как пермяцкий региональный литературный вариант (наряду с коми-зырянским) национального коми языка [3; 4]. Безусловно, современный коми-пермяцкий язык является самостоятельным языком, с одной стороны, имеющим определённые устоявшиеся, закреплённые нормы, с другой — требующим постоянного совершенствования, развития и формирования. В настоящее время, несмотря на значительный период своего становления, литературный коми-пермяцкий язык сталкивается со множеством нерешённых проблем, препятствующих его полноценному развитию. Язык и общество неразрывно связаны между собой, любое изменение в жизни общества, любой процесс, происходящий в социуме, неизбежно отражается на языке, коми-пермяцкий литературный язык в этом отношении не является исключением.

Обсуждение

В современном обществе литературный коми-пермяцкий язык функционирует и развивается в различных сферах. Наиболее востребованной в современных условиях он является в сфере образования. Преподавание родного языка имеет важное значение в сохранении и передаче языковых и культурных традиций от одного поколения к другому. Как отмечает М. Раннут, «обязательное школьное образование остаётся главным воспроизводителем литературного языка, будучи в то же время предпосылкой для дальнейшей приспособляемости литературного языка к переменам в обществе»³. Школа играет ключевую роль в обеспечении структурированного и систематического освоения норм литературного языка, она выступает основным коммуникативным пространством для функционирования литературной формы языка, главным фактором его развития. Для достижения этих целей создаются грамматики, учебная литература и словари коми-пермяцкого языка. Однако в настоящее время тревогу вызывает сокращение количества школ с преподаванием коми-пермяцкого языка и количества учащихся, изучающих родной язык. По предвари-

³ Раннут М. Пособие по языковой политике. Таллинн, 2004. С. 125.

тельным статистическим данным, предоставленным Коми-Пермяцким институтом повышения квалификации работников образования, в школах Коми-Пермяцкого округа в настоящее время порядка 2000 школьников с 1-го по 9-й классы изучают родной язык в рамках учебного плана и около 770 учащихся в рамках внеурочной работы. С каждым годом количество изучающих язык сокращается. Так, для сравнения, в 2008–2010 гг. количество изучающих язык составляло порядка 3000 человек. Сокращение количества учащихся, изучающих родной язык, непосредственно связано с сокращением численности носителей коми-пермяцкого языка. По данным Статистического ежегодника Пермского края, численность коми-пермяков в 2020 г. сократилась и составила 50 200 человек по сравнению с 81 100 в 2010 г.⁴ Объём часов, отведённых на изучение родного языка, варьируется от 0,5 до 2 ч в неделю, что, без сомнения, не позволяет учащимся полноценно усвоить все особенности литературного языка. Вне рамок урочной деятельности коммуникация между учащимися, а во многих случаях и между преподавателями и учащимися ведётся на родном диалекте, что также не способствует укреплению литературной формы языка.

Полноценное функционирование коми-пермяцкого литературного языка как в устной, так и в письменной форме осуществляется в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете — основном научном и образовательном учреждении, в котором с 1955 г. ведётся подготовка высококвалифицированных кадров по коми-пермяцкому языку. Содержание образовательной программы, направленной на подготовку учителей коми-пермяцкого языка и литературы, позволяет выпускникам работать не только в сфере образования, но и в сфере журналистики, учреждениях культуры и дополнительного образования, научной сфере. Именно в университете осуществляется творческий процесс сохранения и развития литературной формы коми-пермяцкого языка: преподавание дисциплин ведётся на литературном коми-пермяцком языке, в учебный процесс внедряется новая лингвистическая терминология, создаются возможности развития научного стиля. Однако в последнее время наметилась тенденция снижения интереса молодёжи к изучению родного языка. Предпочтение всё чаще отдаётся русскому языку.

Известно, что выбор языка в коммуникативном процессе определяется статусом используемого языка. Коммуникативный потенциал коми-пермяцкого и русского языков никогда не был равнозначным, и в современных условиях эта неравнозначность становится всё более очевидной. В совокупности с уменьшением количества отведённого на изучение родного языка и литературы времени в школе, это приводит к значительному уменьшению числа абитуриентов, желающих изучать и транслировать свой родной язык. К большому сожалению, в 2025 г. был приостановлен набор на коми-пермяцко-русское отделение университета. Несомненно, что принятое решение отрицательно

⁴ Статистический ежегодник Пермского края. Пермь, 2023. С. 36

скажется не только на обеспечении Коми-Пермяцкого округа квалифицированными кадрами, в совершенстве владеющими родным языком, но в дальнейшем и на развитии литературного языка.

Как было упомянуто ранее, одной из ключевых особенностей литературного языка является его полифункциональность и стилистическая дифференцированность. В настоящее время коми-пермяцкий язык, к сожалению, не способен обеспечить коммуникацию в любой сфере человеческой деятельности, что затрудняет обсуждение его полифункциональности. В 2005 г. Коми-Пермяцкий автономный округ был включён в состав Пермского края. В статье 42 Устава Пермского края «Обеспечение сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа» в п. 2. отмечается, что в «официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским может использоваться коми-пермяцкий язык»⁵.

Отсутствие статуса государственного языка непосредственно влияет на развитие литературной формы языка. В настоящее время коми-пермяцкий язык имеет крайне ограниченное применение в качестве языка официального общения и языка науки. Он не используется в делопроизводстве и судопроизводстве, не находит применения в области права и политики, в официальных учреждениях и организациях. Это свидетельствует о том, что в коми-пермяцком литературном языке не развивается официально-деловой стиль. Справедливости ради отметим, что так было не всегда. В начале своего становления, в 30-е гг. XX столетия, были предприняты попытки ведения делопроизводства и документооборота на коми-пермяцком языке, однако политическая и экономическая ситуация того времени помешали дальнейшему его развитию⁶.

Крайне ограниченно в современных реалиях в коми-пермяцком языке развивается научный стиль. Сфера его функционирования ограничивается гуманитарными науками, а именно учебной литературой по коми-пермяцкому языку и литературе для общеобразовательных учреждений и вузов, а также незначительным количеством научных статей и исследовательских эссе.

Несмотря на вышеназванные проблемы, можно отметить отдельные тенденции в развитии коми-пермяцкого литературного языка.

Одной из положительных сторон современного развития языка является создание коми-пермяцкой лингвистической и литературоведческой терминологии: *шыпас* «буква», *шыпасчукӧр* «алфавит», *кывчукӧр* «словарь», *эманим* «имя существительное», *кадакыв* «глагол», *нимвежан* «местоимение», *урчитан* «наречие», *нимтан* «имя прилагательное», *лыданим* «имя числительное», *серникузя* «предложение», *кывтэчас* «словосочетание», *веськыт сёрни* «прямая речь», *пытикӧс* «содержание», *кывбур* «стихотворение», *висьт* «рассказ»

⁵ Устав Пермского края. [https://zsperm.ru/upload/iblock/80c/wa82v2g6e8jsbcelw9f9hstwgk8ptm37/Устав%20ПК%20\(от%2008.12.2022\).pdf](https://zsperm.ru/upload/iblock/80c/wa82v2g6e8jsbcelw9f9hstwgk8ptm37/Устав%20ПК%20(от%2008.12.2022).pdf) (дата обращения 02.02.2026)

⁶ Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа : учебное пособие для 8–11 кл. Пермь, 1995.

и др. До недавнего времени в учебном процессе использовалась заимствованная терминология, поэтому внедрение новых терминов в образовательный процесс станет важным шагом в развитии языка.

В настоящее время в коми-пермяцком языке можно наблюдать тенденцию к активному образованию неологизмов, что также можно назвать одним из положительных моментов развития литературного языка. Современный процесс образования неологизмов в коми-пермяцком языке можно обозначить как целенаправленную деятельность по расширению и обогащению лексических средств литературного языка за счёт собственных языковых ресурсов. При этом возникают новые синонимические ряды. Так, например, активно внедряются в язык созданные наименования месяцев, образованные путём словосложения по модели «название времени года + одз ‘перед, начало’, шөр ‘середина’ пом ‘конец’»: *тöвишөр* январь», *тöвном* «февраль», *одзтулыс* «март», *тулыс-шөр* «апрель», *тулысном* «май», *одзгожум* «июнь», *гожумишөр* «июль», *гожумном* «август», *одзар* «сентябрь», *аршөр* «октябрь», *арном* «ноябрь», *одзтöв* «декабрь». При этом употребительны также заимствованные из русского языка наименования: январь, февраль, март, и т.д. Закрепление и лексикографическая фиксация неологизмов в значительной степени зависит от субъективной оценки и восприятия их носителями языка. Следует отметить, что значительное количество новых слов достаточно активно используется в разных стилях речи, они понятны владеющим коми-пермяцким языком, несмотря на то, что не зафиксированы в словарях, например: *одзынкотöртись* «лидер», *вежись* «заместитель» *вежалун* «праздник», *вежалунавны* «поздравить», *йыжоль дед* «дед мороз», *тöдчана* «известный», *гортолись* «хозяйка», *аттьöавны* «благодарить» и др. Замена функционирующих русских заимствований исконными лексемами осуществляется за счет проникновения в активную языковую среду диалектных слов, архаизмов и заимствований из близкородственного коми-зырянского языка: *шуд* «стастье», *сьом* «деньги», *дзоридз* «цветок», *зарни* «золото», *саридз* «море», *енöж* «небо», *во* «год», *аттьö* «спасибо», *енби* «талант», *кырымпас* «подпись», *удждон* «зарплата».

Однако наряду с неологизмами, образованными за счёт собственных языковых ресурсов, отмечается резкое увеличение русских и иноязычных заимствований, связанных с разными сферами жизни общества: *мастер-класс*, *проект*, *рейтинг*, *кастинг*, *баннер*, *браузер*, *мультимедиа*, *ноутбук*, *сервер*, *файл*, *интернет*, *компьютер*, *сайт*, *блог*, *презентация*, *инновация*, *номинация*, *губернатор*, *грант*, *пицца*, *йогурт* и др. Это объясняется необходимостью в номинации новых и ранее неизвестных носителям языка понятий, явлений и предметов, активно входящих в современную жизнь, и отсутствием в настоящее время соответствующих эквивалентов в коми-пермяцком языке.

Одной из важнейших сфер функционирования и развития литературного языка является художественная литература. Именно художественная литература наглядно проявляет богатство языковых средств, обогащает лексический

состав языка, является эталоном и одним из важнейших источников сохранения литературной формы языка. Известно, что значительную роль в пополнении лексики литературного языка играют диалекты. Большой вклад в развитие лексического состава литературного языка вносят коми-пермяцкие писатели, которые, владея коми-пермяцким литературным языком, умело внедряют в свои произведения диалектные слова и выражения. При этом коми-пермяцкие художественные тексты не изобилуют диалектизмами, а умело вводятся в структуру текста и их значение благодаря художественному мастерству авторов понятно читателю, например: *Эшö дугдiс шырни юрси, эта-сянь юрси тылöппез лоисö кыдз логзязз*⁷ «Ещё перестал подстригать волосы, отчего они стали похожи на *неряшливые космы*» (сев. логзя — *неряшливые, нерасчесанные волосы*); *Люда Шориналöн чужöмбаныс нежнöй, кыдз няплöн дзоридз*⁸ «Лицо Люды Шориной словно *цветок шиповника*» (сев. няп — *шиповник*); *Öмель Ленькакöт ветлисö ни матись ыббез вылö, мындаöнкö öктисö көктоин, көчазь*⁹ «Емельян с Лёнькой уже сходили на ближнее поле, немного собрали *полевого хвоща и сныти*» (сев. көктоин — *хвощ полевой, көчазь — сныть обыкновенная*); *Пöрччалiс гунясис киззесö, жмитiс моросыс бердö ка-гаоксö, зепсис кыскис няньтор, пондiс бы вердны, но мöдыс няньсö öмас эз кут и синнэсö эз осьт*¹⁰. «Расстегнул пуговицы на одежде, прижал ребёнка к груди, достал из *кармана* кусок хлеба, попытался покормить, но тот не брал хлеба в рот и глаза не открывал» (сев. зеп — *карман*).

В настоящее время в коми-пермяцких художественных текстах отмечается тенденция к усилению экспрессии, которая создаётся за счёт лексических, морфологических и различных стилистических приемов. К примеру, широкое распространение получили изобразительные глаголы, пейоративная и мелиоративная лексика: *Зэрыс вадiс потолоксö, ва пондiс дзользыны-лэд-зчыны джоджас*¹¹. «Потолок намок из-за дождя, вода стала с журчанием литься на пол»; *Лэбтiсис кымөр, пондiс гиззыны-зэрны*¹². «Поднялась туча, стал с шумом лить дождь»; *Каёккез горöна дзульзисö-сьылисö, кыскисö отирлисö сёлöмсиныс шог*¹³ «Птички громко щебетали-пели, извлекали боль

⁷ Коньшина Е.И. Зонлöн сёлöм // Ловшы : литературно-художественный электронный журнал на коми-пермяцком и русском языках. 2020. № 1. С. 12.

⁸ Яковкина Р.М. Шориннэз // Иньва : литературно-художественный сборник на коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2017. С. 90.

⁹ Федосеев С.А. Избранное. Кудымкар : ПРОО «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югөр», 2017. С. 219.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Томская Н.Н. Вына төв // Иньва : литературно-художественный сборник на коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2017. С. 82.

¹² Гуляева Л.П. Ен дынö ветлöм // Иньва : литературно-художественный сб. на коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2017. С. 43.

¹³ Яковкина Р.Н. Марфа да льбмпу // Иньва : литературно-художественный сб. на коми-пермяцком и русском языках. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2017. С. 89.

из людских сердец»; *Но мый, зырымось? Миянӧс синъян?*¹⁴ «Ну что, сопляк? За нами наблюдаешь?»; *Ассит мун и жугды, понкулись*¹⁵. «Иди и ломай свое, живодёр»; *Тэ менам Василиса, любимӧй да золотӧй! Ӗмидзтусь тэ менам!*¹⁶ «Ты моя Василиса, любимая и золотая! Ягодка малины ты моя!».

Вместе с тем из языка современной художественной литературы уходят устойчивые выражения, которые не только являются выразительными, эмоциональными и образными средствами языка, но и несут важную информацию о культуре, традициях, национальном характере народа, отражают его языковую картину мира. Если в произведениях таких классиков коми-пермяцкой литературы, как В.В. Климов, Т.П. Фадеев, С.А. Федосеев, В.Я. Баталов, И.А. Минин, наблюдается активное использование пословиц, поговорок, фразеологизмов, то, к большому сожалению, у современных авторов они встречаются редко или практически отсутствуют. Вероятно, с одной стороны, это может быть связано с общей тенденцией к лаконичности языка, вымыванием устойчивых выражений из языка повседневного общения и, как факт, постепенной их утратой. Другая причина, на наш взгляд, кроется в отсутствии в современной коми-пермяцкой литературе таких жанров, как повесть и роман, и активном развитии малых жанров (рассказ, эссе, очерк) и поэтических произведений, жанрово-композиционные особенности которых не дают возможности в достаточной степени использовать устойчивые выражения.

Известно, что существенную роль в функционировании и развитии литературного языка играют средства массовой информации. Именно через СМИ массовая аудитория получает необходимую информацию, они оказывают большое воздействие на сознание и поведение аудитории. Помимо информационной функции средства массовой информации формируют и транслируют культурные ценности, взгляды, убеждения. По мнению В.В. Касьянова, «они способствуют воспроизводству культуры того сообщества, в котором они функционируют. Основой любой культуры является язык»¹⁷. Развитие всех типов СМИ, работающих для коми-пермяцкой аудитории, является крайне важным, так как именно в СМИ активнее всего отражаются изменения в языке, проходят апробацию новые слова и понятия. На территории Коми-Пермяцкого округа в настоящее время единственным печатным публицистическим изданием на коми-пермяцком языке является газета «Кама кытшын», издающаяся с 2010 г. с периодичностью один раз в неделю. Учитывая тот факт, что многие десятилетия, начиная с 50-х гг. XX в., периодическая печать в Коми-Пермяцком округе выпускалась на русском языке, издание газеты на коми-пермяцком языке представляет собой положительный этап в развитии

¹⁴ Федосеев С.А. Избранное. С. 264.

¹⁵ Там же. С. 222.

¹⁶ Там же. С. 3.

¹⁷ Касьянов В.В. Социология массовой коммуникации : учебное пособие для студентов вузов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. С. 29.

литературного языка. Помимо газеты территориальным отделением филиала ВГТРК ГТРК «Пермь» в г. Кудымкаре ведется ежедневное радиовещание на коми-пермяцком языке общим объемом 150 минут в неделю и телепередача один раз в неделю объемом 10 минут. Все это, на наш взгляд, создаёт предпосылку для развития публицистического стиля языка. Средства массовой информации всегда имели и в настоящее время имеют значительный авторитет у носителей коми-пермяцкого языка. Очень важным в этих условиях является соблюдение норм литературного языка журналистами. К сожалению, в последнее время наблюдаются различные лексические и грамматические нарушения в письменной и устной речи журналистов, что может в дальнейшем привести к снижению речевой культуры и расшатыванию норм литературного языка.

Положительной тенденцией в развитии современного коми-пермяцкого языка является формирование религиозного стиля. Прежде всего это направление связано с переводом богослужебных книг на коми-пермяцкий язык. Следует подчеркнуть, что переводы богослужебных текстов начинают зарождаться в коми-пермяцком языкознании во второй половине XIX в. Первый перевод «Евангелия от Матфея», выполненный священником А. Поповым, был издан в Лондоне в 1866 г. В этот же период осуществляются переводы и издания различных текстов, содержащих христианское вероучение, жития святых, а также нравоучения, с целью распространения христианских моральных принципов. Октябрьские события 1917 г. на долгие десятилетия останавливают переводческую работу, которая возобновляется в начале 90-х гг. XX столетия. На современном этапе на коми-пермяцкий язык переведены и изданы Новый Завет и книги Ветхого Завета «Псалтирь», «Притчи», «Екклесиаст». Эта работа, безусловно, представляет собой сложный, трудоёмкий и очень ответственный процесс, требующий глубокого проникновения в сакральный текст и точной передачи содержания. Современные переводчики богословских текстов на коми-пермяцкий язык стремятся избегать прямых заимствований из русского языка, восстанавливая вышедшие из активного употребления конструкции и слова и вместе с тем создавая новые слова и словосочетания: *мавтõм* «помазанник», *веськыта олісь* «праведник», *езьяланін* «жертвенник», *бурсетõм* «благодать», *Виль Йитõt* «Новый Завет», *дари доз* «чаша для причащения», *Дõсвидзись* «Господь», *югьялõм* «слава», *туйдõt* «закон», *пырся олан* «вечная жизнь», *вежауджалісь* «священник», *лõнь олан* «мир», *пельõс из* «краеугольный камень» и др. Подобная практика способствует сохранению и развитию внутренних ресурсов коми-пермяцкого языка, прежде всего его словарного состава, формированию нового пласта лексики. Следует отметить роль переводов в разработке орфографии и пунктуации. Несмотря на наличие установленных правил правописания, данных в орфографических словарях (последнее издание вышло в свет в 1992 г.), переводчики и редакторы регулярно сталкиваются с необходимостью корректировки орфографии, которая касается преимущественно проблем слитного и раздельного написания слов,

унификации вариативности лексических и грамматических единиц. Безусловно, перевод книг Библии вносит свой вклад в процветание национальной культуры, способствует сохранению родного языка и повышению его статуса.

В современных условиях глобализации сохранение и развитие языка невозможно без его включения в цифровое информационное пространство. Эффективным проводником коми-пермяцкой литературной формы в настоящее время является Интернет. Включение символов коми-пермяцкого алфавита в единый международный стандарт кодирования символов Юникод предоставило широкие перспективы для использования коми-пермяцкого языка в сети Интернет. В настоящее время наблюдается динамичное развитие интернет-ресурсов на коми-пермяцком языке. Одним из новейших интернет-ресурсов является интернет-энциклопедия РУВИКИ, основанная на вики-формате, в которой представлены статьи из различных областей знаний на современном коми-пермяцком литературном языке. В 2021 г. был запущен сайт «Коми-пермяцкӧй кыв. Энциклопедия», подготовленный специалистами Коми-Пермяцкого института повышения квалификации работников образования. Авторами энциклопедии проведена масштабная работа по сбору и систематизации языкового и иллюстративного материала, предназначенного как для учителей и учащихся, так и для всех желающих изучать коми-пермяцкий язык. Отрадно отметить, что интерфейсы двух этих сайтов переведены на коми-пермяцкий язык, что позволяет пользователям взаимодействовать с веб-сервисами на родном языке. Для эффективного хранения и быстрого доступа к текстам с цифровых носителей используются электронные библиотеки. Созданная межрегиональной лабораторией информационной поддержки функционирования финно-угорских языков онлайн-библиотека содержит значительное количество художественных текстов на коми-пермяцком языке. Новым и достаточно эффективным интернет-ресурсом является «Корпус коми-пермяцкого языка» — совокупность текстов, размеченных по различным лингвистическим параметрам и с возможностью поиска слов или выражений.

Он содержит большой объём художественных и публицистических текстов, текстов из социальных сетей, общий объём которых составляет более 6 млн словоупотреблений. Помимо этого, существуют различные сайты и блоги, транслирующие коми-пермяцкий литературный язык. Все это, по нашему мнению, способствует расширению границ функционирования языка и дальнейшему его развитию.

Заключение

Современный коми-пермяцкий литературный язык переживает новый этап в своём развитии, обусловленный переменами в общественной жизни и изменениями языковой ситуации. Сокращение количества носителей языка оказывает негативное влияние на дальнейшее развитие литературного коми-

пермского языка. Отмечается ограничение его функционирования в официальной и научной сфере, доминирующей сферой языка становится семейно-бытовое общение. Существует необходимость создания полноценной основы для выполнения языком всех общественных функций, восстановления роли семьи как транслятора языковых традиций. Несмотря на отдельные проблемы функционирования, литературный язык продолжает развиваться, расширяется его лексическая система, происходят изменения в грамматической структуре. Нормы, созданные и зафиксированные в словарях в середине и конце прошлого столетия, требуют уточнений и изменений, существует необходимость в разработке новых правил. Развитие и поддержка литературного языка является важным шагом на пути сохранения культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений.

Список литературы

1. Баталова Р.М. Коми-пермский язык // Языки мира. Уральские языки. Москва : Наука, 1993. С.229–239.
2. Лобанова А.С., Шляхова С.С. Коми-пермский язык конца XX — начала XXI вв: стилистические аспекты : монография. Пермь, 2010.
3. Ёно Лав. К вопросу о соотношении диалектов, региональных стандартов и национального коми языка // Пермистика XI: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы XI Междунар. симпозиума. Пермь, 2006. С. 136–145.
4. Цыпанов Е.А. Сравнительный обзор финно-угорских языков : монография. Сыктывкар : Кола, 2008. ISBN: 978-5-88186-835-2 EDN: VDPHWB

References

1. Batalova, R.M. 1993. “Komi-Permyak language.” In *Languages of the World. Uralic Languages*. Moscow: Nauka publ., pp. 229–239. (In Russ.)
2. Lobanova, A.S., and S. S. Shlyakhova. 2010. *Komi-Permyak language of the late 20th and early 21st centuries: stylistic aspects*: monograph. Perm. (In Russ.)
3. Ёно Lav. 2006. “On the Relationship between Dialects, Regional Standards, and the National Komi Language.” In *Permistics XI: Dialects and History of the Permian Languages in Interaction with Other Languages: proceedings of the XI International Symposium*. Perm, pp. 136–145. (In Russ.)
4. Tsypanov E.A. 2008. *Comparative Review of Finno-Ugric Languages*: monograph. Syktyvkar: Kola publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-88186-835-2 EDN: VDPHWB

Сведения об авторе

Попова Римма Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры коми филологии, финноугроведения и регионоведения, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский проспект, д. 55. ORCID: 0000-0002-1102-4206; eLibrary SPIN-код: 6846-8949. E-mail: rimmapp@mail.ru

Bio note:

Rimma P. Popova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies, and Regional Studies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1102-4206; eLibrary SPIN-code: 6846-8949. E-mail: rimmapp@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271

EDN: JMLHWP

Research article / Научная статья

Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects

Alevtina S. Lobanova¹✉, Anastasiia V. Mikhailova²¹Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Science,
Perm, Russian Federation²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation
✉ lobanova@pspu.ru

Abstract. This paper examines the structural and functional-semantic aspects of specific postpositions in the Nerdvinsky dialect, which belongs to the southern dialect group of the Komi-Perm language. It also highlights borrowed prepositional constructions that are actively used by speakers in this area. The Nerdvinsky dialect is a peripheral dialect located in the southern part of the Komi-Perm Okrug. Prolonged geographical proximity to Russian vernaculars is the primary reason for the high degree of various borrowings. The relevance of the study is determined by the dialect's underrepresentation in linguistic research. Komi-Perm dialectology lacks specialized studies that assess the preservation of native grammatical paradigms and the extent of usage of foreign linguistic elements in local vernaculars. Contemporary data from the Nerdvinsky dialect enable such an analysis based on the use of native postpositions and borrowed prepositions in speech. The aim of the research is to analyze the structural and lexico-grammatical forms of postpositions in the Nerdvinsky dialect and to identify the patterns of Russian preposition usage in native-language communication. The materials comprise field recordings collected by the authors between 2024 and 2025 within the dialect's geographical area. The primary research methods involved synchronous analysis of dialect material, as well as phonetic and morphological word analysis. The postpositional system of the dialect is characterized by the disintegration of the serial postposition with the stem *выл-* [vyl-] and its transition into a case marker, cf.: *ы-блын* < *ыб вылын* [y·blyn < yb vylyn] (meaning 'in the field'); *ы-блӧдз* < *ыб вылӧдз* [y·blödʒ < yb vylödʒ] (meaning 'up to the field'). A number of simple postpositions tend to incorporate additional formants, cf.: *сы код'ӧм* vs. *сы код'* [sy kod'öm vs. sy kod'], *сы код'а* vs. *сы код'* [sy kod'a vs. sy kod'], *сы код'ӧма* vs. *сы код'* [sy kod'öma vs. sy kod']. All examples have the same meaning 'as he/she (does)'. The semantics of these additional markers is akin to that of derivational suffixes found in content words. The influence of Russian leads to palpable changes at the grammatical level. In speakers' speech, Russian prepositions are frequently used instead of the expected native postpositions or semantically corresponding case forms, e.g.: *чэ-рэз мы-р-то чапка-лӧ* [che-rez my·r-to chapka·lӧ] (meaning '(he/she) throws (smth.) over the stumps'); *сэ-кс'ин' до крэчэ-н'ийа* [se-ks'in' do kreche-n'ija] (meaning 'from that time until Epiphany'). The borrowing of entire prepositional constructions is observed, preserving the original grammatical forms of case, gender, and number. The data from the Nerdvinsky dialect reveal both general trends characteristic of Komi-Perm dialects and unique features of this specific area regarding the use of postpositions and Russian prepositions.

© Lobanova A.S., Mikhailova A.V., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: Komi-Perm language, Nerdvinsky dialect, postposition, preposition, adaptation, Russian language

Article history: received 11.02.2026; accepted 10.04.2026.

Authors' contribution: *Mikhailova A.V.* — collection and processing of materials related to the history of the study of the dialect, as well as the section “Prepositions in the speech of Nerdvinsky dialect speakers;” *Lobanova A.S.* — research concept, processing of materials, and writing of the text for the other sections of the article. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflicts of interest.

Funding. The research was carried out within the framework of RSF grant No. 24-18-20015 “Komi-Perm People in the Ethnocultural Space of the Kama Region.”

For citation: Lobanova, A.S., and A.V. Mikhailova. 2026. “Postpositions and Prepositions in the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language: Structural and Functional-Semantic Aspects.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 259–271. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271> EDN: JMLHWP

Послелогии и предлоги в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка: структурные и функционально-семантические аспекты

А.С. Лобанова¹, А.В. Михайлова²

¹Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Пермь, Российская Федерация,

²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерация
 lobanova@pspu.ru

Аннотация. Авторами проанализированы структурные и функционально-семантические аспекты отдельных послелогов нердвинского диалекта, относящегося к южному наречию коми-пермяцкого языка; рассмотрены заимствованные предложные конструкции, активно встречающиеся в речи носителей обозначенного ареала. Нердвинский диалект является периферийным диалектом, занимает южную часть Коми-Пермяцкого округа; длительная территориальная близость к русским говорам является важнейшей причиной высокой степени различных заимствований. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью диалекта. В коми-пермяцкой диалектологии нет специальных работ, отражающих степень сохранения исконных грамматических парадигм и уровень употребления в говорах чужеродных языковых элементов. Современные данные нердвинского диалекта позволяют выполнить такой анализ на материале использования в речи исконных послелогов и заимствованных предлогов. Цель исследования — анализ структурных и лексико-грамматических форм послелогов нердвинского диалекта, выявление способов употребления русских предлогов при общении на родном языке. Материалами послужили полевые записи, собранные авторами в период с 2024 по 2025 г. на территории распространения названного диалекта. Использовались методы синхронического анализа диалектного материала, фонетического и морфологического анализа слова. Послеложная система диалекта характеризуется разрушением серийного послелога с основой на **ВЫЛ-** и его переходом в падежный формант (*ы-блын* < *ыб вылын* «на поле»; *ы-блөдз* < *ыб вылөдз* «до поля» и др.). Ряд одиночных послелогов стремится иметь в своем составе дополнительные форманты (*сы код'ём* вм. *сы код'*, *сы код'а* вм. *сы код'*, *сы код'ёма* вм. *сы код'* «как он (она)»). Семантика дополнительных показателей близка к словообразовательным суффиксам знаменательных частей речи. Влияние русского языка приводит

к ощутимым изменениям на уровне грамматики: в речи носителей диалекта зафиксировано частое употребление русских предлогов вместо ожидаемых исконных послелогов или соответствующих в семантическом плане падежных форм: *чэ-рэз мы-р-то чапка-лӧ* «через пни-то бросает»; *сэ-кс'ин' до крэщэ-н'ийа* в зн. «с того времени до Крещения» и др. Наблюдается заимствование целой предложной конструкции с сохранением исходных грамматических форм падежа, рода, числа. Материалы нердвинского диалекта демонстрируют как общие тенденции коми-пермяцких диалектов, так и индивидуальные признаки ареала в области употребления послелогов и русских предлогов.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, нердвинский диалект, послелог, предлог, адаптация, русский язык

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2026; принята к печати 10.04.2026.

Вклад авторов: Михайлова А.В. — сбор и обработка материалов, связанных с историей изучения диалекта, а также раздела «Предлоги в речи носителей нердвинского диалекта»; Лобанова А.С. — концепция исследования, обработка материалов и написание текста по другим разделам статьи. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-18-20015 «Коми-пермяки в этнокультурном пространстве Прикамья».

Для цитирования: Лобанова А.С., Михайлова А.В. Послелог и предлоги в нердвинском диалекте коми-пермяцкого языка: структурные и функционально-семантические аспекты // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 259–271. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-259-271> EDN: JMLHWP

Introduction

The Nerdvinsky dialect belongs to the southern dialect group of the Komi-Perm language and is geographically located in the southern part of the Komi-Perm Okrug. Based on the alternation of the sounds [в] ([v]) and [л], a primary criterion for classifying Komi dialects, it is classified as an l-dialect.

In the second half of the 19th century, this area, by all indications, was already a peripheral, southern territory where the Komi-Perm language was still actively used. On the pages of his lexicographic work “Permyatsko-russkij i russko-permyatskij slovar’, sostavlennyj Nikolajem Rogovym” (“Permyak-Russian and Russian-Permyak Dictionary, compiled by Nikolai Rogov”),¹ N.A. Rogov annotated phonetic variants of lexemes with the sound [л] with the label **ю.** ([ju]) (short for yuzhny, meaning ‘southern’). We believe that the concept of “southern” is the first known designation for the dialect under study.

The component “Nerdvinsky” first appeared in the works of dialectologists only in the second half of the 20th century. In V.I. Lytkin’s work “Dialektologicheskaya khrestomatiya po permskim yazykam” (“Dialectological Chrestomathy of the Permic Languages”), describing the subdialects of the Komi-Perm language,

¹ Rogov N.A. 1869. *Perm’acko-russkij i russko-perm’ackij slovar’, sostavlennyj Nikolaem Rogovym*. S.-Peterburg.” (In Russ.).

it is noted: “within the southern dialect group, the following subdialects can be distinguished: Onkovsky, Nizhne-Invensky, Nerdvinsky, and Kudymkar-Invensky.”² The same view is reflected by him in the university textbook “Komi-permyatskij yazyk” (“The Komi-Perm Language”).³

Specific information on the Nerdvinsky dialect is provided in a number of works by R.M. Batalova [1–4] and A.S. Krivoshchekova-Gantman.⁴ The most recent data is presented in the scientific articles by S.A. Sazhina [5; 6].

Until recently, the dialect has attracted little scholarly attention, although sporadic publications have occasionally provided fragmentary information about it. The Nerdvinsky dialect remains the only dialect of the Komi-Perm language whose materials have not been comprehensively studied yet.

At present, there is a need for its systematic description. As the dialect, due to the small number of speakers, is among the endangered dialects of the Komi-Perm language, the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences has developed a major project related to the collection and analysis of dialect material. A monograph-chrestomathy with audio accompaniment on this area will appear in the near future. This will be the first research work that, in addition to a comprehensive lexico-grammatical analysis, will be supplemented by recorded dialect speech. The speech of Nerdvinsky dialect speakers, recorded in field conditions, will become publicly available, and transcribed texts will also be provided.

We believe that the dialect’s insufficient scholarly coverage constitutes the rationale for this study. The small number of active dialect speakers (approximately no more than 200 people — A.L., A.M.) is an additional reason for a comprehensive study of the language of this area.

The Nerdvinsky dialect is spoken in the territory of a number of small villages: Pyatina, Ivankova, Sidorova, Yakina, Podgora, etc., located in the Leninskoye rural settlement, a part of the Kudymkar municipal district in the Komi-Perm Okrug. The distance to the administrative center, the city of Kudymkar, is about thirty kilometers; to the neighboring Kudymkar-Invensky dialect, no more than fifteen kilometers.

Geographically, the dialect area is quite compact: the distance between settlements ranges from one to seven or eight kilometers. The language is spoken by older people.

A significant part of the territory has long bordered Russian-speaking populations. Socio-economic ties, interethnic marriages, and prolonged close cohabitation

² Lytkin, V.I. 1955. *Dialectological Chrestomathy of the Permic Languages*. Moscow, p. 26. (In Russ.).

³ Lytkin, V.I. (Ed.) 1962. *The Komi-Permyak Language: Introduction, Lexicon, Phonetics, and Morphology: A Textbook for Higher Educational Institutions*. Kudymkar: Komi-Permyak Publishing House, p. 29. (In Russ.)

⁴ *The Komi-Permyak Dialects: A Textbook*. 1980. Compilers: A.S. Krivoshchekova-Gantman, L.P. Rategova.

of speakers of the two languages have impacted the linguistic specificity of this region: the dialect is experiencing substantial Russian influence.

In this regard, there is a need to assess the degree of preservation of native grammatical paradigms and the implementation of foreign linguistic elements by the dialect's speakers. It should be noted that the adoption of phenomena not inherent to the native language is typically accompanied by various adaptations, which can be readily explained by the specifics of the host language.

Within such a comparative framework, the rich field material collected on the Nerdvinsky dialect will allow us to examine the functional peculiarities of grammatical words such as postpositions and to draw attention to the active use of foreign elements — prepositions — in native-language communication.

We assume that a similar situation — the simultaneous functioning of native and foreign grammatical elements — may also affect other Komi-Perm dialects.

It should be recalled that postpositions, as a class of grammatical words (alongside a developed case system), constitute a crucial part of the language for expressing various spatial, causal-final, temporal, and other relations. Having emerged in deep antiquity (their formation is dated at least to the Common Permic period), they have assumed a highly important role in the language and are capable of expressing a wide range of subtle semantic and grammatical distinctions today. There are virtually no borrowed lexemes among postpositions. Their semantics, structure, and origin derive from the source language.

Prepositions are completely uncharacteristic of most Finno-Ugric languages. Mastering this class of grammatical words appears to be a rather complex process: when switching to Russian in oral speech, prepositions are often omitted [8]. Nevertheless, speakers of the Nerdvinsky dialect quite actively use Russian prepositions even when communicating in their native language. In the following part of the article, we will attempt to identify the peculiarities of the usage of native postpositions and to determine the reasons for the active use of prepositions, which are alien to the grammatical system of the Komi-Perm language.

Discussion

Postpositions in the Speech of Nerdvinsky Dialect Speakers

The considerable functional-semantic potential of postpositions, the established ways of their formation (most often they derive from nouns and adverbs), and the structural features of postpositions (so-called serial postpositions with case and other inflectional markers and simple postpositions lacking an inflectional component) — all these designated semantic and grammatical features are inherent to this class of grammatical words. The historically formed features of the postposition most often do not admit foreign lexico-grammatical phenomena from another language.

The transition of postpositions into case markers is a phenomenon recognized fairly recently in Finno-Ugric studies [8. P. 32–35]. However, this phenomenon is not foreign either — this transition is characteristic of most Finno-Ugric languages. Note that this process takes a considerable amount of time and proceeds through obligatory stages. Due to various reasons, primarily the elimination of the pause between the content word and the grammatical element in a postpositional phrase and the loss of independent stress by the postposition, the number of cases increases through the transformation of so-called serial postpositions.

In Komi-Perm dialects, two serial postpositions are undergoing disintegration: postpositions with the stem *вѳл-* [vyl-] (from the noun *вѳл* [vyl] (*вѳлв* [vyv]) meaning ‘surface, upper part’) and with the stem *дѳл-* [dyn-] (from the noun *дѳл* [dyn] meaning ‘a place near something’). The decisive reason for the disintegration of the postposition with the stem *вѳл-* [vyl-] and its transition into case markers is the quality (property) of the use of the sounds [в] ([v]) and [л]. This is why in so-called v-dialects the transformation process follows one pattern, while in l-dialects it follows another.

The dialect material from the Nerdvinsky area regarding the use of various postpositional forms demonstrates interesting grammatical features that are inherent to almost all Komi-Perm dialects, yet they are either completely absent from existing scholarly works or are presented without the necessary commentary. This enhances the relevance of the proposed study, as it brings into scholarly discourse well-known but previously undescribed dialectal facts. We believe that the reflections concerning the use of postpositions in the Nerdvinsky dialect of the Komi-Perm language will be useful for researchers working on other Finno-Ugric languages.

Superficially, postpositions in the Nerdvinsky dialect of the Komi-Perm language are represented by semantically and structurally familiar variants. The dialect materials do not reveal any lexically new words.

During the recording and subsequent analysis of the field material on the Nerdvinsky dialect, we anticipated encountering various grammatical forms in so-called serial postpositions. We also expected to identify individual formant-markers within simple postpositions, as a similar non-standard structure is observed in other Komi-Perm dialects. However, we concluded that the additional markers within simple postpositions exhibit features of derivational morphology characteristic of content words only after analyzing them. It should be added that the external structure of a Komi-Perm word is always influenced by phonetic processes. This situation is also evident in examples with postpositions.

It is not feasible to examine the entire postpositional system of the dialect in a single article. Therefore, we will focus on two, in our view, most significant aspects: 1) the transition of the serial postposition with the stem *вѳл-* [vyl-] into case markers, and 2) the presence of derivational components within simple postpositions.

The postposition with the stem выл- [vyl-] in the Nerdvinsky dialect

In the dialect under study, an active transition of the serial postposition with the stem *выл-* [vyl-] into a case form is currently taking place. Field data demonstrates both full forms, intermediate variants, and firmly established new case markers, a series of which is commonly referred to as external-local cases. The simultaneous use of several forms of this postposition is also characteristic today of the dialects of the Northern dialect group of the Komi-Perm language: the Kochevsky, Kosinsko-Kamsky, Mysovsky, and Verkh-Lupinsky dialects. In the southern territories adjacent to the Nerdvinsky dialect, in the so-called v-dialects—the Kudymkar-Inyvensky and Nizhneinyvensky dialects—the process of transition of the postposition with the stem *выл-* [vyl-] (in v-dialects, *выв-* [vyv-]) into a case marker was completed as early as the second half of the last century. Due to the phonetic peculiarities of the v-dialects, this process occurred earlier and faster there. In the l-dialects, external-local cases are forming at a slower pace.

Let us consider specific examples. Full forms of this function word are already encountered quite rarely in speech. For example: *мы-йкӧ тай мыс вылӧ кату-шка кэ-расӧ* [my·jkö taj mys vylö katu·shka ke·rasö] (meaning ‘somehow they’ll make a slide on the mountain’). In this context, the postpositional phrase *мыс вылӧ* [mys vylö] (literally ‘onto the mountain’) is represented by the full form of the serial postposition: the stem *выл-* [vyl-] + the suffix of the illative case -ӧ [-ö].

Кэ-рӧнӧ ма-скаэз йурс’и-вылӧ, вот э-ччӧ, ву-джджэзлас, ишоб укрэпл’а-лос’ [Ke·rönö ma·skaez yurs’i·vylö, vot e·chchö, vu·dzhdzhezlas, shtob ukrepl’a·los’] (meaning ‘They make masks for the hair, right here, on the scalp, so that it strengthens’). In the given utterance, one postpositional phrase *йурс’и- вылӧ* [yurs’i·vylö] ‘onto the hair’ and one form of the external-local illative case *ву-джджэзлас* [vu·dzhdzhezlas] (cf. literary *вужжез вылас* [vuzhhez vylas]) ‘on the (hair) roots’ are used. The phonomorphological changes in this utterance proceeded through the following stages: *ву-джджэз вылас* [vu·dzhdzhez vylas] > *ву-джджэз ылас* [vudzhdzhez ylas] > *ву-джджэзлас* [vu·dzhdzhezlas] (from *выл-а-с* [vyl-a-s] > *ыл-а-с* [yl-a-s] > *л-а-с* [l-a-s]). All transitions of the postposition with the stem *выл-* [vyl-] into a case marker occur according to this principle. These examples confirm the fact that for a native speaker of the dialect, it is not important which grammatical form of this postposition they use in speech. Postpositions with this stem, varying in their structure, may occur within a single phrase.

The intermediate stage of the postposition's transition into a case format is observed in the following examples: *по-лка ылас* (cf. literary *полка вылас*) *эм* [po·lka ylas (cf. literary polka vylas) em] (meaning ‘there is (something) on the shelf’); *пӧл ылас* (cf. literary *пӧв вылас*) *кы-кӧн-куи-мӧн су-лтасӧ* [pöl ylas (cf. literary pöv vylas) ky·kӧn-kui·mӧn su·ltasö] (meaning ‘they will stand on the board two or three at a time’). The presence of such forms, where the first sound of the postposition [в] ([v]) is subject to loss, demonstrates how the function word

transforms into a case formant: *вылын* [vylyn] > *ылын* [ylyn] > *лын* [lyn]. R.M. Batalova wrote about this when characterizing similar processes in the northern dialects of the Komi-Perm language: “the loss of the initial sound [в] ([v]) takes place, followed by a reduction in the number of syllables” [2. P. 136]. It is not possible to identify a phonetic dependency that could influence the loss of the postposition’s first sound: both full postpositions and their truncated forms, or even an already fully formed case form, may appear adjacent to the stem of a content word, whether it ends in a vowel or a consonant.

For the most part, contemporary dialect materials from the studied area demonstrate already formed new word forms that have arisen from the postpositional combination: content word + serial postposition with the stem *выл-* [vyl-]. Consider the following examples: *о-джджык вил'моги-лкалас* (cf. literary *могилка вылас*), *све-жойлас* (cf. literary *свежой вылас*) *пу-кс'асö чи-сто* [o·dzhdzhyk vil' mogi·lkalas (cf. literary *mogilka vylas*), *sve·zhöjlas* (cf. literary *svezhöj vylas*) *pu·ks'asö chi·sto*] (meaning ‘earlier, on the grave, on the fresh one, everyone would sit down’); *му-на фэ-рмалас* (cf. literary *ферма вылас*), *дак эд мый дырна-а-бу*) [mu·na fe·rmalas (cf. literary *ferma vylas*), *dak ed myj dyrna·a·bu*] (meaning ‘I’ll go to the farm, and that means I’ll be away a long time’).

Based on field data, it can be asserted that the processes of the postposition with the stem *выл-* [vyl-] transitioning into case forms are an objective reality that has affected all dialects of the Komi-Perm language, including the Nerdvinsky dialect. The only difference lies in the fact that in different dialects, the process of the postposition transitioning into a case formant proceeds unevenly: in the v-dialects it has already been completed, while in the l-dialects all forms are still in use — from the full form of the postposition and its truncated form to the established new case formant.

The postposition кодъ [kod'] ‘as, like’ in the Nerdvinsky dialect

Due to its structural features, the simple postposition *кодъ* [kod'] ‘as, like’ should not contain additional components; inflectional formants, characteristic of serial postpositions, are not inherent to it. However, in the dialect under study, this postposition incorporates additional markers, presenting a picture quite interesting in terms of semantics and structure. A systematic analysis of these markers across a broad dialectal area has not yet been conducted. It is hoped that the material and reflections presented here will aid future research in proposing a more objective picture. Thus, the simple postposition *код'* [kod'] ‘as, like’, whose origin dates back to the Pre-Permian period,⁵ occurs in the Nerdvinsky dialect in the following forms: *код'* [kod'], *ко-д'өм* [ko·d'öm], *ко-д'а* [ko·d'a], and *ко-д'öма* [ko·d'öma].

⁵ Lytkin, V.I., & E.S. Gulyaev. 1970. *A Concise Etymological Dictionary of the Komi Language*. Moscow: Nauka publ., p. 127.

The non-derived postposition *код'* [kod'] 'as, like' coincides in meaning and structure with the literary variant: *ко·с'тöм пис'т'и·ксö ма·с'тан, дак си·а пис' код' ло·о* [ko·s'töm pis't'i·ksö ma·s'tan, dak si·a pis' kod' lo·o] (meaning 'you grind dried horsetail, and it becomes like flour').

The form *ко·д'öм* [ko·d'öm] 'as, like' is the most frequent in functional terms. Examples with the postposition *ко·д'öм* [ko·d'öm]: *то·жо ва· код'öм* (cf. literary *кодь*) *мы·йкö* [to·zho va·kod'öm (cf. literary kod') my·jkö] (meaning 'also something like water'); *мэ вö·ли о·с'та ö·м код'öм* (cf. literary *кодь*) [me vö·li o·s'ta öm kod'öm (cf. literary kod')] (meaning 'I was as if with an open mouth', i.e., 'absent-minded'). In these contexts, the presence of some quality is manifested quite clearly. In the following context, the postposition contains not only the participle suffix *-öм* [-öm], but also the plural suffix *-öс'* [-ös'], characteristic of adjectives and participles: *вэ·рхн'öй од'э·ждаыс, то·жо э·тö, ву·рöмöс', кон'э·шно, н'э ö·ниа код'ö·мöс' вö·лисö* [ve·rkhn'öj od'e·zhdays, to·zho e·tö, vu·römös', kon'e·shno, n'e ö·nia kod'ö·mös' vö·lisö] (meaning 'the outer clothing was also sewn, of course, it was not like the modern one'). Although we have not been able to find these forms in research works on Komi-Perm dialects, we venture to assert that the comparative postposition in the form *ко·д'öм* [ko·d'öm] also occurs in the speech of Komi-Perm people in other territories.

Numerous examples with the postposition *ко·д'а* [ko·d'a] 'as, like' are found in our data: *мы·йкö ва·ыс кыдз йö·л код'а* (cf. literary *моз*) *визы·лтö* [my·jkö va·ys kydz jö·l kod'a (cf. literary moz) vizi·ltö] (meaning 'the water flows somehow like milk'); *ма·мö код'а* (cf. literary *моз*) *стара·ччи кэ·рны* [ma·mö kod'a (cf. literary moz) stara·chchi ke·rny] (meaning 'tried to do like my mother'). This form is active in other dialects of the Komi-Perm language as well, and even appears in literary texts.

Semantically close to *ко·д'а* [ko·d'a] is the form *ко·д'öма* [ko·d'öma] 'as, like'. The latter is recorded only in isolated examples: *н'ан' кө·тан да стра·пайтан ма·мö код'öма* [n'an' kö·tan da stra·paitan ma·mö kod'öma] (meaning 'you knead the dough and do the cooking like your mother does'); *ворожиччы·лисö тай мы·йкö, кл'у·ччэс дорын öнджа·код'öма пу·кс'асö да ворожи·ччöны* [vorozhichchy·lisö taj my·jkö, kl'u·chches doryn öndzha·kod'öma puks'asö da vorozhi·chchöny] (meaning 'they used to tell fortunes, you know — they'd kind of sit by the spring and do their fortune-telling'). The postposition in the form *ко·д'öма* [ko·d'öma] 'as, like' is also characteristic of other dialects of the Komi-Perm language. However, it has not been represented in scholarly sources to date.

The formants *-öм* [-öm] and *-а* [-a] within this postposition are semantically very close to the participle suffix *-öм* [-öm] (in context, postpositional phrases require the question 'what kind of?') and the adverbial derivational suffix *-а* [-a] (these postpositional phrases require the question 'how?'). It turns out that the additional formants within the simple postposition *код'* [kod'] 'as, like' do not appear randomly; they are capable of "regulating" the semantic nuances of the

utterance. In the compound component *-öma* [-öma], the above-mentioned markers have merged, but the semantics of the final formant, the so-called adverbial suffix *-a* [-a] ‘how, in what manner’, has come to prevail over the ‘what kind of?’ meaning of the marker *-öm* [-öm].

The postposition коста [kosta] ‘during’ in the Nerdvinsky dialect

In the Komi-Perm language, the postposition *коста* [kosta] ‘during’ is used to express temporal relations. In oral speech, this function word can even combine with converbs. In the dialect under study, this postposition also has another grammatical form: *ко-стикö* [ko·stikö]. Consider the following examples: *жар **коста** йур ылын, мый, кус’и-нкаэс но-йлимö* [zhar **kosta** yur ylyn, myj, kuš’i·nkaes no·jlimö] (meaning ‘**during** the hot season, we wore headscarves on our heads’); *война **костикö** вö-ли сэ-тштшöм д’эви-з* [vojna· **kostikö** vö·li se·tshtshöm d’evi·z] (meaning ‘**during** the war there was such a motto’). The unusual grammatical form *ко-стикö* [ko·stikö] ‘during’ is not coincidentally composed of a component resembling the converbal suffix *-икö* [-ikö]. In context, a postpositional phrase with the component *коста* [kosta] ‘during’ will depend on verb forms, just like converbs with the suffix *-икö* [-ikö] (orthographic literary — *икö*). In both cases, the appropriate question is ‘when?’, and in the sentence they function as temporal adverbial modifiers.

Thus, through the analysis of two simple postpositions, we have attempted to demonstrate that they — the simple postpositions — are by no means such; they tend to incorporate components (in our cases, suffixes) that bring them semantically and grammatically closer to content parts of speech. These processes are not an exclusive feature of the Nerdvinsky dialect; the presence of additional grammatical forms is characteristic of the majority of Komi-Perm dialects; the materials of the aforementioned dialect merely confirm the commonality of processes characteristic of contemporary Komi-Perm dialectology.

Prepositions in the speech of Nerdvinsky dialect speakers

The preposition, as a function part of speech in Russian that is absent from the grammar of the Komi-Perm language, is acquired with considerable difficulty by Komi-Perm speakers. This unfamiliar lexico-grammatical form causes difficulties when speaking Russian, both in terms of semantics and in terms of verb government.

Nevertheless, the use of Russian prepositions in oral speech when speaking the native language is not a new phenomenon. Similar forms of borrowings are cited in V.I. Lytkin’s work “Dialectological Chrestomathy of the Permic Languages.”⁶ The

⁶ Lytkin, V.I. 1955. *Dialectological Chrestomathy of the Permic Languages*. Moscow, p. 26. (In Russ.).

foreign lexical item is incorporated into speech together with the preposition, while preserving its foreign grammatical form.

There have been no comments in the scholarly literature regarding prepositional constructions in the speech of Komi-Perm speakers. Using data from the Nerdvinsky dialect, we will attempt to identify the most noteworthy aspects.

First, when speaking their native language, Komi-Perm speakers quite frequently use Russian prepositions. Native postpositions or case forms could well correspond to their semantics. Second, a preposition used in speech “pulls” along with it the entire chain of necessary grammatical forms: the presence in the content word of the grammatical meanings of number, case, and gender.

In this regard, quite a number of examples can be demonstrated; we will cite just a few: *на по-л'э, по-л'эыс вы-лӧ эд му-нӧ, сэ-ччин луниӧри-ка* [*na po-l'e, po-l'eys vy-lö ed mu-nö, se-chchin lunshöri-ka*] (meaning ‘**to the field**, don’t go **onto the field**, Noon Woman is there’); *штоб до до-ма, штоб го-ртӧдз ва-йны* [*shtob do do-ma, shtob go-rtödž va-jny*] (meaning ‘so that **home**, so that (to) bring **home**’); *ло-кти мэ кытӧ-нкӧ, на-т'тӧ, ну, мо-жэт к с'эн'т'а-быр' и-л'и окт'а-быр'* [*lo-kti me kytö-nkö, na-t'tö, nu, mo-zhet k s'en't'a-byr' i-li okt'a-byr'*] (meaning ‘I probably arrived, well, maybe **by September or October**’); *а ко фрола-м ми-ан с'о, вӧ-ли вил' бра-жно* [*a ko fro-la-m mi-an s'o, vö-li vil' bra-zhno*] (meaning ‘and **by the Frols** (religious holiday), we had new (of fresh harvest) **brazhno** (a mixture of oat flour with malt. — *A.L.*)’); *кӧт' мымда-ӧ-кты бӧз д'э-лу-ту* [*köt' mymda-ö-pty bez d'e-lu-tu*] (meaning ‘no matter how much you collect, it's a **pointless deed**’); *с'о чэ-рӧз мы-р-то чапка-лӧ* [*s'o che-rez myr-to chapka-lö*] (meaning ‘(he/she) throws everything **over the stump**’); *сэ-кс'ин' до крещэ н'ийа* [*se-ks'in' do kreshche-n'ija*] (meaning ‘from that time **until Epiphany**’); *си-а за куды-мкарӧм, йо-гваыс* [*si-a za kudy-mkarom, yo-gvays*] (meaning ‘it is **beyond Kudymkar**, the Yögva’); *л'э-дзан чэ-рӧз мйасору-пкы* [*l'e-dzan che-rez mjasoru-pku*] (meaning ‘(you) put **through a meat grinder**’), etc.

The first two examples demonstrate the parallel use of a prepositional phrase and a postpositional expression. That is, in spontaneous speech, both grammatical forms — the borrowed and the native — appear within the same semantically unified utterance. In all aspects, they are equivalent. The speaker duplicates the Russian form with a native grammatical variant. Expressions with the Komi-Perm grammatical form demonstrate the classical method of adapting a foreign word to the grammar of the recipient language. However, this situation is beginning to break down: the foreign prepositional expression is becoming the more familiar variant.

We note that most often prepositions are preserved and appear in speech together with the borrowed word, and only in one combination, *чэ-рӧз мы-р-то* [*che-rez myr-to*] ‘**over the stump**’, a Russian preposition adjoins a native word. Unfortunately, no further examples of this kind — Russian preposition + native word — are found in our data.

Very rarely are there exceptions to the expected grammatical forms. For instance, in the expression *к с'эн'м'а-быр'* [k s'en't'a-byr'] (instead of the expected *к с'эн'м'а-бры* [k s'en't'a-bru]) ‘by September’, the content word appears in the nominative case; this is precisely the grammatical form that would have occurred if the dialect speaker had used a native postposition: *с'эн'м'а-быр' кэжö* [s'en't'a-byr' kezhö] ‘by September’. The grammatical form *к с'эн'м'а-быр'* [k s'en't'a-byr'] ‘by September’ may have been influenced by the phonetic structure of the word: the consonant cluster br' is not characteristic of word-final position in the Komi-Perm language, hence its orthoepic adaptation is observed: br' > byr': *к с'эн'м'а-быр' и-л'и окт'а-быр'* [k s'en't'a-byr' i-li okt'a-byr'] ‘by September or October’; adding the ending -[y] ([u]) (orthographic -ю ([ju])) to this already pronunciation-adapted form would have been an even more complex option. Moreover, in the Komi languages, the sound [y] ([u]) in word-final position of polysyllabic words is practically never used.

The recorded example *с'о чэ-рээ мы-р-мо чанка-лö* [s'o che-rez myr-to chapka-lö] ‘(he/she) throws everything over the stump’ shows that Russian prepositions in the Nerdvinsky dialect are beginning to “come into contact” with Komi-Perm lexemes as well. We believe that the trend of combining a Russian preposition with a native word has been established, and in subsequent fieldwork, more examples of this kind may come to light.

Analyzing this Russian function part of speech of interest, it can be stated that the prepositions typically incorporated into colloquial speech are those of time, place, and manner. They “displace” semantically equivalent native postpositions; in one example, the caritive case has been “affected”: *бээ д'э-лу-мы* [bez d'e-lu-tu] instead of the expected *д'э-ломöг* [d'e-lotög] ‘a pointless deed’.

Conclusion

Thus, in the Nerdvinsky dialect of the Komi-Perm language, an active process of transition of the serial postposition with the stem *выл-* [vyɫ-] into case formants is observed. This is a unified phenomenon characteristic of all Komi-Perm dialects, but one that proceeds rather unevenly.

A number of simple postpositions contain additional morphological markers that, in structural and semantic terms, bring them closer to the derivational processes of content parts of speech. These processes are also characteristic of the majority of dialects, yet virtually nothing has been noted in the scholarly literature in this regard. We believe that these markers are by no means coincidental: their appearance results in a kind of reduplication of the general meaning of the function word. A broader body of material is needed to be able to assert that this phenomenon is characteristic of all Komi-Perm dialects.

Long-term territorial proximity to the Russian-speaking population and active social contacts with it lead to noticeable changes at the grammatical level: Russian

prepositions are actively used in the dialect instead of the expected native postpositions or corresponding case forms. Foreign function words are incorporated in spoken language as entire constructions: Russian preposition + content word (typically Russian) in the required grammatical form. Very rarely does a preposition become “attached” to native words.

This situation cannot be linked to a lexical process of borrowing: these lexemes have been used in the speech of Komi-Perm speakers for more than one century. We believe that this phenomenon arises due to the active use of the Russian language in everyday life: it is preferred at home, at work, and in social settings.

Nevertheless, the combination in oral speech of both native forms and foreign elements actively being incorporated into it represents the real picture of the current state of the Nerdvinsky dialect of the Komi-Perm language.

References

1. Batalova, R.M. 1965. “Manuscript Dictionaries of the Komi-Permyak Language from the 18th to the First Half of the 19th Centuries.” In *Issues of Finno-Ugric Linguistics*, vol. 3. Moscow, pp. 110–121. (In Russ.)
2. Batalova, R.M. 1975. *Komi-Permyak Dialectology*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
3. Batalova, R.M. 1982 *Areal Studies on Eastern Finno-Ugric Languages (The Komi Languages)*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
4. Batalova, R.M. 1998. *The Dialectal System of the Komi-Permyak Language and Its Development in Comparative and Areal Perspective*. [Research Report Presented as a Dissertation for the Degree of Doctor of Philological Sciences]. Moscow. (In Russ.)
5. Sazhina, S.A. 2025. “Phonetic Markers of the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language.” In *Permistica 20: Dialects and History of the Permian Languages in Interaction with Other Languages*. Collection of Scientific Articles. UdmFRC UB RAS, Izhevsk, pp. 233–239. (In Russ.). EDN: ZLOWPD
6. Sazhina, S.A. 2025. “Morphological Features of the Nerdvinsky Dialect of the Komi-Perm Language.” *Permian Languages in a Polyethnic Space: History and Current State*: Proceedings of the Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Centre UB RAS, vol. XX. Syktyvkar, pp. 178–199. (In Russ.). EDN: ZLOWPD
7. Lobanova, A.S. 2013. “The Reflection of the Komi-Permyak Language in the Russian Dialects of the Komi-Permyak Okrug.” In *Russian Speech of the Komi-Permyak Okrug: A Chrestomathy*. Perm, pp. 24–35. (In Russ.)
8. Nekrasova, G.A. 2023. *The Category of Noun Case in the Permian Languages*. Syktyvkar. (In Russ.). <https://doi.org/10.19110/978-5-89606-638-5> ISBN 978-5-89606-638-5 EDN: XLAENZ

Bio notes:

Alevtina S. Lobanova is a Candidate of Philology Sciences, Senior Researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenina St, Perm, 614990, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 9164-8696; ORCID: 0009-0002-1488-4727. E-mail: lobanova@pspu.ru

Anastasiia V. Mikhailova is Senior Lecturer, the Department of Romance-Germanic Languages and Intercultural Communication, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaya St, Perm, 614000, Russian Federation. eLibrary SPIN-code: 4412-1700; ORCID: 0009-0003-5677-5710. E-mail: lobanova.a93@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-272-288

EDN: JQVFKC

Research article / Научная статья

The Izhma Komi: As Kyy as a Part of Life

Marina S. Fedina Komi Republican Academy of State Service and Administration, *Sykt'yvkar, Russian Federation*✉ m-fedina@mail.ru

Abstract. The modern Komi language is a multi-layered and complexly organized dynamic system, with a standardized literary variant and dialectal forms. The Izhma dialect is one of 10 dialects of the Komi language. Despite a fairly comprehensive scientific description of the Komi literary language and its dialects, the interaction between the literary language and dialects, as well as the acceptance or rejection of the literary language by dialect speakers, has not yet been adequately addressed in the scientific literature. These issues have not only scientific but also practical and social significance for local linguistic communities that use dialects as their primary language of communication. The purpose of this article is to analyze the linguacultural attitudes of Izhma Komi dialect speakers, residents of the Izhemsky district of the Komi Republic, within the broader context of the ethnolinguistic situation in the Komi Republic. The article analyzes the opinions of Izhma respondents on the interaction between the Izhma dialect and the literary Komi language, which were collected during a field study conducted in the summer of 2025, as part of an assignment of the Research Center for the Preservation, Revitalization, and Documentation of the Languages of Russia at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences to clarify the state of languages of Russia. Local projects aimed at the development and intergenerational transmission of the Izhma dialect and culture are also examined. As the study showed, the Izhma dialect is defined by its speakers as a language, either as *ас кыы*, *ас кyy*, ‘our language’, or *изъва кыы*, *iz’va kyy*, ‘Izhma language’. Its opposition to the literary Komi language has existed historically and continues to this day. The state of both the Izhma dialect and the Komi language as a whole is affected by the depopulation of the indigenous population and an intense language shift toward Russian, especially among children and young people. Despite this, recognizing their responsibility for the preservation, development, and transmission of the Izhma dialect and culture, the Izhma Komi people initiate, implement, and actively participate in local linguacultural projects.

Key words: Komi language, Izhma dialect, linguistic shift, agency, Komi Republic, Izhemsky district

Article history: received 01.02.2026; accepted 09.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Fedina, M.S. 2026. “The Izhma Komi: As Kyy as a Part of Life.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 272–288. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-272-288>
EDN: JQVFKC

© Fedina M.S., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Коми-ижемцы: *ас кыы* как часть жизни

М.С. Федина^{id}

Коми республиканская академия государственной службы и управления,
Сыктывкар, Российская Федерация

✉ m-fedina@mail.ru

Аннотация. Современный коми язык представляет собой многоуровневую и сложно организованную динамичную систему, имеющую литературный стандартизированный вариант и диалектные формы. Ижемский диалект является одним из 10 диалектов коми языка. Несмотря на достаточно полное научное описание коми литературного языка и всех диалектов, вопросы взаимодействия литературного языка и диалектов, а также принятие и непринятие литературного языка диалектными носителями в научной литературе до настоящего времени должным образом не освещались. Эти вопросы имеют не только научную, но и практическую, социальную значимость для местных языковых сообществ, использующих именно диалекты в качестве основного языка общения. Цель исследования — анализ лингвокультурных установок носителей ижемского диалекта, жителей Ижемского района Республики Коми, на фоне общей этноязыковой ситуации в Республике Коми и Ижемском районе. Авторами представлен анализ мнений ижемских респондентов о взаимодействии ижемского диалекта и коми литературного языка, которые были собраны в ходе полевого исследования летом 2025 г., реализованного по заданию Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН по уточнению состояния языков России. Также рассмотрены местные проекты, направленные на развитие и межпоколенческую передачу ижемских диалекта и культуры. Как показало исследование, ижемский диалект его носителями определяется именно как язык, *ас кыы* или *изьва кыы*. Его противопоставление коми литературному языку существовало исторически и сохраняется в настоящее время. На состояние ижемского диалекта и в целом коми языка влияют депопуляция коренного населения и интенсивный языковой сдвиг в сторону русского языка, особенно среди детей и молодежи. Несмотря на это, осознавая свою ответственность за сохранение, развитие и передачу ижемских языка и культуры, ижемцы иницируют, реализуют и принимают активное участие в местных лингвокультурных проектах.

Ключевые слова: коми язык, ижемский диалект, языковой сдвиг, агентность, Республика Коми, Ижемский район

История статьи: поступила в редакцию 01.02.2026; принята к печати 09.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федина М.С. Коми-ижемцы: *ас кыы* как часть жизни // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 272–288. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-272-288> JQVFKC

Introduction

The Izhma Komi, or Izvatas, are a distinct ethnic group of the Northern Komi people, possessing their own traditional culture and traditional livelihoods, among which reindeer herding occupies a special place, and language, which is defined in literature as the Izhma dialect of the Komi language. Speakers of the Izhma dialect, when defining the language form they speak, often use the Izhma word *кыы*, *куу*, ‘language’.

The Izhma Komi began to emerge as an ethnic group in the second half of the 16th century in the western and northwestern parts of what is now the Komi Republic as a result of the intermarriages between several ethnic groups, namely the Vym and Udora Komi, Russian resettlers from Veliky Novgorod and Arkhangelsk, and the Nenets living in the north of European Russia [1, P. 3–5]. Currently, the majority of the Izhma Komi live in the Izhemsky district of the Komi Republic. Izhma diasporas also reside outside the Komi Republic — in Murmansk Oblast, Yamalo-Nenets, Khanty-Mansi, and Nenets Autonomous Okrugs.

Travelogues and diaries of travelers and researchers contain descriptions of the Izhma Komi people's activeness, mobility, entrepreneurial spirit, and their abilities to both modify the surrounding environment and adapt to different conditions [2. P. 500–513]. My observations indicate that these qualities remain important to the Izhma Komi people nowadays as well, which has been noted by both the Izhma Komi themselves and representatives of other ethnic groups. It is also worth noting that Izhma Komi identity is one of the most prominent local Komi identities, which is particularly visible in the activities of Izhma Komi public organizations and activists. It also remains well spoken in non-traditional areas of Izhma Komi settlement, such as Syktyvkar, the capital of the Komi Republic [3].

The unique culture and language of the Izhma Komi people have been and remain one of the reasons for the scientific interest of many generations of Russian and foreign researchers [1; 4]. The Izhma Komi dialect (Izhma Komi: *изъва кыы*, *iz'va kyy*, 'Izhma language'), one of 10 dialects of the Komi language, was formed as a result of interethnic contacts between the Komi, Nenets, and Russians [1. P. 3]. Reindeer herding, borrowed from the Nenets people and subsequently commercialized, had a significant influence on the formation and development of both the Izhma Komi dialect and the Izhma Komi culture. It was among the northern reindeer herding collectives, especially those located in the Kanin, Bolshezemelskaya, and Malozemelskaya tundra, which included the Izhma Komi reindeer herders, that the Izhma dialect long served as a *lingua franca*, a language of interethnic communication [5].

The Izhma dialect of the Komi language differs significantly from the literary language and other Komi dialects in terms of vocabulary, phonetics and syntax [1]. The first researcher of the Izhma Komi dialect was the Finnish philologist and folklorist M.A. Kastren, who visited the lower reaches of the Pechora River, the villages of Izhma, Ust-Tsilma and Kolva in 1843.¹ He used the dialect's linguistic data to compile the first scientific grammar of the Komi language, *Elementa grammatices Syrjaenae*, published in Helsinki in 1844; for this work, Kastren was awarded half the Demidov Prize, the most prestigious scientific award in the Russian Empire. Later, Izhma linguistic material was collected by such scholars as

¹ Turkin, A.I. 1998. *Kastren, Mathias Alexander*. Komi Language. Encyclopedia, 177–179. Moscow: Publishing house DIK. (In Russ.)

F.J. Wiedemann, Y.J. Wichmann, T.E. Uotila and A. Schrenk for describing the grammar of the Komi language and compiling various dictionaries [4].

In the 20th century, interest in the Izhma dialect continued to grow, particularly among local Komi linguists. The linguistic material on the dialects of the Komi language, including Izhma, collected by researchers at the Komi branch of the USSR Academy of Sciences from 1944 to 1960 became the basis for the *Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects*.² In 1973, E.A. Igushev, who later became a prominent specialist in Finno-Ugric studies, defended his Candidate of Philology dissertation *Russian Borrowings in the Izhma Dialect of the Komi Language* [6]. In 1976, the Komi Book Publishing House published the monograph *The Izhma Dialect of the Komi Language* by researchers M.A. Sakharova and N.N. Selkov, in which they provided a systematic description of the Izhma dialect: its phonetics, morphological structure, and features of the vocabulary [1]. In 1992, a trilingual Izhma-Komi-Russian school dictionary, compiled by Z.P. Anufrieva, was published.³

At the beginning of the 20th century, and particularly in the 1920s, the modern Komi literary language was actively developing [7]. The literary Komi language was introduced into various state and party institutions, it began to be used in schools as a language of instruction, and a Komi-language press emerged. Expert assessments of that period were generally very positive [8]. Despite this, the interaction between the newly formed literary language and established dialects, as well as the acceptance or rejection of the literary language by dialect speakers, have not yet been adequately addressed in the academic literature.

The purpose of this article, therefore, is to analyze the linguacultural attitudes of speakers of the Izhma dialect, residents of the Izhemsky district of the Komi Republic. Within this analysis, I examine the general ethnolinguistic situation in the Komi Republic and the Izhemsky district, analyze the opinions of Izhma Komi respondents on the interaction between the Izhma dialect and the literary Komi language, and highlight local projects aimed at the development and intergenerational transmission of the Izhma dialect and culture. This article is based on the results of a sociolinguistic study⁴ developed by the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and conducted by me in the summer of 2025. This study, which aimed to clarify the current state of the Komi language in various settlements of the Komi Republic, included written and oral surveys of Izhma Komi

² Zhilina, T.I., Sakharova, M.A., and V.A. Sorvacheva. 1961. *Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects: About 25,000 Words*. Syktyvkar: Komi Book Publishing House. Print. (In Russ.)

³ Anufrieva, Z.P. 1992. *Komi Literary-Izhma-Russian Dictionary for Students in Grades 1–4*. Syktyvkar. Print. (In literary Komi, Izhma Komi and Russ.)

⁴ The research project was carried out on behalf of the Research Center for the Preservation, Revitalization, and Documentation of the Languages of Russia at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, as part of the task of clarifying the state of languages of Russia.

residents living in the Izhemsky district and follow up expert interviews with representatives of local administrations cultural and educational institutions. Surveys and interviews were conducted in both the Izhma Komi dialect and the Russian language. I also observed language use in various places and settings (for example, in a store, at a health station, etc.) and recorded instances of Komi language use in public spaces. The study also examined the linguistic competencies of representatives of the language community.⁵ Furthermore, the results of language projects developed and implemented over the past decade by representatives of the Izhma Komi community (or with their participation) both in the Izhemsky district and beyond were examined. Data from the All-Russian Population Censuses was also reviewed. As an additional source of information, I drew on my personal observations and experience: I was born and raised in the Izhemsky district, am a native speaker of the Izhma Komi dialect, a philology lecturer, a researcher, and the co-organizer and implementer of numerous projects on Izhma Komi topics.

What the Censuses Reveal

Over the past 100 years, the ethnic composition of the Komi Republic (known in various years as Komi Autonomous Okrug, Komi ASSR) has changed significantly [9]. For example, while in 1926 the Komi constituted 92.2% of the regional population, by 1959 this share had dropped sharply to 30.1%. According to the 2010 All-Russian Population Census, the Komi constituted 22.4% of the Republic's population,⁶ and in 2020, 17.2%.⁷ A number of different processes have led to the decline in the Komi population: from the mass forced and voluntary migration of other ethnic groups to the Komi region during the Soviet period to the impact of interethnic marriages, assimilation, and the consequences of stigmatization and marginalization, which was particularly prevalent in urban areas [3]. These processes, as well as the growing urbanization of the Komi people and the cessation of the use of Komi as a language of school instruction in the 1950s and 1960s, also affected the number of people who speak Komi as their native language. While in 1926 99.6% of Komi people spoke Komi as their native language, in 1959 this proportion dropped to 93.8%, and according to the results of the last All-Union Population Census of 1989, it fell further to 74.4%. According to the 2010 All-Russian Population Census, 62.8% of Komi people indicated Komi as their native language; in 2020, Komi was indicated as the native language by 70.1% of the Komi people.

⁵ Linguistic competencies were tested both orally during conversations and via written questionnaires completed by the respondents themselves.

⁶ *Results of the 2010 All-Russian population census. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship.* 2012, 10 Dec. 2025, <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2010> (In Russ.)

⁷ *Results of the 2020 All-Russian population census. Section 5. Ethnic composition and language proficiency.* 2023, 10 Dec. 2025, <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (In Russ.)

Beginning with the 2002 All-Russian Census, the Izhma Komi were given the opportunity to indicate their specific local identity within the Komi group, becoming the first and currently the only local Komi group counted in the population censuses both as part of the Komi people and independently. It is believed that the inclusion of the Izhma Komi in the list of ethnic groups counted in the census was one of the results of the work of the Interregional Public Movement (IPM) of the Izhma Komi *Izvatas*.⁸ Since the early 2000s, *Izvatas* has been seeking recognition of the Izhma Komi as an indigenous minority population. Although there is still no official recognition, *Izvatas* was, nevertheless, accepted into the Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation in 2004 [10. P. 46].

In 2002, of the 21,500 residents of the Izhemsky district, almost 19,500 (90.4%) identified themselves as Komi, of which 11,400 (58.6% of Komi and 53% of those who indicated their ethnicity) identified themselves as Izhma Komi.⁹ In 2010, of the 18,700 people, 16,600 (88.5%) were Komi, of which almost 5,000 were Izhma Komi (29.9% of Komi and 26.5% of those who indicated their ethnicity).¹⁰ Finally, in 2020, of the district's 16,500 residents, 14,400 (88.1%) were Komi, of which almost 4,000 were Izhma Komi (27.4% of Komi and 24.1% of those who indicated their ethnicity).¹¹ The decline in the official number of Izhma Komi is primarily due to the decrease in efforts of the *Izvatas* movement to obtain the status of an indigenous minority population for the Izhma Komi. At the same time, according to my observations, official data in this case does not provide a complete picture. Local Izhma identity remains well articulated, although it indeed rarely publicly interferes with the general Komi identity. For many Izhma Komi, therefore, their everyday reality, including the daily use of the Izhma dialect, is more important than abstract statistical data.

Currently, the level of Komi language proficiency varies greatly across different settlements in the Komi Republic. On the one hand, this is evident in the higher percentage of Komi speakers among rural Komi than among urban Komi. On the other hand, the settlements themselves can be roughly divided into groups based on the linguistic competence of local residents, as well as their ethnicity. For example, the Izhemsky district has the highest proportion of Komi in the Komi Republic. At the same time, it also has one of the highest rates of Komi population identifying Komi as their native language — 82.7% in 2020.¹² It is worth noting that,

⁸ The Interregional Public Movement (IPM) of the Izhma Komi *Izvatas*, 10 Dec. 2025, <https://raipon.info/regiony/mezhregionalnoe-obshchestvennoe-dvizhenie-komi-izhemtsev-izvatas/>

⁹ Federal State Statistics Service. The 2002 All-Russian population census, 10 Dec. 2025, <http://perepis2002.ru/index.html?id=11> (In Russ.)

¹⁰ *Results of the 2010 All-Russian population census. Volume 4. National composition and language proficiency, citizenship*. 2012, 10 Dec. 2025, <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2010> (In Russ.)

¹¹ *Results of the 2020 All-Russian population census. Section 5. Ethnic composition and language proficiency*. 2023, 10 Dec. 2025, <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (In Russ.)

¹² Ibid.

unlike indicating a local Izhma Komi identity, it is not possible to record the number of speakers of the Izhma dialect in the census. Nevertheless, according to my long term observations, for data from the Izhemsky district, proficiency in the Komi language should primarily be understood as proficiency in the Izhma Komi dialect.

Izhma Dialect vs. Literary Komi Language

The distinction between the Izhma Komi and the literary Komi language was and is still recognized by its speakers themselves. Even during the period of *korenizatsiya*, or indigenization (known in Komi as *zyryanization* or *komization*), a national policy implemented in the Soviet Union in the 1920s and 1930s aimed at incorporating indigenous peoples and ethnic minorities into Soviet state structures and institutions, promoting local languages, and integrating them into education and record keeping, Izhma residents expressed concern and dissatisfaction with the introduction of the literary Komi language at the expense and detriment of the local dialect.

For example, in issues of the republic's newspaper *Yugyd Tuy* ('Bright Path') published in 1923, one can find the following debate about the introduction of the literary Komi language into teaching and official work in the northern regions of the Komi Autonomous Okrug. In Issue 61 of April 13, 1923, an author using the pseudonym 'Nash' ('Our') wrote, "In the Izhma-Pechora district, despite five years of the Soviet authority, there are still no native schools, and it seems they are not even thinking about organizing them. Likewise, there is no understandable (in the native language) extracurricular work for adults. It smells like outright Zyryanophobia, i.e., a continuation of tsarist policy" (*Yugyd Tuy*, April 13, 1923). In response, in Issue 71 of April 25, 1923, another author using the pseudonym 'Izhemets' ('Izhma Komi [male]') pointed out, "In conclusion, the author of the article *Vestiges of the Past* under the pseudonym 'Nash' calls on the Izhma Komi to wake up and look at the resolutions of congresses and conferences, as well as at Comrade Stalin's brochure on the national question. Reading such notes, one cannot help but remind the "informed" author of life on the Pechora ... The point is this: the Izhma-Pechora district will remain for many years between two "fications" ["фикациями"]: Russification and Komification. Neither is suitable for the Izhma people. The Izhma people have a poor but own dialect [плохой, да свой говор]" (*Yugyd Tuy*, April 25, 1923).

The critical attitude of the Izhma Komi people towards the literary Komi language was also noted during a sociolinguistic study in 2025. Firstly, the respondents clearly distinguished between the Izhma dialect, defining it in Izhma Komi as *ас кыы*, *ас күү* ('own language'), *изъва кыы*, *iz'va күү* ('Izhma language'), or *изъва сёрни*, *iz'va s'erni* ('Izhma speech'), and the Komi literary language, calling it *литературнэй кыы*, *literaturney күү* ('the literary language') or *зыран кыы*, *zyran күү* ('Zyryan language'). Secondly, when asked about their native

language proficiency, some respondents, along with their command of the Izhma dialect, noted difficulties understanding the literary language: “*ижемскейсэ бура, а зыранскейсэ даже ог понимаймт*”, “*izhemskeyse bura, a zyranskeyse dazhe og ponimayt*” (‘I know the Izhma language well, but I don’t even understand the Zyryan language’).

My respondents were particularly critical of the teaching of the literary Komi language in schools and the quality of the corresponding textbooks. It should be noted here that Komi language classes in schools in the Komi Republic specifically teach the literary form, and the textbooks used are written in the literary language.¹³ Typically, respondents noted the complexity of the literary form and its incomprehensibility to the Izhma Komi people:¹⁴ “*литературнэй кыы вылас сьёкыдэсь, ми сійес ог понимаймтэ, оз нравитчы вообщё*”, “*literaturney kuy vyilas sōkydes, mi siyes og ponimaet, oz npravitchy voobshche*” (‘[texts] in the literary language are difficult, we don’t understand them, don’t like them at all’), “*мукед зырянскей кыысэ вообщё он пöнимаймт*”, “*muked zyryanskey kuyse voobshche on pōnimayt*” (‘some Zyryan words are not understandable at all’). At the same time, some noted that with sufficient practice, understanding the Komi literary language does not cause problems: “*нравитче, сьёкыдджык, кöнешнэ, но частöджык кö*

¹³ It is noteworthy that already in the 19th century, some schools in the Izhma-Pechora region organized their teaching process in the Izhma dialect; textbooks and dictionaries were published for such schools: Mikhailov, P. 1873. *A Practical Guide to the Study of the Izma-Zyryan Language* [Zyryan-Russian Dictionary in the Izhma Dialect], Compiled and Published by Order of His Grace Nathanael, Bishop of Arkhangelsk and Kholmogory, for Theological Educational Institutions of the Arkhangelsk Diocese by P. Mikhailov. Arkhangelsk: Provincial Printing House. (In Izhma Komi and Russ.); *An ABC Book for the Izhma Zyryans Living in the Pechersky District of the Arkhangelsk Province*. In 3 Sections. I. Izhma-Zyryan; II. Russian; III. Prayers, Commandments, and the Nicene Creed. 1895. Arkhangelsk: Typographical Printing House of V. Cherepanov. (In Izhma Komi and Russ.). Modern Komi language school textbooks for Izhma Komi residing outside the Komi Republic are published in an intermediate linguistic form, which is lexically Izhma Komi, but orthographically close to the literary language: Rocheva, N.D., and E.F. Khozyainova. 2017. *An ABC Book: 1st Grade: Textbook in the Komi Language (Izhma Dialect) for General Education Organizations*. St. Petersburg: Branch of the Prosveshchenie Publishing House. (In Izhma Komi); Rocheva, N.D., Rocheva, A.I., and T.I. Filippova. 2017. *Komi Language (Izhma Dialect): 2nd Grade: Textbook for General Education Organizations*. St. Petersburg: Branch of the Prosveshchenie Publishing House. (In Izhma Komi); Rocheva, N.D., Eger, N.M., and E.F. Khozyainova. 2017. *Komi Language (Izhma Dialect): 3rd Grade: Textbook for General Education Organizations*. St. Petersburg: Branch of the Prosveshchenie Publishing House. 279 p. (In Izhma Komi); Rocheva, N.D., Svalova, U.E., and E.F. Khozyainova. 2017. *Komi Language (Izhma Dialect): 4th Grade: Textbook for General Education Organizations*. St. Petersburg: Branch of the Prosveshchenie Publishing House. (In Izhma Komi).

¹⁴ It is interesting that similar opinions about the incomprehensibility of the literary Komi language were expressed by the Izhma Komi people living outside the Komi Republic, for example, on the Kola Peninsula. [See: Blokland, R., and M. Rießler. 2011. Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula. *Language Contact in Times of Globalization*. Vol. 38 : Studies in Slavic and General Linguistics / ed. by C. Hasselblatt, P. Houtzagers, R. van Pareren. Amsterdam: Rodopi (Studies in Slavic and General Linguistics. vol. 38.), p. 5–26.]

кучан лыддыны, велалан. Менум ставыс понятнэ’, ‘*nравитче, sökydzyk, köneshe, no chastödzyk kö kuchan lyddyny, velalan. Menum stavys ponyatne*’ (‘I like it, it’s a bit complicated, of course, but if you read it more often, you’ll get the hang of it. I understand everything’).

It’s worth noting that my respondents weren’t the only ones who spoke about a lack of understanding and the difficulties of learning the Komi literary language. These phenomena are also documented in historical sources, one of which is the personal diary of Nikolai Fyodorovich Terentyev, a student at the Mokhcha pedagogical college, written between 1936 and 1939. In one entry, he notes that the Komi literary language and the replacement of the Molodtsov script with Cyrillic “are difficult for children”.¹⁵

Due to repeated references to the incomprehensibility and complexity of the Komi literary language, I conducted an additional mini test, which was not originally included in the research plan. Several 9- and 10-year-old children, native speakers of the Izhma dialect, were given a text to read in the literary Komi language, taken from the children’s magazine *Bi Kin’* (‘Spark’). After the children read short excerpts from the text aloud, I asked them to underline any words they didn’t understand, which I then clarified. On average, 24.6% of the words in the text were unclear to the Izhma children. The director of the Vertep comprehensive school confirmed the validity of the mini test results, noting in an interview that “Komi children don’t really understand or perceive the literary Komi language, because at home and around them a different language is spoken.”

Language Shift and the Future of the Izhma Komi Dialect

The Izhma dialect is widely used in the Izhemsky district: at home, in stores, in houses of culture and village clubs, in schools, hospitals, and in village councils. According to the head of the Krasnoborsky rural settlement administration, all work meetings in the administration are conducted in Izhma Komi. At the same time, most kindergartens in the district teach in Russian in accordance with educational standards and due to the predominance of Russian-speaking teachers. A rare exception is the kindergarten in the village of Vertep, where the Izhma dialect is used for instruction, which also attracts children from other villages. The dominance of Russian as the primary language of instruction in preschools in the republics of the Russian Federation (even in areas with dense residence of local ethnolinguistic groups) has been noted by other researchers [12. P. 373–374; 13. P. 43–44, 147]. As a rule, local languages (even those considered state languages) are represented symbolically in kindergartens, and pedagogical practices, such as learning poems, do not fully transmit local languages or ensure their use by children.

¹⁵ Izhemsky District Museum of History and Local Lore. 2021. *Diary of Nikolai Fyodorovich Terentyev (1936–1939)*. Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 159 p. (In Izhma Komi and Russ.)

Russian-language kindergartens, along with parents' reluctance to teach the local language, a lack of conversational practice at home, and children's reliance on telephone and internet access for communication, were cited by Izhma respondents as the main reasons for the widespread language shift¹⁶ among children from Komi families towards Russian. The reality of language shift among children and youth was noted by all respondents. Among children from Izhma Komi families, there are no monolinguals left; some children are active bilinguals, speaking Izhma Komi and Russian, while others speak only Russian but understand Izhma (so-called passive speakers). Language shift among children is common, including in traditionally Komi-speaking villages. According to my observations and the results of a sociolinguistic study I conducted in 2025, this phenomenon is even more pronounced in other districts of the Komi Republic.

When answering questions about the future of the Komi language (in this case, the form of the Komi language that the respondent considers native or most familiar), respondents, as a rule, declared its necessity and importance for themselves personally: *‘менум колэ, рӧднэй кыы’*, *‘menum kole, rӧdney kyy’* (‘I need it, it’s my native language’), *‘менум колэ, ме вед сӧен сӧрнума’*, *‘menum kole, me ved sien syornita’* (‘I need it, I speak it’). At the same time, most of the forecasts made regarding the future of both the literary Komi language and the Izhma dialect were pessimistic: *‘воше постепеннэ’*, *‘voshe postepenne’* (‘will gradually disappear’), *‘нӧжжен-нӧжжен мунас, а изьва кылыс тшӧтш, но бӧрвыйджык’*, *‘nӧzhen-nyozhen munas, a izva kylys tshӧtsh, no bӧrvyydzhyk’* (‘[the literary language] will slowly disappear, and the Izhma language will also disappear, but later’), *‘пыр-пыр оз же усь, уяс численностьыс, джынсэ воштам на, любительяс лоасны, пыр колясны сэтшемъяс, кодъяслы колэ. Литературнэй кылыслы вуйым господдержжа’*, *‘pyr-pyr oz zhe us, usyas chislennostys, dzhyhnyse voshtam na, lyubitelyas loasny, pyr kolyasny setshemyas, kodyasly kole. Literaturney kylyslы vuyym gospodderzhka’* (‘it will not disappear immediately, the population will fall, we will lose another half, but language enthusiasts will remain, those who need the language will remain. The literary language has state support’).

At the same time, there were also cautiously positive forecasts: *‘ставыс лоас бур. Ставыс мян сайын’*, *‘stavys loas bur. Stavys miyan sayyn’* (‘everything will be fine. Everything depends on us’), *‘кор пока йӧзыс вуйым, комиыс оз кус, но йӧзсэ колэ кутны, отсооны’*, *‘kor пока yӧzys vuyym, komiys oz kus, no yӧzse kole kutny, otsoony’* (‘as long as people exist, the Komi language will not disappear, but people need help’). As can be seen from these excerpts, respondents believed that

¹⁶ Language shift is the process by which a linguistic community, usually gradually, ceases to use one language as its primary language and switches to another, usually a dominant or more prestigious language. [See: Fishman, J.A. 2012. “Language maintenance, language shift, and reversing language shift.” In *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*, edited by T.K. Bhatia and W.C. Ritchie. Malden, MA: Blackwell Publishing, pp. 466–494. <https://doi.org/10.1002/9781118332382.ch19>].

the key to preserving, transmitting, and developing the local language lies in both the agency and activity of the speakers themselves, as well as external support.

While declaring their own interest in the present and future of the Komi language, many respondents negatively assessed the possibility of a similar interest on the part of the Komi Republic and the Russian Federation. Typical responses to the question “Does the state need the Komi language?” were: *‘ог вермы висьтооны, кудз республикалы, но государствоыслы, навернӧ, точно оз’*, *‘og vermy vistoony, kudz respublikaly, no gosudarstvoysly, naverňo, tochno oz’* (‘I can’t say, whether the republic [needs it or not], but the state probably definitely doesn’t need it’), *‘республикалы да государствоылы оз коо’*, *‘republikaly da gosudarstvoly oz koo’* (‘the republic and the state don’t need it’).

Local Linguocultural Projects

For Komi-speaking Komi, including the Izhma Komi people, the local dialect is typically their native, mother tongue (Komi: *мам кыв, там кыв*, ‘mother language’). However, as already noted, dialectal forms are almost never represented in school education, being supplanted by the literary language. Moreover, according to my observations, some language activists and experts who adhere to the standard language ideology¹⁷ have a critical, even derogatory, attitude toward dialectal forms, as “incorrect” and deviating from the norm. Unsurprisingly, in such a situation, dialect speakers may develop a feeling of inferiority of their language (and sometimes, as an extension, of their ethnicity), which can potentially develop into rejection and aversion to both their native dialect and the literary form. Sometimes, however, dialect speakers, wanting to prove and demonstrate the significance of their local language and attract the attention of both native speakers and speakers of other dialects, may take the opposite position.

In this regard, in my observations, language shift and pessimistic forecasts regarding the future of the Komi language are not perceived by Izhma Komi as an accomplished or inevitable fact, but often serve as motivation for action. Many Izhma Komi share a sense of agency, a recognition that the state and future of the Izhma dialect also depends on their own actions.

In recent years, a number of projects have been developed and implemented that can be considered good examples of popularizing and stimulating the intergenerational transmission of the Izhma dialect and culture. These projects also serve as a clear demonstration of the Izhma life philosophy of *‘ооны олэм вылэ’*,

¹⁷ Standard language ideology, or the ideology of a standard language, is understood as a system of beliefs and attitudes according to which the only correct and normative version of a language, superior to other linguistic forms (for example, dialects or mixed forms), is the standard (usually literary) language [See: Milroy, J. 2001. “Language ideologies and the consequences of standardization.” *Journal of Sociolinguistics*, no. 5, pp. 530–555. <https://doi.org/10.1111/1467-9481.00163>]. Such a language is subject to use in official, educational and public spheres.

‘*oony olem vyle*’ (‘to live for life’), which entails a responsible approach to the present life, an active stand in life, responsibility for future generations, and intergenerational connections. According to this philosophy, language and culture are an integral, organic part of life and are strongly connected to all generations of the Izhma Komi people.

A distinctive characteristic of these projects is the active involvement and initiative of local residents at all stages: development, material collection, fundraising, implementation, and promotion through presentations, open lectures, and other activities. The implementation of these projects also clearly demonstrates that large grants are not the primary factor in preserving and transmitting cultural heritage, but, above all, caring individuals who recognize its importance and take proactive action.

Izhma Komi initiatives can be roughly divided into the following groups:

Digital projects. One example of a digital project aimed at creating electronic and online resources dedicated to Izhma topics is the portal *Izvatas. All about the Izhma Komi*.¹⁸ This trilingual portal, created in 2020 by two authors, researcher Maria Sergeevna Fedina and myself, thematically presents basic information about Izhma Komi history, culture, and language. The portal also features a media collection of films and TV program recordings and a research library with works dedicated to the Izhma Komi people. Another resource, *Komi Media Collection*,¹⁹ is a collection of annotated audio and video recordings in the Izhma dialect, made during field expeditions in 2014–2016 in the Izhemsky and Sosnogorsky districts of the Komi Republic, the Nenets Autonomous Okrug, and the Murmansk Oblast, as part of the international research project *Izva Komi: Building an annotated digital corpus for future research on Komi speech communities in northernmost Russia*.²⁰ The Media Collection’s materials are actively used both by researchers of the Izhma dialect and the Izhma Komi people themselves: for them, the Media Collection serves as a repository of video recordings of interviews with deceased elders.

Media projects. Izhma Komi culture and language are represented in a variety of forms in the media sphere. Among the most well-known longstanding projects are the works of Genrikh Nemchinov,²¹ a well-known ethnoblogger in the Komi Republic. He is a native of the village of Brykalansk in the Izhemsky district and began his creative career with video sketches about the villages of the Izhemsky district. Among more niche projects, the death metal band Schiz²² is worth noting. It brings together natives of several villages in the Izhemsky district and performs songs in the Izhma dialect. In their texts, Schiz actively draws on Izhma Komi cultural heritage, traditional knowledge, and local legends.

¹⁸ *Izvatas. All about the Izhma Komi*, 10 Dec. 2025, <https://izvatas.com/>

¹⁹ *Komi Media Collection*, 10 Dec. 2025, <http://videocorpora.ru/>

²⁰ *About the project*, 10 Dec. 2025, <http://videocorpora.ru/ru/info>

²¹ *Genrikh Nemchinov. Ethnoblogger*, 10 Dec. 2025, <https://vk.com/genrikhnemchinov>

²² *SCHIZ*, 10 Dec. 2025, <https://vk.com/schizdead>

Republishing historical publications. In recent years, Izhma residents have begun actively searching archives and republishing historical publications on the Izhma dialect, including dictionaries, scientific works, and popular science works. In doing so, they are introducing previously inaccessible 19th-century research materials into scholarly circulation and making them available to the local community. For the modern Izhma community, these materials represent a newly discovered cultural heritage. Particularly active in such projects are public figure T.V. Arteeva from the village of Izhma and Komi language teacher G.V. Khozyainova from the village of Gam [16].

Extracurricular activities and additional education for children and adults. These projects are aimed at creating educational and methodological tools for use in extracurricular activities of schools and kindergartens and in additional education for children and adults. A striking example is the ABC-Atlas *Изватаслӧн азбука-атлас да нӧдкыв тупыл*, *Izvataslön azbuka-atlas da nӧdkyv tupyl* ('The ABC-Atlas of the Izvatas and the Tangle of Riddles')²³, published in 2024 by the Izhemsky district's Children's Center with the support of the Presidential Fund for Cultural Initiatives. The main goal of creating the ABC book is to transmit the Izhma dialect to children. The book combines a geographical atlas of the Izhemsky district and the ABC book of the Izhma dialect, in which each letter of the alphabet is illustrated with toponyms, concepts important to the Izhma people, and elements of folk knowledge (Figure 1). The book includes a small explanatory dictionary, and all the material is presented in the Izhma dialect. The ABC book is very popular among the Izhma people, especially parents and teachers. Most of the copies were donated to Izhma children during workshops and public book presentations. Around 120 people were directly involved in the book's development, including Izhma children who drew the letters of the alphabet [17].

Figure 1. The cover and spread of the book “Izvataslön azbuka-atlas da nӧdkyv tupyl”

Source: VK (short for its original name VKontakte) (accessed: 10.12.2025). 10 Dec. 2025, https://vk.com/shur_shar

²³ *The ABC-Atlas of the Izvatas and the Tangle of Riddles*, 10 Dec. 2025, <https://vk.com/public221827340/>

Adaptation of the Komi literary language. Another area of focus is the adaptation of the Komi literary language. For example, with the support of the Presidential Fund for Cultural Initiatives, posters with poems dedicated to the traditional Lud holiday were created using an adapted language form; these posters are now displayed in all libraries in the Izhemsky district. For example, on one of these posters (Figure 2), the word *ayö*, *ayö* ('my father'; literary Komi: *батъöй*, *bat'öy*, or rarely, *айöй*, *ayöy*; Izhma Komi: *ae*, *aye*) is an intermediate form, between the literary and dialectal forms, as is the word *немся*, *nemśya* ('century-old'; literary Komi: *нэмся*, *nemśya*).

Figure 2. A poster with a poem by A. Rocheva, located in the Vertep library, Izhemsky district

Source: photo by M.S. Fedina.

It is worth noting that the Izhma Komi people living outside the Komi Republic are also adapting the literary language. For example, Komi language school textbooks for Izhma Komi residing outside the Komi Republic have been published in an intermediate language form, lexically Izhma Komi but orthographically close to the literary language, as mentioned above.

The adapted Komi language is used not only in cultural and educational institutions but also in the private sector. For example, in a grocery store in the

village of Diyur, the price tags on goods use the phrase *водзö волö*, *vodzö volö* ('come forward', 'come again'), a traditional farewell among the Izhma Komi people (Figure 3). It is written in a language form intermediate between the Izhma (*водзе волэ*, *vodze vole*) and the literary (*водзö волöй*, *vodzö volöy*) language forms.

Figure 3. A price tag written using the adapted Komi language.

S o u r c e: photo by M.S. Fedina.

Conclusion

Despite the established scientific division between the Komi literary *language* and dialectal *variants*, the Izhma dialect is defined by its speakers as a language — *ас кыы*, *ас кyy*, *изьва кыы*, *iz'va кyy*. As my research has shown, the opposition of the Izhma dialect to the Komi literary language was typical both historically and persists in modern times. The Izhma dialect is preserved by the Izhma Komi people as an important attribute of their territorial identity.

The current state of the Izhma dialect in the Izhemsky district is influenced by the same trends as the state of the Komi language in the Komi Republic as a whole: depopulation of the indigenous population and an intense linguistic shift toward Russian, especially among children and youth. Moreover, according to my observations, these phenomena are even more pronounced in other districts of the Komi Republic.

The future of their language raises serious concerns among the Izhma Komi people; however, these concerns are not perceived as fatal and often serve as motivation for action to preserve and promote the Izhma language and culture. Typically, such efforts are collective and grassroots, meaning projects aimed at preserving, developing, and transmitting the Izhma language and culture are conceived and implemented within the Izhma community itself. The Izhma community is well aware of its collective responsibility for its future, and collective engagement drives the implementation of linguacultural projects.

These completed projects are excellent examples of popularizing and stimulating the intergenerational transmission of the Izhma dialect and culture. However, the need for systemic institutional, academic, and governmental support for the functioning of local dialects, which are the source of the Komi literary language as the national language of the Komi people and the state language of the Komi Republic, remains undeniable.

References

1. Sakharova, M.A., and N.N. Selkov. 1976. *Izhma Dialect of the Komi language*. Syktyvkar: Komi book publishing house. (In Russ.). EDN: VSHRXX
2. Maksimov, S.V. 1890. *A Year in the North*. 4th ed. Moscow: P.K. Pryanishnikov Publishing House. (In Russ.)
3. Fedina, M. 2025. *Place, Language, and Belonging: Being Komi in Contemporary Syktyvkar, Komi Republic* [Doctoral dissertation]. University of Helsinki publ. EDN: XHTNAT
4. Fedina, M.S. 2021. "Historical publications on the Izhma dialect." In *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 194–199. (In Komi)
5. Turkin, A. 1985. "Komi-Nenets language contacts". In *Linguistica Uralica*, no. 21 (3), pp. 190–203. (In Russ.)
6. Igushev, E.A. 1973. *Russian Borrowings in the Izhma Dialect of the Komi Language*: Specialty 10.02.07: Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Tartu. (In Russ.). EDN: VLPIYF
7. Tsypanov, E.A. 2017. "Periodization of national-language policy in the Komi Republic (from the beginning of the 20th century to the present day)." In *Finno-Ugric World*, no. 1, pp. 17–23. (In Russ.). EDN: YMHHEZ
8. Ludykova, V.M. 2013. "Komi literary language: its state, problems, development prospects." In *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, no. 2, pp. 117–127. (In Russ.). EDN: SCWZUH
9. Fauzer, V.V. 2023. *The Komi Republic at the Turn of the Century: Demography, Migration, and Settlement*. Izhevsk: Print publ. (In Russ.). EDN: HUBKLM
10. Terebikhin, N.M., and Yu.P. Shabaev. 2012. "Chud, Pomors, and Izhma Komi: Reidentification or construction of identities (ethnogenetic technologies in the European North)." In *The European North: Local Groups and Ethnic Boundaries*. Syktyvkar: Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 29–59. (In Russ.). EDN: TQJIWP
11. Blokland, R., and M. Rießler. 2011. "Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula." In *Language Contact in Times of Globalization. (Studies in Slavic and General Linguistics, vol. 38)*, edited by C. Hasselblatt, P. Houtzagers, and Pareren, R. van. Amsterdam: Rodopi, pp. 5–26.

12. Ivanova, N.V. 2020. “Formation of the cultural and linguistic environment as a factor in the successful acquisition of a child’s native language in a bilingual environment.” In *Modern High Technologies*, no. 11 (2), pp. 370–374. <https://doi.org/10.17513/snt.38390> EDN: KJHMRW
13. Zamyatin, K., A. Pasanen, and J. Saarikivi. 2012. *How and Why to Preserve the Languages of the Peoples of Russia?* Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy. (In Russ.)
14. Fishman, J.A. 2012. “Language maintenance, language shift, and reversing language shift.” In *The Handbook of Bilingualism and Multilingualism*, edited by T.K. Bhatia and W.C. Ritchie. Malden, MA: Blackwell Publishing, pp. 466–494. <https://doi.org/10.1002/9781118332382.ch19>
15. Milroy, J. 2001. “Language ideologies and the consequences of standardization.” In *Journal of Sociolinguistics*, no. 5, pp. 530–555. <https://doi.org/10.1111/1467-9481.00163>
16. Arteeva, T.V., and G.V. Khozyainova. 2022. *About the Izhma language*. Kirov: Kirov Regional Printing House publ. (In Izhma Komi and Russ.)
17. Arteeva, A.P., P.E. Russavskaya, Ek.A. Khozyainova, El.A. Khozyainova, N.A. Khozyainova, and V.A. Shatalov. 2024. *An ABC-Atlas of Izhma Komi and a ball of riddles*. Moscow: Mozartika publ. (In Izhma Komi and Russ.)

Bio note:

Marina S. Fedina is a Candidate of Philologicfl Sciences, Leading Researcher, Komi Republican Academy of State Service and Administration, 11 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6308-2304; eLibrary SPIN-code: 8997-6802. E-mail: m-fedina@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298

EDN: JFBESK

Научная статья / Research article

Коми-русские языковые контакты по данным печорской фразеологии

И.С. Урманчеева^{ID}

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Российская Федерация

✉ isurman@rambler.ru

Аннотация. Проблеме финно-угорского влияния на русские говоры Европейского Севера посвящено немало исследований, однако говоры нижней Печоры (речь русского старожильского населения Усть-Цилемского района Республики Коми, несколько веков находившегося в тесных контактах с коми и ненцами) не получили системного описания в свете указанной проблемы. Этим определяется актуальность настоящей работы. Объектом исследования являются фразеологические единицы со словами-компонентами уральского (финно-угорского и самодийского) происхождения. Предмет исследования — семантические, деривационные, образные и экспрессивные особенности компонентов фразеологизмов, анализ которых позволяет подтвердить тесные межъязыковые контакты. Цель исследования — выявление в печорских говорах фразеологических единиц с заимствованными и субстратными словами-компонентами уральского происхождения. Источниками материала послужили диалектные, фразеологические и паремиологические словари говоров нижней Печоры. Проведенное исследование позволяет заключить, что межъязыковые коми-русские контакты способствуют проникновению слов финно-угорского и ненецкого происхождения не только в лексический языковой пласт, но и во фразеологию севернорусских говоров, что свидетельствует о высокой степени их освоения заимствующей субсистемой. Встраиваясь в идиоматику и паремиологию диалекта, они замещают компоненты общерусских фразеологизмов и образуют диалектные варианты, участвуют в создании фразеологических единиц, придающих печорскому говору уникальность и своеобразие.

Ключевые слова: говоры Низовой (Нижней) Печоры, печорская фразеология, фразеологическая единица, коми заимствования

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2026; принята к печати 05.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Урманчеева И.С. Коми-русские языковые контакты по данным печорской фразеологии // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 289–298. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298> EDN: JFBESK

© Урманчеева И.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Komi-Russian Language Contacts in the Data of Pechora Phraseology

Irina S. Urmancheeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ isurman@rambler.ru

Abstract. The issue of Finno-Ugric influence on the Russian dialects of the European North has been addressed in numerous studies. However, the dialects of the Lower Pechora (the speech of the Russian old-resident population of the Ust-Tsilemsky District of the Komi Republic, which for several centuries was in close contact with the Komi and the Nenets) have not yet received a systematic description in light of this problem. This determines the relevance of the study, the object of which is phraseological units with word components of Ural (Finno-Ugric and Samoyedic) origin, and the subject is semantic, derivational, figurative and expressive features of the components of phraseologisms, the analysis of which allows us to confirm close interlanguage contacts. The purpose of the article is to identify phraseological units with borrowed and substrate words-components of Ural origin in Pechora dialects. The sources of the material were dialect, phraseological and paremiological dictionaries of the dialects of Lower Pechora. The study allows us to conclude that inter-language Komi-Russian contacts contribute to the penetration of words of Finno-Ugric and Nenets origin not only into the lexical language layer, but also into the phraseology of North Russian dialects, which indicates a high degree of their development by the borrowing subsystem. Integrating into the idiomatics and paremiology of the dialect, they replace the components of all-Russian phraseologisms and form dialect variants, participate in the creation of phraseological units that give the Pechora dialect uniqueness and originality.

Key words: dialects of the Lower Pechora, Pechora phraseology, phraseological unit, Komi borrowings

Article history: received 14.01.2026; accepted 05.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Urmancheeva, I.S. 2026. Komi-Russian Language Contacts in the Data of Pechora Phraseology. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 289–298. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-289-298> EDN: JFBESK

Введение

Славяне на территории современного Севера России не были доминирующим народом, русские переселенцы встречались с разными этническими группами, принадлежавшими к финно-угорской и самодийской семьям (саамы, вепсы, карелы, коми-пермяки, ненцы, коми-зыряне). Бассейны Выми и Вычегды заселяли коми, которые в XV в. распространились в верховьях Мезени и Удоры, а в XVI в. начали осваивать земли далее на северо-восток вдоль берегов Ижмы, Печоры, Вишеры [1. С. 7].

Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в XII–XVI вв. Начало формирования группы русского старожильского населения Республики Коми с самоназванием «устыцилёма» приходится на середину XVI в. Предположительно устыцилемы принимали участие в формировании самой северной группы коми — коми-ижемцев. В период между 1568 и 1585 гг. в пределах устыцилемских территорий на р. Ижме

(притоке Печоры) была основана Ижемская слобода, которая долгое время являлась единственным населенным пунктом коми на нижней Печоре. В результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния у ижемцев возник особый ижемский диалект языка коми с существенными заимствованиями в лексике из русского и ненецкого языков [2. С. 135–137].

Население печорского края было смешанным, коми-русским, тем не менее большинство жителей осознавали себя русскими, то есть «русское самосознание (и, следовательно, язык) преобладало, несмотря на сложное этническое происхождение переселенцев» [3. С. 79–83]. Жители нижней Печоры могли брать жен из «зырян», вследствие чего многие устьицелемы были двуязычны [Там же. С. 83]. К XV–XVIII вв. относят возникновение печорских говоров, островное положение которых способствовало их внутрисистемному развитию в условиях межэтнических контактов. Опыт общения русских с финно-угорскими народами обернулся тем, что на всех языковых уровнях севернорусских говоров обнаруживаются многочисленные заимствования и субстратные элементы прибалтийско-финского, саамского и коми-зырянского происхождения [4. С. 183].

Проблема финно-угорского влияния на русские говоры Европейского Севера довольно подробно изучена в современных исследованиях, обзор литературы представлен в [4–6] и др., собственно печорским говорам посвящены работы [7–9]. В то же время Г.В. Федюнева отмечает, что «говоры Нижней Печоры, несколько веков находившиеся в тесных контактах с финно-угорским (в значительной степени коми) языковым континуумом, с этой точки зрения не получили системного описания» [8. С. 173]. Фразеологические единицы (ФЕ) говоров низовой Печоры с компонентами финно-угорского (в том числе коми) и ненецкого происхождения до настоящего времени комплексно не исследованы. В то же время нельзя не признать, что финно-угорские заимствования проникают не только в лексическую систему, но и во фразеологию. По мнению Е.В. Мариновой, «участие иноязычного слова во фразеологической деривации является, наряду со словообразовательной активностью и способностью к развитию полисемии, одним из показателей успешного освоения слова и укоренения его в системе заимствующего языка» [10].

Цель исследования — выявление в говорах низовой Печоры фразеологических единиц со словами-компонентами уральского (финно-угорского и самодийского) происхождения, сам факт проникновения которых во фразеологию говоров Русского Севера свидетельствует о тесных межэтнических контактах.

Большинство фразеологических единиц, рассмотренных в настоящей статье, приводится по «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» Н.А. Ставшиной¹ и сборнику «Фольклор Усть-Цильмы: пословицы, поговорки, присловья» Т.И. Дроновой [11]. Отдельные фразеологизмы приво-

¹ Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры : в 2 томах / сост. Н.А. Ставшиная. Санкт-Петербург : Наука, 2008.

дятся по «Словарю русских говоров Низовой Печоры»² (по нему же, как правило, даются значения компонентов-диалектизмов) и «Фразеологическому словарю русских говоров Республики Коми» И.А. Кобелевой³. Дополнительные ссылки на эти словари не делаются.

Результаты и обсуждение

В речи нынешнего старожильческого населения Печорского бассейна обнаруживаются разные по времени и происхождению лексические пласты. Г.В. Федюнева отмечает лексику прибалтийско-финского, саамского, мансийского и в наибольшей степени — коми (пермского) происхождения [8]. Во фразеологию говоров нижней Печоры эти иноязычные слова проникают в качестве освоенных субстратных и заимствованных элементов, появившихся в диалектной системе благодаря коми-русским контактам.

Отдельные фразеологизмы с компонентами финно-угорского происхождения описаны в монографии автора статьи [12], посвященной диалектным вариантам фразеологических единиц говоров низовой Печоры: как **кычко** на сене лежать «и самому не пользоваться чем-то, и другим не давать» (ср. общерус. как **собака** на сене); **шаньгу** маслом не испортишь (ср. **кашу** маслом не испортишь); как **зельдей** в бочке «о большом количестве людей на какой-то небольшой площади» (ср. как **сельдей** в бочке).

В приведенных фразеологизмах, которые, несомненно, являются трансформированными вариантами общерусских оборотов, употребляются компоненты **кычко** (от коми **кычи**, **кычан** «щенок»⁴), **шаньга** «лепешка из ячменной, ржаной, пшеничной муки с незагнутыми краями и открытой начинкой» (слово широко представлено в севернорусских и сибирских говорах, но, по одной из версий, в русский язык оно попало из коми языка [1. С. 317–319]), **зельдь** «род мелкой сельди в устье р. Печоры, ряпушка беломорская» (проникло из соседних коми диалектов, однако не исключена возможность, что коми **зельдь**, в свою очередь, — более древнее заимствование из русск. **сельдь** [13. С. 116]).

Отличие от слова **зельдь**, которое попало в ФЕ как **зельдей в бочке** в результате паронимической аттракции и в других устойчивых выражениях не встречается, лексемы **кычко** и **шаньга** употребляются в идиомах и паремиях, которые, по данным словарей, не обнаруживают себя в других диалектных системах: **был кычко, да откычкался**; **кычка не на что выкликать**⁵ «о крайней

² Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 томах / под ред. Л.А. Ивашко. Санкт-Петербург : Филолог. ф-т СПбГУ, 2003.

³ Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004.

⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 155.

⁵ В варианте **кычко не на что выкликать** (презрит.) встречается в с. Лойма Прилузского района Республики Коми: Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. С. 113.

бедности»; *бажёная шанежка (шанюжка)* «красивая, здоровая женщина или девочка», (ласк.) «балованное, любимое дитя»; *доедай (ешь, кушай)*, <кумушка (кума)>, *девятую шанежку* (шутл.) «о людях, съевших много и наевшихся досыта, но через силу доедающих то, что на столе осталось»; (шутл.) «о скуповатом хозяине, приглашающем гостя к столу, но зорко следящем за тем, сколько он съест»; *шаньга брюхе не мешает* (шутл.) «лишнего съесть не вредно»; *шаньги в печь(ць), а сама в нижний конец(ч)* (неодобр.) «о нерадивой хозяйке»; *шаньгой по губам* «выражение отказа кому-то в чем-нибудь»; *кислы шаньги* — *не еда, старой девке замуж не хода*. Это свидетельствует о глубокой укорененности слов коми происхождения в говорах низовой Печоры и — шире — в других русских говорах Республики Коми, Северо-Запада и Северо-Востока. О высокой степени освоенности подобных слов свидетельствует употребление во фразеологизмах их словообразовательных дериватов — *откычкался, шанежка, шанюжка* — и вовлечение данных слов и реалий, обозначаемых ими, в эмоциональную сферу печорца в результате закрепления за этими словами и фразеологизмами с их участием эмоционально-оценочных компонентов — ласкательных, неодобрительных, шутливых, презрительных.

Как отмечает Л.С. Кривошекова-Гантман, исследовавшая коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья, из коми языка воспринимались слова, которые «нужны были русским крестьянам для обозначения новых для них понятий, отражающих отдельные детали окружающей местности, особенности флоры и фауны, одежды и обуви, посуды и т. д. Весьма важными словами для русских были также различные географические названия (рек, озер, поселений, гор, возвышенностей, лесов, дорог и др.)» [14. С. 47]. Все это в равной степени относится и к финно-угорским заимствованиям в русские говоры нижней Печоры. Поэтому субстратные слова входят в составные наименования, выполняющие номинативную функцию. Например, лексикализованные сочетания *белая ера* и *красная ера* включают коми слово *ера* «карликовая береза», которое, по замечанию С.А. Мызникова, в Запечорском крае является общим названием разных пород ивы [1. С. 37–38]. Лексемы коми происхождения легко встраиваются в устойчивые обороты ввиду отсутствия для русскоговорящего человека внутренней формы или с целью дифференциации уже названных понятий: *запирать/запереть вису* «ставить поперек реки (ручья и т. п.) сеть или другой рыболовецкий снаряд»; *обловить вису* «ловить рыбу в устье небольшой реки» и «перегородить рыболовной сетью небольшую речку»; *обметать вису* — «поставить сеть для ловли рыбы в небольшой реке, протоке» (*виска* — небольшая речка, соединяющая два водоема, проток, от коми *vis(-к-)* 1) проток, канал (соединяющий озеро с рекой), 2) загородка в протоке (для вылова рыбы)⁶).

⁶ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

Но гораздо чаще заимствованные компоненты встраиваются во фразеологические единицы, подвергаясь десемантизации и образному переосмыслению. Северные реалии, предметы рыболовного и охотничьего промысла, оленеводства послужили образной основой для ФЕ: *как кулёма* (неодобр.) «о неряшливо одетой женщине» (*кулёма* — ловушка для медведя, для мелкого пушного зверя, из коми⁷); *как няча* «о плохо пропеченном хлебе» и «о поникшем, расстроенном человеке» (*няча* — глина; жидкая грязь; ил, из коми⁸); *всё богатство — поплавки да кибасье* (*кибасье* — грузило из бересты в виде треугольника с камнем внутри, из финского⁹).

Многократное использование компонентов финно-угорского происхождения во фразеологических оборотах, с разной степенью переосмысления, свидетельствует о полном вхождении и слова и реалии в язык и повседневную жизнь русских переселенцев: *не по две морошки на ложку* «не спеша, не торопясь (есть)»; *морошка не воложка, воложка — коровушка* «физически работающему человеку трудно поддерживать жизнь одной растительной пищей, ему нужны продукты животного происхождения»; *морошка не наеда* «морошкой не насытишься»; *морошка любит ножки* «о трудоемком процессе сбора морошки» (несмотря на фонетические трудности, финно-угорское происхождение названия этой северной ягоды М. Фасмер считает вероятным¹⁰); *как чуна* «об очень худом, высоком человеке»; *как чуну тянуть* «сутулиться, идти сгорбившись» (*чуна* — легкие длинные узкие охотничьи сани, обычно считают заимствованием из саамского¹¹).

Многие компоненты, становящиеся частью фразеологизмов, представляют собой экзотизмы: *шаньга*, *кибасье*, *чуна*, *кулёма*. В русских говорах они становятся этнографизмами, поскольку, как правило, обозначают реалии — одежду, обувь, жилища, — не распространившиеся далее северных территорий, Урала, Сибири: *ума, как у старого пима* (пренебр.) «о недалеком человеке независимо от возраста»; *старый пим* — добродушно-снисходительное отношение к старому человеку; *подь ты в дырявый пим* — (досад.) «иди прочь» (*пими* — высокая обувь из шкуры оленьих ног¹², иж¹³. < ненецк.¹⁴); *катанцы до хреста, а малица до хвоста* — «о нерадивости»; *та же малица, только на левую сторону* (*малица* «верхняя одежда из оленьих шкур

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах. Санкт-Петербург : Терра — Азбука, 1996. Т. 2. С. 409–410.

⁸ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1999. С. 202.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 227, 229.

¹⁰ Там же. С. 658.

¹¹ Там же. Т. 4. С. 383.

¹² Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fulab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

¹³ Ижемский диалект коми-зырянского языка.

¹⁴ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 221.

мехом внутрь» < ненецк.¹⁵); *тюнь да уледь* (презр.) «похожие в каком-либо отношении люди» (*уледи* «невысокая кожаная обувь» < *улеги* (арх., волог., перм.) < фин.¹⁶); *в куропачьем чуму ночевал* (шутл.) «о заблудившемся человеке» (*чум* — вотяцкое жилье, считается заимствованием из коми, удм.¹⁷).

Ввиду неземледельческого уклада исследуемых этнических групп зооморфные образы можно считать преобладающими в печорской фразеологии. Например, изможденных, тощих людей называют через соотнесение их с животными без шкуры или со шкурой, лишившейся меха, шерсти: *как ровдуга* — о худом человеке, *голее ровдуги стать* — очень похудеть (*ровдуга* — 1) вытершаяся, без меха, оленья шкура, 2) не покрытая шерстью часть шкуры овцы, из саам.¹⁸); <как> *сухая раушка (куреньга)* — кто-либо худой, сухой, тощий; говорится обычно о женщине, иногда о животном (*равушка (раушка)* — 1) тушка небольшого пушного зверька, с которого снята шкура, 2) шкурка пушного зверька, из карельск.¹⁹; *куреньга* — ободранная тушка пушного зверька, из приб.-фин. языков²⁰). Образ рыбы, интенсивно шевелящей жабрами, лег в основу оборота со значением «ругаться, раздуваясь от злости» — *ширить шаглы* (*шаглы* — жабры рыбы < карельск.²¹).

Среди зоосемантических компонентов в составе ФЕ можно выделить и вполне универсальные, не связанные с северной спецификой, что свидетельствует не только об обмене, вызванном прагматической необходимостью, но и о естественном взаимопроникновении слов повседневного использования. К числу подобных фразеологизмов можно отнести: *долгоязыкая балька* (неодобр.) «излишне разговорчивый, болтливый человек»; *как балец на Масленке собирать* (шутл.) «очень громко (говорить)» (*баля* — овца; направление заимствования (русский — коми) не совсем ясное: Калима считает русское слово заимствованием из коми языка, Фокош и Матвеев полагают, что коми заимствовали его из русского языка; в коми языке слово встречается во всех диалектах и имеет ряд производных значений²²); *мырку высунуть, мырку (морду) задирать* «зазнаваться, важничать, переставать считаться с другими» (*мыра, мырка* — «передняя часть головы животного, рыбы», экспр. «о лице человека» < коми *ныр* «нос»²³).

В редких случаях в печорской фразеологии находят отражение коми варваризмы и иноязычные вкрапления: *какие мамысы, такие и немысы* — «ник-

¹⁵ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 169.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 158.

¹⁷ Там же. С. 381.

¹⁸ Там же. Т. 3. С. 488.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 428.

²⁰ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 146–147.

²¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. С. 394.

²² Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 36–37.

²³ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

чемные родители, никчемные и дети; в детях повторяются недостатки, пороки их родителей, говорится с осуждением» (*нем* — коми местоимение «ничто, ничего»²⁴ < доперм.²⁵); *мунам пешам* — (ирон.) «иди пешком» (*мунны* — ‘идти, ехать, двигаться’, *мунам* — 1 л. мн. ч. (например, *ми мунам* — *мы идем*)).

Заключение

Диалектная фразеология является неоспоримым источником сведений, подтверждающих межъязыковые контакты разных этнических групп. Проникновение элементов неисконного происхождения в знаковую систему, являющуюся вторичной по отношению к лексической, свидетельствует о высокой степени освоения и осмысления языковых единиц и денотатов, обозначаемых ими. Признаками глубокой освоенности иноязычных элементов можно признать:

1) включение в состав фразеологизмов словообразовательных и семантических дериватов (*откычкался*, *шанежка*, *шанюжка*, *балька*, *немысы*, *кибасье*, *куреньга* «истощенный, худой человек»), фонетически модифицированных компонентов (*мыра*, *мырка* < коми *ныр*; *уледи* < фин. *улеги*);

2) вовлечение заимствованных компонентов в сферу чувств и эмоций диалектоносителя, использование для оценочной характеристики окружающего мира, но прежде всего человека (*как кулёма*, *как няча*, *как ровдуга*, *как сухая раушка*, *старый тим*).

Займствования уральского происхождения — коми, удмуртские, карельские, финские, саамские, ненецкие — проникли в русскую (печорскую) фразеологию преимущественно благодаря коми-русским контактам, поддержанным в отдельных случаях двуязычием жителей Печорского (угольного) бассейна. Как правило, это слова, обозначающие особенности местной флоры и фауны, отдельные детали рельефа, предметы рыболовного и охотничьего промысла, оленеводства, одежду и обувь, жилища и домашнюю утварь, средства передвижения.

С лингвистической точки зрения неисконные элементы в составе печорских фразеологизмов можно охарактеризовать как иноязычные вкрапления и варваризмы (*мунам*), экзотизмы, ставшие этнографизмами в системе русского говора (*шаньга*, *кибасье*, *чуна*, *кулёма*, *тимы*, *чум*, *малица*, *чуна*), собственно займствования, встроившиеся в синонимический ряд исконных и ранее заимствованных слов или являющиеся единственной номинацией денотата, распространившегося за пределы региона (*баля*, *ера*, *виска*, *кычко*, *морошка*).

Несомненно, именно финно-угорские компоненты, проникшие в состав устойчивых оборотов, придают печорской фразеологии своеобразие и уникальность, требующие дальнейшего изучения.

²⁴ Большой коми-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch?searchtype=1&searchtype2=1&word=киса&lang=> (дата обращения: 21.07.2025).

²⁵ Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 187.

Список литературы

1. Мызников С.А. Атлас субстандартной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. Санкт-Петербург : Наука, 2007.
2. Шабает Ю.П., Дронова Т.И., Шаров В.Э. Коми-ижемцы, поморы и устьицелемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–151. EDN: MVKWQN
3. Бернштам Т.А. Былины на Печоре // Свод русского фольклора. Т. 1 : Север Европейской России. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 79–145.
4. Гайдамашко Р.В. О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») // Севернорусские говоры. 2012. № 12. С. 181–205. EDN: TPXQUV
5. Зверева Ю.В. Лексика коми-пермяцкого происхождения в «Словаре русских говоров севера пермского края» // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. № 16. С. 103–110. EDN: TCGHPP
6. Мызников С.А. О лексике коми происхождения в севернорусских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Санкт-Петербург : Наука, 2010. С. 298–303. EDN: UNZZBP
7. Тенегин А.Н. Новые данные о местных географических терминах иноязычного происхождения в русских говорах нижней Печоры // Вопросы ономастики. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. Вып. 11. С. 85–93.
8. Федюнева Г.В. Финно-угорские заимствования в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» // Вторые Мяндинские чтения. Сыктывкар : Кола, 2011. С. 173–179.
9. Ильина Ю.Н. Заимствованная лексика говоров Низовой Печоры как отражение семиотической оппозиции 'свой/чужой' // Рябининские чтения — 2011. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2011. С. 485–487.
10. Маринова Е.В. Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц // Вестник ННГУ. 2008. № 4. URL: kyberleninka.ru/article/n/inoyazychnoe-slovo-kak-komponent-novykh-frazeologicheskikh-edinit (дата обращения: 05.07.2025). EDN: JZBNBZ
11. Фольклор Усть-Цильмы : пословицы, поговорки, присловья / сост. Т.И. Дронова. Сыктывкар : Изд-во Коми научного центра УрО РАН, 2004. 180 с.
12. Урманчеева И.С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры : монография. Москва : ФЛИНТА, 2024. 150 с. EDN: SVVOEZ
13. Герд А.С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. 1970. Вып. 1. С. 108–117. EDN: VJTSIJ
14. Кривошекова-Гантман Л.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. 1981. Вып. 2. С. 46–62.

References

1. Myznikov, S.A. 2007. *Atlas of subprime and borrowed vocabulary of Russian dialects of the North-West*. St. Petersburg: Nauka publ. (In Russ.)
2. Shabaev, Y.P., T.I. Dronova, and V.E. Sharapov. 2010. "The Izhma Komi, Pomor, and UstTsilema: Patterns of Cultural Transformations." In *Ethnographic Review*, no. 5, pp. 134–151. (In Russ.) EDN: MVKWQN
3. Bernshtam, T.A. 2001. "Bylins on Pechora." In *Code of Russian folklore*. St. Petersburg: Nauka, pp. 79–145. (In Russ.)
4. Gaidamashko, R.V. 2012. "On the North Russian vocabulary of Finno-Ugric origin in Perm dialects (based on the material of the thematic group 'Landscape')." In *North Russian dialects*, no. 12, pp. 181–205. (In Russ.) EDN: TPXQUV

5. Zvereva, Yu.V. 2012. "Vocabulary of Komi-Permyak origin in the Dictionary of Russian dialects of the north of the 'Perm Territory'." In *Problems of socio-and psycholinguistics*, no. 16, pp. 103–110. (In Russ.) EDN: TCGHPP
6. Myznikov, S. A. 2010. "On the vocabulary of Komi origin in North Russian dialects." *Lexical atlas of Russian folk dialects*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 298–303. (In Russ.) EDN: UNZZBP
7. Tenegin, A.N. 1976. "New data on local geographical terms of foreign language origin in Russian dialects of lower Pechora." In *Onomastics*. Sverdlovsk: Ural Publishing House University, no. 11, pp. 85–93. (In Russ.)
8. Fedyuneva, G.V. 2011. "Finno-Ugric borrowings in the 'Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora'." In *Second Myandinsky readings*. Syktyvkar: Kola publ., pp. 173–179. (In Russ.)
9. Ilyina, Yu. N. 2011. "Borrowed vocabulary of the dialects of the Lower Pechora as a reflection of the semiotic opposition 'friend/foe'." In *Ryabinin readings — 2011*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., pp. 485–487. (In Russ.)
10. Marinova, E.V. 2008. "Foreign word as a component of new phraseological units." In *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University*, no. 4, 5 Jul. 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnoe-slovo-kak-komponent-novyh-frazeologicheskikh-edinit> EDN: JZBNBZ
11. *Folklore of Ust-Tsilma: proverbs, sayings, sayings*. 2004. Compiled by T.I. Dronova. Syktyvkar: Komi publishing house of scientific center UrO RAS publ. (In Russ.)
12. Urmancheeva, I.S. 2024. *Dialect variants of common Russian phraseologisms in dialects of the Lower Pechora*. Moscow: FLINTA publ. Web. (In Russ.) ISBN 978-5-9765-5489-4 EDN: SVVOEZ
13. Gerd, A.S. 1970. "From the history of the Pechora names of fish." In *North Russian dialects*, no. 1, pp. 108–117. (In Russ.) EDN: VJTSIJ
14. Krivoshchekova-Gantman, L.S. 1981. "Komi-Permyak borrowings in Russian dialects of the Upper Kama region." In *Etymological research*, vol. 2, pp. 46–62. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Урманчеева Ирина Серафимовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Российская Федерация, Республика Коми, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55. ORCID: 0000-0001-6376-1059; eLibrary SPIN-код: 1563-6446. E-mail: isurman@rambler.ru

Bio note:

Irina S. Urmancheeva is a Candidate of Philological Sciences, Associated Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6376-1059; eLibrary SPIN-code: 1563-6446. E-mail: isurman@rambler.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-299-314

EDN: JLSLPD

Научная статья / Research article

Пауза как средство создания подтекста в коми прозаических произведениях

Г.В. Пунегова^{ID}

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация

✉ galina.syktsu@mail.ru

Аннотация. В современном языкознании большой интерес ученых вызывает исследование звучащей речи и специфики ее интонационного оформления. В центре внимания автора — один из компонентов интонации, а именно пауза, которая играет важную роль как в спонтанной живой речи, так и в письменном тексте. Ее особое место среди других элементов интонации заключается в ключевой роли для обеспечения коммуникативной эффективности передаваемого сообщения. Работа посвящена изучению и описанию паузы как средства организации рефлексии в процессе интерпретации коми прозаического текста. Объект исследования — пауза как элемент интонации, способная нести важную смысловую нагрузку в речи. Основные задачи сводятся к анализу мотивационной стороны паузальных включений, выявлению средств передачи пауз в тексте прозаического произведения и их классификации в функционально-семантическом аспекте. Источниками эмпирической базы исследования послужили тексты оригинальной коми художественной литературы, на основе которой собран богатый текстовый материал для изучения интонационных особенностей, в том числе и пауз, характеризующих речь персонажа. Текст художественного произведения отражает специфику использования языковых средств передачи паузы в речи собеседников. Автором сделан вывод, что по большей части они передаются посредством авторских ремарок, разрыва слов, их повтора в реплике героя, шрифтовых выделений лексем, речеподобных заполнителей, а также использования графических, в том числе пунктуационных, возможностей в тексте. При классификации пауз учитывались их характеристики, разноуровневые параметры, как позиция по отношению к смысловой связи, физическая природа, а также функция. Анализ позволил определить множество типов пауз, используемых в тексте. Отличительной чертой каждой из этих разновидностей является их спонтанность и непредсказуемый характер. Существенное влияние на репрезентацию языковых характеристик пауз в речи персонажей оказывают авторский стиль, уникальная звуковая организация речи, создаваемая писателями для своих героев, и авторское отношение к формируемым образам.

Ключевые слова: коми язык, пауза, типы пауз, речевой поток, интонация, экспрессивность, фраза, синтагма, письменная речь

История статьи: поступила в редакцию 05.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Пунегова Г.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта 126020216215-0 «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система».

Для цитирования: Пунегова Г.В. Пауза как средство создания подтекста в коми прозаических произведениях // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 299–314. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-299-314> EDN: JLSLPD

Pause as a Means of Creating Subtext in Komi Prose Works

Galina V. Punegova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre
“Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” *Syktvykar, Russian Federation*
✉ galina.syktsu@mail.ru

Abstract. In modern linguistics, scientists are very interested in the study of sounding speech and the specifics of its intonation. The paper focuses on one of the components of intonation, namely the pause, which plays an important role both in spontaneous live speech and in the written text. Its special place among other elements of intonation lies in its key role in ensuring the communicative effectiveness of the transmitted message. The paper deals with the study and description of the pause in Komi prose works. The object of our research is the pause as an element of intonation, capable of carrying an important semantic load in speech. The main objectives of the study are to analyze the motivational side of pausal inclusions, identify the means of transmitting pauses in the text of a prose work and classify them in a functional and semantic aspect. The sources of the empirical base of the work were the texts of the original Komi fiction, on the basis of which a rich textual material was collected for the study of intonation features, including pauses characterizing the character’s speech. The text of the artwork reflects the specifics of the use of linguistic means of transmitting pauses in the speech of the interlocutors. The study allowed us to conclude that for the most part they are transmitted through author’s remarks, word breaks, their repetition in the character’s remark, font highlights of lexemes, speech-like placeholders, as well as the use of graphic, including punctuation, features in the text. When classifying pauses, their characteristics, multi-level parameters, such as position in relation to semantic connection, physical nature, and function were taken into account. The analysis allowed us to identify many types of pauses used in the text. A distinctive feature of each of these varieties is their spontaneity and unpredictable nature. The author’s style, the unique sound organization of speech created by writers for their characters, and the author’s attitude to the images formed have a significant impact on the representation of the linguistic characteristics of pauses in the characters’ speech.

Key words: Komi language, pause, types of pauses, speech flow, intonation, expressivity, phrase, syntagma, written speech

Article history: received 05.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216215-0 “Permian languages as a historically established and dynamically developing system.”

For citation: Punegova, G.V. 2026. Pause as a Means of Creating Subtext in Komi Prose Works. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 299–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-299-314> EDN: JLSLPD

Введение

В системе супraseгментных средств языка паузирование занимает важное место и играет большую роль в речи. Под термином *пауза* в фонетике принято понимать два взаимосвязанных фонетических явления: временное прекращение звучания речи, иначе остановка в звучании речевого потока, и граница интонационного членения. Н.Д. Светозарова дает следующее ее толкование: «ПАУЗА в речи, перерыв в речи, которому акустически обычно соответствует полное отсутствие звука, а физиологически — остановка в работе органов речи. П. между словами (в отличие от перерывов внутри слова, напр. глухих смычек у согласных) выполняет языковые функции, являясь средством членения речи на интонационно-смысловые единицы — фразы и синтагмы (в этой функции П. выступают совместно с изменениями мелодики речи, интенсивности и темпа речи, причем резкие перепады последних могут заменять П.); средством выражения характера связи между частями высказывания; средством смыслового и эмоционального выделения слова или синтагмы»¹. Лингвисты расходятся во мнениях относительно роли паузы в высказывании. Среди некоторых ученых распространено суждение о том, что пауза не играет определенной значимой роли в речи, оставаясь незамеченной, что она необходима лишь в том случае, когда человек вдыхает воздух в легкие, выполняя лишь физиологическую функцию дыхания. Тем не менее среди компонентов интонации (к которым также относятся темп, тембр, ритм, интенсивность, длительность, мелодика, дикция) она (пауза) занимает особое место и играет ключевую роль для обеспечения коммуникативной эффективности передаваемого как в спонтанной устной речи, так и в письменном тексте. Паузы в потоке речи необходимы для членения речи на отдельные смысловые отрезки, они «составляют иерархии фонетических единиц (синтагма, фраза, сверхфразовое единство, абзац, дискурс и т.д.)» [1. С. 42]. Изучение паузы, как компонента интонации, до сих пор остается актуальным в отечественном языкознании. Паузам отведено большое место в лингвистике в плане изучения их разной направленности [2; 3 и др.], в том числе экспериментальным методом исследования [4; 5], применение инструментального [6], сопоставительного и количественного [7; 8] анализа. Многие лингвисты неоднократно обращаются к изучению пауз в разных типах и видах речи, выявляя их особенности в функционально-семантическом аспекте [7; 9 и др.].

Объектом нашего исследования является пауза как элемент интонации, способная нести важную смысловую нагрузку в речи. Основные задачи исследования сводятся к анализу мотивационной стороны паузальных включений, выявлению средств передачи пауз в тексте прозаического произведения

¹ Светозарова Н.Д. Пауза // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2324507> (дата обращения: 25.11.2025).

и их классификации в функционально-семантическом аспекте. Эмпирическим материалом послужили тексты современных коми прозаических произведений, из которых излечены и системно проанализированы фрагменты фраз героев и сопровождающие их авторские пояснения, детально характеризующие специфику интонационного оформления речи персонажа.

Результаты и обсуждение

Пауза представляет собой особую область молчания, наполненную подтекстом, неким скрытым смыслом. Зону молчания не следует рассматривать как разрыв в коммуникации, скорее это его продолжение, но выраженное иными средствами. В оформлении речи в тексте художественного произведения паузам отведена значительная роль. Непродолжительное прерывание речи (или пауза, разрывающая поток речи) нередко обладает значительной смысловой нагрузкой и может передать информацию более ёмко и эффективно, чем сами вербальные компоненты диалога. Они могут иметь различную длительность, которая способна отражать особенности взаимосвязи между расположенными рядом синтагмами и передавать информацию, влияющую на смысл высказывания². В определенных ситуациях коммуникативно значимыми может быть и неспешность или промедление с ответом, задержка реакции собеседника, а также полное отсутствие ответа, некое молчание, которое также несёт важную смысловую информацию в процессе речевой коммуникации. В письменном тексте оно детально и последовательно может описываться в словах автора как реакция или обратная связь персонажа-реципиента, принимающего и воспринимающего сообщение от собеседника. Например, в отрывке из текста произведения И. Торопова:

— *Чайтан ме тайӧс ньӧти ог гӧгӧрво?.. <...> ...Со тай, водзвыв ылӧдз вид-зӧдӧма (Соснин — автор), мый колӧ ловзьӧдны клубы удж, и менӧ нин кӧвъялӧ сэтчӧ, квартиратӧ сетӧ и... Тэ ӧд, ачӧд, он жӧ понды таысь мортсӧ дивитны? <...>*

*Галина немтор сэсся эз и куж шуны вочасӧ тадзитӧ эскӧдӧм ылӧ*³ [= пауза/молчание].

«— Думаешь, я это нисколько не понимаю?.. <...> ...Вот же, заранее далеко смотрел (Соснин — автор), что необходимо возродить работу клуба, и меня уже привлекает туда, и квартиру дает... Ты же, сама, не будешь из-за этого осуждать человека? <...>

Галина ничего затем и не смогла сказать в ответ на такое убеждение [= пауза/молчание]».

² Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно : пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высшая школа, 2001. С. 95.

³ Торопов И.Г. Съӧкыд лоны мортӧн: Роман да повестьяс. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 113.

Анализируя данный отрывок, мы видим, что после убедительных доводов одного из героев в ответ на реплику героини диалог персонажей прерывается, пауза выражается ее ответным молчанием, которая может затянуться на неопределенное время. В этом контексте пауза, нашедшая свое отражение в словах автора: *Галина немтор сэсся эз и куж шуны вочасё тадзитё эскёдём вылё* «Галина ничего затем и не смогла сказать в ответ на такое убеждение», несет коммуникативно значимое выражение, глубокий смысл. Он стимулирует читателя к размышлению над описанной ситуацией и ее дальнейшей интерпретации.

Исследования показывают, что на уровне восприятия диалога между собеседниками в тексте художественного произведения легче всего распознаются *синтаксические (или грамматические) паузы*, которые чаще всего соответствуют пунктуационным знакам в предложении письменного текста, например:

— Ме, [= пауза] гаикё, [= пауза] дёзмёди на сэки тэно... [= пауза] водзёсто⁴
«— Я, [= пауза] быть может, [= пауза] досаждал тогда тебя... [= пауза] раньше»;
— А мый, [= пауза] Серёгаыс — [= пауза] тёлка зон, [= пауза] велёдчёма и, —
бригадирлысь ыдждасё наросьнё тёдчодны зилиг шуис Аристарх⁵ «— А что
[пауза], Серега [пауза] — толковый парень [пауза], и обученный, — нарочно
стараясь подчеркнуть статус бригадира, сказал Аристарх».

Из примеров видно, что речевые фрагменты персонажей разделяются разновременными, или иначе реальными, паузами. Они сигнализируют о завершении одной фразы и начале другой, указывают на межфразовые границы. По нашим наблюдениям, преобладание грамматических реальных пауз в речи героев произведений обусловлено необходимостью создания естественного эффекта: плавности перехода от одной мысли к другой, а также ровной и правильной речи героя. Речь с таким оформлением пауз предотвращает раздражение слушателя или читателя из-за резких остановок и разрывов внутри синтаксических единиц. Однако существует потенциальный риск того, что такая речь, будучи слишком нормативной и нейтральной (как отмечают некоторые исследователи [6, 12]), может остаться без должного внимания читателя, поскольку избыточная нормативность может сделать речь героя скучной и неестественной. И наоборот, сокращение числа грамматических пауз, их недостаток или их стилистически нейтральный характер позволяют тексту раскрыть более выразительные стилистические особенности и эмоциональную окраску.

⁴ Юшков Г.А. Рёдвуж пас : роман, повесть. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1988. С. 255.

⁵ Торопов И.Г. Съёкыд лоны мортён: Роман да повестьяс. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 137.

Исходя из различного характера пауз и целей, их использование в письменном тексте зависит от индивидуального стиля писателя, его мастерства.

Паузы, возникающие внутри синтагмы, называемые иначе *синтагматическими*, не только отражают грамматические связи между синтагмами внутри фразы, но и служат средством для передачи разнообразных эмоциональных состояний человека. К ним относятся страх, тревога, волнение, гнев, горе, печаль, удивление, растерянность, неуверенность, раздражение, сомнение и т.п. Материал исследования показал, что писатели коми активно используют знак многоточия («...») для обозначения пауз внутри предложений, когда необходимо передать различные эмоции. При этом знак многоточия приобретает определённое эмотивное значение, которое зависит от лексических маркеров, дескрипторов, используемых авторами в тексте высказывания. Например:

1) при выражении страха и растерянности, например:

— *Гриша, мянӧс...* [= пауза] *луйласны?! — повзьӧмӧн ваинитӧс Микайлӧ дядь*⁶ «— Гриша, нас... [= пауза] расстреляют?! — испуганно прошептал дядя Микайло».

Лексический дескриптор *луйласны* «расстреляют» в контексте высказывания героя отражает эмоцию страха и растерянности, о чем также свидетельствует ремарка *повзьӧмӧн ваинитӧс* «испуганно прошептал», приведенная в словах автора к высказыванию персонажа и характеризующая его речь;

2) при выражении волнения коммуниканта, например:

— *Тӧ жӧ нӧльӧн мунӧнныд?* — *Да, нӧльӧн...* [= пауза] *Ӧтиӧс воштӧм нюрин, — дыр мысти вочавидзис Бойко*⁷ «— Вас же четверо отправилось? — Да, четверо... Одного потеряли в болоте — через некоторое время ответил Бойко».

Увеличенная пауза между синтагмами может свидетельствовать о силе переживаний, нередко смешанного характера. В представленном фрагменте лексический дескриптор *воштӧм* «потеряли», наряду с продолжительной паузой непосредственно перед уточнением, которое описывает возникшее состояние персонажа, выступает как индикатор эмоционального переживания, потрясения, а именно волнения и горя;

3) при выражении раздражения или враждебности, например:

— *Кыськӧ тай эм...* [= пауза] *йӧйыд!* — *лӧгасис Тамара*⁸ «— Откуда-то же есть... [= пауза] этот безумец (дурак)! — злилась Тамара».

⁶ Попов Н.П. Сӧм сьӧд кымӧр моз // Ытва дырйи: Коми висӧт 20–30-ӧд воясӧ. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1987. С. 71.

⁷ Игнатов М.И. Юсьяс, донаяс, вай жӧ висӧталӧй...: висӧтъяс да повесьяс. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1988. С. 156.

⁸ Юшков Г.А. Рӧдвуж пас: роман, повесть. С. 420.

Пауза во фразе, как осознанный перерыв в потоке речи героя, выступает инструментом передачи его эмоции. Эмоциональное состояние может усиливаться в том числе и за счет пейоративных слов и словосочетаний, следующих за паузой, которая разрывает фразу, делает ее более привлекательной для читателя, вызывает заинтересованность к дальнейшему чтению произведения.

В ряде случаев, помимо обозначения внутрифразовой паузы с помощью пунктуационного знака в тексте, автор может использовать дополнительные комментарии, поясняющие или уточняющие характер речи собеседника, нередко описывая особенности артикуляции, акустики, степень четкости речи, сходство с иными неречевыми звуками человека. Например:

— *Тайё абу ёшыбка, а тайё ...*, — *ыджыд дойысь моз мурёстис Самарин*, [= пауза] — *... гусьён пурём!*⁹ «— Это не ошибка, а это ..., — будто от сильной боли простонал Самарин, [= пауза] — ... коварство!».

Такие внутрифразовые паузы больше привлекают читателя, служат средством передачи широкого спектра экспрессивно-модальных характеристик. Для обозначения пауз внутри синтагм применяется также знак тире «—», однако используется он значительно реже. Например:

— *Шы — ни — тёв!* — *коставлёмён нин казътыліс Омелин да юалана видзёдліс Латкин вылө, <...>*¹⁰ «— *Ни — звука!* (букв. *звук — ни — ветра!*) — повторил (напомнил) с паузой Омелин и вопросительно посмотрел на Латкина».

Экстралингвистические паузы, которые можно назвать также внеязыковыми или внешними, относятся к невербальным компонентам коммуникации. В прозаических текстах они выражаются через авторское описание различных звуков, сопровождающих речь героев. Примерами речеподобных заполнителей могут быть смех, возглас, вздох, плач, рыдание, крик и т.п. Все они представляют собой прерывистые звуки, производимые посредством коротких выдыхательных движений. Такие паузы служат для передачи эмоционального состояния персонажей художественного произведения и помогают читателю лучше представить себе происходящие события. А.А. Леонтьев подчеркивает, что они «...увеличивают семантически значимую информацию, но не посредством дополнительных речевых включений, а „окolorечевыми“ приемами» [10. С. 5].

Внеязыковые паузы, таким образом, выполняют существенную вспомогательную функцию в процессе коммуникативного взаимодействия, помогают понять эмоциональное настроение участников диалога. В этом случае диалог сопровождается отдельными авторскими словами либо целыми выражениями. Достаточно часто используются колоративные конструкции, состо-

⁹ Юшков Г.А. Чугра : роман. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1981. С. 141.

¹⁰ Юшков Г.А. Рёдвуж пас : роман, повесть. С. 389.

ящие из сочетания изобразительного и основного глаголов. Такие конструкции детально описывают какое-либо конкретное действие, передавая различные звуковые образы его совершения: *ырōстны-бōрddзыны* «заплакать навзрыд», *ырзыны-ымзыны* «громко плакать (голосить)-стонать», *гигзыны-серавны* «весело смеяться, гоготать», *семдыны-серавны* «безудержно смеяться», *чирзыны-горзыны* «визжать-кричать», *равзыны-горзыны* «громко кричать (букв. орать-кричать)». Например:

*Сэсся лэччис Марпа водзын пидзōс вылас, чышкис петысь синвасō да шуис: — Прōща кора тэнсьыд, Марпа, — да ырōстис-бōрddзис*¹¹ «Затем спустился на колени перед Марпой, вытер выступившие слезы и сказал: — Прошу прощения у тебя, Марпа, — и заплакал навзрыд (громко заплакал)».

— *Да, мый вōчан, — жалитана ышловзис* [= пауза] *Кōсьта. — Панте тай ачыс вōли шуалас: «Ен сетō, Ен и босьтō»*¹² «— Да, что поделаешь, — жалостливо вздохнул [= пауза] Костя. — Панте вот сам говорил было: „Бог даёт, Бог и забирает“».

— *Эм эськō да...* [= пауза] — *нора ышловзис Галина, <...>. — Дерт, съывны кō мыйкō, сийō и ачыс бура съылас...* [= пауза] *А сидзō Риммаыд сэтшиōм жō клубса зав, кутиōм...* [= пауза/молчание]. *Водзō шуōм пыддиыс Галина сōмын и ѓвтышитис кинас*¹³ «— Есть бы да... [= пауза] — грустно вздохнула Галина, <...>. — Конечно, если что-либо спеть, она и сама хорошо споёт... [= пауза] А так-то Римма такой же зав клубом, какой... [= пауза/молчание]. *Далее вместо слов Галина только и отмахнулась рукой*».

Передача смеха в прозаическом произведении не ограничивается лишь описанием внешнего поведения персонажа. Писатель может использовать приём эксплицитного звукового отображения смеха непосредственно в тексте диалога. Смех, передающийся с помощью звуковых маркеров в виде букв, интегрированных как в структуру фразы, так и в интервалы между ними, является внешним выражением определённого эмоционального состояния индивиду-героя [11. С. 15] и важным элементом невербальной коммуникации. Например:

— *Коймōд куплетсянь, кōни Сидōр чер ныжмōм вълō ыстысьō, сийō гигзис тошсō чатрōдлōмōн: — Гы-гы-гы!..* [= пауза] *Ок, дугдōй вай, кочōг бытишкымōн, трасичаяс, тешитанныд!.. У-у-у!.. Гы-гы-гы!..* [= пауза] *Пиля Климлысь, шуанныд, видзō пырōм празднуйтигōн тош пōвсō нетишшитōмаōсь...*¹⁴ «— С третьего куплета, где Сидор ссылается на потупившуюся пилу, он гоготал, приподнимая бороду: — Гы-гы-гы!.. [= пауза] Ой, давайте прекратите, до коликов, сорванцы, смешите!.. У-у-у!.. Гы-гы-гы!.. [= пауза] Говорите, у Пиля Клина в период празднования полбороды оторвали...»

¹¹ Гордеева А. Прōща кора, Марпа // Войвыв кодзув. 2017. № 12. С. 35.

¹² Шахов Б.Ф. Овлісны-вывлісны: Роман. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. С. 159.

¹³ Торопов И.Г. Събкыд лоны мортōн: Роман да повестьяс. С. 97.

¹⁴ Шахов Б.Ф. Тшōтшгьяяс: Повестьяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. С. 255.

Оценку звучания судорожного смеха героя в данном контексте передаёт эмотивный глагол *гигзис* «гоготал», характеризующий его поведение с внешней стороны (в словах автора), а также словосочетание *кочёг бытшкымён те-иштаннэ* «до коликов смешите» (в словах героя произведения). В данном примере восприятие пауз читателем опирается на весь отрывок текста в целом, а не на отдельный сегмент речи, поэтому описание звуков смеха (*Гы-гы-гы; У-у-у*) в словах автора, сопровождающих речь персонажа, играет важную роль в раскрытии внутреннего смысла всего сообщения, общей картины происходящего, обогащает текст смысловой информацией.

Перерывы в звучании не всегда зависят от синтаксического строения предложения и в целом текста. Они могут возникнуть по самым разным, не связанным с грамматикой, причинам: из-за случайных запинок и самокоррекции высказывания, внешних вмешательств в диалог или просто по причине остановки звучания. Определяются они как *паузы хезитации* (иначе *паузы колебания*), которые характеризуются спонтанной остановкой в передаче информации во время коммуникации и вызваны как внешними, так и внутренними факторами (см. об этом [12]). В зависимости от разных обстоятельств паузы хезитации несут эмоционально-модальную нагрузку. Для них характерен разрыв слова, непреднамеренная остановка звучания с последующим повтором предыдущей лексемы или словосочетания и завершением всей фразы, например:

— *Аристарх, ме чайта, тэ...* [= пауза] *тэ верман...* [= пауза] *Пёся кё босьтчан, тэ ловзьёдан посёлокын став гажсё...* [= пауза] *Став бурсё...*¹⁵ «— Аристарх, я полагаю, **ты** ... [= пауза] **ты** можешь... [= пауза] С большим желанием если возьмёшься, ты возродишь в поселке все праздники... [= пауза] Всего хорошего...»;

Мёдыс бур ногён серёткыштіс да юаліс: — Он-ё нин тэ чайт, мый ме... [= пауза] *мый ме уси-лэдзчыси сэтчөдз...* [= пауза] *мый кути ызьёдавы кодъясёскё анонимной письмёяс гижём вылө? <...>*¹⁶ «Тот (букв. второй, другой) по-хорошему усмехнулся и спросил: — Не считаешь ли ты, что я... [= пауза] что я упал-опустился до той степени... [= пауза] что я стал настраивать кого-либо на написание анонимных писем?...».

Поток речи может разрываться и при паузах *дыхательных*. Они часто возникают при ускоренном темпе речи, быстром произнесении фразы, отчего могут приводить к кратковременной задержке дыхания после выдоха и разделять текст на смысловые отрезки. В тексте произведения такие паузы могут детально описываться словами автора и быть воспроизводимыми, например:

— *Сійё ланьтліс, лолыс тырліс да, но сэсся водзё нуёдіс сёрнисё*¹⁷ «Он при-молк, так как не хватило дыхания, но затем продолжил разговор».

¹⁵ Шахов Б.Ф. Там же. С. 106.

¹⁶ Шахов Б.Ф. Там же. С. 176–177.

¹⁷ Манди И. Батя-пия // Войвыв кодзув. 2015. № 8. С. 39.

Длительность дыхательных пауз при разговоре может зависеть от темпа речи, в письменной форме описание частоты их возникновения и длительность каждой из них становится частью авторского замысла, позволяющего передать фазы вдоха, паузы и выдоха, и обусловлена умением автора показать их в тексте разными способами. Например:

— Да... [= выдох] — зон бара ланьтліс [= пауза], а сэсся өдйөкодъ шуис: [= вдох] — Узьёны нин¹⁸ «— Да... [= выдох] — парень опять замолчал [= пауза], а затем быстро сказал: [= вдох] — Спят уже».

Паузы хезитации могут быть заполненными и незаполненными. При *незаполненной паузе хезитации* наблюдается полное отсутствие звука, свидетельствующее о том, что следующий фрагмент высказывания персонажа еще не готов. Это приводит к прерыванию речевого потока собеседника на некоторое время, т.е. к временному молчанию. Такие паузы могут быть вызваны самыми разными обстоятельствами и обычно несут в себе дополнительную эмоционально-модальную окраску, например, когда пауза в речи возникает вследствие реакции персонажа на определённую ситуацию и выражает временное эмоциональное переживание героя:

— Но, со тай... [= пауза] — мөвпаланаа нюжөдіс Николай Демьянович¹⁹ «— Ну, вот как... [= пауза] — размышляя, протянул Николай Демьянович».

Заполненные паузы хезитации поддерживают коммуникацию, не прерывают реплику говорящего. Тем не менее они могут указывать на затруднение в высказывании, дают время для обдумывания. В речи коммуниканта они выражаются различными лингвистическими средствами:

1) с помощью всевозможных затяжек звуков, например:

а) вокализации, удлинение гласных:

— Э-э, [= пауза] — нюмдыитліс Ёгор дядь да сумкаас лукйысьыитём бёрын юалис: — Мый вылө кыйсян?²⁰ «— Э-э, [= пауза] — улыбнулся дядя Егор и, покопавшись в сумке, спросил: — На что охотишься?»;

б) удлинение согласных, преимущественно сонорных согласных:

— <...> мыгөрныс ставлөн (швейцарьяслөн — автор) эсйё... **м-м-м...** [= пауза] помнитан, <...>, книгаас серпасьяс вёліны²¹ «— их (швейцаров — автор) вид это... **м-м-м...** [= пауза] помнишь, <...>, в той книге были изображения»;

¹⁸ Обрезкова Н. Клеткаа пинжака морт // Войвыв кодзув. 2008. № 12. С. 20.

¹⁹ Торопов И. Г. Съёкыд лоны мортон: Роман да повестьяс. С. 137.

²⁰ Тимушев Э. Съод кокора // Войвыв кодзув. 2022. № 8. С. 59.

²¹ Колесов И. (комиөдіс Е.В. Козлов) Кима // Войвыв кодзув. 2021. № 3. С. 32.

2) с помощью паразитических элементов — слов-паразитов, дискурсивных слов, которые не несут смысловой нагрузки, но часто используются в речи. К ним относятся слова различных частей речи (местоимения, наречия, союзы, частицы, вводно-модальные слова), а также словосочетания и выражения, целые предложения. Они заполняют паузу в том случае, когда говорящему необходимо время для обдумывания следующей мысли и поиска лексической единицы. Например, выражение паузы при помощи местоимения:

— Менам *эсйё*... [= пауза] *чуман коркё воши*²² «— У меня *это*... [= пауза] берестяное лукошко когда-то потерялось»;

при помощи частицы:

— *Поездыд вот* [= пауза] *оз, кёнкё, виччысь-а?*²³ «Поезд *вот* [= пауза], наверно, не будет ждать?» и т.п.

Всевозможные заполнители пауз могут возникнуть в любой позиции структуры предложения, — это тесно связано с мыслительными процессами человека. Они могут предшествовать речевому потоку, протекать одновременно или следовать за ним. По мнению исследователей, паузы хезитации, иначе колебания, — «это комплексное и неоднозначное явление, поэтому подход к ее изучению должен быть широким» [13. С. 97]. Ввиду отсутствия смыслового содержания таких заполнителей пауз их называют «лишними словами», «пустыми словами» или «пустыми частицами».

Авторские ремарки в художественных текстах детально характеризуют речь персонажа, включая в описание такие неречевые элементы, как *невербальные паузы колебания*. К паралингвистическим паузам хезитации относят цоканье языком, вздохи, покашливание, смех, всхлипывание и прочее, например:

— *Гашкё, и ылёдзджык на ковмас нуны, — сйё пыдісянь ышловзис* [= пауза], *сэся содтіс: — Вермыласны кё эськё фашистъясёс, да гортё волас батёным, сэки эськё мамёкёд пёттёдыс шойччёдам сйёс*²⁴ «— Возможно, и дальше придётся нести, — он *глубоко вздохнул* [= пауза], затем добавил: — Если победят фашистов, и домой вернётся отец, тогда мы с мамой вдоволь дадим ему отдохнуть».

— *Коньёранёй! — Ёгаи эз на вермы лёньёдчыныыс да воксё пельпомъясёдыс шыльёдігмоз сыркъяліс* [= пауза]. — *Кык во нйит окопъясын туплясин да лыйсин <...>*²⁵ «— Бедненький мой! — не могла уgomониться Агаши и, поглаживая плечи брата, *всхлипывала* [= пауза]. — Два года в грязных окопах валялся и стрелял».

²² Попов А.В. Арыс сэтшём мича лои // Войвыв кодзув. 2020. № 7. С. 22.

²³ Игнатов М. Виччысьтём рейс // Войвыв кодзув. 2023. № 5. С. 51.

²⁴ Морозов С. Миянлы колё вёв // Войвыв кодзув. 2023. № 10. С. 34.

²⁵ Шахов Б.Ф. Овлісны-вывлісны : роман. С. 156.

— Лёсьодны? — *шегмунліс* Кузовкин да *довкнитіс юрнас* вездеходланьыс [= пауза]. — Да тайёс ёти здукён позьё <...>²⁶ «— Исправить? — встрепенулся Кузовкин и кивнул головой в сторону вездехода [= пауза]. — Да это одним мигом можно».

Экспериментальные исследования относительно восприятия реципиентами неестественных пауз хезитации в речевом потоке доказывают мысль о том, что они приводят к негативной оценке коммуникативного акта [3. С. 266]. Реципиенты часто описывают такие паузы, как вызывающие дискомфорт, раздражение и препятствующие эффективному восприятию информации.

Текст художественного произведения не обходится без *психологических (эмоциональных или эмотивных) пауз* во фразах речи героев. Они играют важную роль в создании атмосферы и передаче внутреннего мира героя, его характера, состояния души, настроения. Эмотивные паузы намеренно включаются авторами в текст речи персонажа, чтобы подчеркнуть важность слов и фраз, сконцентрировать на них внимание и интерес читателя или слушателя. Этот приём является мощным инструментом для придания эмоциональной окраски, экспрессивности и выразительности тексту. Применение данных пауз требует глубокого понимания текста и осознанного выбора писателями моментов для их введения. Данный арсенал художественных средств выразительности автор произведения использует для того, чтобы не потерять коммуникативно значимые элементы, которые в устной речи выражаются фонетическими средствами, но в письменной форме требуют других средств.

Наш анализ показал, что преобладающее число психологических пауз в речи собеседника возникает непосредственно перед лексическими единицами, несущими логическое ударение. Эти паузы, как правило, выполняют функцию акцентирования и усиления выделенного слова, не предполагая при этом развёрнутого описания подтекста. Например:

— А тiяны, Захарыч, да главнiй механiклы *дасьтыны* став оборудование, мед шахта стрiитiгкежлi *ставыс вiлi дась*, — компрессор, лебiдкаяс, кабель и сiдз водзi. Гiгiрвоана?..²⁷ «— А вам, Захарыч, и главному механику *подготовить* всi оборудование, чтоб к строительству шахты *всi было готово*, — компрессор, лебедки, кабель и так далее. Понятно?..»

Сила и глубина авторских чувств, его эмоционального напряжения могут быть искусно отображены через намеренное использование психологических пауз, которые могут следовать до или после значимых слов или фраз, создавая особый тон высказывания. Данный приём позволяет читателю глубже почувствовать эмоциональный подтекст. Например:

²⁶ Юшков Г.А. Рёдвуж пас : роман, повесть. С. 428.

²⁷ Куратова Н.Н. Аддзысьлам на тшук: Повестьяс да висьтьяс. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1995. С. 30.

— *А нылыс кӧть бур? Гашикӧ, [= пауза] «кадра» [= пауза] кутийӧмкӧ?*²⁸ «— А девушка хоть хорошая? Может быть, [= пауза] „кадр“ [= пауза] какой-нибудь?».

Подтекст нередко возникает с помощью психологических пауз именно тогда и в том случае, когда автор стремится вызвать у читателя эмоциональный отклик, увлечь его своим замыслом, заставить сопереживать. В этом случае значимый отрывок фразы автор выделяет графическим способом — по большей части знаком многоточия — в совершенно неожиданном, непредсказуемом участке текста, разделяя фразу психологическими паузами, например:

1) при изображении эмоции неуверенности, колебания:

— *А ми кӧ... [= пауза] Марпакӧд тийӧтти волам? <...>*²⁹ «— А если мы... [= пауза] с Марфой вместе придём?»;

2) при передаче уверенности героя, его полной решительности или явной категоричности:

*Йӧз костысь водзӧ петіс Вась Наста да, Иван вылӧ дзоргӧмӧн, гораа, лэчыд гӧлӧсӧн шуис: — Ме... [= пауза] медводз пыра бригадаӧ...*³⁰. «Из скопления людей вперёд вышла Вась Наста и, уставившись на Ивана, громко, резким голосом сказала: — Я... [= пауза] первая войду (вступлю) в бригаду...».

Психологические паузы в прозаических произведениях служат средством достижения выразительности текста. Применение такой паузы в разных границах в составе предложения даёт широкие возможности автору выделить важность высказывания, подчеркнуть значимость фразы, а читателю или слушателю — понять логику мысли и намерения говорящего.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что интонационные особенности языка находят своё полное и системное отражение не только в устной речи, но и в письменной форме общения, а именно в диалогах, представленных в коми художественных текстах.

Интонационные функции и их экспрессивные возможности реализуются через авторские указания на просодические элементы речи, в том числе и на паузу в речи героя. На фонетическом уровне пауза, как компонент интонации, выражен перерывом звучащего потока или сменой тона. Текст художественного произведения отражает специфику использования языковых средств

²⁸ Юшков Г.А. Чугра : роман. С. 138.

²⁹ Шахов Б.Ф. Овлісны-вывлісны : роман. С. 144.

³⁰ Пыстин И.И. Зурган. Вермам. Зук Ёгор // Ытва дырйи: Коми висът 20–30-ӧд воясӧ. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1987. С. 178.

передачи паузы в речи персонажа. При классификации пауз учитывались их характеристики, разноуровневые параметры, как позиция по отношению к смысловой связи, физическая природа, а также функция. Это позволило выделить целый ряд разновидностей пауз, используемых в тексте с целью придания речи так называемого живого характера. Среди них выделены паузы, служащие для членения речевого потока, разрыва синтаксической связи, выделения фрагмента в речи, обдумывания высказывания. Одной из разновидностей паузы нами выделена также заминка в речи, иначе пауза колебания — произвольная, внезапная остановка в процессе общения, вызванная различными обстоятельствами, как внешними, так и внутренними. В прозе в репликах героев часто встречаются эмотивные паузы. Они имеют широкий спектр значений. Их многозначность зависит от темы и характера текста, от его лексического наполнения, от индивидуальных особенностей речи героев и целого ряда других лингвистических и экстралингвистических причин. Таким образом, каждая разновидность пауз кардинально отличается от иных ее видов непредсказуемым и незапланированным характером. Поэтому при анализе паузы в тексте художественного произведения важно учитывать все ее характеристики, поскольку они позволяют описывать каждую паузу в отдельности, а также комбинировать их сочетания.

Необходимо подчеркнуть, что в отличие от устной коммуникации, где паузы возникают естественно, в письменном тексте их присутствие не является прямым, они опосредованы. Автор, создающий письменное произведение, по-разному обращает на них внимание, используя специальные языковые средства и по-разному интегрируя их в структуру повествования. Поэтому немаловажную роль в передаче интонации, особенно в отображении языковых особенностей пауз в речи героев произведений, играет индивидуальный стиль писателя, индивидуальное создание звуковой организации речи его персонажей, а также авторское отношение к создаваемым образам.

Список литературы

1. *Светозарова Н.Д.* Интонационная система русского языка. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. EDN: TOOOCB
2. *Виноградова Ю.С., Прокаева В.О., Риехакайнен Е.И.* Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз для разметки корпусов русской устной речи // *Русская речь*. 2023. № 6. С. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S013161170029350-4>
3. *Копылова Т.Р.* Особенности восприятия паузы в речевом потоке (по данным психолингвистического эксперимента) // *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2025. Т. 35. Вып. 2. С. 262–268. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-262-268>. EDN: ALKUBP
4. *Бондаренко Л.П.* Пауза колебания и порождение речевого высказывания // *Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы* / отв. ред. Л.В. Бондарко. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.
5. *Дзахова В.Т., Рубаева И.М.* Паузы в художественном тексте (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка // *Филологический аспект*. № 2 (106),

- февраль 2024. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/pauzy-v-khudozhestvennom-tekste-eksperimentalno-foneticheskoe-issledovanie-na-materiale-nemetskogo-yazyka.html> (дата обращения: 22.12.2025).
6. Барьядаева Н.Р. Пауза в звучащем художественном тексте // Социальные и гуманитарные науки. Серия Филология. Вып. 4 (46). 2016. С. 18–20. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.152> EDN: VVTDCX
 7. Коротаев Н.А. Паузы хезитации в рассказе и в разговоре: сопоставительный количественный анализ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2019». Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 48–54. EDN: EUYAI
 8. Козьма М.П. Роль ремарки и паузы в создании подтекста (на материале английских и американских художественных текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69) : в 3 ч. Ч. 2. С. 113–116. EDN: XXZPDZ
 9. Дубовская Т.А., Евстигнеева Д.А. Пауза и ее реализация в коммуникативном пространстве конференции TED (на примере англоязычных публичных выступлений) // Вестник Гродненского университета им. Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2025. Т. 15. С. 55–61. EDN: GASPFC
 10. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
 11. Булгарова Б.А. Градуальная организация текстового семантического поля «Смех» (на материале произведений М.А. Булгакова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011. EDN: ZOJSWV
 12. Александрова О.А. Речекоммуникативный статус паузы колебания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. В. Новгород, 2004. EDN: NHPRST
 13. Александрова О.А., Иванецкий В.В. Пауза колебания — комплексный феномен современной коммуникации // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 25. С. 95–101. EDN: PFGVLV

References

1. Svetozarova, N.D. 1982. *The intonation system of the Russian language*. Leningrad: Leningrad State University Press. (In Russ.) EDN: TOOOCB
2. Vinogradova, Yu.S., Prokaeva V.O., and E. I. Riekhakainen. 2023. “There are different pauses: a multidimensional classification of pauses for marking the corpus of Russian oral speech.” *Russian speech*, no. 6, pp. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S013161170029350-4>
3. Kopylova, T.R. 2025. Features of pause perception in the speech stream (based on the data from a psycholinguistic experiment).” In *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 35, no. 2, pp. 262–268. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-262-268> EDN: ALKUBP
4. Bondarenko, L.P. 1984. “Hesitation pause and the generation of a speech utterance.” In *Experimental phonetic analysis of speech. Problems and methods*. Edited by L.V. Bondarko. Leningrad: Leningrad State University Press publ., vol. 1, p. 158–166. Print. (In Russ.)
5. Dzakhova, V.T., and I.M. Rubaeva. 2024. “Pauses in a literary text (experimental phonetic research based on material of the German language).” In *Philological aspect*, no. 2. February. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/pauzy-v-khudozhestvennom-tekste-eksperimentalno-foneticheskoe-issledovanie-na-materiale-nemetskogo-yazyka.html> (accessed: 22.12.2025).
6. Baryadaeva, N.R. 2016. “Pause in a sounding literary text.” In *Social and Human sciences. Series. Philology*, issue 4, pp. 18–20. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.46.152> EDN: VVTDCX
7. Korotaev, N.A. 2019. “Hesitation pauses in narrative and conversation: comparative quantitative analysis.” In *Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics — 2019”*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press publ., pp. 48–54. (In Russ.) EDN: EUYAI

8. Kozma, M.P. 2017. “The role of remark and pause in creating subtext (based on the material of the English and American literary texts).” In *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota publ., no. 3, part 2, pp. 113–116. (In Russ.) EDN: XXZPDZ
9. Dubovskaya, T.A., and D.A. Evstigneeva. 2025. “Pause and its implementation in the communicative space of the TED conference (on the example of English-language public speeches).” In *Bulletin of the Grodno State University. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, vol. 15, pp. 55–61. (In Russ.) EDN: GASPFC
10. Leontyev, A.A. 2003. *Psycholinguistic units and generation of speech utterance*. Moscow: Editorial URSS publ. Print. (In Russ.)
11. Bulgarova, B.A. 2011. *The graded organization of the textual semantic field “Laughter” (based on the works of M.A. Bulgakov)* [Abstract of Candidate dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: ZOJSWV
12. Aleksandrova, O.A. 2004. *The speech-communicative status of the hesitation pause* [Abstract of Candidate of Philology dissertation]. Veliky Novgorod. (In Russ.) EDN: NHPRST
13. Aleksandrova, O.A., and V.V. Ivanitsky. 2003. “The pause of oscillation is a complex phenomenon of modern communication.” In *Bulletin of the Novgorod State University*, no. 25, pp. 95–101. (In Russ.) EDN: PFGLVL

Сведения об авторе:

Пунегова Галина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-2787-183X; eLibrary SPIN-код: 5115-8586. E-mail: galina.syktsu@mail.ru

Bio note:

Galina V. Punegova is a Candidate in Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science” (FRS Komi SC UB RAS), 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2787-183X; eLibrary SPIN-code: 5115-8586. E-mail: galina.syktsu@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-315-329

EDN: JRNRRK

Научная статья / Research article

Языковая репрезентация эмоции *радость* в современной коми прозе

Г.В. Пунегова[✉], С.О. Федосеева^{ID}Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация
✉ galina.syktsu@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению лингвистической репрезентации эмоции «радость» в коми художественном тексте. Репрезентация эмоций является одной из значимых частей языковой картины мира носителей языка и остается одним из актуальных научных направлений современной лингвистики. Вопрос, касающийся выражения эмоций в языке коми, до настоящего времени не был предметом специального его изучения, поэтому обращение к данной теме исследования является актуальным и своевременным. В работе применен описательно-аналитический метод — при анализе и описании теоретических положений ученых, метод семантического анализа и дистрибутивный прием — при выявлении особенностей языковых средств, репрезентирующих эмоцию радости. В ходе исследования выявлено, что эмоции *радости* способны репрезентироваться в языке на разных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. В рамках данной работы интерес в области их изучения сосредоточен на описании средств выражения эмоции радости и ее лексического значения. Материалом для исследования послужили тексты современной коми художественной литературы, где именно контекст, наряду с анализом вербальных и невербальных частей, позволяет точно определить репрезентируемую эмоцию. Авторами представлен анализ эмоционально окрашенных лексических единиц, которые используются в качестве механизмов вербализации эмоции радости, рассмотрены средства выражения эмотивного значения, описаны особенности репрезентации эмоции «радость» в тексте современной коми прозы. Передача эмоций в текстовом пространстве осуществляется через комплексное взаимодействие вербальных и паралингвистических средств. Эти средства позволяют выразить широкий спектр эмотивных смыслов, включая оценочные, изобразительно-жестовые и интерпретационные, причем вклад параязыковых элементов в репрезентацию эмоций является столь же существенным, как и вербальных. В ходе анализа выявлена группа эмотивов с положительно окрашенным значением, передающим эмоцию радости. Описание невербальных средств коммуникаций, включающих жесты, мимику, телодвижения, позволило определить корреляцию между вербальными и невербальными проявлениями эмоции радости. Установлено, что доминирующую роль в передаче невербальной информации составляют глаголы, по большей части глаголы, обозначающие различные движения. Высшая степень радости часто выражается не через прямую номинацию, а через развернутые метафорические описания.

Ключевые слова: коми язык, коми проза, языковая репрезентация, эмоция, эмотивная лексика, вербальные и невербальные средства коммуникации, радость

История статьи: поступила в редакцию 05.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

© Пунегова Г.В., Федосеева С.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: *Пунегова Г.В.* — концепция исследования, аннотация, сбор и обработка материала, заключение; *Федосеева С.О.* — обзор литературы, сбор и обработка материала, заключение, составление списка литературы. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта 126020216215-0 «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система»

Для цитирования: *Пунегова Г.В., Федосеева С.О.* Языковая репрезентация эмоции *радость* в современной коми прозе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 315–329. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-315-329> EDN: JRNRKK

Linguistic Representation of the Emotion of Joy in Modern Komi Prose

Galina V. Punegova[✉], Sofya O. Fedoseeva^{id}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” *Syktvykar, Russian Federation*
✉ galina.syktu@mail.ru

Abstract. The paper deals with the study of the linguistic representation of the emotion “joy” in the Komi literary text. The representation of emotions is one of the significant parts of the linguistic worldview of any language, and is the subject of close attention in modern linguistics. The issue of the expression of emotions in the Komi language has not been the subject of special study to date, so addressing this research topic is relevant and timely. The descriptive-analytical method is used in the analysis and description of the theoretical positions of scholars, the method of semantic analysis and distributive technique are used in identifying the features of linguistic means representing the emotion of joy. The study revealed that emotions can be represented in language at different levels. Within the framework of this work, our interest in studying them is focused on describing the means of expressing the emotion of joy and its lexical meaning. The research material is based on the texts of modern Komi fiction, where it is the context, along with the analysis of verbal and non-verbal parts, that makes it possible to accurately determine the emotion being represented. This paper presents an analysis of emotionally colored lexical units that are used as mechanisms for verbalizing the emotion “joy” in the Komi language, the means of expressing emotional meaning are considered, the features of the representation of the emotion “joy” in the text of modern Komi prose are described. The transmission of emotions in the text space is carried out through a complex interaction of verbal and paralinguistic means. These tools make it possible to express a wide range of emotive meanings, including evaluative, pictorial-gestural and interpretative, and the contribution of para-linguistic elements to the representation of emotions is as significant as verbal ones. The analysis revealed a group of emotives with a positively colored meaning that conveys the emotion of joy. The description of non-verbal means of communication, including gestures, facial expressions, and body movements, allowed us to determine the correlation between verbal and non-verbal manifestations of the emotion of joy. It has been established that the dominant role in the transmission of non-verbal information is made up of verbs, mostly verbs denoting various movements. The highest degree of joy is often expressed not through direct nomination, but through detailed metaphorical descriptions.

Key words: Komi language, Komi prose, linguistic representation, emotion, emotive vocabulary, verbal and non-verbal means of communication, joy

Article history: received 05.02.2026; accepted 15.04.2026.

Authors' contribution: *Punegova G.V.* — contributed to the conceptualization of the study, writing of the abstract, data collection and processing, and preparation of the conclusion; *Fedoseeva S.O.* — contributed to the literature review, data collection and processing, preparation of the conclusion, and compilation of the reference list. Both of the authors read and approved the final version of the article.

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216215-0 “Permian languages as a historically established and dynamically developing system.”

For citation: Punegova, G.V., and S.O. Fedoseeva. 2026. Linguistic Representation of the Emotion of Joy in Modern Komi Prose. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 315–329. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-315-329> EDN: JRNRKK

Введение

В рамках современной науки о языке появилось новое направление — эмотиология, которое сформировалось на стыке языкознания и психологии. Задача данного направления заключается в изучении того, как проявляются эмоции посредством различных средств языка.

Поскольку эмоции являются универсальным аспектом человеческой психологии, их языковое выражение становится уникальным для каждого народа, формируя особые языковые картины мира. Эмоции представляют собой своеобразную, неповторимую или особую форму отражения взаимодействия человека с окружающим миром, при котором создается его индивидуальное настроение, переживание, выражающее отношение к явлениям действительности. Прежде чем обратиться к рассмотрению конкретной проблемы в рамках исследования эмоции в языке, отметим, что под эмоцией (от лат. *emoveo* «волновать, возбуждать») понимается «класс психических процессов и состояний, отражающих непосредственную субъективную оценку и переживание отношения к различным объектам, явлениям и ситуациям или жизнедеятельности в целом»¹. Исследователь эмоциональной речи неизбежно сталкивается с проблемой классификации эмоций, которая до настоящего времени еще не до конца разрешена в лингвистике. При классификации эмоций, безусловно, учитывается традиционное деление на активные (стенические) и пассивные (астенические), положительные и отрицательные. Списки эмоций чрезвычайно разнородны и трудно сопоставимы как по объему, так и по принципам классификации. В отечественном языкознании начало изучению эмотивных компонентов языка в рамках исследования семантики слова положил В.И. Шаховский, его идеи активно развивают как российские, так и зарубежные ученые.

¹ Леонтьев Д.А. Эмоции // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4935036> (дата обращения: 20.09.2025).

До настоящего времени языковые средства выражения радости в коми языке оставались вне поля активного научного внимания. На фоне исследований данного направления других национальных языков, как, например, русского [1; 2], английского [3; 4], мансийского [5] и др., имеющиеся данные в коми языке носят фрагментарный характер или вовсе не представлены, это обуславливает новизну и актуальность нашего исследования.

Цель исследования — описание выражения одной из самых позитивных и положительных эмоций — эмоции радости в коми языке. Она имеет широкий спектр проявлений, обнаруживаемых во множестве связанных между собой разновидностях. В коми языке вербализация эмоции *радость* представляет собой комплексную систему, проявляющуюся на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Лексический уровень затрагивает рассмотрение средств выражения эмотивного значения радости и определение разновидностей лексико-семантических групп. Лексический депозитарий отличается корпусом слов, различающихся семантикой разной степени эмоционального проявления. Одни из них представлены лексемами с незначительной выразительностью слов, выражающих, например, удовлетворенность, другие могут обладать насыщенным семантическим содержанием, и указывать, например, на восхищение. В рамках данной работы мы не ставим цель исследовать семантическую градацию эмоции радости, так как наш интерес их изучения сосредоточен на описании средств выражения и лексического значения.

В рамках данного исследования проанализированы фрагменты из оригинальной коми художественной литературы современных писателей. Примеры для анализа были извлечены также из электронного источника «Коми кыв корпус»².

Теоретической основой работы послужили основополагающие труды В.И. Шаховского [6–8] и Л.М. Васильева³, а также исследования Л.С. Абросимовой [3], Е.Г. Озеровой [2], Е.Д. Мариновой [4], Б.Р. Гусейновой [1] и др., посвященные изучению репрезентации эмоций в различных языках, в том числе и в сравнительном аспекте.

Обсуждение

Само смысловое значение слова *радость* многогранно. Есть много определений этому понятию, сформулированных философами, психологами, лингвистами и другими учеными. Все они сводятся к описанию состояния человека, которое позволяет ему испытывать внутренние чувства удовлетворения

² Коми кыв корпус (Корпус коми языка). URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 14.11.2025).

³ Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов. Москва : Высшая школа, 1990.

жизнью, веселого настроения. Радость тесно связана с удачей, благополучием и часто вызывается ими. В Большом толковом словаре русского языка под общей редакцией С.А. Кузнецова слово *радость* определяется как: «1) чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения. *Большая, бурная, искренняя, неподдельная р.* 2) То, что (тот, кто) доставляет удовольствие, дает счастье: *Радость жизни. Р. матери — дети. В семье большая р. — получили новую квартиру.* 3) (обычно со сл. моя) Разг. Ласковое, нежное обращение: *Радость ты моя!*»⁴.

При передаче эмоции радости в тексте выделяется широкий пласт специальных лексем, описывающих эмоциональное состояние человека. Представлены они различными частями речи, среди них: прилагательные, характеризующие испытываемые чувства: *гажа* ‘веселый’, *долыд* ‘радостный’, *кыпыд* ‘жизнерадостный’; глаголы, обозначающие проявляемые эмоции: *нимкодясны* ‘наслаждаться’, *чиктывны* ‘восторгаться’, *радлыны* ‘радоваться’ *гажөдчыны* ‘веселиться’; наречия, передающие эмоциональную окраску: *гажсаа* ‘весело’, *ышөдана* ‘задорно’, *лөсьыда*, *бура* ‘хорошо, приятно, удачно’; существительные, обозначающие как сами эмоции, так и физиологические проявления чувств.

При изучении той или иной эмоции в произведении наше внимание сосредоточено на контексте, из которого репрезентируется эмоция и выявляются особенности характеристики лексемы. Само название лексемы *радость* характеризуется словами-прилагательными, примыкающими к данному слову, среди них: *ыджыд* ‘большая’, *пытижкөсса* ‘внутренняя’, *кокни* ‘легкая’, *пыдөстөм* ‘бездонная’, *гуся* ‘тайная’, *аслыспөлөс* ‘своеобразная’, *дженъыд* ‘короткая’, *пөттөм* ‘бесконечная’ и др., например: *Медыджыд радлуныс* — нель кока ёртыс, пөрысь нин да сьөлөмөн сетчысь Лыскө понйыс, орччөн лөб⁵ ‘Самая большая радость — четвероногий друг, старенький уже и податливый пёс Лыско, будет рядом’. Так, при анализе словосочетания, состоящего из модели ‘прилагательное + существительное’, где в качестве существительного выступает слово *радлун* ‘радость’, можно установить ряд специфических черт экспликации анализируемой эмоции. В конструкции слово *радлун* ‘радость’ характеризуется разными эпитетами, несет разное смысловое значение:

– описывает эмоцию радости во времени, указывает на их соотносённость с минувшим периодом и длительность переживаемого эмоционального состояния, например: *төрытья* ‘вчерашняя’, *пөттөм* ‘бесконечная, беспредельная’, *быдлуныя* ‘повседневная, каждодневная’, *колян лунся* ‘прошедшая’;

⁴ Большой толковый словарь русского языка / под общей ред. С.А. Кузнецова. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=радость&mode=slovari&dicts\[\]=42&simple=0](https://gramota.ru/poisk?query=радость&mode=slovari&dicts[]=42&simple=0) (дата обращения: 15.12.2025).

⁵ Вурдов А. Чукаль пөчлөн видзбг // Войвыв кодзув. 2024. № 9. URL: <https://komicor.poga.ru/> (дата обращения: 15.09.2025).

– испытываемые эмоции характеризуются противоположными оценками: а) позитивными, например: *пӧсь* ‘горячая’, *югыд* ‘светлая’, *мелі* ‘нежная’, *сӧдз* ‘чистая’ и т.п.; б) негативными, например: *лӧг* ‘злая’, *курыд* ‘горькая’;

– семантика прилагательных может быть связана с интенсивностью проявления эмоционального состояния, например: *неыджыд* ‘небольшая’, *содз тыр* ‘полная пригоршня’, *ыджыд* ‘большая’ *медыджыд* ‘очень большая’ и др.

Среди лексики, описывающей эмоции радости, в коми прозе большое место занимают производные основы от слова *гаж* ‘веселье, радость’: *гажа* ‘веселый’, *гажаа* ‘весело’, *гажаин* ‘веселое место, красивое, приятное место’, *гажӧдчыны* ‘веселиться’. Приведем пример: Посни котыр ӧтарӧ-мӧдарӧ сяркъялӧны, та дырйи зэв *гажаа чилзӧны-горзӧны*, усьласны-чеччасны и бара водзӧ⁶ ‘Малыши носятся в разные стороны, при этом *очень весело визжат-кричат*, падают-встают и опять вперед’. В исследуемом примере описание выражения эмоции радости прослеживается на всем участке приведенного предложения, синтаксически осложненного однородными глаголами. Эти глаголы наряду с описанием эмоции радости в вербальной части зэв *гажаа чилзӧны-горзӧны* ‘очень весело визжат-кричат’ невербально передают эмоциональное состояние участников действия посредством передачи их телодвижения – *сяркъялӧны* ‘носятся’, *усьласны-чеччасны* ‘падают-встают’. Таким образом, репрезентацию эмоции радости в вербальной и невербальной части предложения можно представить синтаксической конструкцией, выделенные части в которой являются основными элементами-указателями эмоции радости: Посни котыр ӧтарӧ-мӧдарӧ *сяркъялӧны* (V), та дырйи зэв *гажаа чилзӧны-горзӧны* (Adv + Adv + V), *усьласны-чеччасны* (V) и бара водзӧ.

В художественном произведении, где текст насыщен речью героев, их эмоциональный тон и настроение выражается словами автора, в которых также часто употребляется эмотивный маркер *гажаа* ‘весело’: — Тӧрыгъя бӧрад, — *гажаа висьталіс* Зина. — Эн жӧ сет пӧттӧдз йӧктыны-а, гудӧкас Васялы и кутчысян⁷ ‘— После вчерашнего — *весело* сказала Зина. — Не дал вдоволь потанцевать, за гармошку Васи и держишься’; Сійӧ пыркнитіс кудриа юрсинас да *гажаа содтіс*: — Но аслам участок вылын затор ог лэдз, а то Пашаыд бара сочинитас стенгазетад...⁸ ‘Он встряхнул кудрявыми волосами и *весело* добавил: — Но на своем участке не допущу затора, а то Паша опять сочинит в стенгазете’. Эмотивное слово, выраженное наречием *гажаа* ‘весело’ и выступающее в роли обстоятельства образа действия, усиливает смысловое значение глагола-сказуемого, семантика которого дополняется эмоцио-

⁶ Ногиев И. Женя // Войвыв кодзув. 2025. № 4. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).

⁷ Юшков Г.А. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 2 : Роман, повесьтъяс. Сыктывкар : Коми небӧг лэдзанін, 2001. С. 488.

⁸ Шеболкин П. Кывтӧ вӧр // Войвыв кодзув. 2025. № 8. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).

нально-оценочной окраской. Устойчивая сочетаемость эмотива *гажаа* ‘весело’ с глаголами движения и речи подчеркивает его роль как маркера эмоционального состояния субъекта.

Эмотивное прилагательное *гажа* ‘веселый’ характеризует эмоциональное состояние героя произведения, выполняет функцию определения, например: *Гораа ызгис гажа сёрни*: то өти, то мөд казтытвлісны асланыс олөмын серамбана лоөмторъяс, кадысь кадө ызөбтытвліс азым серам⁹ ‘Громко гудел *веселый разговор*: то один, то второй вспоминали из своей жизни смешные происшествия, время от времени раздавался густой смех’. Эмоция радости в данном примере репрезентируется обобщающим понятием *гажа сёрни* ‘веселый разговор’, суть которого детально описывается во второй части предложения – казтытвлісны серамбана лоөмторъяс ‘вспоминали смешные происшествия’. Таким образом вербальное содержание сообщаемого сопровождается невербальным языком — смехом. Нередко местоимения с указательной семантикой, не имеющие собственного предметно-логического значения, усиливают семантику эмотивного слова, следующего за местоимением, придают ему более выраженный оттенок, акцентируют его значение: *А найө со ылынөсь, натөг кольө татиөм гажа ворсөмыс!*¹⁰ ‘А они вот далеко, без них проходит *такая веселая игра!*’. Эмотивный компонент, выражающий эмоцию радости, может выступать также и в составе именного сказуемого: *Аддзысьөмныс лои гажа да кытыд*¹¹ ‘Их встреча была *веселой и радостной*’. В случае, когда от основы эмотива образуется причастная форма глагола, происходит механизм трансформации эмотивного состояния в активное действие или свойство, способное вызвать это состояние, например: *гажөдысь ёрт* ‘букв. *веселящий друг*’: *Өтка нылукуды гажөдысь ёртыс пырджык Гаврила дедыс и вөлі*¹² ‘Для одинокой девушки *другом, доставляющим радость* (букв. *веселящим другом*), чаще всего и был дед Гаврил’.

Для выражения эмоции в большей или меньшей степени важную роль играет степень сравнения прилагательного. Сравнительная форма прилагательного, образуемая с помощью суффикса *-джык*, называет признак предмета, который характерен для данного предмета в большей степени, чем для другого предмета, или определяет предмет в большей мере, чем сам предмет обладал этим признаком в других условиях или в другое время. Например: *Чангыр мед колльөдыштас менө. Век нин гажаджык гортө туйыс лоө*¹³

⁹ *Парма Вань* Чериа командировка // Войвыв кодзув. 2025. № 11. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 22.11.2025).

¹⁰ *Тимин В.В.* Куим небөгө өтүвтөм гижөд чукөр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 109.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² *Куратова Н.Н.* Важ печкан // Куратова Н.Н. Куим небөгө өтүвтөм гижөд чукөр. Сыктывкар, 2016. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 24.11.2025).

¹³ *Тимин В.В.* Куим небөгө өтүвтөм гижөд чукөр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 33.

‘Пусть Чангыр меня проводит. Дорога домой станет *веселее*’; Тикөтö, дерт, көсйö кө, нуöд. Öтлаöннад *гажаджык* лоö¹⁴ ‘Если, конечно, Тико хочет, позови. Вместе *веселее* будет’. Превосходная степень образуется аналитически, при помощи слова *медся* ‘самый’ и синтетическим способом, при помощи приставки *мед-*, формы которых означают самую высокую степень качества эмотива в предмете по сравнению с тем же качеством ряда других предметов: Дай ай-мамыд дорын *медгажа*¹⁵ ‘И у родителей веселее всего’; И *медся гаж*а *здукö* öшиньö кодкö тотшкöдчис: — Эй, көзйяка!¹⁶ ‘И в самый весёлый момент кто-то постучал в окно: — Эй, хозяйка!’.

Производная основа слова *гажаин* ‘красивое место (букв. веселое место)’, образованная от эмотивного слова *гажа* ‘веселый’ со словообразовательным формантом *-ин*, реализует не эмоциональное, а эстетическое значение — красивый, приятный. Красота здесь понимается через способность вызывать у человека положительные эмоции о том или ином месте: Тöда налысь вөр-керкасö. *Гаж*аиның сулалö¹⁷ ‘Знаю их лесную избушку. В *красивом месте* стоит (досл. *в веселом месте*)’; Петисны вадорö. *Гаж*аин¹⁸ ‘Вышли к речке. *Красивое место* (досл. *Веселое место*)’.

Лексема *нимкодь* ‘радостно, радостный, приятно, приятный’ и ее производные формы слова (*нимкодя* ‘радостно, приятно’, *нимкодясны* ‘радоваться, вохищаться, любоваться’) представляют собой семантически сложный эмотивный маркер в коми языке. Их полифункциональность проявляется в способности выражать комплекс положительных эмоциональных состояний — от ситуативной радости до эстетического удовольствия. Приведем примеры: — Чорыда и пывсим! — сынасис, да *нимкодя гарышитіс* Поликарп¹⁹ ‘Крепко и попарились! — расчесался, и *радостно обмолвился* Поликарп’; Куратов ещö на сулалыштіс чук йылын, *нимкодясыйшитіс* син водзас воссьöм серпас вылö²⁰ ‘Куратов еще немного постоял на возвышенности, *полюбовался* открывшимся перед глазами пейзажем’; — Ок, öд сюсь асланысь! — *нимкодя вочавидзис* Лыткин²¹ ‘Ох, и находчивый в свою сторону! — *радостно ответил* Лыткин’;

¹⁴ Тимин В.В. Куим небöгö öтутвöм гижöд чукöр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 42.

¹⁵ Никулин Н. Ваньö да Саньö // Коми челядьлы антология. Мöд небöг. Сыктывкар, 2010. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁶ Шомысова А. Аля-каля // Войвыв кодзув. 2025. № 2. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.11.2025).

¹⁷ Тимин В.В. Куим небöгö öтутвöм гижöд чукöр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Юшков Г.А. Öтутвöм гижöдьяс. Т. 2 : Роман, повесьтьяс. Сыктывкар : Коми небöг лэдзанін, 2001. С. 474.

²⁰ Фёдоров Г. Востым. 1982. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).

²¹ Юшков Г.А. Öтутвöм гижöдьяс. Т. 2 : Роман, повесьтьяс. Сыктывкар : Коми небöг лэдзанін, 2001. С. 516.

*Нимкодъ лолыдлы ю дорад — ваысь и биысь некор он дōзмы. Гōгōр силъгōны лѣбачъяс, матысса вōрыс шувгō, сълō ассъяс помасълытōм съланкывсō*²² *‘Радостно душе около реки — вода и огонь никогда не наскучат. Вокруг щебечут птицы, ближний лес шумит, поет свою бесконечную песню’*; Емдінса пурьсыяс тырисны жыннян, бракольчи, тільгун, триньган, тоньган шыясōн. *Нимкодъ кывзыны. Тайō шыясыс ас ногōтувтōны емдінсаясōс,ōд найō горалōны кар пасъталаыс*²³ *‘Улицы Емвы заполнились разного рода звуками колокола, бубенчика, колокольчика. Радостно слушать. Эти звуки по-своему объединяют жителей Емвы, ведь они звучат по всему городу’*.

Высшая степень радости выражается в коми языке через сочетания лексем *нимкодъ* ‘радостно, приятно’ со словами, образующими выразительные описательные обороты, которые передают всю полноту эмоционального переживания, например: *Тикō важōн нин виччысис тайō кывъяссō и эз вермы дзебны нимкодълунсō* — чепōсийис лабичъыс, кинас шенасъны мōдис²⁴ *‘Тико уже долго ждал этих слов и не смог скрыть радости — встал со скамейки, начал махать руками’*; *Чангырлōн нимкодъыс вомас эз тōр* — чеччаліс Кыйва гōгōр, нюліс кияссō да *гажаа увтис*²⁵ *‘Радость Чангыра была очень сильной (досл. радость во рту не помещалась) — прыгал около Кыйвы, лизал руки и радостно лаял’*; *Тикōлōн лов шыыс тасасъліс нимкодъысла: босьтōма, кыскō асланъыс...*²⁶ *‘У Тико перехватило дыхание от радости (досл. дыхание застряло): взял, тащит к себе’*; А Чангыр — со: увтō гораа да чеччалō ва дорас. Аддзис! Суōдис! Кыйва *нимкодъысла пондис сълывны*: — Та-ра-ра, та-ра-ра, Ягō кайлім вотōсла. Джив, джив, дживанōй, сē зарнийōй Чангырōй!²⁷ *‘А вот Чангыр — громко лает и прыгает у реки. Нашел! Догнал! Кыйва от радости начала петь: — Та-ра-ра, та-ра-ра, в лес за ягодами ходили. Джив, джив, джив мой, золотой мой Чангыр’*. Выражения *нимкодъыс вомас эз тōр* ‘радость во рту не помещалась’ и *лов шыыс тасасъліс нимкодъысла* ‘дыхание перехватило от радости’ метафорически описывают физиологическую реакцию на переполняющую эмоцию, где состояние радости осмысливается как физическая сила, воздействующая на тело. Радость проявляется не вербально, а через конкретные действия: вскакивание, махание рук, прыжки, лай собаки, пение. Это указывает на то, что высшее эмоциональное состояние требует не номинации, а развернутого описания его внешних проявлений. Сильная эмоция мыслится не как степень, а как состояние, которое полностью захватывает человека и проявляется внешне.

²² Тимин В.В. Куим небōгōōтувтōм гижōд чукōр. II том : роман, повесътъяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижъыс котыр, 2019. С. 55.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Там же. С. 52–53.

²⁶ Там же. С. 55.

²⁷ Там же. С. 102.

Эмоцию радости выражают также слова-эмотивы *долыд* ‘радостный, веселый, жизнерадостный; радостно, весело’, его производная форма глагола *долыдасны* ‘радоваться, веселиться’, а также *кыпыд* ‘радостный, веселый’, *кыпыда* ‘радостно, весело’, которые описывают положительное эмоциональное состояние персонажа. Например: Нуръясьом сайын сёрниис муніс *кыпыда*, ыджыд шыён, ётторъя грымёбталіс ётувъя серам²⁸ ‘За застольем беседа шла весело, громко, периодически раздавался дружный смех’; Челядь *кыпыда* *чолёмалісны* асывсё — эз кёнкё, а Ёридз ю дорын²⁹ ‘Дети *радостно поприветствовали* утро — не где-то, а около реки Ёридз’; Ваис югъялө-визувтё. Лёсьыд. И *кыпыда* *лолавсьё*³⁰ ‘Вода блестит-течет. Благодать (букв. хорошо). И *радостно дышит*’; Лёсьыд и *долыд* быдлаті, сынёдыс сёстём да³¹ ‘*Хорошо и радостно* везде, потому как воздух чист’; Колокё, эз на и кёсйив вывті уськёдны Паневсё, ёд сёмын на *долыдасис* ськёд³² ‘Возможно, и не хотела сильно унизить Панева, ведь только что *веселилась* с ним’; И Тикёлөн *сьёлёмыс* *долыда* *тінкё*, кор киас босьтё кыйдёссё³³ ‘И у Тико *сердце радостно бьется*, когда в руки берет свою добычу’. Более выраженное эмоциональное описание эмоции радости репрезентируется одновременно и невербальными средствами. Так, в следующем примере: Гриш Коль *нимкодъысла* весиг *чеччыліс* улёс вывсьыс³⁴ ‘Гриш Коль *от радости* даже *подпрыгнул* со стула’ — невербальный компонент эмоции радости реализуется глаголом *чеччыліс* ‘подпрыгнул’, значение которого напрямую зависит от контекста или ситуации, описываемой в предложении. Герой произведения не просто встает/поднимается со стула, а подпрыгивает по причине радости. Его физическое движение становится наглядным отражением внутреннего эмоционального состояния, выразительного проявления радости и несет положительное значение. Описание того или иного жеста также может служить выражением эмоционального состояния персонажа. Например, его рукопожатие, представленное жестом *зэв радпырысь киасис* ‘с большой радостью пожимал руки’ в следующем предложении: Чеччыштіс на дорё да кыкнанныскёд *зэв*

²⁸ Сажина О. Шондіа лун // Войвыв кодзув. 2025. № 9. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁹ Тимин В.В. Куим небёгё ётувтём гижёд чукёр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 62.

³⁰ Там же. С. 64.

³¹ Безносиков В. Кыасянь кыаёдз // Войвыв кодзув. 2023. № 2. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

³² Юшков Г.А. Ётувтём гижёдыяс. Т. 2 : Роман, повесьтьяс. Сыктывкар : Коми небёг лэдзанін, 2001. С. 486–487.

³³ Тимин В.В. Куим небёгё ётувтём гижёд чукёр. II том : роман, повесьтьяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми Республикаса гижысь котыр, 2019. С. 19.

³⁴ Мишарин А. Бурасьтём ловьяс // Войвыв кодзув. 2024. № 4. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2025).

*радтырысь киасис*³⁵ ‘Подпрыгнул к ним и обоим с большой радостью пожимал руки’. Описание жеста сопровождается сочетанием наречия *зэв раднырысь* ‘с большой радостью’ с глагольной формой *киасис* ‘пожимал руки’, где основной ключевой смысл уточняющего жеста описывается в форме превосходной степени наречия, подчеркивающий выраженную искренность чувств героя произведения, его эмоциональный положительный фон.

Эмоциональное состояние радости может быть передано через описание мимики персонажа, в частности — его смеха или улыбки. В рамках художественного произведения подобные внешние проявления чувств обычно транслируются посредством авторской речи. Например: — Но и бур, — довкнитіс юрнас Ёгор да *паськыда нюмьёвтис*, петкөдліс став комын кык пиньсö³⁶ ‘— Но и хорошо, — кивнул головой Ёгор и *широко улыбнулся*, показал все тридцать два зуба’; — Горшныд оз öмöй косьмы? Кольöм वोся пувья ваён юкталам, — и *серөктіс гылыда...*³⁷ ‘— Пить не хочется что-ли? Напоим морсом прошлогодней брусники, — и *раскатисто (весело) рассмеялась...*’; — Ме öд верми жö эськö, — кайтыштіс Саяна. *Бандзібьясыс сылөн лыбавлісны*: вот-вот *серөктас*³⁸ ‘Я ведь тоже могла, — произнесла Саяна. *Щёки у нее приподнялись*: вот-вот *рассмеется*’; Миша Кочевлөн медводз *лыбавліс вом пельöсыс* виччысьтöм *нимкодъысла*, сэсся ныр пырыс *серөктыштіс* сійö, быттö гиль-öдöмысь³⁹ ‘У Миши Кочева от неожиданной *радости* сначала *приподнялись* уголки рта, потом он немного *посмеялся* в нос, будто от щекотки’; — Мый нö, ыкшаасьö? — *нюмдыліс* Поликарп⁴⁰ ‘— А что он хвастается? — *улыбнулся* Поликарп’. Из контекста видно, что для передачи выражения чувств персонажа, его внутреннего состояния автор использует несобственно-прямую речь, которая позволяет детально раскрыть внутренний мир героя, акцентируя внимание на его эмоциональных переживаниях.

Эмоцию радости могут вызвать похвала, благодарность и всевозможные счастливые события: *Аттö тэныд*, Теренсай пöчö, керкаас со кутшöм шо-ныд лöма⁴¹ ‘*Спасибо тебе, бабушка Теренсай, в доме так тепло стало*’; *Ёна и аттöалис* Тикöös Кельчи Юр айка, кöсийысис ыджыд мамыслы дон босьттöг лöсьöдны керкаас выль нога гор...⁴² ‘Кельчи Юр айка *сильно и благодарил*

³⁵ Парма Вань Чериа командировка // Войвыв кодзув. 2025. № 11. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 26.08.2025).

³⁶ Ногиев И. Жöникъяс // Войвыв кодзув. 2023. № 9. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 26.08.2025).

³⁷ Юшков Г.А. Öтүвтöм гижöдъяс. Т. 2 : Роман, повесьтъяс. Сыктывкар : Коми небöг лэдзанін, 2001.С. 475.

³⁸ Там же. С. 487.

³⁹ Там же. С. 506.

⁴⁰ Там же. С. 528.

⁴¹ Тимин В.В. Куим небöгö öтүвтöм гижöд чукөр. II том : роман, повесьтъяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижысь котыр, 2019. С. 24.

⁴² Там же. С. 22.

Тико, обещал бабушке бесплатно по-новому сделать в доме каменку...'; — *Ошкыны кӱсъя*, кукантӱ аддзӱмыд да. — *Аттӱ*, Би Кабыр айка, *ошкана кывъяссыд*⁴³ '— *Похвалить хочу*, потому что теленка спас. — *Спасибо*, Би Кабыр айка, за *похвалу* (букв. *похвальные слова*)'. В представленных иллюстрациях радость проистекает непосредственно из вербального выражения одобрения и взаимной поддержки. Акты признательности и восхваления играют ключевую роль, не ограничиваясь констатацией эмоции, но активно способствуя ее формированию, являются инструментом их создания. Таким образом, автор демонстрирует, что позитивная оценка, артикулированная в словесной форме, является катализатором возникновения радости у реципиента.

Эмоциональная связь и позитивное отношение к собеседнику могут быть выражены посредством специальных лексических единиц — обращений, обладающих выраженной эмоциональной функцией. Эти слова служат непосредственным индикатором благосклонности, прямым выражением позитивного отношения и представляют собой пример вербализации радости. Например: — Менам *зарнийӱ*, *жалейтанаӱ*, *мусаӱ*, — шӱпкӱдӱс Марья узъыс внучка весътас копытчӱмӱн и вӱлӱ зӱв долыд сысыс, мый вермӱ шуавны татшӱм кывъяссӱ да сулавны внучкаыс юр весътын, видзны сылыс чӱвлунсӱ, быдман шудсӱ⁴⁴ '— *Моя золотая, милая, любимая*, — шептала Марья согнувшись над спящей внучкой и было очень радостно от того, что она может говорить такие слова и стоять над головой внучки, беречь ее покой, растущее счастье'; — А мӱд ног кыз нӱ, *сӱ зарни!* Тӱ вылын мыж абу. — Но, пӱчӱ, *мусаӱ*, *мелӱӱ*. — Ак тӱ, *вильишпоз*, — небзис Еника пӱч⁴⁵ '— А по-другому как же, *дорогой!* На тебе нет греха. — Но, бабушка, *моя милая (любимая), моя нежная*. — Ах, ты и *озорница*, — смягчилась бабушка Еника'. Доброжелательные и искренние взаимоотношения между участниками диалога находят свое отражение в специфических формах обращения. Сам способ обращения служит выражением симпатии и привязанности, являясь одной из вербальных манифестаций позитивных эмоций.

Заключение

В рамках данного исследования проанализированы основные типы репрезентации эмоции радости в коми художественном тексте. Репрезентация как процесс осмысления и последующего вербального оформления человеком своего восприятия мира включает в себя как внутреннее психическое пред-

⁴³ Тимин В.В. Куим небӱгӱ ӱтутӱм гижӱд чукӱр. II том : роман, повестьтӱяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижыс кӱтыр, 2019. С. 43.

⁴⁴ Шахов П.Ф. Шуда лун // Шахов П.Ф. Мыйла олам. 1985. URL: <https://komicorpora.ru/> (дата обращения: 26.08.2025).

⁴⁵ Тимин В.В. Куим небӱгӱ ӱтутӱм гижӱд чукӱр. II том : роман, повестьтӱяс, документа повесът. Сыктывкар : Коми республикаса гижыс кӱтыр, 2019. С. 235.

ставление, так и его языковое воплощение. Различные эмоции в языке выражаются с помощью лексических единиц, номинирующих эмоции, с помощью экспрессивных языковых средств, а также с помощью описательного изображения эмоциональных состояний. На основании проведенного анализа можно заключить следующее.

1. Исследуемый в статье материал наглядно демонстрирует различное описание авторами произведений выражения эмоции радости. Ее репрезентация осуществляется вербальным и невербальным способом. Понимание и интерпретация любой эмоции невозможны без учета контекстуальной информации. Особенно актуально это при работе с художественным текстом, где именно контекст, наряду с анализом вербальных и невербальных частей, позволяет точно определить репрезентируемую эмоцию.

2. В иллюстрируемых примерах выявлена группа эмотивов с положительно окрашенным значением, передающим эмоцию радости. Среди лексем, наиболее часто встречающихся в тексте коми художественного произведения, выделяются эмотивы *гажа* ‘радостный, веселый’, *нимкодъ* ‘радостный; приятно’, *долыд* ‘радостный, веселый’, *кыпыд* ‘радостный, веселый’ и т.п., а также их производные, представленные различными частями речи, которые не только указывают на эмоциональное состояние человека, но и способны концептуализировать различные аспекты его проявления – от внутреннего переживания до внешнего воздействия. Речевые акты благодарности и похвалы, объективированные лексемами, вызывают эмоциональный отклик. Эмотивно окрашенные обращения и ласкательные формы выполняют функцию поддержания и выражения доброжелательных отношений.

3. Анализ описаний невербальных средств коммуникаций, включающих жесты, мимику, телодвижения, позволяет установить корреляцию между вербальными и невербальными проявлениями эмоции радости. Важно отметить доминирующую роль глаголов в передаче невербальной информации. Следует подчеркнуть, что наиболее репрезентативный пласт глаголов, связанный с выражением радости, относится к категории глаголов, обозначающих различные движения: *чеччышитис (радысла)* ‘подпрыгнул (от радости)’, *чеччавны* ‘прыгать’, *сывъясны* ‘обниматься’ и т.п. Кроме того, высшая степень радости часто выражается не через прямую номинацию, а через развернутые метафорические описания.

4. В художественных текстах эмотивная лексика выполняет ряд функций, включая эмотивную, экспрессивную и коммуникативную. Эти функции способствуют конструированию психологических портретов персонажей, визуализации эмоционального мира автора и героев, а также формированию эстетического воздействия на реципиента.

Эмотивная лексика играет большую и важную роль в создании образов персонажей в художественном тексте. Исследование языка эмоций на материале литературных произведений дает возможность глубже осмыслить автор-

ский замысел, особенности его восприятия, мировоззрения и взгляда на реальность. Для произведений современных коми писателей характерно применение широкого спектра языковых средств для репрезентации эмоционального состояния персонажей.

Список литературы

1. Гусейнова Б.Р. Языковая репрезентация эмоции радости с помощью вербальных и невербальных средств (в прозаических произведениях) // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2011. Вып. 2. С. 97–103. EDN: NWBXP
2. Озерова Е.Г., Покручина М.Ю. Концепт «радость» в лингвокультуре русского языка и его репрезентация в русских прозаических текстах // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 7 (228). С. 37–43. EDN: TPAXQF
3. Абросимова Л.С., Ключко Н.Г. Языковая репрезентация эмоции «радость» в русской и английской современной прозе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 63–68. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2934> EDN: URPTMV
4. Маринова Е.Д., Евдокимова А.А. Эмоциональный концепт *joy* (радость): структура и способы объективации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 2 (34). С. 150–153. EDN: LTXNQF
5. Динисламова О.Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций 'радость', 'печаль' в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 2 (29). С. 19–30. EDN: YUPUOV
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва : Ленанд, 2023.
7. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Москва : Гнозис, 2008.
8. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва : ЛИБРОКОМ, 2016. 128 с.

References

1. Guseinova, B.R. 2011. "Linguistic representation of the emotion of joy using verbal and non-verbal means (in prose works)." In *Bulletin of St. Petersburg State University*, series 9, issue 2, pp. 97–103. (In Russ.) EDN: NWBXP
2. Ozerova, E.G., and M.Yu. Pokruchina. 2016. "The concept of "joy" in the linguoculture of the Russian language and its representation in Russian prose texts." In *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Series*, no. 7 (228), pp. 37–43. (In Russ.) EDN: TPAXQF
3. Abrosimova, L.S., and N.G. Klyuchko. 2020. "Linguistic representation of the emotion "joy" in Russian and English modern prose." In *Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication Series*, no. 3, pp. 63–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2934> EDN: URPTMV
4. Marinova, E.D., and A.A. Evdokimova. 2008. "The emotional concept of joy (radost): structure and methods of objectification." In *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (34), pp. 150–153. (In Russ.) EDN: LTXNQF
5. Dinislamova, O.Yu. 2017. "Linguistic representation of basic emotions 'joy', 'sadness' in the Mansi language worldview (based on somatic phraseological units)." In *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 7, no. 2 (29), pp. 19–30. (In Russ.) EDN: YUPUOV
6. Shakhovsky, V. I. 2023. *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of a language*. Moscow: Lenand publ. (In Russ.)

7. Shakhovsky, V.I. 2008. *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnosis publ. (In Russ.)
8. Shakhovsky, V.I. 2016. *Emotions: pre-linguistics, linguistics, cultural linguistics*. Moscow: LIBROCOM publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Пунегова Галина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-2787-183X; eLibrary SPIN-код: 5115-8586. E-mail: galina.syktsu@mail.ru

Федосеева Софья Олеговна — аспирант, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0009-0007-6329-0331; eLibrary SPIN-код: 8085-4814. E-mail: Pozdeeva-sofya@mail.ru

Bio notes:

Galina V. Punegova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2787-183X; eLibrary SPIN-код: 5115-8586. E-mail: galina.syktsu@mail.ru

Sofya O. Fedoseeva is a postgraduate student, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-6329-0331; eLibrary SPIN-code: 8085-4814. E-mail: Pozdeeva-sofya@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-330-342

EDN: JSBUZI

Научная статья / Research article

«Поклон» в этикетных речевых формулах коми языка

О.И. Некрасова^{ID}

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация
✉ lesik3108@yandex.ru

Аннотация. Изучен фрагмент коми вербального этикета — этикетных выражений, формул речевого этикета (ФРЭ) коми языка, включающих лексему «поклон». Коми вербальный этикет является актуальным направлением современных лингвистических исследований, нуждаясь не только в сохранении, но и всестороннем изучении, системном исследовании, учитывающем полиэтнолингвокультурную специфику Северного, Волго-Камского макрорегионов Российской Федерации, сформированную на основе межкультурных и межъязыковых контактов. Цель исследования — описание значимых элементов коми речевого этикета — ФРЭ, включающих в свой состав лексему «поклон», установление особенностей их функционирования в устной и письменной сферах коммуникации, а также языкового выражения, семантики, структуры (конструкции). Сбор материала осуществлялся главным образом по фиксации этикетных единиц в произведениях коми литературы, в письменной художественной речи, в лексикографических источниках, в диалектных текстах, в Электронном корпусе коми языка — ЭККЯ (www.komikorpora.ru). Основными методами исследования являются описательный, а также методы компонентного и дистрибутивного анализа. Исследование обогащает знания о коми речевой культуре, коми вербальном этикете, раскрывает источники появления новых этикетных речевых единиц, особенности их употребления и развития. Установлено, что на коми этикет сильное влияние оказали русские этикетные традиции, заимствование этикетных речевых выражений с лексемой «поклон» способствовало обогащению коми речевого этикета и расширению средств выражения вежливости, учтивости. Основными этикетными ситуациями использования ФРЭ являются ситуации приветствия, прощания и благодарности, когда хотят выразить особое почтение, уважение, проявить внимание определенному лицу, отметить его заслуги. ФРЭ с лексемой «поклон» в коми языке употребляются в качестве этикетных разговорных формул, а также в начальной и завершающей (прощальной) формуле частно-деловой переписки. Выражение уважения, учтивости, внимания с помощью ФРЭ может быть направлено как непосредственно адресату, напрямую, так и опосредованно, через адресата третьему лицу (получателю поклона).

Ключевые слова: коми вербальный этикет, формулы речевого этикета, поклон, приветствие, благодарность

История статьи: поступила в редакцию 11.02.2026; принята к печати 11.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Некрасова О.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта 126020216215-0 «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система».

Для цитирования: Некрасова О.И. «Поклон» в этикетных речевых формулах коми языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 330–342. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-330-342> EDN: JSBUZI

“Bow” (“Poklon”) in Komi Speech Etiquette Formulas

Olga I. Nekrasova^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” *Sykttyvkar, Russian Federation*

✉ lesik3108@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the study of a fragment of Komi verbal etiquette — etiquette expressions and speech etiquette formulas (SEFs) of the Komi language that include the lexeme “bow” (“poklon”). Komi verbal etiquette is a relevant area of contemporary linguistic research, requiring not only preservation but also comprehensive study and systematic investigation that takes into account the poly-ethno-linguocultural specifics of the Northern and Volga-Kama macro-regions of the Russian Federation, shaped by intercultural and interlingual contacts. The aim of the work is to describe significant elements of Komi speech etiquette — SEFs containing the lexeme “bow” (“poklon”), and to identify the peculiarities of their functioning in oral and written communication, as well as their linguistic expression, semantics, and structure (constructions). The material was collected primarily from records of etiquette units in works of Komi literature, in written artistic speech, in lexicographic sources, in dialectal texts, and in the Electronic Corpus of the Komi Language (ECKL, www.komikorpora.ru). The main research methods are descriptive, as well as methods of component and distributional analysis. The study enriches the knowledge about Komi speech culture and Komi verbal etiquette, revealing the sources of new etiquette speech units and the peculiarities of their use and development. It has been established that Komi etiquette was strongly influenced by Russian etiquette traditions; the borrowing of etiquette speech expressions with the lexeme “bow” contributed to the enrichment of Komi speech etiquette and the expansion of means of expressing courtesy and politeness. The main etiquette situations for using SEFs are greetings, farewells, and expressions of gratitude, used when one wishes to show special reverence, respect, or attention to a particular person, or to acknowledge their merits. SEFs with the lexeme “bow” in the Komi language are used as colloquial etiquette formulas, as well as in the opening and final (farewell) formulas of private and business correspondence. The expression of respect, courtesy, and attention through SEFs can be directed both directly to the addressee and indirectly, through the addressee, to a third party (the recipient of the bow).

Key words: Komi verbal etiquette, speech etiquette formulas, bow, greeting, gratitude

Article history: received 11.02.2026; accepted 11.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216215-0 “Permian languages as a historically established and dynamically developing system.”

For citation: Nekrasova, O.I. 2026. “Bow” (“Poklon”) in Komi Speech Etiquette Formulas. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 330–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-330-342> EDN: JSBUZI

Введение

Современные исследователи, занимающиеся изучением вербального и невербального этикета, отмечают необходимость построения общей теории этикета [1. С. 1–2], а относительно этикета ряда национальных языков — необходимость «обратить внимание на изучение традиций, особенностей вербального и невербального поведения при речевых актах», что «может послужить базой для дальнейших исследований и шагом к началу системного изучения формул речевого этикета (ФРЭ) генетически родственных и исторически контактировавших языков Волго-Уралья и более обширного Евразийского региона [2. С. 302].

Как известно, национальные особенности каждого народа, его культура в целом находят отражение в языке. Культура поведения, культура общения, как элементы национальной культуры, у народов имеют различия. С принятыми в обществе нормами общения и поведения связан и речевой этикет. К речевому этикету относят правила речевого поведения и систему речевых формул обращения в общении. В вербальном этикете, представленном в устной и письменной формах, закреплена система вербальных средств этикетного общения, выбор которых определяется речевой ситуацией, поэтому речевой (вербальный) этикет лингвисты определяют как «регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устоячивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной формальности» [3. С. 9]. Центральное место в этикете занимает категория вежливости, демонстрирующая уважительное, доброжелательное отношение к собеседнику или собеседникам. Благодаря соблюдению речевого этикета создается атмосфера взаимного комфортного, бесконфликтного, доброжелательного общения, достигаются цели коммуникации в различных сферах человеческого общества.

В ходе исторического развития в речевом этикете каждого народа вырабатывается система вербальных средств этикетного общения, «формулы вежливости», то есть «различных клишированных или свободных языковых выражений» [1. С. 9], которые реализуются в различных ситуациях. Современный коми язык характеризуется развитой системой вербальных средств этикетного общения, однако системно коми этикет не исследован. В то же время А.В. Кузнецов отмечает, что «коми-зырянский речевой этикет несомненно представляет интерес как для финно-угроведов, так и для исследователей, занимающихся изучением межкультурных и межъязыковых контактов в обширном полиэтнолингвокультурном Урало-Поволжском регионе» [4. С. 164]. Из этого следует, что коми вербальный этикет является актуальным направлением современных лингвистических исследований.

Фрагментом коми речевого этикета, к исследованию которого обращено внимание в настоящей статье, являются этикетные выражения, формулы речевого этикета (ФРЭ), включающие лексему «поклон». Лексема «поклон» зафиксирована в коми лексикографических источниках, но как единица коми речевого этикета не привлекала внимание специалистов. Исследование устойчивых речевых формул, включающих лексему «поклон», позволит обогатить знания о коми речевой культуре, коми вербальном этикете, установить источники появления этикетных речевых единиц, проследить особенности их употребления и развития, в целом расширить знания о культурных взаимоотношениях коми. Утверждение А.Г. Балакая о том, что «русский речевой этикет и речевая культура в целом сегодня, как никогда, нуждаются в сохранении, глубоком, всестороннем изучении, посильной и разумной реставрации», в полной мере можно отнести и к коми речевому этикету и речевой культуре в целом. Исходя из указанных соображений, можно определить цель нашей работы — выявить значимые элементы коми речевого этикета — этикетные речевые формулы коми языка, включающие в свой состав лексему «поклон», установить сферы их функционирования, особенности употребления в устной и письменной сферах коммуникации. Сбор ФРЭ с лексемой «поклон» коми языка осуществлялся главным образом по фиксациям этикетных единиц в произведениях коми литературы, в письменной художественной речи, в лексикографических источниках, в Электронном корпусе коми языка — ЭККЯ (www.komikorpora.ru).

Обсуждение

Коми (коми-зырянский) язык считается «старописьменным» (нач. с XIV в.), но активное становление литературного коми языка и национальной литературы началось после Октябрьской революции 1917 г., в 20-е гг. XX в. Характерной особенностью Коми региона является распространение билингвизма, «наиболее распространенным его типом в республике является контактное двуязычие, существующее при естественном языковом окружении»¹. Исторически коми язык в основном является языком сельского населения, так как коми преимущественно проживают в сельских районах [5. С. 16], тем не менее в его общественном развитии наблюдается эволюция от разговорно-бытового обиходного языка к языку официальному, государственному, наряду с русским языком функционирующему в некоторых сферах государственного управления и официальной информации [6. С. 174]. В настоящее время наиболее устойчивы функции коми языка в семейно-бытовой сфере и области культуры [7. С. 535–536].

¹ Пунегова Г.В. Сёрнитам комиён = Говорим по-коми. Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2015. С. 17.

Значительное влияние на коми речевую культуру оказывает русский язык. Первые коми-русские контакты датируются XI–XII вв., к этому же периоду относят ранние заимствования [8. С. 132–133]. С XVIII в. Процесс заимствования усиливается, наибольший пласт заимствованной лексики относится к 20–30-м гг. XX в. С влиянием русского языка и заимствованием связано появление целого ряда коми вербальных этикетных единиц, например *здорово, здравствуй, привет* и др., к древним заимствованиям В.И. Лыткин относит *чолъм* (‘привет’) от рус. *бью челом, челом* [9. С. 54]. В коми вербальном этикете *чолъм* представляет вербальную этикетную единицу приветствия.

Что касается поклонов, то они «являются одними из наиболее древних и важных в культурном отношении этикетных жестов. Все хорошо изученные на сегодняшний день культуры имеют в своем составе этот класс невербальных единиц» [1. С. 16]. Определяя «поклон» как один из важнейших в культурном и социальном отношении класс русских невербальных этикетных жестов в области невербального этикета [1. С. 2–3], Е.Б. Морозова замечает, что «к началу XXI в. в русской культуре и в русском языке класс жестов и лексема «поклон» утратили большую часть своих значений, а сфера их употребления значительно сузилась», в настоящее время лексема употребляется преимущественно в переносном значении [10. С. 101]. По данным «Словаря русского речевого этикета» А.Г. Балакая, в современном русском языке развит целый ряд речевых этикетных единиц с лексемой «поклон»². Специалисты, изучающие речевые жанры, выделяют также речевой жанр поклона. Жанр поклона имеет место, по их наблюдениям, в последней части писем, поэтому «его, безусловно, можно отнести к группе этикетных жанров-событий (прощание). <...> Поклон в письмах — это способ передачи привета, пожелания здоровья и благополучия, а также способ напоминания человеку, которому передается поклон, что пишущий помнит о нем и хочет, чтобы он почувствовал его заботу и внимание» [11. С. 88].

Лексема «поклон» встречается в коми лексикографических источниках XIX–XXI вв. В словарях П.И. Савvaitова, А.А. Цембера, Г.С. Лыткина «поклон» как лексическая единица коми языка не зафиксирована, но даны переводы русской лексемы «поклон» на коми язык. В русско-коми части своего словаря П.И. Савvaitов даёт словам *поклонение, поклон* коми перевод *юрбитъм*³, А.А. Цембер к слову *поклон* приводит коми перевод *копытчылъм*⁴, Г.С. Лыткин лексемам *поклонение, поклон* даёт коми соответствие *юрбитъм, юрбитчъм, келмысьъм*⁵. В словаре Ф.И. Видемана зафиксирован коми-пер-

² Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. Москва : АСТ-ПРЕСС, 2001.

³ Зырянско-русский и русско-зырянский словарь, составленный Павлом Савvaitовым. Санкт-Петербург, 1850. С. 381.

⁴ Цембер А.А. Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск, 1910. С. 39.

⁵ Лыткин Г.С. Русско-зырянский словарь = Роча-комиа кылчукор. Составлен по рукоп. словарю Н.П. Попова. Ленинград, 1931. С. 20.

мягкий вариант заимствованной единицы *pöklon* (P) ‘Bükling, Verbeugung, Gruss’⁶, как и у Я. Калимы: *pöklon* P. ‘bükling, verbeugung, gruss’ < поклонъ id.⁷ «Поклон» фиксируется в диалектах коми языка: в словаре Вихмана — Утилы в диалекте Вычегды у слова *poklon* V (242) дано значение ‘Verbeugung’⁸. В словаре Д.Р. Фокоша-Фукса отмечены *пöклөн* в вычегодском (V), *поклон** летском (Le) диалектах в значениях ‘Verbeugung’ и ‘Gruss’ с примером употребления слова: *Нылйаслö ыджыд поклон гижа* Le (III 464) ‘den Mädchen schreibe (d.h. schicke) ich einen grossen Gruss’ (< Russ.)⁹.

В «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» 1961 г. и в «Словаре диалектов коми языка» 2014 г. слово *поклон* зафиксировано в большинстве диалектов коми языка, ср.: *пöклөн* уд., *пöклэн* иж., *юбыртэм юр иж.* со значениями ‘поклон’ и ‘привет’, *пöклөн пуктыны* уд. поклониться, *висьтоо юбыртэм юрьяс тытэн* иж. передай там поклоны, приветы¹⁰. В «Коми-русском словаре» 1961 г.: **Поклон** — поклон, привет; поклон висьтавы — передать поклон, см. тж. чолöм¹¹. В «Коми-русском словаре» 2000 г.: **Поклон** 1) Поклон; привет; поклон висьтавы — передать поклон; см. тж. чолöм; 2) Поклон (в знак благодарности, покорности); поклон вöчны класть поклоны, бить поклоны *уст.* ¹² В «Коми-пермяцко-русском словаре» 1985 г.: **Поклон** — поклон; приветствие; ~ сетны приветствовать с поклоном; ~ öн мунны (локны) прийти с поклоном (с просьбой); ~ *иньв.* поквön; *сев.* пöклөн¹³. По данным лексикографических источников (*поклон*, *пöклэн*, *пöклөн* кз., *поклон*, *пöклөн* кп.), очевидно, что лексема «поклон» заимствована в коми и коми-пермяцкий языки.

В сфере невербального этикета поклон относится к кинетическим экстралингвистическим средствам выражения вежливости. В современном коми языке лексема «поклон» функционирует как в составе выражений, словесно описывающих паракинетику, так и в составе устойчивых сочетаний, этикет-

⁶ Wiedemann F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem Wotjakischen im Anhang und einem deutschen Register: (der Akademie vorgelegt am 2. Mai 1878). St. Petersburg, 1880. P. 248.

⁷ Kalima J. Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen. Helsingfors, 1910. (Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-ougrienne; 29). P. 111.

⁸ Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T.E. Uotila. Helsinki, 1942. (Lexica Societatis Fennougricae VII). P. 17.

⁹ Fokos-Fuchs D.R. Syrjänisches Wörterbuch. I–II. Budapest, 1959. С. 756. (по техническим соображениям коми слова и примеры даем на кириллице, а не финно-угорской транскрипцией, как дано в словаре Д.Р. Фокоша-Фукса. — Автор.)

¹⁰ Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 290.

¹¹ Коми-русский словарь / Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова. Москва, 1961. С. 290.

¹² Коми-роч кывчукöр = Коми-русский словарь / Л.М. Безносикова, Е.А. Айбабина, Р.И. Коснырева. Сыктывкар, 2000. С. 115.

¹³ Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985. С. 354.

ных речевых формул вербального этикета. В языковых выражениях, описывающих акт исполнения жеста поклона как невербального этикетного знака, жест поклона («поклониться», «кланяться») может передаваться не только специальными глаголами копытчывны, юрбитны ‘поклониться’, но и сочетаниями некоторых глаголов с лексемой «поклон», например вым. Кони фольк. поклон сетны¹⁴, уд. пöклөн пуктыны¹⁵, поклон вöчны, поклон мыччыны, поклон пуктыны, поклон тэчны, поклон чöвтны, копытчыны поклонöн.

В вербальном этикете семантика поклона актуализируется как знак проявления вежливости, учтивости, уважения, почтения, признательности в ряде этикетных ситуаций. В области коми вербального этикета ФРЭ с лексемой «поклон» функционируют преимущественно в обиходно-бытовой сфере устной и письменной коммуникации. Ценный материал по коми этикету дают коми художественные произведения, особенно те, в которых отражены жизнь, быт, нравы, культура коми народа начала XX в., в дореволюционный период. К примеру, в национальном романе В.В. Юхнина «Алая лента» встречается активное употребление этикетных формул с лексемой «поклон», на основании чего возможно сделать вывод о широком распространении и важном значении этикетной коммуникации в среде коми населения. Обратимся к авторскому комментарию в произведении: Ныв-зон костын вöлі мода: поклонсö, веськыда кö шуны нинöмабусö, куш кывсö, сетны сэтшöм ногön, быттö тайö вöлі збыльысь мыйкö эматор, кодöс позьö и кыин вöдитны, и питшöгад дзебны¹⁶ ‘Среди молодёжи было распространено правило (привычка): поклон, прямо сказать, ничто, просто слово, (следовало) передавать таким образом, будто это было что-то очень значимое, такое, что можно и в руке подержать, и за пазуху спрятать’¹⁷.

Формулы вежливости с лексемой «поклон» в лексикографических источниках коми языка относят прежде всего к этикетной ситуации приветствия. Синонимами «поклона» в коми языке являются привет, чолöм, копыр, юбыртэм юр иж. Поклон (приветствие) может передаваться как в ситуации непосредственного общения коммуникантов, так и через посредство адресата третьему лицу или собеседнику от третьего лица. Вербальная этикетная единица является показателем уважительного отношения к человеку, демонстрирует стремление выразить почтение, внимание и уважение к адресату. Можно наблюдать распространение ФРЭ — сочетаний «поклона» с другими этикетными единицами, обычно синонимичными, например: привет-поклон, чолöм-поклон ‘привет-поклон’, копыр да поклон ‘букв. поклон и поклон’, привет да

¹⁴ Коми сёрнисикас кывчукöр = Словарь диалектов коми языка : в 2 томах / Е.А. Айбабина, Л.М. Безносикова, Н.К. Забоева, Р.И. Коснырева. Сыктывкар, 2014. Т. 2. (Ö–Я). С. 354.

¹⁵ Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. С. 290.

¹⁶ Юхнин В. Алöй лента // Ударник. 1940. № 11. С. 46.

¹⁷ Перевод О.И. Некрасовой.

поклон, ыджыд привет да поклонъяс ‘большой привет и поклоны’, поклон да чолём ‘поклон и привет’, поклон да бурсиём ‘поклон и пожелание счастья и добра’, например: Копыр да поклон тэн, муса Мөсерёй, аслад писянь — Кальё Митьёсянь!¹⁸ ‘Большой привет (букв. поклон и поклон) тебе, дорогой Мосер, от твоего сына — Кальэ Митя’. ФРЭ с лексемой поклон часто включают атрибуты-интенсификаторы и имеют характер устойчивого выражения: зэв ыджыд поклон ‘очень большой (огромный) поклон’, кок увсянь юр ылодз поклон ‘глубокий поклон, букв. с ног до головы (макушки)’, муёдз поклон ‘земной поклон’, низкёй поклон ‘низкий поклон’, ыджыд поклон ‘большой поклон’, юр вывсянь кок улёдз поклон ‘глубокий поклон, букв. с головы до ног (букв. подошвы ног)’, от неба до сырой земли и т.д. Ряд выражений зафиксирован в коми фразеологических словарях, например: Кок увсянь юр ылодз: висътав сылы ыджыд поклон кок увсянь юр ылодз; Юр вывсянь кок улёдз поклон мёддённы!¹⁹

Как отмечалось выше, в коми языке ФРЭ относятся чаще всего к ситуации приветствия. В практике эпистолярного общения они обычно располагаются в конце эпистолярного произведения (письма), в части прощания с адресатом, что не исключает варианта размещения ФРЭ и в начале произведения. Например, в письмах известного коми поэта и писателя В.Т. Чисталёва своим родным и близким встречаем «поклон» как в конце, так и в начале письма, приведём фрагмент из начальной части письма: *Июнь 27 лун, 1939. Менам дона гортсаёй, съёләмшёръясёй челядьёй да гётырёй — Ара, Музук, Авъюк, да Вокан пийёй! Бурсиа тиянлы ме, дзоньвидзалун и быд бурсё бать съёләмсянь кёсья! Сидзжё ыста ыджыд-ыджыд поклон став менам чойя-слы — Веруклы, Зоенькалы, Надюклы, Марьялы, Анналы, Сашалы да племянник Ливерийлы, Ионалы, Гришалы, братанъяслы да мукёдъяслы, зятъяслы, бур анылы — Михайло Анналы, Миколай Анналы, быдённы, коді эм на, ловъя да абу на вунёма... Тадз быд водіг и чеччиг казътывла ме... <и далее по тексту>²⁰ ‘27 июня 1939. Мои дорогие домочадцы, любимые дети и супруга — Ара, Музук, Авъюк, и сын Вокан! Я желаю вам добра и счастья, здоровья и всего хорошего от отеческого сердца желаю! Также передаю огромный поклон всем своим сёстрам — Верочке, Зоеньке, Наденьке, Марье, Анне, Саше и племяннику Ливерию, Ионе, Грише, братьям и остальным, зятю, хорошей женщине — Михайло Анне, Миколай Анне, всем, кто ещё есть, ещё жив и кого ещё не забыл... Так каждый раз, когда встаю и ложусь вспоминаю...’²¹*

Использование этикетных формул с лексемой «поклон» прочно вошло в традицию коми эпистолярной культуры. Приведём примеры из переписки

¹⁸ Напалков В. Кёні тэ, мус ёкмыльёй? // Войвыв кодзув. 2002. № 7. С. 7.

¹⁹ Плесовский Ф.В. Коми фразеологизмъяс = Коми фразеологизмы. Сыктывкар, 1980. С. 38; 116.

²⁰ Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 5. С. 10.

²¹ Перевод О.И. Некрасовой.

известного коми деятеля культуры В.Т. Чисталёва: *Быдёнлы поклон: чойяслы, зятьяслы, ставлы*²² ‘Каждому поклон: сёстрам, зятьям, всем’; *Поклон став чойяслы юр вывсаян кок улөдз!*²³ ‘Поклон всем сёстрам от макушки до пят’; *Вералён посылка воліс, висьталёй поклон сылы да ыджыд пасибө*²⁴ ‘От Веры пришла посылка, передайте ей привет и большое спасибо’²⁵; *Поклон да бурсийм менам чойяслы — Веруклы, Зоялы, Надялы — ставныслы*²⁶ ‘Поклон и пожелания добра и счастья моим сёстрам — Верочке, Зое, Наде — всем’²⁷.

В коми этикете поклон нередко передаётся через адресата — посредника третьему лицу / лицам или от третьего лица и выражается с помощью различных глаголов: **поклон пуктыны**; *поклон висьтавыны*; *поклон ыстыны*; *поклон мөдөдны*; *поклон катөдны*; *поклон нуны*; *поклон вайны*; *поклон шуны*, например, уд. (Георг.) *Илляыд скөньлы пөклөн пуктіс* Илья всем привет послал²⁸.

Можно выделить ряд конструкций ФРЭ с лексемой *поклон*:

– в ситуации передачи приветствия через посредника от третьего лица формула «кодкөсянь поклон (тэныд)» ‘от кого-либо поклон (тебе)’: *Матушсяныыд поклон да благөслөвение*²⁹ ‘Поклон и благословение от матушки’;

– «кодлыкө поклон» ‘кому-либо поклон’, адресат в форме дательного падежа + «поклон». ФРЭ может употребляться как при адресации третьему лицу, так и при непосредственной (прямой) коммуникации: *Быдёнлы поклон: чойяслы, зятьяслы, ставлы*³⁰ ‘Каждому поклон: сёстрам, зятьям, всем’; *Сійө ылын на, а казялөны нин: «Миша, чолөм!» «Профсоюзной президентлы — поклон!»*³¹ ‘Он ещё далеко, а его уже заметили: «Миша, привет!» «Профсоюзному президенту — поклон!»’; *Ме шыаси: — Уджалысь мортлы мөдз поклон!*³² ‘Я обратился к нему: — Труженику земной поклон!’; *Свободной став народсянь славной карлы Земной поклон, пөсь чолөм тэн, Москва!*³³ ‘От всех свободных народов славному городу земной поклон, горячий привет тебе, Москва’;

– «ыста / сия поклон (кодкөлы)» ‘передаю, отправляю поклон (кому-либо)’: *Тайөн помала письмөс тэныд, Сиа муыс кодь ыджыд поклон*³⁴

²² Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 4. С. 8.

²³ Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 5. С. 10.

²⁴ Там же. С. 7.

²⁵ Перевод О.И. Некрасовой.

²⁶ Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 5. С. 6–7.

²⁷ Перевод О.И. Некрасовой.

²⁸ Коми сёрнисикас кывчукöр = Словарь диалектов коми языка : в 2 т. / Е.А. Айбабина, Л.М. Безносилова, Н.К. Забоева, Р.И. Коснырева. Сыктывкар, 2014. Т. 2. (Ö–Я). С. 180.

²⁹ Фёдоров Г. Съод зарни // Войвыв кодзув. 1946. № 6–7. С. 56.

³⁰ Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 4. С. 8.

³¹ Морозов С. Воркутаса серпасъяс // Войвыв кодзув. 1962. № 5. С. 39.

³² Игнатов М.И. Меным быгь колö мунны // Войвыв кодзув. 1967. № 11. С. 19.

³³ Щербаков Ф. В. Москвалы чолөм // Войвыв кодзув. 1956. № 2. С. 5.

³⁴ Размыслов А.П. Нывлы письмө // Размыслов А.П. Кывбуръяс. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 1961. С. 33.

‘На этом завершаю письмо к тебе, Отправляю (вручаю) огромный, как Земной шар, поклон’; *Сідзжэ ыста ыджыд-ыджыд поклон став менам чойяслы...*³⁵

‘А также передаю очень большой поклон всем своим сёстрам’;

– «обращение + *тэн(ыд) (муёдз) поклон*» ‘обращение + тебе поклон’: *Видза олан, парма, муёдз тэн поклон!*³⁶ ‘Здравствуй, парма, земной тебе поклон’;

– «*висьтав/ висьталой (месянь / кодсянькө) поклонъяс кодлыкө*» ‘передай(те) (от меня / от кого-либо) поклоны кому-либо’, конструкция просьбы о передаче приветствия через посредника кому-либо, третьему лицу включает глагол в императивной форме (например, *висьтавны* ‘сказать, передать’): *Висьтав месянь поклонъяс быдёнлы, коді менё эз на вунёд*³⁷ ‘Передай от меня поклоны всем, кто меня ещё не забыл’;

– в ситуации устной передачи приветствия от третьего лица конструкция (обращение) + (ме ‘я’) + (*тэныд* ‘тебе’) + (*кодсянь* ‘от кого’) + *поклон вайи* ‘передаю (принес/ла) поклон’: — *Янина, дзикөдз вунөді: ме тэныд вайи ыджыд поклон*³⁸ ‘—Янина, совсем забыла: Я передаю тебе большой привет’; *Сирйө-мырйө, сирйө-мырйө, Тэныд вайим ми поклон*³⁹ ‘Сирйө-мырйө, сирйө-мырйө (обращение к рыбе щуке), мы принесли тебе большой привет’;

– «обращение, *кодикө тэныд поклон ыстис / мөдөдис*» ‘обращение, кто-либо тебе поклон отправил (передал)’, обычно в ситуации устной передачи приветствия от третьего лица (адресанта) при встрече (прямой коммуникации) собеседников: *Дарья, Ольга Сергей тэныд поклон ыстис*⁴⁰ ‘Дарья, Ольга Сергей тебе привет отправил’;

– конструкция включает «поклон» + адресат в форме дательного падежа местоимения второго лица + адресант (отправитель) в форме отдалительного падежа существительного или местоимения: *Зэв ыджыд поклон ставныдлы карсаясьянь...*⁴¹ ‘Огромный привет тебе от горожан’.

Кроме приветствия и прощания ФРЭ с лексемой «поклон» в коми языке употребляются в ситуациях, когда необходимо выразить уважение, почтение, признательность в знак благодарности какому-либо лицу. В таких случаях обычно указывается не только адресат, выраженный существительным, местоимением в форме датива, но и причина — за что благодарят, выражают признательность, почтение, например: *Менам повесътъяс да романъяс дінө ыджыд интересысь сьёлөмсянь поклон мөдөда профтехучилищеын велөдысь Виталий Куратовлы да радиоса диктор, Коми Республикаса народнöй арти-*

³⁵ Чисталёва М. Бать йылысь кыв // Войвыв кодзув. 1990. № 5. С. 10.

³⁶ Логинова А. Видза олан, парма! // Войвыв кодзув. 1975. № 3. Лб. 52.

³⁷ Попов Н. (Жугыль) Сьёлөм доймөм // Войвыв кодзув. 1971. № 12. Лб. 32.

³⁸ Изьюров И. Августа // Изьюров И.В. Лун заводитчö асывсьянь. Сыктывкар, 1966. С. 127.

³⁹ Попова Ю. Кык ворсантор. Сирйө-мырйө // Войвыв кодзув. 1970. № 12. С. 36.

⁴⁰ Попов Н. (Жугыль) Веж гыяс // Войвыв кодзув. 1967. № 9. С. 18.

⁴¹ Ширяев В.А. Чойяс // Öти акта пьесаяс. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. С. 52.

стка Маргарита Грязновалы⁴² ‘За большой интерес к моим романам и повестьям сердечный поклон посылаю преподавателю профтехучилища Виталию Куратову и диктору радио, Народной артистке Республики Коми Маргарите Грязновой’; *Ыджыд поклон Павлиналы, ӧд сійӧ и чуйдіс гижны тэ йылысь очерксо*⁴³ ‘Большое спасибо (поклон) Павлине, ведь это она подсказала написать очерк о тебе’⁴⁴.

Заключение

Лексема «поклон» в коми языке заимствована из русского языка в процессе русско-коми культурных взаимоотношений, встречается в коми и коми-пермяцком языках. В коми языке получили развитие глагольно-именные сочетания с лексемой «поклон», описывающие акт исполнения жеста поклона как невербального этикетного знака («поклониться», «кланяться» в знак приветствия, прощания и т.д.).

В области коми вербального этикета, в устной и письменной сферах коммуникации функционируют этикетные выражения (ФРЭ), включающие лексему «поклон». Наибольшее распространение лексема «поклон» получила в выражениях (ситуациях) приветствия-прощания. Можно выделить ряд конструкций этикетных выражений приветствия, в которых используется лексема «поклон». В устной и письменной коммуникации среди коми населения широкое распространение получила традиция передавать поклон не только напрямую адресату, но и кому-нибудь отсутствующему (родителям, родственнику / родственникам, знакомому / знакомым, односельчанам и т.д.) через посредство другого лица (устно или в письменном). ФРЭ с лексемой «поклон» прочно закрепились как в коми устном, так и в письменном, эпистолярном дискурсах. В письмах ФРЭ с лексемой «поклон» встречаются как в начальной части письма, в качестве приветствия, так и в его конечной, завершающей части прощания адресанта с адресатом. В риторических обращениях «поклон» может быть адресован не только к лицу, лицам, но и к неодушевленным предметам (городам, природным объектам и явлениям и т.д.).

Кроме приветствия и прощания, ФРЭ с лексемой «поклон» встречаются при выражении благодарности, признательности, в ситуациях, когда хотят выразить особое почтение, уважение определенному лицу, отметить его заслуги. Таким образом, на коми этикет сильное влияние оказали русские этикетные традиции, заимствование этикетных речевых выражений с лексемой «поклон» способствовало обогащению коми речевого этикета и расширению средств выражения вежливости, учтивости в ситуациях приветствия, прощания, благодарности, выражения уважения, почтения, признательности.

⁴² Напалков В. (по данным Электронного корпуса коми языка от 27.08.2025. URL: <http://www.komikorpota.ru> (дата обращения: 25.01.2026).

⁴³ Напалков В. Войся ангел // Войвыв кодзув. 2010. № 12. С. 39.

⁴⁴ Перевод О.И. Некрасовой.

Сокращения

- иж.** — ижемский диалект коми-зырянского языка;
кз. — коми-зырянский язык;
кп. — коми-пермяцкий язык;
рус. — русский язык;
уд. — удорский диалект коми-зырянского языка.

Список литературы

1. Морозова Е.Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 26 с. EDN: NKAGYB
2. Каракулов Б.И. [Рецензия]: Кузнецов А.В. Речевой этикет народов Волго-Уралья : монография. Чебоксары : ЧГИГН, 2008 // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 8. С. 301–303. EDN: UDLWDF
3. Формановская Н.И. Русский речевой этикет : лингвистический и методический аспекты. Изд. 6-е, стереотип. Москва : ЛЕНАНД, 2020. 160 с.
4. Кузнецов А.В. Речевой этикет народов Волго-Уралья : монография. Чебоксары : ЧГИГН, 2008. 164 с. EDN: UJNUYX
5. Лудыкова В.М. Коми язык и устойчивое развитие // Вопросы финно-угорской филологии : межвузовский сб. науч. трудов. Сыктывкар : Изд-во СГУ, 2012. Вып. 3 (8). С. 16–26. EDN: VHWNT
6. Цыпанов Е.А. Коми язык: путь к государственному // Республика Коми — 80 лет = Коми Республика — 80 во : очерки, посвящ. 80-летию государственности Респ. Коми в составе Рос. Федерации / сост.: О.Ю. Кузванова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. С. 174–196.
7. Цыпанов Е.А. Функции коми языка // Коми язык : энциклопедия : А-Я / отв. ред. Г.В. Федюнова. Москва : ДиК, 1998. С. 535–536.
8. Карманова А.Н. Заимствования русские // Коми язык : энциклопедия. Москва : ДиК, 1998. С. 132–133.
9. Лыткин В.И. Коми йӧзлӧн мукӧд йӧзкӧд важся йитӧдъяс = Взаимоотношения коми с другими народами в давние времена // Лыткин В.И. Мый медся дона да муса = Что всего милее и дороже / Илля Вась ; сост. Г.И. Торлопов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1994. С. 54–55.
10. Морозова Е.Б. Изменения в семантике и прагматике лексемы и жеста «поклон» в русском языке и культуре // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799). С. 101–109 // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799). С. 101–109. EDN: YZNBQL
11. Нгуен Тхи Ле Куен Речевой жанр «поклон» в письмах А.П. Чехова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. 7 (184). С. 87–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-7-87-93>. EDN: YTPCGN

References

1. Morozova, E.B. 2006. Non-verbal etiquette in relation to verbal etiquette [Abstract of the Dissertation ... Candidate of Philological Sciences]. Moscow. (In Russ.) EDN: NKAGYB
2. Karakulov, B.I. 2008. “[Review]: Kuznetsov, A.V. Speech Etiquette of the Volga-Ural Peoples: monograph. Chiboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 2008.” In *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, no. 8, pp. 301–303. (In Russ.) EDN: UDLWDF
3. Formanovskaya, N.I. 2020. *Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects*. 6th ed. Moscow: LENAND. (In Russ.).

4. Kuznetsov, A.V. 2008. *Speech Etiquette of the Volga-Ural Peoples*: monograph. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities Chuvash State Institute for Humanities. (In Russ.) EDN: UJNUYX
5. Ludykova, V.M. 2012. “The Komi language and sustainable development.” In *Issues of Finno-Ugric philology: Interuniversity collection of scientific papers*. Syktyvkar State University Press publ. Issue 3(8), pp. 16–26. (In Russ.) EDN: VHWHNT
6. Tsypanov, E.A. 2001. “The Komi language: The path to statehood.” O. Yu. Kuzivanova (Comp.). In *The Komi Republic — 80 years: Essays dedicated to the 80th anniversary of the statehood of the Komi Republic within the Russian Federation*. Komi Book Publisher House publ, pp 174–196. (In Russ.)
7. Tsypanov, E.A. 1998. “Komi language functions.” In *Komi language. Encyclopedia*, edited by G.V. Fedyunyova. Moscow: DIK, pp. 535–536. (In Russ.)
8. Karmanova, A.N. 1998. “Russian borrowings.” In *Komi language. Encyclopedia*, edited by G.V. Fedyunyova. Moscow: DIK, pp. 132–133. (In Russ.)
9. Lytkin, V. I. 1994. “Ancient relations of the Komi with other peoples.” G.I. Torlopov (Comp.). In *What is dearest and most precious*. Syktyvkar: Komi Book Publisher House publ., pp. 54–55. (In Komi)
10. Morozova, E.B. 2018. “Semantic and pragmatic changes of the lexeme and gesture ‘bow’ in the Russian language and culture.” In *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, issue 8, pp. 101–109. (In Russ.) EDN: YZNBQL
11. Nguen Tkhi Le Quen. 2017. “The speech genre ‘BOW’ in A.P. Chekhov’s letters.” In *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 7, pp. 87–93. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-7-87-93>. EDN: YTPCGN

Сведения об авторе:

Некрасова Ольга Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0001-9983-1127; eLibrary SPIN-код: 9175-1305; AuthorID: 645235. E-mail: lesik3108@yandex.ru

Bio note:

Olga I. Nekrasova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9983-1127; eLibrary SPIN-код: 9175-1305; AuthorID: 645235. E-mail: lesik3108@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY SPACE

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-343-353

EDN: JMHGVW

Научная статья / Research article

Коми художественная литература в 1920-е годы: основные тенденции в развитии поэзии, прозы и драматургии

Е.В. Ельцова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

Сыктывкар, Российская Федерация,

✉ alena.eltsova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзорному анализу коми литературного процесса 1920-х гг. с целью выявления и определения общих тенденций и индивидуальных особенностей развития национальной литературы данного периода. Автор представляет хронологию литературных событий этого периода, рассматривает основные принципы создания и развития коми поэзии, прозы и драматургии, определяет роль писателей В. Савина, В. Чисталева, В. Лыткина, М. Лебедева, П. Доронина и др. в становлении коми литературы. В основе исследования лежат сравнительный, описательный и культурно-исторический методы, позволяющие наиболее полно представить картину литературной жизни Коми края первого послереволюционного десятилетия. 1920-е гг. рассматриваются как отдельный период в истории коми литературы. Материалом для анализа послужили поэтические, прозаические, драматургические произведения, опубликованные в авторских и периодических изданиях — в журналах «Ордым» (Тропа), «Коми му» (Земля коми), коллективных сборниках и альманахах — «Парма ёль» (Лесной ручей, 1922), «Вой төв шувгём» (Шум северного ветра, 1921), «Гёрд пöлян» (Красная дудка, 1921), «Коми гижысьяс» (Коми писатели, 1926). В ходе проведенного анализа доказано, что 1920-е гг. — один из наиболее важных, но сложных и неоднозначных периодов, повлиявших на становление и дальнейшее развитие коми литературы XX в.: небывалый подъем творческой активности молодых и опытных писателей, развитие всех родов и жанров литературы происходит в нем одновременно с ужесточением контроля государства над литературным процессом к концу десятилетия, усилением творческой несвободы, завершившимся массовыми репрессиями коми писателей в 1930-е гг.

Ключевые слова: коми литературный процесс, национальная литература, «Ордым», «Коми му», коми автор

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ельцова Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Работа подготовлена в рамках плановой темы «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте» (2026–2030 гг.). FUUU-2026-0005

Для цитирования: Ельцова Е.В. Коми художественная литература в 1920-е годы: основные тенденции в развитии поэзии, прозы и драматургии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 343–353. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-343-353> EDN: JMHGVW

Komi Literature in the 1920s: The Main Trends in the Development of Poetry, Prose and Drama

Elena V. Eltsova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre
“Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences”, *Sykttyvkar, Russian Federation*,
✉ alena.eltsova@mail.ru

Abstract. The study provides a review and analysis of the Komi literary process of the 1920s in order to identify and define general trends and individual characteristics in the development of the national literature during this period. The objectives are to trace the chronology of literary events; to examine the main principles behind the creation and development of Komi poetry, prose, and drama; and to determine the role of writers such as V. Savin, V. Chistalev, V. Lytkin, M. Lebedev, and P. Doronin in the formation of Komi literature. The research is based on comparative, descriptive, and cultural-historical methods which allow for the most comprehensive presentation of the literary life of the Komi region in the first post-revolutionary decade. The 1920s are considered a separate period in the history of Komi literature. The material for the analysis comprised poetic, prose, and dramatic works published in author’s books and periodicals — in the journals *Ordym* (“the Path”), *Komi mu* (“the Komi Land”), and in collections and almanacs as *Parma Jol* (“Forest Stream,” 1922), *Voj töv shuvgöm* (“the Noise of the North Wind,” 1921), *Görd pölyan* (“the Red Pipe,” 1921), *Komi gzhysyas* (“Komi writers,” 1926). The analysis demonstrates that the 1920s were one of the most important, albeit complex and ambiguous periods that influenced the formation and subsequent development of Komi literature in the 20th century. An unprecedented surge in the creative activity of both young and experienced writers, and the development of all kinds and genres of literature occurred simultaneously with the tightening of state control over the literary process, by the end of the decade and the intensification of creative unfreedom, culminating in the mass repression of Komi writers in the 1930s.

Key words: Komi literary process, national literature, “Ordym,” “Komi mu,” Komi author

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The work was prepared as part of the planned topic “The Artistic Experience of Komi Literature in the Sociocultural Context” (2026–2030). FUUU-2026-0005

For citation: Eltsova, E.V. 2026. “Komi Literature in the 1920s: The Main Trends in the Development of Poetry, Prose and Drama.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 343–353. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-343-353> EDN: JMHGVW

Введение

Октябрьская революция 1917 г., приведя к смене политической власти и системы ценностей в России, к формированию новой социально-экономической системы, вызвала и обширные культурные преобразования, в том числе

появление литератур многих народов и их небывалый подъем. Среди них — и коми художественная словесность, до 1917 г. имевшая письменные традиции, опиравшиеся, как правило, на переводную религиозную литературу, устное народное творчество и мифологию, образцы русской и мировой классики.

Творчество немногочисленных коми авторов, занимавшихся литературой и до революции, по разным причинам было недоступно коми читателю: произведения основоположника коми литературы И. Куратова, датировавшиеся второй половиной XIX в., оказались включенными в литературный оборот лишь после обнаружения его рукописей в 1923 г.; К. Жаков создавал все свои поэтические и прозаические произведения на русском языке, до 1913 г. на русском же писал и М. Лебедев; с переводов стихотворных произведений русских поэтов начиналось дореволюционное творчество В. Чисталева; ни одно из ранних коми стихотворений В. Лыткина не публиковалось до 1921 г.

Обсуждение

Революция и последовавшие за ней события, построение новых взаимоотношений культуры и власти сыграли ключевую роль в процессе «перевода коми литературы на новую идеологическую платформу» [1. С. 43] и ее дальнейшего развития. Этому способствовало решение многих проблем и задач. Реализация просветительского проекта большевиков — принятого Совнаркомом в декабре 1919 г. декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»¹ — обеспечила не только овладение населением Коми края навыками грамоты, но и способствовала его просвещению, подъему уровня самосознания и культуры, пробуждению творческого потенциала среди коми и «массовизации» писательского труда. Именно в это время в литературу пришло наибольшее количество начинающих авторов, среди которых В. Савин, И. Изъюров, Н. Попов, И. Сажин, И. Симаков, Ф. Попов, А. Тимушев.

Идеи культурной революции, энергия культурного взрыва, сохранявшаяся на протяжении почти всего десятилетия, относительная творческая свобода вдохновили и писателей, имевших дореволюционный опыт литературно-творческой работы, на создание произведений на родном языке².

Нормы древнекоми литературного языка были созданы еще в XIV в.; в XIX в. были попытки составления первых нормативных грамматик, однако «кодифицированная форма общенационального языка особенно интенсивно развивается в начале XX в.» [2. С. 118]. Перед первыми коми исследователями,

¹ Декреты Советской власти : в 18 томах. Т. VII. 10 дек. 1919 г. — 31 марта 1920 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории СССР АН СССР. Москва : Политиздат, 1975. С. 50–51.

² Чисталёв Т. В. Гижодъяс. Воддза нига. Муртöса да муртöстöm лыддьöгыяс. Сыктывдін кар: Коми книга лэдзанін, 1928. С. 25; Лыткин В. И. Сійö вöлі ыджыд сьöлöма // Войвыв кодзув. 1967. № 5. С. 45.

писателями, общественниками стоял вопрос о разработке норм этого единого и кодифицированного языка; кроме того, требовали решения проблемы отсутствия национальной печати и организации литературного процесса, воспитания новых поколений авторов. В результате на I губернском съезде просвещения (1920) было принято решение о выборе усть-сысольского говора (присык-тивкарского диалекта) за основу в создании литературного языка. Значимую роль в создании и развитии литературы на коми языке сыграла «Комиссия по разработке зырянского языка и литературы при Усть-Сысольском Уездном отделе народного образования» («Коми комиссия»), в состав которой вошли и опытные писатели, и молодые авторы. Одной из ее основных задач было создание оригинальной художественной литературы на коми языке для школ и населения.

В первые послереволюционные годы решался вопрос создания коми печати и учреждения периодических изданий на коми языке: первыми площадками для публикации литературных произведений служили с 1918 г. газета «Зырянская жизнь» (с 1921 г. — газета «Удж» (Труд), с 1921 г. — областная газета «Югд туй» (Светлый путь)). У истоков зарождающейся литературы стояли альманахи «Парма ёль» (Лесная речушка, 1922–23 гг.) и ежемесячный журнал «Коми му» (Земля Коми, 1924–1925 гг.), сыгравшие значимую роль в становлении и развитии литературного процесса в Коми крае на первых этапах.

В июне 1925 г. вышло Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы»³, в котором говорилось о необходимости усиления внимания к национальным литературам. В результате с целью решения вопросов организационного характера и объединения коми писателей, а также для установления полного государственного и партийного контроля над литературным процессом и подчинения литературы целям классовой борьбы в марте 1926 г. была создана Коми ассоциация пролетарских писателей (КАПП), на протяжении ряда лет остававшаяся базовой организационной структурой национальной литературы. В периодической печати обсуждался и вопрос о сути творчества коми писателей: все они, пришедшие в литературу до и после революции, имели крестьянское происхождение и расценивались как «крестьянские писатели с пролетарской идеологией»⁴. На конференциях КАПП (1926–1930 гг.) обсуждались и решались вопросы развития национальной художественной литературы, литературного языка и книгоиздания, создания писательских кадров. КАПП просуществовала до 1932 г., а после выхода Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке

³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 1999. (Россия. XX век. Документы). С. 57.

⁴ Савин В.А. Ставроссияса крестьяна гижысьяслӧн медводдза съезд // Ордым. 1929. № 6–7. С. 79.

литературно-художественных организаций»⁵, которым предусматривался ро-спуск существовавших литературных и художественных групп и образование единых творческих союзов, была упразднена.

Печатным органом коми писательской организации с осени 1926 г. стал литературно-художественный и общественно-политический журнал «Ордым» (Тропа): в нем публиковались новые художественные произведения, ли-тературно-критические статьи, велись дискуссии на литературные темы. Его ос-новной целью было раскрытие необходимости создания и развития художе-ственной литературы на коми языке, воспитание новых поколений писателей, сообщение о работе КАПП⁶. Журнал способствовал развитию всех форм коми словесности и продвижению творчества национальных авторов. С первых но-меров свои произведения в нем публиковали В. Савин, В. Чисталев, В. Лыт-кин, М. Лебедев, И. Изъюров, Е. Колегов, И. Сажин, Н. Фролов, Г. Федоров, И. Вавилин, Н. Попов, И. Пыстин, Я. Рочев и др.

1920-е гг. в коми советской литературе одни из самых плодотворных. В это десятилетие она стала явлением не только массовым, но и неоднозначным: с одной стороны, с приходом в литературу множества авторов из крестьянской среды, малознакомых с особенностями литературного труда, появились тек-сты довольно низкого с точки зрения художественных достоинств качества. С другой стороны, благодаря появившейся возможности получать образова-ние, заниматься творчеством и публиковаться, именно в этой среде про-явился талант авторов, способных создавать высокохудожественные тексты — основу коми литературы XX в.

Творческая универсальность коми писателей — еще одна характерная черта литературного процесса данного периода. Ведущие авторы этого вре-мени — В. Савин, В. Чисталев, В. Лыткин, М. Лебедев — работали одновре-менно во многих жанрах литературы; благодаря им появились и стали разви-ваться проза и драматургия; значительных высот достигла поэзия.

Взлет ее был обусловлен и относительной творческой свободой писате-лей в первой половине десятилетия и пропагандируемыми властью принци-пами искусства нового формата, возможностью литературных экспериментов в области художественных форм⁷ и поисков новых методов литературного творчества, способных отразить изменившееся общественное и индивидуаль-ное сознание, раскрыть созвучное времени содержание. Чрезвычайное воздей-ствие на творчество писателей оказали в этот момент исторические события,

⁵ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б) — ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. А. Арти-зов, О. Наумов. Москва : МФД, 1999. (Россия. XX век. Документы). С. 172–173.

⁶ Редакциясьнь // Ордым. 1926. № 1. С. 2.

⁷ Чисталев В. Т. Коми поэзия формаяс йылысь // Ордым. 1929. № 12. С. 54–57; Савин В. А. Коми кывбур формаяс йылысь // Ордым. 1930. № 1. С. 27–28.

в которых многие из авторов приняли непосредственное участие: Первая мировая и гражданская войны, Февральская и Октябрьская революции 1917 г.

Среди основных черт коми литературного процесса данного десятилетия следует отметить борьбу с классическими тенденциями и установку на тотальный разрыв с прошлым; появление множества новых авторов; развитие всех родов литературы; нарастание негативных тенденций в литературе конца десятилетия, в том числе усиление идеологической составляющей литературы, подавление личности и возвеличивание массы, коллектива [З. С. 162].

В 1920-е гг. поэзия находится в авангарде литературы: крупные социальные изменения в стране привели к тому, что на первый план вышли жанры, способные быстро и безотлагательно реагировать на происходящее, и, если революция нуждалась в новом искусстве, то поэзия на эту потребность откликалась в первую очередь. Об этом свидетельствует издание множества коллективных поэтических сборников уже в первой половине 1920-х гг.: «Вой төв шувгём» (Шум северного ветра, 1921), «Гөрд пöлян» (Красная дудка, 1921), «Коми сыланкывъяс» (Коми песни, 1922), «Парма юргём» (Звучание пармы, 1926), «Коми гижысьяс» (Коми писатели, 1926). Ведущую роль в эти годы сыграло поэтическое слово В. Савина, В. Чисталева, В. Лыткина, М. Лебедева; вклад в развитие коми поэзии 1920-х гг. был также сделан И. Чисталевым, А. Маеговым, Е. Колеговым, Ф. Поповым, Я. Чупровым, П. Шеболкиным.

Процесс развития поэзии протекал в двух тематических «руслах». Одно из них — общественно-публицистическое, рассчитанное на массового читателя и обращенное к актуальным и злободневным темам. В поэзии этого направления преобладают агитационное начало и манифестационный характер, пафос и риторизм. В результате в ней значительно увеличилось количество таких жанровых разновидностей, как стихотворная агитка, лозунг, призыв, наиболее известные среди которых — «Ыджыд ёрсём» (Великая клятва, 1920) и «Кыланнуд!» (Услышьте!, 1920) В. Чисталева, «Выныштчöй, вокъяс!..» (Будьте сильными, братья!.., 1921) И. Чисталева, «Том войтыр, садьмöй!» (Юноши, просыпайтесь!, 1920) В. Савина. Лирический герой этой поэзии — коллектив, обезличенный множественным «мы». Поэзия данного направления связана с народным творчеством: она способствовала включению в литературу разговорно-песенной стихии народной речи; в агитационных целях поэтами часто использовались фольклорные жанры — песни, частушки. Другое направление — поэзия лирического, интимного плана, фокусирующаяся на внутренних переживаниях и духовной жизни человека: ее яркий пример — стихи В. Чисталева «Ок, эськö» (Ох, если бы, 1921), «Менам кывьясöй» (Мои слова, 1922), «Сьöлмöй бöрдö и сьылö» (Сердце плачет и поет, 1922), В. Савина «Югыд кодзув» (Звездочка ясная, 1922), В. Лыткина «Кодзулöй» (Звезда моя, 1919), «Кöсья ме» (Мечтаю я, 1926).

В 1920-е гг. коми поэзия испытала значительное влияние русской классической поэзии и литературы, пропагандируемой Пролеткультом. Поэтами в этот период велись поиски национальной формы стиха, проводились эксперименты с опорой на технику В. Маяковского, А. Гастева, А. Безыменского. На коми язык с целью обогащения национальной литературы, оттачивания мастерства коми поэтов и создания литературных связей было выполнено множество авторизованных переводов, большинство из которых — произведения, созданные по мотивам произведений инонациональных литератур.

В этот период несколько векторов развития получил крупный лиро-эпический жанр коми литературы — поэма. Произведения лирического плана появились в начале 1920-х гг. в творчестве В. Савина («Ныв шог» (Горе девушки, 1920), «Тюк» (1924)). Жанр поэмы-сказки разрабатывали М. Лебедев («Яг морт» (1928), «Кӧрт Айка» (Железный мужчина, 1928), «Юрка» (1928)) и В. Лыткин («Шыпича» (1921)). В середине 1920-х гг. появились экспериментальные по форме и современные по содержанию поэмы, созданные В. Чисталевым («Му вежандыр» (Время обновления земли, 1927), «Ленин гу дорын» (У мавзолея Ленина, 1927)). Значительную художественную ценность представляет оцениваемая как национально-героическая [4. С. 258] поэма В. Лыткина «Мунӧны» (Идут, 1927), посвященная десятилетию Октябрьской революции 1917 г.

Коми драматургия зародилась и проходила свое становление в первые послереволюционные и в 1920-е гг. В основном она была представлена такими жанрами, как бытовая мелодрама, агитпьеса. Агитационность определяла тенденции театра, декларация была одним из главных средств ее воздействия на массы [5. С. 11]. Основы драмы и комедии закладывались В. Савиным: с этого времени их традиции укоренились и в коми театре [6. С. 15]. В его драмах революционно-романтической, исторической и бытовой тематики «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» (На восходе солнца цветок увял, 1919), «Кулӧмдінса бунт» (Усть-Куломский бунт, 1927), «Парма ныв» (Дочь пармы, 1929) представлены не только картины нравов и быта коми крестьян, но также затронуты значимые социально-исторические проблемы. В. Савиным же были созданы и первые коми комедии: диалогия «Райын» (В раю, 1921) и «Инасьтӧм лов» (Неприкаянная душа, 1926), сатирические комедии «Ва шыр» (Водяная крыса, 1928), «Знаменньӧ» (Знамение, 1929). В драме на первый план В. Савин поставил «не события, а характер и мировоззрение, процесс их формирования и переделки» [7. С. 72]. Произведениям писателя присущи «романтическая напряженность, лирическая взволнованность, драматическая насыщенность, серьезная насмешливость», связь с фольклором [7. С. 74].

В 1920-е гг. М. Лебедевым разрабатывался жанр оперетки («Тун» (Колдун, 1920), «Бурань» (Добрая женщина, 1921), «Настук» (Настенька, 1929)), в котором текст драматургического произведения перемежался с разговором, исполнением песен, музыкой, танцами. Значительный вклад в развитие коми

драматургии на начальном этапе развития внес Н. Попов, творчество которого пронизано гуманизмом, характеры, представленные в пьесах, реалистичны, картины жизни этнографически точны. В центре его пьес («Коді мыжа?» (Кто виноват?, 1922), «Олыштан да муса лоӧ» (Поживешь — полюбишь, 1923), «Чурка Нина» (Нина-безотцовщина, 1928)) — трагизм и безысходность дореволюционной жизни коми крестьянства. Интерес представляют и драматургические опыты 1920-х гг. В. Чисталева: он — автор девяти пьес, переводчик и создатель оригинальных драматургических произведений. Пьесы им создавались по мотивам произведений Д. Фонвизина, Л. Толстого, Н. Гоголя. Оригинальные же его произведения этого периода — стихотворная агитпьеса «Первое мая» (1924), созданная для постановки на сельской сцене, и «Изкар» (1925) — пьеса по мотивам прозаического произведения К. Жакова «Царь Кор» (1911).

1920-е гг. — время возникновения коми художественной прозы. Началась она с богатого задела новеллистики: появившись в начале десятилетия, рассказ стал главным типом «прозаического произведения 1920–1930-х гг., взявшим на себя нагрузку и других повествовательных жанров, появление которых им же и подготавливалось» [8. С. 19]. Многие создатели первых коми рассказов стали впоследствии авторами более крупных прозаических произведений — повестей и романов. Как виды исследователями выделяются рассказ реалистический, иронико-юмористический, импрессионистический, лирический рассказ-миниатюра, философский [9. С. 114–117]. Их появление связано с нуждами школьного образования: писателями создавались небольшие прозаические познавательные тексты для учебников и хрестоматий. Это короткие зарисовки (этюды) о погоде и окружающем мире, о повседневной жизни и работе «Тулыс воӧм» (Приход весны, 1921), «Кер пӧрӧдӧм» (Лесоповал, 1921), «Арся лунӧ» (Осенним днем, 1923) — метризованная проза В. Чисталева, «Гажа лунъяс» (Ясные дни, 1923), «Еджыд шебрас улын» (Под белым покрывалом, 1923) М. Лебедева, «Кыбӧм» (Лечение, 1923) А. Заболоцкой, «Сьӧла кыйӧм» (Охота на рябчика, 1923) Ф. Попова. Отличаясь богатством и образностью языка, отсутствием традиционного прозаического сюжета, компенсирующегося эмоциональностью и повышенным лиризмом, они обладают несомненными художественными достоинствами.

Развитие коми рассказа второй половины 1920-х гг. отмечено большей обращенностью авторов к социальной проблематике⁸: тогда в нем стали преобладать темы противопоставления прошлого и настоящего (В. Савин «Луча», В. Чисталев «Вартысь Ёгор» (Егор-Молотильщик, 1926)), первой мировой (империалистической) и гражданской войн (В. Савин «Бӧрыньтчигӧн» (При отступлении, 1929), И. Сажин «Ён тыш» (Великий бой, 1927), Н. Попов

⁸ Ванеева И. Коми висьтлӧн чужӧм да сӧвмӧм // Ытва дырйи. Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ : сборник рассказов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1987. С. 9.

«Сім сьод кымөр моз» (Как черная туча, 1926)), судьбы женщины (И. Осипов «Игнатьевна»). Значимое произведение этого периода — прозаический сборник В. Чисталева «Ыджыд висьт» гиждьыс серпасторьяс» (Зарисовки из произведения «Большой рассказ», 1929), в который вошли рассказы «Тшыг воё» (В голодный год), «Шог асыв» (Горестное утро), «Трипан Вась⁹», «Сартаса биён» (При лучине), «Эжва кывтчөс» (Вниз по Вычегде), «Вартыс Ёгор», «Көрт туй пөлөн» (Вдоль железной дороги) — «этапные произведения в истории коми литературы»¹⁰. Широкий общественный резонанс вызвал рассказ «Трипан Вась» — одно из вершинных в творчестве В. Чисталева и в коми литературе произведений. В нем автором раскрывается степень влияния значимых исторических событий (гражданской войны 1918–1922 гг.) на жизнь и судьбу человека. Образ главного героя рассказа, втайне от всех засеявшего сбереженными зернами ржи гарь в лесу и умершего по дороге домой от голода и болезни, одновременно глубок, реалистичен и мифологичен. Автором достоверно воссоздан тип коми крестьянина-современника, живущего в гармонии с окружающим миром, раскрыты особенности коми национального характера. Лиричны и поэтичны картины северной природы, написанные ритмизованной прозой [10].

1920-е гг. — начальный и вместе с тем значимый этап в развитии национальной прозы: появившиеся в этот период жанры миниатюры, зарисовки, рассказа, очерка стали фундаментом для всей коми прозы в дальнейшем. Роль их в ее становлении велика: осмысление событий исторической действительности принадлежит именно малым прозаическим жанрам, а не повести и роману. Своей подвижностью, тенденцией к смещению эпического и лирического, к ритмизации ткани прозы, они наращивали возможности жанров, их экспериментальность, что и сформировало в 1920-е гг. национальный тип рассказа. Позднее, в начале и в середине 1930-х гг., возникла необходимость в укрупнении прозаических жанров, произошел процесс ассимиляции рассказа в повесть и роман.

Заключение

1920-е гг. — короткий, но творчески насыщенный в истории коми (советской) литературы период. Первые послереволюционные и 1920-е гг. — это время интенсивного развития всех родов литературы, время значительных и поворотных событий в литературной жизни — создания первой писательской организации, учреждения литературно-художественного журнала, проведе-

⁹ «Трипан Вась», «Вартыс Ёгор» — рассказы названы коми именем и прозвищем сельских жителей. В первом случае Трипан Вась — это имя человека по имени отца: Василий Трифонович; во втором случае Вартыс Ёгор — прозвище человека по роду занятий: Егор-Молотильщик.

¹⁰ Ванеева И. Коми висьтлөн чужом да сөвмөм // Ытва дырйи. Коми висьт 20-30-өд воясö : сборник рассказов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1987. С. 9.

ния писательских съездов. В этот период произошло значительное обновление и расширение жанрового состава литературы, проводились поиски и эксперименты в сфере художественной формы, ритмики. Благодаря авторскому многоголосию и способности ведущих авторов (В. Савина, В. Чисталева, М. Лебедева, В. Лыткина) работать в различных литературных родах и жанрах коми литература достигла значительных успехов: в это десятилетие произошло зарождение и развитие прозы и драматургии, высокого уровня достигла поэзия.

Время относительной свободы творчества в рамках усиления процесса создания нового типа культуры и национальная настроенность писателей в 1920-е гг. позволили развить субъективно-лирическое направление в коми поэзии и прозе, дали авторам возможность экспериментировать при создании национальной по форме и современной по содержанию литературы. Более четкие формы процесс перехода литературы в инструмент политической системы обрел к окончанию 1920-х гг.

Список литературы

1. *Лимерова В.А.* Образ столицы Коми края в поэме В. Савина «Сыктывкар» и его литературные предшественники // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 43–49. EDN: TSSRIT
2. *Лудыкова В.М.* Коми литературный язык: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 117–127. EDN: SCWZUH
3. *Хомяков В.И.* Социально-философская модель русской советской литературы 1920–1930-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3(80). С. 161–165. EDN: FRGNXA
4. *Демин В.Н.* История и типология жанров коми поэзии. Екатеринбург : УрО РАН, 1997. EDN: FRGNXA
5. *Латышева В.А.* Драматургия и жизнь. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1985.
6. *Латышева В.А.* Современная коми драматургия. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1994.
7. *Латышева В.А.* Зарождение драматургии и театра народа коми. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1968.
8. *Лимерова В.А.* Коми рассказ 1920-1930-х гг.: пути изучения // Финно-угорский мир. 2011. № 1. С. 19–22. EDN: OYOQIX
9. *Лисовская Г.К.* Типология коми рассказа 20-х годов XX века // Вестник Томского педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 114–117. EDN: PYAAZP
10. *Ельцова Е.В.* Ритм прозы В. Т. Чисталева. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2013. Вып. 515.

References

1. Limerova, V.A. 2014. "The image of the capital of the Komi Region in V. Savin's poem *Syktvykar* and his literary predecessors." In *The artistic experience of the literature of the Finno-Ugric peoples: common and specific features*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, pp. 43–49. (In Russ.) EDN: TSSRIT

2. Ludykova, V.M. 2013. “The Komi literary language: status, problems, and development prospects”. In *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, no. 2, pp. 117–127. (In Russ.) EDN: SCWZUH
3. Khomiakov, V.I. 2018. “Social and philosophical model of Russian Soviet literature of the 1920–1930s.” In *Scientific notes of Orel State University*, no. 3, pp. 161–165. (In Russ.)
4. Demin, V.N. 1997. *History and Typology of Komi Poetry Genres*. Ekaterinburg: Ural Branch, RAS. (In Russ.) EDN: FRGNXA
5. Latysheva, V.A. 1985. *Drama and Life*. Syktyvkar: Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)
6. Latysheva, V.A. 1994. *Contemporary Komi Drama*. Syktyvkar: Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)
7. Latysheva, V.A. 1968. *The Origin of Komi Drama and Theater*. Syktyvkar: Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)
8. Limerova, V.A. 2011. “The Komi short story of the 1920-1930s: paths of study.” In *Finno-Ugric world*, no. 1, pp. 19–22. (In Russ.) EDN: OYOQIX
9. Lisovskaya, G.K. 2013. “Typology of the Komi short stories of the 1920s.” In *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.) EDN: PYAAZP
10. Eltsova, E.V. 2013. *The Rhythm of V.T. Chistalev's Prose*. Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Issue 515. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ельцова Елена Власовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук (ФИЦ Кomi НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-1543-4608; eLibrary SPIN-код: 8322-7088. E-mail: alena.eltsova@mail.ru

Bio note:

Elena V. Eltsova is a Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1543-4608; e-Library SPIN-code: 8322-7088. E-mail: alena.eltsova@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365

EDN: JSDEDA

Научная статья / Research article

Жанр святочного рассказа в творчестве коми писателя М.Н. Лебедева

В.А. Лимерова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация,
juva64@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено выявлению пробелов в изучении дореволюционного литературного наследия М.Н. Лебедева. Материалом служат малоизвестные произведения писателя, относящиеся к периоду его раннего творчества: «страшные» святочные рассказы «Иван Голый» (1900) и «На святках» (1911). В качестве исследовательской проблемы выдвинута специфика сюжетного построения произведений, что позволило выявить активную опору писателя на известные ему версии святочных сюжетов. Сюжетная линия первого рассказа предельно близка одному из самых продуктивных и популярных видов коми фольклора — охотничьим быличкам, связанным с регламентацией поведения промысловиков в определенные календарные периоды, включая запрет на промысловую деятельность в святочные дни. Второй рассказ ориентирован на традицию русской святочной беллетристики, в частности на цикл повестей М.Н. Загоскина «Вечер на Хопре», в котором повествование ведется от имени персонажей, принадлежащих к поместному дворянству. Использование различных в социально-культурном плане источников объясняется попыткой М.Н. Лебедева запечатлеть восприятие святок разными слоями современного ему общества: народные представления о сакральном значении святочного времени и утрату ритуального значения святочных традиций образованной «уездной аристократией».

Ключевые слова: Коми литература, святочные сюжеты, коми фольклор, фольклоризм литературы, литературные заимствования

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU– 2026-0005 «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте».

Для цитирования: Лимерова В.А. Жанр святочного рассказа в творчестве коми писателя М.Н. Лебедева // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 354–365. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365> EDN: JSDEDA

The Yuletide Story Genre in the Works of the Komi Writer M.N. Lebedev

Valentina A. Limerova^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,
✉ juva64@yandex.ru

Abstract. This study aims to fill gaps in the study of M.N. Lebedev’s pre-revolutionary literary legacy. The material used is little-known works by the writer, dating back to his early creative period: the “scary” the Yuletide story “Ivan the Naked” (1900) and “At Christmastide” (1911). The research problem is the specific plot structure of the works, which reveal the writer’s active reliance on known versions of Christmastide plots. The plotline of the first story is extremely close to one of the most productive and popular forms of Komi folklore – hunting tales associated with the regulation of the behavior of hunters during certain calendar periods, including a ban on hunting activities during Christmastide. The second story draws on the tradition of Russian Christmastide fiction, including a particular example — N.M. Zagoskin’s cycle of stories “Evening on the Khopra,” in which the narration is from the perspective of characters belonging to the landed gentry. The use of various socio-cultural sources is explained by M.N. Lebedev’s attempt to capture the perception of Christmastide by different strata of contemporary society: popular ideas about the sacred significance of Christmastide time and the loss of ritual significance of Christmastide traditions by the educated “district aristocracy”.

Key words: Komi literature, Christmas stories, Komi folklore, folklorism of literature, literary borrowings

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project FUUU– 2026-0005 “The artistic experience of Komi literature in a socio-cultural context.”

For citation: Limerova, V.A. 2026. “The Yuletide Story Genre in the Works of the Komi Writer M.N. Lebedev.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 354–365. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-354-365> EDN: JSDEDA

Введение

Михаил Николаевич Лебедев (1877–1951) вошел в историю коми литературы как писатель советский, приступивший к активной литературной деятельности после 1917 г. Между тем публиковаться он начал значительно раньше известных октябрьских событий и его дореволюционный писательский багаж включает более 40 произведений. Большинство из них, написанных в жанрах художественной прозы, имеют единственный факт публикации в центральной прессе начала XX в. и представляют собой малодоступный материал не только для массового читателя, но и исследователя.

Неверно было бы утверждать, что в целях изучения раннего Лебедева до сих пор ничего не делалось. Большой вклад в сбор сведений о его литературной деятельности внесли советские литературоведы П.Г. Доронин, А.А. Вежев, А.К. Микушев, Г.В. Беляев, но последовательного изучения литературного материала в период идеологических ограничений не произошло. В корпус исследовательской литературы о творчестве М. Лебедева следует также включить диссертационные работы М.Г. Плехановой «Идейно-художественные особенности дореволюционной прозы М.Н. Лебедева» (1996) и Л.В. Лыткиной «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX в. Взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка» (1999), главным итогом которых стало признание дореволюционной прозы писателя важнейшей частью его обширного художественного наследия. Вместе с тем литературно-художественный опыт, который был приобретен М. Лебедевым в досоветский период, остается недостаточно изученным и нуждается в более детальном освещении. Решение этой задачи трудновыполнимо без исследовательского внимания ко всей совокупности произведений писателя, в том числе к жанрам, которые не являются доминантными в его творчестве. Так, лидирующее положение в дореволюционном творчестве М. Лебедева занимает историческая беллетристика, но в числе его первых публикаций можно заметить еще одну группу текстов — календарно приуроченных, в том числе принадлежащих к так называемой святочной литературе. Большая часть таких произведений была опубликована на страницах журнала для низших военных чинов «Досуг и дело», сотрудничество с которым Лебедев поддерживал на протяжении четырнадцати лет, с 1900-го по 1914-й год.

Исследователи отмечают, что в начале XX в. в русской литературе сосуществовали два вида святочных текстов — сентиментально-нравоучительные рассказы, утверждающие христианскую добродетель, и «страшные» рассказы, отражающие древние представления о начале года как пограничном времени поворота от тьмы к свету, когда происходит последний разгул бесов перед прибавлением светового дня [1. С. 285; 2. С. 216]. Преимущественным положением в периодических изданиях пользовались рассказы с нравоучительными сюжетами, что можно объяснить особым статусом Рождества как наиболее подходящего времени для совершения добрых дел. Другая разновидность святочной прозы, опиравшаяся на фольклорную фантастику, печаталась реже, поскольку пользовалась меньшим спросом со стороны самих изданий. Обращенный к низовому читателю журнал «Досуг и дело» был одним из немногих литературных журналов, помещавших под одну обложку оба вида рождественско-святочной прозы — истории, напоминающие о заповедях Христа, и рассказы о встречах людей с нечистой силой. Именно в таких амбивалентных выпусках нашли себе место «страшные» святочные рассказы молодого писателя из коми-зырянской провинции М.Н. Лебедева.

Объектом исследовательского внимания в настоящей статье служат рассказы «Иван Голой» и «На святках», обладающие, как нам представляется, наибольшим репрезентативным потенциалом с точки зрения самобытности календарной прозы М.Н. Лебедева. Актуальность исследования определяется малой изученностью дореволюционной прозы писателя и отсутствием литературоведческих прочтений названных текстов. Автором статьи выдвигаются следующие задачи: рассмотреть структурно-семантические особенности святочных рассказов М. Лебедева, установить принципы и приемы моделирования писателем святочного сюжета. Методологической базой статьи служат работы современных исследователей о жанровых свойствах святочной прозы, ее месте в отечественной периодике и творчестве отечественных писателей [3–5].

Обсуждение

Первым опытом М. Лебедева в святочном жанре стал рассказ «Иван Голой», помещенный в январском номере «Досуга и дела» за 1900-й год. Публиковаться писатель начал двумя годами раньше (в 1898 г. приложением к журналу «Родина» вышел его роман «За Богом молитва, за царем служба не пропадают»), но своим первенцем в печати в автобиографиях предпочитал называть «святочную сказку» про Ивана Голого. Нельзя отрицать, что за этим фактом стоят и политические причины (в советское время Михаил Николаевич был вынужден замалчивать часть своего дореволюционного творчества). Однако «Иван Голой» действительно является первым опытом характерного для М. Лебедева принципа письма, который заключается в активном использовании и сочетании ресурсов русской литературы и коми фольклора.

Сюжет рассказа таков. Крестьянин Иван Голой, из числа «самых захудалых мужичонков деревни»¹, отправляется в лес на охоту во время святок. Всегдашний неудачник, которого односельчане метко наградили прозвищем Голой, настрелял в этот день такое количество белок, что и сам «никак не мог себе объяснить, откуда и за какую благодать свалилось на него с неба подобное счастье»². Однако радость охотника оказалась преждевременной. Заночевав в лесу, герой становится участником невероятных и жутких событий: на его глазах внезапно оживает и сбегает в лес самая дорогая добыча – чернобурая лисица, а на свет костра является мрачный незнакомец, который пожирает вначале съестные припасы Голого, затем отправляет в свою пасть беличьи туши, собаку и грозит проглотить самого охотника. В этот критический момент Иван слышит голос невидимого доброжелателя и по совету последнего

¹ *Лебедев М.Н.* Иван Голой. Святочная сказка // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повесть, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 296.

² Там же. С. 299.

решается на побег. Выполнив все наставления неизвестного помощника (определенные магические действия), герой обнаруживает себя в собственной избе.

Как следует из хода событий и мягкой авторской иронии, сопровождающей повествование о злоключениях героя, М. Лебедев был хорошо знаком с требованиями святочного жанра, сформулированными в свое время мастером этого вида прозы Н.С. Лесковым: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера... чтобы он был сколь-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хотя вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец, чтобы он оканчивался непременно весело»³. Выстроенная по рецепту литературного святочного рассказа история Ивана Голого вместе с тем близка к охотничьим быличкам – одному из самых продуктивных и популярных жанров коми фольклора. Собственно, «страшный» святочный рассказ как литературный жанр и сам по себе является формой, наследующей свойства народной фантастики, однако в рассматриваемом случае эта универсальная связь устной и письменной традиций дополняется ментальным сходством святочного жанра и этнически самобытного пласта коми охотничьего фольклора. Содержательным ядром большинства охотничьих быличек является сообщение о встречах промысловиков с лесными духами, которым народное сознание приписывало санкционирующие функции контроля, разрешения или запрета на охоту в определенном месте или в определенный календарный период [6. С. 100]. Отдельную группу составляют тексты, связанные с запретом на промысловую деятельность в святочные дни: считалось, что в это время граница между человеческим и сверхъестественным мирами теряла свою непроницаемость и вероятность встречи с враждебными человеку духами в лесу была особенно велика. Рассказанная М. Лебедевым история Ивана Голого, отправившегося на охоту в неурочный час, непосредственно заимствована из арсенала таких быличек и строится путем соединения в одном тексте двух распространенных в коми промысловом фольклоре сюжетов.

Первый из них повествует о случаях встречи охотников с неким лесным демоном — ненасытным духом-обжорой, который приходит по ночам в избышки промысловиков, нарушивших какой-либо запрет или предписание, и поедает охотничьи припасы, затем добычу и даже ружье. Охотник пытается спастись бегством, но злой дух настигает его. В это время слышится крик петуха, кровожадный преследователь падает замертво, а охотник чудесным образом оказывается дома [7]. Другим фольклорным источником лебедевского рассказа служит корпус текстов о встречах заблудившихся или терпящих в лесу какое-либо бедствие людей с Миколой-угодником. По поверьям коми, Микола может наказать за неурочное посещение леса или, наоборот, помочь

³ Лесков Н.С. Жемчужное ожерелье // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 томах. Т. 7. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 433.

промысловому, если тот выходит на охоту в праздничный день не из прихоти, а по необходимости, как, например, Иван Голой, по бедности своей. Кроме того, Микола считается посредником в делах охотников, когда между ними и миром сверхъестественного возникают из ряда вон выходящие конфликты [8. С. 10]. Таким образом, невидимый заступник героя лебедевского рассказа легко сопоставим с персонажем коми фольклора Миколой-угодником — помощником и защитником охотников.

Любопытно, что в 1916 г. венгерский ученый Фокош Фукс записал предельно близкий рассказу М. Лебедева сюжет во время сбора фольклорного материала в одном из лагерей для российских военнопленных на территории Венгрии. Его информатором оказался Т.А. Кочанов, уроженец коми деревни Фроловская (ныне Усть-Куломский район Республики Коми). Предельная близость авторского и устно переданного текстов с большой вероятностью позволяет предположить вторичную фольклоризацию лебедевского рассказа⁴, свидетельствуя, в свою очередь, о фольклористической компетентности М.Н. Лебедева и адекватном воспроизведении им устных источников. Наличие общих с народными быличками сюжетов и образов послужило в свое время основанием считать рассказ М. Лебедева олитературенным коми фольклором [10. С. 185], однако фольклоризм М. Лебедева, на наш взгляд, не сводится к прямому повтору устно-поэтических реалий, т. е. к прямому посредничеству между народным искусством и читателем. Обратим внимание хотя бы на то, что автор называет своего героя жителем одной из деревень Олонецкой губернии, тогда как территории проживания коми никогда не входили в ее состав. Как известно, фольклорные герои и сюжеты всегда имеют конкретную локальную и национальную прописку, Лебедев же отступает от соблюдения этого принципа и сознательно использует народную фантастику исключительно в качестве подсобного фабульного материала. В пользу цели собственно литературной говорит и значительное удлинение текста за счет пространственных, свойственных массовой беллетристике диалогов. Автор также включает в ткань повествования характеризующие героя ситуации, прибегает к описаниям зимнего, окутанного таинственностью леса и воссоздает особую атмосферу святочного времени. Написанный в период литературного ученичества, рассказ не свободен от недостатков, но свидетельствует о писательском чутье молодого автора. Лебедев пользуется фольклором строго избирательно. В рассматриваемом случае фольклорный опыт переносится на органичную ему литературную почву с ясным осознанием принципиального совпадения дидактики коми охотничьего фольклора и литературного святочного рассказа: «...дать предупреждение об опасностях, угрожающих человеку со

⁴ Аналогичное мнение о присутствии элементов книжной культуры в репертуаре Т.А. Кочанова высказано В.В. Филипповой [9. С. 229].

стороны неведомого, но близкого мира; транслировать опыт, накопленный в аналогичных, подобных ситуациях» [11. С. 31].

Другим вариантом зимней календарной прозы в творчестве М. Лебедева является рассказ «На святках» (1911). В отличие от истории крестьянина Ивана Голого, в которой отражена специфика переживания праздничного времени в простонародной среде, в рассказе «На святках» воссоздается поведение более просвещенной части общества в период святок. Героями рассказа являются представители «сельской аристократии», собравшиеся в один из зимних святочных вечеров у земского фельдшера: местный приходской священник с матушкой и дочкой, дьякон с дьяконицей, урядник с урядницей, два учителя и три учительницы, приказчик казенной винной лавки, волостной писарь и пожилой деревенский торговец с женой. Намерившись рассеять скуку по обыкновению за карточным столом, компания вспоминает о древнем, пришедшем от отцов обычае рассказывать на святках специальные истории, «непременно святочное что-нибудь, страшное, чудесное, непостижимое... — бывалые небывальщинки, одним словом»⁵. Далее каждый из присутствующих на вечеринке мужчин излагает свой святочный сюжет, свою историю о личной встрече с загадочным миром сверхъестественного. Женщинам же отведена роль внимающей публики, по реакциям которой и можно судить о мастерстве рассказчика, т.е. о том, насколько сильное впечатление удастся произвести рассказчику своей историей. При этом рассказы разных героев, на первый взгляд, следуют друг за другом без какой-либо особой последовательности: слово от одного рассказчика к другому передается как бы случайно, без упорядочивающей роли автора. В действительности порядок рассказывания историй обладает определенной логикой, обеспечивающей сюжетную целостность рассказа.

Первый рассказ принадлежит уряднику и является классическим образом самого распространенного в жанрах хоррора сюжета о неупокоившихся бродячих мертвецах. В молодости Григорий Павлович (так зовут урядника) дружил с неким штабс-капитаном Бубликовым, слывшим искусным игроком в бильярд. Но однажды Григорий особенно отличился и выиграл у него десять партий кряду. Бубликов поклялся отыграться до Крещения и в самом деле явился в крещенский сочельник в бильярдную комнату, где по случаю пришлось заночевать рассказчику. Вид штабс-капитана был жуток: «лицо синее-синее, как у покойника», «правый висок в крови, мундир тоже кровью забрызган»⁶. В конце десятой выигранной партии окровавленный игрок вдруг исчез, а после обнаружилось, что Бубликов погиб накануне от рук каких-то мерзавцев. Чтобы придать происшествию правдоподобие, рассказчик умело использует особую повествовательную технику: он активно транслирует на своих

⁵ *Лебедев М.Н.* На святках // Лебедев М. Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 342.

⁶ Там же. С. 345.

слушателей «по-настоящему» пережитый им страх, обильно пересыпая свою речь специальными эмотивными фразеологизмами: «дрожь прохватывает», «волосы дыбом становятся», «оторопь взяла», «жутко было», «своим глазам не верю», «у меня зуб на зуб не попадает», «лица нет», «меня совсем из ума выкинуло». Кроме того, правдивость события аргументируется урядником в соответствии с его чином — наличием вещественного доказательства и свидетельскими показаниями. Первым служат кровавые пятна, будто бы оставшиеся на бильярдном столе, а вторым — ужас сослуживцев, наблюдавших за фантастической игрой.

Вслед за урядником общество предлагает рассказать свою историю земскому фельдшеру Огородникову, который в свободное от службы время «постоянно с ружьем по лесам ходит»⁷. «Оказия», о которой рассказывает фельдшер, случилась с ним в рождественскую ночь, которую он, томимый охотничьим азартом, решил провести у волчьей приманки. В тот момент, когда он подлетел на лыжах к месту, ударил колокол на колокольне — к рождественской заутрене заблаговестили. А потом случилось диво: служившая приманкой лошадиная туша и вместе с ней волчья стая стали поклоны отвешивать, будто напоминали охотнику, что по случаю Рождества следует молиться, а не кровь проливать. Как и предыдущий рассказчик, Огородников мастерски создает атмосферу пережитого страха, да и сам происшедший с ним случай не менее жуток, чем встреча урядника с бродячим мертвецом. Вместе с тем собравшиеся открыто демонстрируют недоверие к рассказу фельдшера: перебивают рассказчика, сопровождают его речь хохотом. Огородников в их глазах — охотник и, следовательно, выдумщик, который «всегда соврать сумеет»⁸. Это краткое замечание в сторону фельдшера-охотника собственно и проясняет художественную задачу автора, с которой связана очередность историй в общем тексте произведения: с каждым последующим рассказом пафос ужасного убывает, все более уступая место ироничным истолкованиям «ужасов».

Обратим внимание, что сюжетные ситуации в рассказах, следующих за историей Огородникова, не обладают эффектом неожиданности для собравшихся. Так, происшествие, якобы случившееся когда-то с дьячком (ночное бдение в комнате умершего кузнеца, знавшего, по слухам, с нечистым), определенно напоминает известную повесть Н. Гоголя с той разницей, что оставшийся в живых чтец и сам не уверен, чем дело кончилось: то ли вправду нечистые под псалтырь в пляс пустились, то ли ему со страху померещилось. «Удивительный случай» с приказчиком местной лавки, возвращавшимся в святочную ночь из города, — не что иное, как вариация повсеместно распространенных быличек об особых местах, где случаются встречи одиноких

⁷ Лебедев М.Н. На святках // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 347.

⁸ Там же. С. 347.

путников с нечистыми. Рассказ торговца о чудесах, «которые завсегда могут случиться, ежели время святочное»⁹, также относится к известным быличкам о празднествах, которые нечистые устраивают в пустых домах в святочное время. Не уникальны в своем роде и рассказы двух молодых учителей — вчерашних семинаристов. Первый из них прибегает к популярной среди бурсаков легенде о привидении, которое будто бы обитает в стенах семинарии. История его товарища также имеет устойчивый инвариант, принадлежа к рассказам о святочных гаданиях. В результате ирреальные события, случившиеся с рассказчиками, оказываются недостаточно оригинальными и потому недостаточно страшными для слушателей. Завершается это собрание святочных ужасов и вовсе курьезной историей писаря, известного своей склонностью «здорово выпить». Случилось ему на второй день Рождества возвращаться ночью из гостей, как внезапно спустился к нему воздушный шар и двое незнакомцев силой затащили его в корзину воздушного судна, а с высоты птичьего полета обратно сбросили на землю. Но самым невероятным, по словам писаря, было то, что обнаружил он себя лежащим у крыльца своей квартиры, а над ним «жена стоит, ругается»¹⁰. И как ни расписывал писарь жене свое путешествие на воздушном шаре, та осталась при своем мнении, что он через перила кувырком полетел. Как видим, последний рассказчик осознанно моделирует анекдотическую ситуацию, предлагая своим слушателям не традиционный святочный сюжет, а пародию на него. Таким образом, рассказ М. Лебедева «На святках» устроен так, что в следующих друг за другом историях все заметнее становится размывание, редукция главной цели «страшного» святочного рассказа — предупредить об опасности, показать, какие ужасные вещи случаются с людьми, нарушившими норму поведения в святочные дни. С последним рассказом происходит окончательное профанирование святочного жанра и перевод его в исключительно комический план.

Подсказкой для такого построения рассказа М. Лебедеву могла послужить русская фантастическая повесть с ее особой нарративной (многосубъектной) и композиционной (циклической) организацией, включая ее конкретный образец — «Вечер на Хопре» Н.М. Загоскина. «Вечер на Хопре» строится на столкновении веры в существование и разоблачение сверхъестественного, при этом происходит явное движение повествования к утверждению правды сверхъестественного, потустороннего. Лебедев повторяет главную содержательную коллизию фантастической повести, заключающуюся в колебании между верою и неверием в чудесное, но располагает истории в обратном порядке: сюжет в его рассказе движется от гипотетической возможности существования ирреального к осмеянию вызываемого им ужаса.

⁹ Лебедев М.Н. На святках // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 360.

¹⁰ Там же. С. 361.

Однако заметим: задача автора состоит вовсе не в том, чтобы придать страшным святочным историям и обычаю их рассказывания профанный модус. Вернемся к тому, что с самого начала участники вечеринки принимают на себя определенные роли. Женщины занимают место внимающей и иронично высказывающейся публики. Статус мужчин попеременно меняется: рассказав свою «правдивую» историю, каждый из них становится слушателем, с нескрываемой усмешкой подтрунивающим над чужой «басней». Напоследок гости весело расходятся по домам, насмешливо желая друг другу реальных встреч с мертвецами, колдунами, привидениями и чертями всех мастей – персонажами своих рассказов. В результате возникает впечатление, что рассказывание страшных историй является для участников святочной вечеринки не столько приобщением к известной им традиции, сколько игрой, способом «скоротать время». Автор же не подвергает сомнению существование ирреального. Его цель иная — показать утрату сакрального значения святочных традиций в определенных слоях общества. При этом вряд ли можно согласиться с мнением исследователей советского времени, считавших произведение М. Лебедева «картиной о дремоте духа», «обличением тех, кто носит нереальное»¹¹. Рассказ молодого писателя далек от избыточно критического, обличительного пафоса. Лебедев лишь констатирует, фиксирует наблюдаемое им явление в коллективном портрете волостного образованного общества, которое уже оторвано от мифологически заряженных святочных ритуалов и верований, сохраняющихся в простонародной среде, и для которого традиция перешла в разряд развлечения и забавы.

Заключение

Рассказы М.Н. Лебедева «Иван Голый» (1900) и «На святках» (1911) относятся к периоду активного сотрудничества писателя с солдатским журналом «Досуг и дело» и во многом ориентированы на репертуарную политику издания, рассчитанного на читателя «из народа». Мотивом для обращения М. Лебедева к святочному жанру могла послужить потребность журнала в календарно приуроченном материале для зимних выпусков, но немаловажное значение для молодого автора имели и его собственные творческие искания. В разработанный жанр святочного рассказа писатель вносит свои элементы сюжетостроения, творчески использует фольклорные и литературные источники. Заслуживает внимания взаимодополняющий характер рассказов. В фантастической истории, случившейся на святках с крестьянином Иваном Голым, ясно проступает стремление автора запечатлеть народное восприятие святочного времени и связанные с ним верования и обычаи. И напротив, герои

¹¹ *Беляев Г.В.* Примечания // Лебедев М.Н. В волостном омуте : повести, рассказы, публицистика. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984. С. 396.

рассказа «На святках» принадлежат к образованному слою уездного общества, который продолжает участвовать в святочных действиях, но утратил понимание их обрядового смысла. Таким образом, рассказы М. Лебедева «Иван Голый» и «На святках» характеризуются формально-содержательной законченностью, но могут рассматриваться и как единый нарратив, усиливающий социальное звучание рассказов.

Список литературы

1. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. Москва : Прогресс — Универс, 1993.
2. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики: этнологические аспекты. Москва : Индик, 2012. EDN: UBHLIH
3. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ : становление жанра. Санкт-Петербург : Языковой центр СПбГУ, 1995.
4. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2 : Художественные и научные категории. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1992. С. 113–127. EDN: SFOKGB
5. Калениченко О.Н. Судьбы малых жанров в русской литературе конца XIX — начала XX века (святочный и пасхальный рассказы, модернистская новела). Волгоград : Перемена, 2000.
6. Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар : Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2009. EDN: QOKNVF
7. Конаков Н.Д. Виж паськѡма морт // Энциклопедия уральских мифологий. Мифология коми. Москва, Сыктывкар : ДИК, Институт языка, литературы и истории, 1999. С. 109–110.
8. Рочев Ю.Г. Введение // Коми легенды и предания. Коми книжное издательство, 1984. С. 5–16.
9. Филиппова В.В. Традиционная культура и фольклор коми. Сыктывкар : Издательский дом Коми, 2014.
10. Вежнев А.А., Мартынов В.И. Михаил Николаевич Лебедев // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1980. С. 183–195. EDN: VXQNGP
11. Тиманова О.И. Жанры календарной словесности и русская литературная сказка XIX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 315–330. EDN: ODSGAX

References

1. Baran, H. 1993. *Poetics of Russian Literature in the Early 20th Century*. Moscow: Progress — Univers publ. (In Russ.).
2. Zakharov, V.N. 2012. *Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects*. Moscow: Indrik publ. (In Russ.). EDN: UBHLIH
3. Dushechkina, E.V. 1995. *Russian Christmas story: formation of the genre*. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University publ. (In Russ.).
4. Starygina, N.N. 1992. "The Yuletide story as a genre." In *Problems of historical poetics. Issue 2: Artistic and scientific categories*. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Press publ., pp. 113–127. (In Russ.). EDN: SFOKGB
5. Kalenichenko, O.N. 2000. *The Fates of Minor Genres in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries (The Yuletide and Easter Stories, Modernist Novels)*. Volgograd, Peremena publ. (In Russ.).
6. Ilyina, I.V. and O.I. Ulyashev. 2009. *Man and Woman in Traditional Komi Culture*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History of the Komi SC UB of the RAS publ. (In Russ.). EDN: QOKNVF

7. Konakov, N.D. 1999. “Vizh paskoma mort [Man in yellow clothes]”. In *Encyclopedia of Ural mythologies. Komi mythology*. Moscow, Syktyvkar: DIK publ, Institute of Language, Literature and History, pp. 109–110. (In Russ.).
8. Rochev, Yu.G. 1984. “Introduction”. In *Komi Legends and Traditions*. Syktyvkar, Komi Publishing House publ., pp. 5–16. (In Russ.).
9. Filippova, V.V. 2014. *Traditional culture and folklore of the Komi*. Syktyvkar: Komi Publishing House publ. (In Russ.).
10. Vezhev, A.A. and V.I. Martynov. 1980. “Mikhail Nikolaevich Lebedev”. In *History of Komi Literature*. Vol. 2. Syktyvkar: Komi Publishing House publ., pp. 183–195. (In Russ.). EDN: VXQNGP
11. Timanova, O.I. 2008. “Calendar literature genres and Russian literary fairy-tale of the 19th century”. *Problems of History, Philology, Culture*, no. 22, pp. 315–330. (In Russ.). EDN: ODSGAX

Сведения об авторе:

Лимерова Валентина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-8687-669X; eLibrary SPIN-код: 9401-0365. E-mail: juva64@yandex.ru

Bio note:

Valentina A. Limerova is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8687-669X; eLibrary SPIN-code: 9401-0365. E-mail: juva64@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-366-376

EDN: JSMMPF

Научная статья / Research article

Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми: история и современность

Н.В. Горинова

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ ngorinova@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено анализу основных этапов развития, а также современному состоянию Национального музыкально-драматического театра Республики Коми. Актуальность работы обусловлена необходимостью введения в научный оборот исторических сведений о театре, изучения ранее не исследованного материала, анализ которого позволит расширить научные знания о культурной жизни Республики Коми. Предпринята попытка осмысления причин возникновения театра, формирования его репертуара, обновления его постановочного материала. Выявлена роль театра в развитии национальной драматургии, культуры. Раскрыта его уникальность и самобытность.

Ключевые слова: коми театр, история театра, репертуар, С.Г. Горчакова, М.Н. Бурдин, драматурги

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа подготовлена в рамках плановой темы «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте» (2026–2030 гг.). FUUU-2026-0005

Для цитирования: Горинова Н.В. Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми: история и современность // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 366–376. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-366-376> EDN: JSMMPF

The National Music and Drama Theatre of the Komi Republic: History and Modernity

Natalia V. Gorinova

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences”, Syktuykar, Russian Federation,
✉ ngorinova@mail.ru

Abstract. This article explores the key milestones in the history and the current state of the National Music and Drama Theatre of the Komi Republic. The relevance of this work is determined by the need to introduce historical data about the theatre into academic discourse and to study previously

© Горинова Н.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

unexplored material. Analyzing this material will expand the scientific understanding of the cultural life of the Komi Republic. The article attempts to comprehend the reasons for the theatre's founding, the formation of its repertoire, and the renewal of its productions. It identifies the theatre's role in the development of national drama and culture, and reveals its uniqueness and distinctive character.

Key words: komi theatr, theatre history, repertoire, S.G. Gorchakova, M.N. Burdin, playwrights

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The work was prepared as part of the planned topic “The Artistic Experience of Komi Literature in the Sociocultural Context” (2026–2030). FUUU-2026-0005.

For citation: Gorinova, N.V. 2026. “The National Music and Drama Theatre of the Komi Republic: History and Modernity.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 366–376. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-366-376> EDN: JSMMPF

Введение

История формирования и развития театрального искусства Республики Коми неизменно связана с именем Виктора Алексеевича Савина (псевдоним Нёбдинса Виттор). Он считается основоположником коми национального театра, драматургии зырян. Его художественное творчество, во многом обусловленное Социалистической революцией 1917 г., с одной стороны, отражало кардинальные преобразования постимперской России, а с другой — активно призывало к ним. Именно агитационные возможности театра приводят В. Савина к идее о создании национального театра: спектакли перед зырянами на родном языке могли четче выразить мощь и глубину мысль о необходимости социалистических перемен в стране. Сначала, в 1920-е гг. в Сыктывкаре под его руководством «был организован хор, участники которого проводили в столице и ее окрестных селах и деревнях так называемые «Коми рытьяс» («Коми вечера»). Программа этих вечеров включала исполнение коми, русских, украинских народных песен, революционных песен, выступление оркестра народных инструментов и постановки небольших представлений, основанных на переводных или оригинальных коми пьесах. В 1921 г. участниками хора во главе с В. Савиным был создан передвижной любительский театр «Сыкомтевчук» («Сыктывкарса коми театрын ворсысь чукӧр» — «Усть-Сысольское коми театральное объединение»), в дальнейшем послуживший основой Коми ин-структивно-передвижного профессионального театра (КИППТ), который в 1931 г. был переименован в Коми государственный драматический театр. Сыкомтевчук и КИППТ также функционировали под руководством В. Савина. Сегодня Коми государственный драматический театр носит его имя — Академический театр драмы им. Виктора Савина» [1. С. 78]. Пройдя сложный путь периода сталинских репрессий (1930-е гг.), пережив времена военного лихолетья (1940-е гг.), театр начинает развиваться динамичными темпами. С каждым годом укрупняется состав его труппы, обогащается репертуар: теперь это не только коми пьесы, но и русские, переводные иностранные.

Сегодня в культурной жизни Республики Коми Академический театр драмы им. Виктора Савина играет одну из ведущих ролей. Спектакли театра известны не только в Сыктывкаре, республике, но и далеко за ее пределами. Они отмечены различными наградами и премиями. На сцене театра проходят театральные конкурсы и фестивали всероссийского и международного масштаба, служащие развитию молодых дарований, а также расширению культурных границ республики.

Большую популярность среди жителей и гостей Сыктывкара имеет Государственный театр оперы и балета. Его история начинается с 1958 г., когда в Сыктывкаре состоялась премьера музыкального спектакля «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, поставленная общими усилиями первого художественного руководителя театра Б. Дейнека, дирижерами В. Каплун-Владимирским, Н. Клаусом, первыми актерами театра В. Ищенко, Л. Седовой, Е. Орловой, И. Бобраковой, Г. Беловым. «С самого начала театр не шел простым путем. И в этом огромная заслуга высокопрофессиональных репрессированных деятелей музыкального искусства. Уже вошедшие в историю, артисты «ГУЛАГа», осужденные когда-то по 58-й статье, покидая воркутинские, ухтинские, интинские, печорские лагерные бараки, оседали в Сыктывкаре. В свое время они блистали на подмостках лучших театров страны. И именно им суждено было создать в 1958 г. Музыкально-драматический театр Коми АССР, передав ему все свои знания, опыт, культуру и огромный нерастратенный талант»¹.

Усилия основоположников театра не были тщетными. Их труд был развит следующими поколениями режиссеров и артистов, делавшими ставку на музыкальное начало в репертуаре, укрупнившими балетную, оперную, оркестровую труппы. В 1992 г. Музыкально-драматический театр Коми АССР был реорганизован в театр оперы и балета. Сегодня он активно участвует в развитии культуры республики, страны. Этот театр отмечен наградами и премиями, его спектакли известны не только в России, но и за рубежом. С 1991 г. ежегодно театр оперы и балета проводит Международный фестиваль оперного и балетного искусства «Сыктывкарса тулыс» (Сыктывкарская весна) имени народной артистки России И.П. Бобраковой, который знакомит самих жителей Коми края и ее гостей с выступлениями лучших артистов России и зарубежья. Красочные постановки театра не оставляют равнодушным зрителя, атмосфера, создаваемая артистами, надолго остается в его сознании.

Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми — третий профессиональный театр Сыктывкара, вобравший в себя сложившиеся на зырянской земле традиции сценического искусства, художественный опыт своих старших братьев-театров. Плодотворно работая с традициями, он ищет свои пути развития, самовыражения. Эти искания в сочетании с молодой

¹ Ашихмина А. Театральная летопись. Вековая панорама, спектакли, мастера. URL: https://komiopera-history.ru/#chapter_2 (дата обращения: 22.12.2025).

удалю, стремлением к творческим экспериментам приводят к интересным эстетическим решениям, отличающим его от других театров нашего региона. За недолгий срок своего существования он достиг значительных успехов, став культурным достоянием и визитной карточкой региона. В 1992 г. здесь состоялась премьера первого спектакля, и она ознаменовала не только рождение нового театра, но и новый этап развития национального сценического искусства, направленного на сохранение и пропаганду самобытности национальной культуры, национального языка. С течением времени театр прочно укрепил свои позиции в общественной жизни родного края, сегодня его значение трудно переоценить. Это единственный в Коми Республике профессиональный театр, все постановки которого идут на коми языке. С первых дней своего существования он снискал народную любовь, покорила сердца многочисленных зрителей не только яркими сценическими постановками, умением показывать людские судьбы и полнокровные, психологически разработанные характеры героев, но и глубоким знанием сути народной жизни, характера коми человека, его психологии, его языка. Выступления артистов театра — всегда праздник для зрителей, в котором сосредоточены народный дух, история и культура коми-зырян. *Цель исследования* — обозначить основные вехи развития Национального музыкально-драматического театра Республики Коми, раскрыть его основной репертуар, а также рассказать о деятелях театра, внесших весомый вклад в его развитие.

Обсуждение

Национальный музыкально-драматический театр создавался в переломные для России 1990-е гг. Демократические преобразования, происходившие в стране, подъем национального самосознания, борьба за сохранение родного языка содействовали резкому скачку в развитии культуры Коми края, в том числе и театрального искусства. Потребностью общества в реализации определенных творческих устремлений была обусловлена идея создания национального театра, в котором спектакли проходили бы только на коми языке. В 1992 г. Постановлением Совета министров Коми АССР было принято решение о создании такого театра [2. С. 26]. В том же году общими усилиями фольклорно-этнографического ансамбля «Парма» под руководством М. Бурдина (на тот момент руководителя оркестра народных инструментов при Государственном ансамбле песни и танца Коми АССР «Асья кыя» (Утренняя заря)) и группы драматических актеров — студентов училища культуры — под руководством С. Горчаковой (на тот момент режиссера Коми Республиканского Ордена дружбы народов драматического театра им. В. Савина) был создан Республиканский государственный театр фольклора, имевший целью сохранение самобытности национальной культуры и национального языка. Инициаторы театра имели определенные стратегии в развитии своей деятельности,

которые отразились в его названии: «Театр фольклора». Действительно, основой всех спектаклей труппы служили произведения устного народного творчества. Перечислим некоторые из них: «Висервожса гаж» («Вишерские гуляния» по М. Бурдину), «Вөр керка» («Охотничий домик» по С. Горчаковой), «Гытсан» («Качели» по О. Уляшеву, М. Липину), «Коми сиктса важного свадьба» («Как встарь свадьбы играли» по О. Уляшеву, С. Мезенцеву), «Рöшт-воса ворсöмъяс» («Рождественские игры» по Л. Оплесниной, О. Уляшеву), «Эзысь шабді» («Серебро льна» по О. Уляшеву, С. Горчаковой), «Керча-ю кöзяин» («Хозяин Керча реки» по С. Горчаковой) и др. Эти пьесы раскрывают образ жизни зырян в прошлом, показывают некоторые традиции, обычаи, знакомят с нравственными и культурными ценностями своего народа.

Огромный вклад в формирование и развитие Национального театра внесла Светлана Гениевна Горчакова (Заслуженная артистка Коми АССР, 1977; Заслуженный деятель искусств РФ, 2005; Лауреат Государственных премий), бессменный художественный руководитель и режиссер театра и кино. Ее карьера начиналась в Коми Республиканском драматическом театре, долгое время она работала здесь сначала актрисой, затем режиссером. Роли, сыгранные здесь Светланой Гениевной, а также созданные ею спектакли высоко оценивались зрителями, членами жюри различных конкурсов и фестивалей. Свой творческий путь в качестве директора и главного режиссера С. Горчакова продолжает уже в Государственном театре фольклора Республики Коми, который в августе 2005 г. был переименован в Национальный музыкально-драматический театр. В его стенах ею поставлено свыше 80 пьес, многие из которых отмечены высокими наградами. Она является автором и соавтором некоторых коми драматургических произведений. В поисках нового сценического слова она плотно работает с режиссерами других регионов. Не оставлены Светланой Гениевной без внимания и коми драматурги, воодушевляемые ею на написание новых пьес. Ее вклад в развитие театрального искусства коми, культуры Коми края трудно переоценить.

С момента своего зарождения Национальный театр во главе с режиссером С. Горчаковой искал актуальные емкие концепции для всестороннего разговора со зрителем, формируя новые направления своего развития. Его все больше и больше привлекали собственно драматургические работы, авторские пьесы. Театр начал свою деятельность с трех премьерных спектаклей, два из которых имели концертный характер, третий был поставлен по драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о Храмах»). В дальнейшем наблюдается тенденция возрастания обращений театра к драматическим жанрам. Эти перемены шли параллельно с значительными успехами коми драматургии в 1990–2000-е гг. Наблюдаемая в постперестроечный период напряженная политическая ситуация, нарастание социального возмущения, духовно-нравственные катаклизмы спровоцировали рост конфликтности (как внутрен-

ней, так и внешней). Конфликт, как известно, является основой драматургического произведения и, соответственно, национальной драматургии. Так, коми литература пополнилась новыми сценическими произведениями, над созданием которых работали два поколения драматургов: в конце XX — начале XXI в. в жанре драмы продолжают работать авторы, сформировавшиеся в предыдущие десятилетия и внесшие в литературу свою тему, — А. Ларев, П. Шахов, Г. Юшков, Н. Белых. В этот же период к созданию пьес обращаются прозаики и поэты О. Уляшев, А. Попов, А. Лужиков, Н. Куратова, Н. Обрезкова, Е. Козлова, В. Леканова (см. об этом [3. С. 96–100]). Рождение нового театра подвигло многих из них на создание драматургических произведений, пьесы почти всех перечисленных художников им поставлены. Наиболее частыми в его репертуаре первоначально были театрализованные фольклорные постановки О. Уляшева, а позднее пьесы именитых коми авторов Г. Юшкова и А. Попова. Так, постепенно назрела необходимость переименования театра. С одной стороны, теперь в его афишах в основном драматургические, а не фольклорные произведения, с другой, как оказалось, прежнее название не вписывается в Российскую классификацию театров. В 2005 г. по Постановлению Правительства Республики Коми было принято решение о переименовании Театра фольклора Республики Коми в государственное учреждение РК Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми [4. С. 58].

Переход Национального театра к постановкам собственно драматургических произведений обуславливает перемены в его репертуаре, где усиливается гражданская нота. От фольклорно-мифологического материала труппа переходит к реалиям современной жизни коми народа. Основной темой постановок становится тема деревни, так как их герои — коми люди, а они в основном живут в сельской местности. Таковы спектакли «Му вежан лун» («Троица» по Г. Юшкову), «Тэ менам олём, менам шуд» («Счастье мое» по А. Власову), «Алло... Тайё Макар» («Алло... Это Макар» по А. Попову), «Гётрась, пиб, гётрась» («Женись, сынок, женись» по А. Попову), «Тэ да ме, да ми» («Ты да я, да мы» по Л. Логиновой), «Баба гождём» («Бабье лето» по А. Попову), «Му югыдй менам» («Свет мой земной» по Г. Юшкову) и т.д. На первый взгляд, они просто показывают быт и праздники деревенских жителей, их счастье и горе, труд и досуг, однако в этой простоте раскрываются актуальные проблемы коми народа, например, в них остро стоит вопрос о разрушении семей, разрушении родственных связей. Отсутствие рабочих мест в деревнях, отток молодежи в более перспективные районы республики, страны, ее переход в городских условиях к русскому языку раскрывают переживания авторов пьес, режиссера и труппы о дальнейшей судьбе коми-зырян, об их возможной ассимиляции. Укреплению национального самосознания служат его спектакли на историческую тематику, например, этно-мюзиклы «Ыджыд Перым да Мёскуа» («Пермь Великая и Москва») и «Эжва Перымса зонка» («Мальчик из Перми

Вычегодской»), поставленные по исторической повести коми писателя В. Тимина «Эжва Перымса зонка». Усилению гражданских чувств, утверждению исторической правды служат спектакли «Куим вожа тополь» («Тополь с тремя вершинами» по Н. Куратовой), «Жизнь с привилегиями „навечно“» (по Н. Волхову), «Пармаын вошӧм БТР» («БТР, затерянный в парме» по В. Тимину), «Но-о, биа бордаяс!» («Ну-у, залетные!» по И. Торопову). Экологическая тема разрабатывается в спектаклях «Сексот» («Особенности национальной охоты в Коми, или Сексот» (по А. Суворову), «Дона козин» («Дорогой подарок» по В. Лекановой и С. Горчаковой).

Особым направлением Национального театра является музыкальное. Музыка — важная часть многих его спектаклей, содержащих песни и танцы, что, конечно же, во многом оживляет эти постановки. На музыкальное содержание в том или ином действии указывается в жанровом обозначении спектакля: мюзиклы «Садьмы да съыв!» («Проснись и пой!» по Миклошу Дарфашу), «Петербургсь инкогнито» («Инкогнито из Петербурга» по мотивам пьесы «Ревизор» Н. Гоголя), музыкальные комедии «Прӧщай, любовь?!» («Прощай, любовь?!» по А. Лареву), «Ар — гӧтрасян кад» («Осень — время свадеб» по В. Леканову), водевили «Ставсьыс мыжаыс Париж» («Во всем виноват Париж» по А. Попову), «Кабаре „Сыктывса кань“» («Кабаре „Сысольский кот“» по С. Журавлеву).

В связи с музыкальным направлением Национального театра нельзя не упомянуть имя одного из его зачинателей — Михаила Николаевича Бурдина, народного артиста Республики Коми, руководителя ансамбля «Зарни ань», выдающегося ученика ведущих коми композиторов Я. Перепелицы и П. Чисталева. Его деятельность тесно связана с реализацией главной задачи театра — сохранением и пропагандой коми народной культуры. Как уже говорилось выше, коллектив созданного им фольклорно-этнографического ансамбля «Парма» полностью вошел в состав театра. М. Бурдин многому научил своих подопечных: прежде всего игре на народных инструментах, пению народных песен, уважению традиций зырян, бережному отношению к древним обычаям коми. Он видел и понимал уникальность музыкального фольклора своего народа, старался передать своим ученикам любовь к родному краю, языку через любовь к музыке зырян, через полное погружение в мелодии своих предков. Сегодня ансамбль «Парма», выступая не только на родной сцене, но и на других площадках республики, страны, нередко и за рубежом, живым пением, игрой на коми национальных инструментах, танцами демонстрирует самобытность национального фольклорного наследия коми, его религиозную и обрядовую жизнь в прошлом. Придерживаясь заветов своего учителя М. Бурдина, участники ансамбля дают новую жизнь уходящим в прошлое явлениям культуры. В репертуаре Национального театра есть и единственное оперное произведение, которое является первой детской

оперой в Республике Коми — это опера-сказка «Ручильёй да Кёчильёй» («Лисонька и Заинька» по Г. Горчакову, музыка А. Горчакова). Сложные партии арий в этом спектакле все также исполняют артисты ансамбля «Парма».

В 2018 г. труппа театра пополняется новыми музыкантами, играющими на классических инструментах, их приход на коми сцену способствовал расширению музыкального репертуара, обновлению музыкальной части постановок. В последнее время Национальный театр обращается к такому сценическому жанру, как «квартирник». Он является новым художественным явлением в сценическом искусстве коми, хотя среди российских музыкантов и ценителей камерной музыки он уже очень популярен. Квартирник — небольшой концерт рассчитан на небольшое количество зрителей и предполагает непосредственное общение исполнителей песен с аудиторией. Артисты Национального театра, например, в перерывах между музыкальными произведениями (в основном это известные русские и коми песни) рассказывают о себе — своей жизни и работе, о различного рода впечатлениях, пережитых эмоциях. Такого рода концерты очень располагают зрителя, усиливают его взаимодействие с актерами.

В 2017 г. в Национальный театр приходят молодые артисты, выпускники театрального института им. Б. Щукина (Москва). Их приход обозначил новые пути развития театра. Начало их творческой деятельности в Республике Коми имело неординарный характер: на сцене коми театра они выступили с дипломным спектаклем — арт-рок мюзиклом «Биармия» по одноименной поэме К. Жакова, поставленным московским режиссером Д. Волковым. Показанное действо было жестким, нетрадиционным для местного театрального искусства: оно происходило в полутьме, герои не говорили или пели, а больше кричали, их макияж броский и мрачный, движения актеров резки и непредсказуемы, музыкальное обрамление соответствовало жанровому обозначению представления — исполнено в духе рока. Мюзикл своим эпатажем произвел сильное впечатление на зрителя, привнес в жизнь театра новую энергетику. В стремлении сохранить ее обновленная труппа постепенно формирует новый репертуар. Теперь здесь много постановок переводных пьес, например, Эдуардо де Филиппо, М. Рощина, Н. Лескова, У. Шекспира, Ф. Достоевского и т.д. Следует отметить, что и раньше театр работал с переводными произведениями (Л. Терентьевой, Лопе де Вега, А. Суворова, С. Журавлева), но теперь на коми сцене некоторые из них ставят приглашенные режиссеры. Молодые артисты Национального театра, находясь на сложном пути формирования художественного мастерства, постепенно укрепляют свои позиции в сценическом искусстве.

Среди переводных постановок особое внимание привлекает музыкальный спектакль «Куллерво», он входил в репертуар еще на первом этапе развития театра. Его основу составляет один из отрывков карело-финского эпоса «Калевала», составленного в XIX в. финским лингвистом и фольклористом

Э. Лённротом. Этот эпос часто становится предметом перевода коми писателей, чувствовавших глубокие родственные связи с географически далеким братским народом и необходимость в их дальнейшем развитии. Театр фольклора также работает в этом направлении. Специально для постановки «Куллерво» были приглашены из Финляндии авторы инсценировки Синикка Тоссавайнен и Пиркко Курикка. Перевод на коми язык текстов, поставленных на сцене калевальских рун, был сделан О. Уляшевым. Спектакль назван по имени главного героя раскрываемого эпизода эпоса. Его трагическая судьба — потеря связей с родными и близкими — служит не только сюжетом, но и лейтмотивом песен, звучащих в постановке. «Куллерво» во многом отличается от сценических представлений театра фольклора: здесь главенствуют минимализм и символизм, артисты играют в темных лаконичных костюмах, в музыкальном сопровождении участвуют лишь пöлян (дудочка), барабан. В спектакле артисты театра исполняют одиннадцать песен на финском языке. Все перечисленное позволяет зрителям познакомиться с древним миром финских племен, окунуться в богатство мифологических образов «Калевалы».

Отметим также работу Национального музыкально-драматического театра Республики Коми с детской аудиторией. Конечно, спектакли для юного зрителя, как и в других театрах, отличаются лаконичностью, динамичностью, назидательностью, насыщенностью яркими, чаще всего веселыми, эмоциями. На коми сцене такая постановка может содержать несколько небольших драматургических произведений, сценарий которых написан не только по пьесам, но и по рассказам или стихотворениям зырянских авторов. Чтобы не прибегать к синхронному переводу — детям сложно не отвлекаться на какие-либо дополнительные устройства для просмотра сценических представлений, — режиссер и сценаристы театра предлагают использовать в спектаклях оба языка: какие-то реплики и монологи герои произносят на коми языке, какие-то на русском. В этих постановках все чаще действуют в качестве персонажей домашние животные, но в них всегда угадываются характеры людей с определенными чертами.

Национальный театр впервые в республике показал детский спектакль по сказке английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» на коми языке — «Алиса Шемöсмуын». Перевод книги был сделан доктором филологических наук Е. Цыпановым, приглашенный режиссер Р. Охлопков поставил ее на коми сцене. Это новаторский спектакль для сыктывкарского зрителя: в нем много музыки, песен, танцев, спецэффектов, элементов театра кукол, необычных декораций... В целом это захватывающее зрелище, интересное не только для детей, но и для зрителей старшего возраста, повествующее о взрослении девочки, о ее умении / неумении общаться с окружающим миром.

Необходимо отметить работу Национального театра в поддержке и развитии непрофессиональных театров Республики Коми. С этой целью им орга-

низируются различные фестивали. С 2007 г. каждые пять лет проводит Республиканский театральный фестиваль «Марьямоль» (досл. перевод «Пион»), посвященный юбилейным датам коми народного писателя Геннадия Анатольевича Юшкова, внесшего значительный вклад в коми поэзию, драматургию, прозу, литературу для детей, в течение 15 лет возглавлявшего Союз писателей Коми. Его пьесы не сходят со сцен республиканских профессиональных и непрофессиональных театров, они не теряют своей актуальности и жизненности в период кардинальных преобразований как в обществе, так и в искусстве. Название мероприятия имеет отсылку к самой известной песне этого автора, также его песни исполняются на открытии и закрытии этого праздника. С 2019 г. каждые пять лет театром проводится межрегиональный фестиваль под названием «Коми рыгыяс» («Коми вечера»). Название праздника связано с деятельностью основоположника коми национального театра, известного зырянского драматурга Виктора Алексеевича Савина, проводившего, как мы уже упоминали выше, коми вечера на заре коми театрального искусства. Оба фестиваля собирают лучшие профессиональные, народные и любительские театральные коллективы Республики Коми, которые на сцене Национального театра показывают спектакли известных и начинающих коми драматургов.

Заключение

Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми — важная часть культурной жизни нашего региона, России. Его усилия направлены на противостояние современным процессам глобализации, приводящим к упадку народной культуры. Неопределима роль этого учреждения культуры в развитии талантливой молодежи во многих сферах искусства и культуры народа коми. Работа театра выявляет приоритеты национальной политики региона, содействующие укреплению единства многонационального государства при сохранении его этнокультурного многообразия. Приобщая зрителей к драматургическому искусству немногочисленного народа Российской Федерации, Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми утверждает важнейшие общечеловеческие ценности — нравственные и духовные.

Список литературы

1. Горинова Н.В. Коми драматургия и театр послевоенного десятилетия: идейно-тематическое своеобразие, героика // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025. № 1. С. 56–63. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-56-63> EDN: TDWNZB
2. Коми театр: время и люди: сборник / сост. и ред. М.А. Удоратина. Сыктывкар : Издательский дом Коми, 2013.
3. Горинова Н.В. Творчество коми драматургов на рубеже XX–XXI веков. Екатеринбург : УрО РАН, 2024. EDN: IOTFUE
4. Театр под знаком птицы счастья / авт.-сост. Е.Ю. Удалова. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2020.

References

1. Gorinova, N.V. 2025. “Komi drama and theatre of the post-war decade: ideological and thematic originality, heroics.” In *Yearbook of Finno-Ugric studies*, no 1, pp. 56–63. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-1-56-63> (In Russ.) EDN: TDWNZB
2. Udoratina, M.A. (Comp. and Ed.). 2013. *Komi Theatre: Time and People*. Syktyvkar: Komi Publishing House publ. (In Russ.)
3. Gorinova, N.V. 2024. *Creativity of Komi Playwrights at the Turn of the XXth and XXIth Centuries*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Science. (In Russ.) EDN: IOTFUE
4. Udalova, E.Yu. (Comp). 2020. *Theatre Under the Sign of the Bird of Happiness*. Syktyvkar: Komi Republican Printing House publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Горинова Наталья Васильевна, кандидат филологических наук, заведующий сектором литературоведения, Институт языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0003-1128-7273; eLibrary SPIN-код: 3079-4052. E-mail: ngorinova@mail.ru

Bio note:

Natalia V. Gorinova is a Candidate of Philological Sciences, Head of the Literary Criticism Sector, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1128-7273; eLibrary SPIN-code: 3079-4052. E-mail: ngorinova@mail.ru

ФОЛЬКЛОР И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

FOLKLORE AND TRADITIONAL CULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389

EDN: JTJLLR

Научная статья / Research article

Национальное своеобразие коми анекдота

П.Ф. Лимеров

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ plimeroff@mail.ru

Аннотация. Проблеме исследований коми-русских языковых и межкультурных взаимоотношений уделено достаточно много внимания в работах лингвистов, социологов, а в последнее время появились и достаточно уверенные исследования в фольклористике. Фольклор коми демонстрирует уникальные примеры присвоения чужих, в данном случае — русских фольклорных текстов, причем не механического присвоения, а семантической корреляции русских текстов к прагматике коми языка. В этом аспекте не рассматривались коми анекдоты, хотя как раз в них проблема межъязыкового взаимодействия проявилась достаточно ярко. В современной коми фольклорной среде анекдоты распространены так же широко, как жанры былички или предания, тематический диапазон их не слишком разнообразен, фактически большая часть анекдотов отражает бытовые реалии деревенской жизни: случаи, происшедшие с известными рассказчику людьми, анекдоты о прозвищах, циклы анекдотов о деревенских «шутах» и т.п. Однако самой большой и наиболее популярной темой анекдотов по праву можно назвать тему лингвистическую, объединяющую собственно коми анекдоты о себе, искажающие русскую речь, и русские анекдоты о коми. И та и другая серии, так или иначе, строятся вокруг речевой ситуации, в которой этнический коми использует русский язык.

Ключевые слова: кыдья роч, пиджин, коммуникация, комический эффект, пуант, речевое своеобразие

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках плановой темы ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Фольклор народов Европейского Севера России в контексте этнокультурного взаимодействия», № 126020216214-3.

Для цитирования: Лимеров П.Ф. Национальное своеобразие коми анекдота // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 377–389. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389> EDN: JTJLLR

© Лимеров П.Ф., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The National Identity of the Komi Joke

Pavel F. Limerov^{id}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,

✉ plimeroff@mail.ru

Abstract. Considerable attention has been paid to the issue of Komi-Russian linguistic and intercultural relations in the works of linguists and sociologists. Recently, more substantial research in folkloristics has also emerged. Komi folklore demonstrates unique examples of the appropriation of foreign (in this case, Russian) folklore texts. This is not a mechanical appropriation, but rather a semantic correlation of Russian texts to the pragmatics of the Komi language. In this aspect, Komi jokes have remained unexamined, although it was in them that the problem of inter-language interaction manifested itself quite clearly. In the contemporary Komi folklore environment, jokes are as widespread as genres like the *bylichka* (supernatural folk tale) or legends. Their thematic range is not very diverse; in fact, the majority of the jokes reflect the everyday realities of village life: incidents involving people known to the storyteller, jokes about nicknames, cycles of jokes about village “jesters” (local wits/fools), and the like. However, the largest and most popular topic of jokes can rightfully be called the linguistic topic. This theme unites jokes of the Komi itself, jokes about Komi distorting Russian speech, and Russian jokes about Komi. Both series, in one way or another, are built around a speech situation in which a Komi person uses the Russian language.

Key words: kydy roch, pidgin, communication, comic effect, pointe, speech originality.

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216214-3 “Folklore of the peoples of the European North of Russia in the context of ethnocultural interaction.”

For citation: Limerov, P.F. 2026. “The National Identity of the Komi Joke.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 377–389. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-377-389> EDN: JTJLLR

Введение

Коми анекдот никогда не подвергался специальному исследованию, как жанр устной прозы он не зафиксирован в фольклористике коми, и, как следствие, о нем нет ни слова в обобщающем издании по фольклору коми «История коми литературы. Т. 1. Фольклор» (Сыктывкар, 1979). Между тем анекдот коми крайне интересное явление, имеющее свою специфику, национальный колорит. Главной особенностью коми анекдота надо считать его билингвизм: он бытует на двух языках, коми и русском. Соответственно, сразу можно выделить две большие группы текстов — это деревенские анекдоты, рассказываемые преимущественно в коми среде на коми языке, и городские анекдоты, рассказываемые в смешанной русско-коми среде на коми и русском языках. Деревенские анекдоты тяготеют к бытовым занимательным случаям, имев-

шим или вроде бы имевшим место в действительности с конкретными людьми, городским анекдотам свойственна меньшая конкретность, они склонны к большей типизации. Цель данной работы — на основе анализа текстов деревенских и городских анекдотов осуществить попытку их предварительной классификации.

Деревенские анекдоты

Деревенский анекдот имеет установку на действительность, происходившую с тем или иным человеком, поэтому обязательно упоминается имя или прозвище главного героя, имена людей, причастных к этому случаю, уточняется, когда и где произошел случай, и в этом деревенский анекдот сходен с быличкой, с разницей в том, что быличка рассказывает о страшном случае, а анекдот — о смешном. В этом смысле городской анекдот можно сравнить с бывальщиной — случай, вроде бы и имел место, но неизвестно с кем и когда.

Вот пример деревенского анекдота:

Нокся град вылын. Забор саяс челядьлөн ворсанін. Кёсийны ворсны семьяысь. Варов Катя командуйтё:

— Ме лоа мам, вода крёватьё. А тэ, Вася, лоан бать и быттьёкё локтан гортё код юрён. Ёнас крапайтчы да горзы.

— Мый горза?

— Но, мый папыд горзё, кор коддзас?

— Кён пищальыс? Вёсьнытё лыяла. А тэ муйё трустикён узян?

(Работаю в огороде. За забором играют дети. Собираются играть в семью. Варов Катя командует: «Я буду мамой и лягу в кровать, а ты, Вася, будешь папой и будто бы придешь домой пьяным. Сильно стучишь в дверь и кричишь. — Что кричу? — Что твой папа кричит, когда пьяный. — Где ружье? Всех перестреляю. А ты почему в трусах спишь?».)

В данном тексте присутствует автор-рассказчик, который был свидетелем рассказываемой им истории. Присутствие рассказчика — это своего рода метатекстовый ввод [1. С. 29], информирующий слушателя об установке на реальность истории. Развертка истории парадоксальна, нелогична с точки зрения обычной ситуации детской игры. Этим и достигается комический эффект нарратива, однако сама история выглядит типической для слушателя, она узнаваема, поэтому легко переходит в разряд анекдотов и может рассказываться уже без привязки к автору. Подобные анекдоты в деревенской среде имеют достаточно широкое распространение, нередко они «привязываются» к определенному персонажу, как бы принимающему на себя роль трикстера. Таким персонажем надо полагать Костю Моряка (Моряк Костя), о котором рассказывают анекдоты в деревнях по реке Вашке Удорского района РК.

Костя Моряккӧд мунім Мӧскваӧ выступайтны, вӧлі Дни Республики Коми, да миян ветліс Удорасьыс ыджыд коллектив. Ме иг вӧв сэтӧн, висьталасны вӧдзӧ: метроӧ пуксясны, петӧны вагонысь, сэн “Осторожно, двери закрываются”, но Костя Матросыд оз удит петныссӧ. Ӧстальнӧйыс петӧны, а сія и кольӧ, кольӧ дай нӧшта остановка мунӧ. Остановка мунас, лэччас, видзӧдлас, но кытчӧ мунны, гостиница оз тӧд, улица оз тӧд, группасьыс коли, оз тӧд муй карны, ӧтӧрӧ видлыны уськӧдчылас, мӧдӧрӧ видлыны уськӧдчылас — некытӧн абужсь, это самое, но и вӧдзӧ нинӧм оз тӧд дай шуас, локтӧ ӧти дорӧ дай шуас: “Вы вашкинских не видали здесь?”

(С Костей Матросом поехали в Москву выступать, были Дни Республики Коми, да из Удору был большой коллектив. Меня тогда не было, но рассказывали, что ехали в метро, а когда выходили из вагона (после слов) «Осторожно двери закрываются» все вышли, а Костя Матрос остался. Проехал еще одну остановку, вышел, посмотрел, не знает куда идти, где гостиница. Поискал своих, нигде их нет. Потом подходит к прохожему и спрашивает: «Вы здесь вашкинских не видели?»)

Костя по прозвищу Моряк жил в деревне Выльгорт на Вашке и слыл человеком, не лишенным талантов. Он был прекрасным плясуном, говорят, что даже когда по старости он совсем оглох, мог плясать, не слыша музыки, и нередко попадал в ситуации, расцениваемые односельчанами как нелепые или смешные. Рассказывают, к примеру, что, увидев в Московском зоопарке слона, Костя Моряк изрек: «Здесь мяса не только на Выльгорт, но и на Важгорт хватит, даже на Пучкому останется!». Через некоторое время о случае с Костей в зоопарке стали рассказывать по всей Удоре. Подобных анекдотов или баек о персонажах в коми среде достаточно много, они бытуют в разных регионах Коми, однако циклы анекдотов, как о Косте Моряке, довольно редки. Нам известны только анекдоты о верхневьчегодском шутнике по имени Макся Ёгор.

Некоторые анекдотические случаи связаны с происхождением прозвищ. Актуальность таких анекдотов обусловлена тем, что в деревенской культуре прозвища имели как отдельные люди, так и целые сельские агломерации. При этом с происхождением прозвищ связана определенная история, нередко рассказываемая как анекдот.

Пӧляинсаӧс нэм шуисны «пӧляинса тӧчила пыр кудзасьысьяс». Сісьтыдінын сикас вӧлі зэв ыджыд тӧчила, волісны сэтчӧ пӧляинсаяс тӧчитчыны, черныссӧ тӧчитны, пӧляинсаыс лёкджыка олісны, а сісьтыдінсаыс бурджыка муйыськӧ оліны, и тӧчиланыс наеслӧн из вӧв. Воасны пӧляинса тӧчитчыны, а тӧчилаас и ваыс абу. А миян Сісьтыдінас зэв ылӧ ваысла колӧ ветлыны, но я вӧлӧма сэтшій, Петя нима зон, дак, ваысла некодлы, дыш лэччыны да кодкӧ шуас: “Петя, кудзав тӧчилаас”. А Петяыд босьтас дай кудзала. Сэсянь и лӧймаӧсь пӧляинсаяс шуӧмаэсь “сісьтыдінса тӧчила пыр кудзасьысьяс”, нэм кезлӧ кольӧма тайӧ нимыс.

(Жителей Поляина всегда называли «поляинские через точило писающие». В Сисьтыдине в середине села было большое точило, приезжали сюда поляинские точить топоры, косы. Поляинские жили хуже сисыдинских, и точила своего у них не было. Приехали поляинские точить, а воды нет. А у нас в Сичтыдине за водой надо далеко идти. Но и был там мальчик по имени Петя. За водой лень было идти, так и сказали ему: «Петя, поссы на точило». Так и назвали их «поляинские, через точило писающие», навсегда прозвище осталось.)

Насмешливое прозвище давалось жителями соседней деревни, но история происхождения прозвища зачастую оказывалась забытой. К примеру, жители деревни Разыб считались скупыми и их называли «Разыбса агас пинь пуысьяс» (Варящие зубья бороны Разыбские). Прозвище акцентирует внимание на изображении неправильности разыбских с точки зрения жителя соседней деревни, но саму историю присвоения прозвища никто уже не помнит. Гораздо информативнее анекдоты о происхождении прозвищ односельчан.

Эйней Миш вёлі медся первей нёббёма транзистор «Океан». Вёдзё и ветлөдлө сикт кузяыс транзисторён, музыка кывзё, оийысьё. Сэсся и нимтісны сійё Миша Океан. А кор гөтрасис, гөтырсь шуисны Мореён, Валя Море. Костя, налөн тыыс, пони на вёлі, шуё: «Папё — Океан, мамё — Море, а ме нё коді — Лужайка?» Лужасё сідзи шуё.

(Эней Миша первым купил транзистор «Океан». Вот и ходил по селу с транзистором, музыку слушал, хвастал. Ну и называли его Миша Океан. А когда женился, то и жену называли — Море, Валя Море. Костя, их сын, маленьким еще был, спрашивает: «Папа — Океан, мама — Море, а я кто, Лужайка? Так он лужу назвал.)

Кульминацией композиции, конечно же, надо полагать заявление сына, сюжет повествования проходит как бы две стадии, поднимающие градус напряженности. Во-первых, препозиция, когда персонажу дается остроумное прозвище. Во-вторых, комический эффект вызван допущением того, что женой «океана» может быть только «море». В данном случае осуществляется коннотативный перенос значения «Океан» — транзистор на «Океан» — вода. Поэтому вопрос сына логичен: если папа — «океан», а мама — «море», то сын должен быть водной акваторией меньших размеров, то есть лужей. Но особенность истории в том, что, переоформив слово «лужа» в «лужайку», сын включил свое прозвище в другой семантический ряд, связанный не с водой, а с землей. Если прозвище подчеркивает индивидуальные черты человека, то мотивы номинации его родственников продиктованы исключительно комическим эффектом, как это видно из примера с прозвищем жены Михаила. Другой пример:

Пыссаын вйым Ленин Володь. Ся бура велөдчөма, дак вёдзё быдтор кужас карнысь кытөн коді обратитчас. А гөтырыс Надя дэй вёдзё гөтырсь и шуасны Крупскаяён. Ёні Ленин да Крупская олёны юкын.

(В Пыссе есть Володя Ленин. Он хорошо учился, все умеет делать, кто к нему обращается. А жена у него по имени Надя, так и стали ее называть Крупская. Сейчас Ленин и Крупская живут вместе.)

Лингвистические анекдоты

Сюжеты об искажении русских слов коми или коми слов этнически русскими людьми открывают самую популярную — лингвистическую серию коми анекдотов. Здесь нельзя не затронуть проблему билингвизма населения Республики Коми. Исторически сложилось, что русский и коми языки сосуществуют в пределах единой языковой области и единого культурного комплекса уже несколько столетий. Естественно, что билингвизм проник в совершенно различные сферы жизни людей коми — как в разговорный язык, так и в язык, обслуживающий фольклорно-обрядовую сферу. Поэтому переключение кодов является обычной языковой практикой коми-русских билингвов. Оно как бы «разрывает» круг повседневных (обыденных) языковых норм и выводит разговорную речь на некий иной языковой уровень, обладающий с точки зрения говорящего большей семантической полнотой. Переключения кодов достаточно распространенное явление в речи как деревенских, так и городских жителей коми, полагающих, что русский язык — это язык более высокого порядка, язык «культурных» людей. Это явление имеет место в письменной речи, в обрядовом фольклоре, в заговорной практике и других сферах народной культуры коми. В данном исследовании мы рассматриваем только серии лингвистических анекдотов, акцентирующих внимание на искажении русской лексики, видимой участникам коммуникации, но непонятной говорящему. Таким образом, темой анекдотов коми является языковая игра, особенностью которой является то обстоятельство, что комиязычный персонаж, используя русский язык, нарушает его языковые нормы, как бы вступая в языковую игру произвольно. В одной из работ [2. С. 312–316] мы отмечали, что лингвистическая тема коми анекдотов берет начало в таком специфическом языковом явлении, как «кыдья роч», обозначающем смешанную русско-коми речь, буквально «кыдья роч», это «русский с мякиной, т.е. с примесью». В Коми-русском словаре (1961) это явление истолковано и как «ненастоящий русский (о нерусском, выдающем себя за русского)»¹. Нельзя исключать, что кыдья роч некогда возник в контактных зонах как форма смешанного языка или языка переходного [3. С. 28], имеющего свой коми-русский лексический состав при преимущественно русском синтаксическом строе. В кыдья роч мы имеем дело с особой формой коми-русского билингвизма, с разновидностью пиджина, бытовавшего в зонах контакта коми населения и русских, таких как

¹ Коми-русский словарь / сост. Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова / под. ред. В.И. Лыткина. Москва, 1961. С. 350.

владычный город Усть-Вымь и Яренск, в Средние века. Вопрос о «неизбежном» существовании пиджина на северо-востоке Европейской России в прошлом, едва ли не со времени независимого Новгорода, когда начались регулярные коммуникации между местными жителями и русскими, — поставил В.И. Беликов в статье 1997 г. [4. С. 108], однако дальнейшего развития тема не получила. Причина в том, что пиджины легко разрушаются, когда надобность в их функционировании отпадает, а остаточный языковой материал воспринимается уже как малограмотная речь или исковерканный язык.

Так, в XIX в. смеялись над исковерканной речью жителей Усть-Выми, и Иван Куратов, в одной из своих заметок о коми языке отмечал, что в Усть-Выми разговаривают так: «Кукань бегала да бегала, да и пырис гидё. Перевод: „Теленок бегал-бегал, да и забежал в хлев“. „Ме ходила в вичко-у“. Перевод: „Я ходила в церковь“. В Яренске во времена Куратова так уже не говорили — там преобладал русский язык, а зырянские школяры, возвращаясь из Яренского училища на родину через Усть-Вымь — изрядно веселились, слушая „мякинную“ речь местных жителей» [5. С. 44]. Надо полагать, что пиджин *кыдья роч* обслуживал культурные связи коми и русских на ранних этапах торговых контактов, однако уже к началу XX в. он воспринимался как особый стиль речи недалеких людей, которые, подчеркивая свою образованность, нарочито говорят по-русски в ущерб родному коми языку. Соответственно, возникали анекдоты, высмеивающие подобный тип говорения. Такова серия анекдотов о людях, некоторое время живших в русскоязычной среде, которые, приехав на родину, старались говорить только на русском языке, словно бы забыв родной язык.

Зон локтёма армияысь, кыв ни джын комиён оз сёрнит. Гёсьтъёс воисны, бабтыс юасьё: «Висьтав, пидй, кыдз служитін, мый армияд вёчин?». Пидй и висьталё рочён: «Из вагона шом грузил».

(Парень вернулся из армии, ни слова не говорит по коми. Гости собрались, отец его спрашивает: «Расскажи, сынок, как служил, что в армии делал?». Сын отвечает по-русски: «Из вагона **шом** (уголь) грузил».)

Армияысь воём бёрын пи оз сёрнит комиён. Айыскёд мунёны пывсянё, шуё: «Папа, подай веник», поткёдлёны нес, сія черсё шуё топор. Айыс и думайтё, быттьё кё колё кыдзкё бурдёдны писё. Друг пиыслы кок улас вескаіс нарман да кучкис кымёсас. Пиыс и горёктіс: «Батьё, тайё вед нарман!».

(Парень вернулся из армии и не говорит по коми. Идут с отцом в баню, по-русски просит: «Папа, подай веник» (вместо *корёсь*), дрова колют, он *чер* называет «топором». Отец и задумался, надо ведь как-то лечить сына. Вдруг сын наступил на лежавшие деревянные грабли, и черенок ударил его в лоб. Тут сын и закричал (на коми): «Отец, это ведь грабли!».)

Армияысь воём бёрын пи оз сернит комиён. Мёдöма пывсянö да юасьö мым-ыслысь корöсь: «Дай киш-куш!». А рытнас мунö ныв дорö да и шуö: «Пойду пульк-пальк!»

(Вернулся сын из армии, и ничего сказать не может. Собрался в баню и просит у матери веник: «Дай киш-куш!». А вечером идет на встречу с девушкой и говорит: «Пойду пульк-пальк!».)

Серия анекдотов об армейце, возвратившемся со службы на родину, может быть, и больше. Смысловое ударение в подобных текстах лежит на переключении кодов: герой демонстрирует свою культурность, пытаясь строить фразы на русском языке, но в критический момент непроизвольно переходит на родной язык. Комический эффект рассказчик видит в разоблачении языковой и интеллектуальной несостоятельности обрусевшего персонажа. В частности, на интеллектуальную несостоятельность указывают фраза *из вагона шом* (уголь) *грузил*, выдающая истинный род занятий бывшего армейца, или *звукоподражательные слова киш-куш и пульк-пальк*, характерные для общения взрослых с детьми младенческого возраста. Иными словами, языковая неполноценность маргинала в данном случае ассоциируется с неполноценностью умственной, причем благоприобретенной.

В целом эти тексты относятся к серии анекдотов, высмеивающих людей, добровольно и демонстративно отказывающихся от «своего» коми языка, «своей» этнической культуры в пользу «чужой», русской. Как правило, этноязыковая среда довольно скептически относится к языковым способностям таких людей, считая, во многом справедливо, что их манера говорения находится где-то между русским и коми языками, одновременно не принадлежа ни тому ни другому: «Я *по рочу* (роч — русский) не умею, а по коми *не кужу* (кужа — умею)». Неправильные с точки зрения норм коми языка формы коми слов *по рочу* и *не кужу* калькируют русские формы *по-русски*, *не умею* и характеризуют маргинальный статус носителя этого вида речи. Маргинальный статус носителя такой речи закрепляется в языке прозвищами *кыдъя коми*, *кыдъя роч* «мякинный коми, мякинный русский» (Вычегода), *роча-коми варталай* «русско-коми варталай (недотепа)» (Прилузский район РК) или *роча-коми улькус* «русско-коми непропеченный хлеб» (Удорский район), указывающими на место маргинала между двумя этноязыковыми континуумами. Тем не менее, с точки зрения самого маргинального персонажа, он будто бы владеет русским языком и при этом совсем забыл коми. Сюжет анекдота обязательно включает коммуникативную ситуацию между маргиналом и комиговорящим персонажем, приводящую к разоблачению первого. Пуант анекдота всегда базируется на осмеянии языка маргинала, который на поверку оказывается не русским, а *кыдъя роч*.

Значительное влияние на переключение и выбор кода оказывают тема и сфера коммуникации. Нередко коми говорящему необходимо переключиться

на русскую речь, особенно если тема разговора относится к сферам, мало затронутым коми языком, к примеру при составлении документов.

Сьӧльыбын аникдот тайӧ вӧлӧма. Кӧсьяс эськӧ уволитчыны мыйкеысь конюкысь, но мыйкӧ ӧтӧрӧ оз ӧры да заявление гижсьӧ. Заявлениеас шуас: «Я конюк Николай, вот Петыр Вань кӧнюк, пузь будет кӧнюком».

(В Сӧльыбе был анекдот. Хочет уволиться из конюхов, да все не получается, вот и пишет заявление. В заявлении говорит: «Я, кӧнюк Николай, вот Петыр Вань кӧнюк, пузь будет кӧнюком».)

Комизм ситуации рассказчик видит в искажении русских слов в заявлении, то есть в документе, требующем строгого соблюдения грамматических правил. Другой пример:

Вӧдзӧ помнита ме дырйи вӧлі аэропортын. Зэв ыджыд вӧлі случай, кор на мӧдлапӧлын аэропортыс вӧлі. Значит, ӧи люкаліс вертолёт, гӧрд вертолёт, но вот, ӧні, значит, пастукыс гижсьӧ. Вертолёт, дзонь вертолёт, очень большой, ӧні сійӧ вӧдзӧ ин ӧры и восстановитны, колхозыс бы обанкротитчис ачыс, а ӧшкыс лукалӧма быдсӧн мыйкӧсӧ, этая кодӧ винтӧвӧй бӧрыс, лукалӧма, и вертолётсӧ нуисны вообще кык вертолётӧн, из вермыны татӧн даже восстановитны вертолётсӧ, но ӧні эд колӧ сійӧс кудзкӧ спишитны. А ӧні пастукыс гижас, шуас — «Прошлом году бык был воспитанный, потому что ветеринар хороший был, в этом году ветеринар плохой, и бык невоспитанный, поэтому и забодал вертолёт».

(Помню, уже при мне это было в аэропорту. Большой был случай, когда еще на другой стороне реки был аэропорт. Значит, бык забодал вертолет, и вот, значит, пастух пишет (объяснительную). Вертолёт, целый вертолёт, очень большой, теперь его уже не восстановить, колхоз бы обанкротился сам, а бык забодал его, где винтовая часть. И вертолёт увезли на двух вертолетах, не смогли здесь восстановить, но ведь как-то надо его списать. А пастух пишет: «Прошлом году бык был воспитанный, потому что ветеринар хороший был, в этом году ветеринар плохой, и бык невоспитанный, поэтому и забодал вертолёт».)

Сама по себе, ситуация с быком комична, но рассказчик акцентирует внимание на объяснительной пастуха, письменная речь которого выдает коми говорящего, строящего русские фразы в соответствии с особенностями коми языка. Собственно, этим и создается речевое национальное своеобразие анекдота, вызывающее комический эффект.

Ряд анекдотов строится на обыгрывании фонетических особенностей, связанных с тем, что в коми языке нет некоторых звуков:

Ӧтпыр Федор мӧдас Москваӧ, но сылӧн другыс по гаражу шуас: «Педя, Москваад лоан да ньӧб меным подпарники». Кӧкъямыс магазинӧ пырас Мӧскваын, пыр некӧн тан абу подпарник. И шуас тая нӧ муй закажитис. Некытӧн

*подпарник абу. Педя сідз и мōдас Мōскваысь оз аддзы подпарник. Оні лэбō само-
лётн ну и гортас нин, вōдзō оні думайтō, шуас: «Ме Федя, а менō шуас сія Педя,
а тая подпарники закажитіс, значит подфарники».*

(Однажды Федя едет в Москву, и друг (коми) по гаражу ему говорит: «Педя, в Москве-то будешь дак купи мне подпарники». Федя приезжает в Москву, все что нужно было сделал, но нигде не смог купить другу подпарники. Восемь магазинов обошел, но нигде продавцы не знали ничего о подпарниках. Так он и сел в самолет и почти дома уже, и думает: «Я — Федя, а он меня Педей называет, а заказал подпариники, значит подфарники!».)

Есть примеры каламбурных ситуаций и с обратной омофонией, когда русскоязычный персонаж неверно истолковывает коми слово:

*Русский муж и коми жена. Жена по радио услышала, что во Вьетнаме
сбили три самолета и сообщает мужу: «Петя, во Вьетнаме-то опять куим
(к. «три») самолет сбили. Муж: «И чем их только нынче не сбивают!»²*

*Значит, воас Мария Ивановна учительница, но сійō оти баб дорō сувтōдасны
овны. А роч Мария Ивановнаыд, коминас оз пōнимайт, но бабыд отик асув
шуас: «Меным тшайсō кисьты сука», — но тая муй тая ругайтчыны заейтис,
ме ничē не сделала!». Мōдасув, тшайсō кисьтас, мōдасулас да бōра кылас:
«Сука, сука кисьты». Но коймōд асув воас бабыс шуас бара: «Но Мария Ива-
новна» мейым сука, сука тшайсō кисьты». Марья Ивановнаыд: «Что вы руга-
етесь? Кутишōмнō ме сука? Ачыд пō тэ блядь!».*

(Приехала Мария Ивановна, учительница, и поселили ее жить к одной бабушке. А русская Мария Ивановна по коми не понимает. Однажды утром пьют они чай и бабка говорит: «Меным тшайсō кисьты сука» (Мне чай налей покрепче), — но она и думает, что ее ругают, а она ведь ей ничего не сделала. На следующее утро снова слышит «сука кисьты» (налей покрепче). На третье утро бабка снова говорит: «Но, Мария Ивановна, меным сука, сука тшайсō кисьты» (Но, Мария Ивановна, мне покрепче, покрепче налей). И Мария Ивановна, обидевшись, отвечает: «Что это вы ругаетесь? Какая я сука, сама ты блядь!».)

Городские анекдоты

Комизм городских анекдотов на коми языке в целом строится вокруг ситуации непонимания коми героем русского языка или русским героем коми языка. Анекдоты почти полностью лишены конкретики, в их центре некий обобщенный образ представителя народа коми, искажающий русский язык или русский, неправильно понявший коми речь или акцент. Городские лингвистические анекдоты можно разделить на рассказываемые самими коми на коми языке и рассказываемые русскими о коми и коми языке. Впрочем, последние могут рассказываться и в коми среде. Приведем некоторые примеры последних.

² Рассказано на русском языке.

1. Два коми пытаются говорить по-русски и искажают язык:

Коми продавщица спрашивает по-русски коми покупательницу: «Вам сахар зъвесить кусо́ком али песо́ком?» Покупательница: «Не кусо́ком и не пеёсо́ком, а круглым кампетом».

Сюда же входит цикл анекдотов о Марье Ивановне, которая может быть как коми, так и русской учительницей в коми школе.

Марья Ивановна ведет урок выразительного чтения, Горький: «ВЫсоком небе пАрит сО́кёл». Петя спрашивает: «Марь Ивановна, а «пАрит» — это что значит?» Марь Ивановна задумалась и отвечает: «Петя, «пАрит», это когда сО́кёл сильно-сильно мАкает крыльями!».

Марья Ивановна нуёдд урок. Юалё: «Дети, што-но курица дает государству?» Петяёс корас. Петя сувтас и шуё: «Яйцо, мясо». «Правильно, Петя а што-но ешио?» Петя оз то́д. Сэсся Марья Ивановна и шуё: «Пук, Петя, пук-то забыл!»

Марья Ивановна ведет урок. Спрашивает: «Дети, что-но курица дает государству?». Петю спрашивает. Петя встает и говорит: «Яйцо, мясо». «Правильно, Петя, а что еще?». Петя не знает. Марья Ивановна и говорит: «Пук, Петя, пук-то забыл!». (Русское слово *пук* учительница произносит как *пук*.)

2. Русский персонаж пытается перевести на русский язык коми текст по фонетическому сходству:

Центр г. Печоры долгое время украшала надпись: «Дзоридзав Коми Му!» («Расцветай, Коми край!») Ходил такой анекдот, что некий русский прочитал текст как «(На этом месте) **зарезал** коми корову».

Комический эффект создается неудачной попыткой выговорить мягкую аффрикату «дз», разделив ее на твёрдые и отдельные д и з — *д-з-ори-д-з-Ав* — с ударением на последний слог. С этими отдельными д и з слово дзоридзав близко по звучанию к русскому слову «**зарезал**», а в коми слове *му* «земля, край» русское ухо слышит мычание русской же коровы³.

К жанру анекдота о речевых аномалиях примыкают подтрунивания над фонетическими особенностями акцента коми, говорящих на русском языке. К примеру: «*Кто там под Окнами тОп-да-топ? СъвИння да пОросьонок да!*»; «*Вася, вИдзёдлы (к. «смотри»), шУкер, мЕнты! ЗЁбай!*»; «*ДЕвчонки! В ДЫрноте вату прОдают, шесь копеек килОграм, народу нИково!*». Комический эффект здесь достигается акцентированием ударения на первом слоге, характерным для коми языка. В данном случае имитация русской речи коми говорящим персонажем не более чем «речевая маска», не несущая никакой семантической нагрузки и порождающая комическую ситуацию сама по себе [1. С. 48]. Тем не менее следует отметить, что русская речь в анекдотах коми говорящих персонажей фактически идентична реальной речи носителей коми языка.

³ Коми корова мычит: «Ба-а (баксё)».

Если в приведенных выше подтруниваниях имеется в виду обыгрывание некоторых речевых характеристик для создания комического эффекта, сюжеты анекдотов о русском в коми язычной среде большей частью разворачиваются на основе реально происходивших историй. Поэтому рассказчик всегда акцентирует внимание на какой-либо конкретике. Это может быть указание на время и место, где происходило событие. К примеру:

Нелямынӧд воясын вӧлі. Шиляевоӧ воас уполномоченнӧй, кӧсьяс ветлыны Шиляевоӧ, петас, а туй вылын некод абу. Локтӧ баб, баблысь юалас: «Бабушка, где дорога в Шиляево?». Бабыд эськӧ зэв рочасьны кӧсьяс. Рочӧн тӧжӧ шуас: «Сынок, где вӧв какыш, там и дорога в Шиляево».

(В 40-е годы было. В Шиляево едет уполномоченный, хочет спросить дорогу. Видит, идет по дороге бабка, спрашивает: «Бабушка, где дорога в Шиляево?» А бабке очень хочется показать, как она умеет по-русски говорить: «Сынок, где вӧв какыш (конские говешки) там и дорога в Шиляево».)

В данном тексте реализована в целом стандартная для анекдотов коммуникативная ситуация между носителем русского языка и комиязычным персонажем. Комический эффект создается неожиданным, внутренне немотивированным переключением кодов комиязычным персонажем, использовавшим в указании на ориентир коми фразу. Комизм усиливается еще и тем, что в качестве ориентира предлагаются конские фекалии. При этом акцент на времени и месте действия усиливает степень достоверности данного события.

Заключение

В рамках статьи мы ограничились описанием небольшого количества анекдотов, разделив их условно на деревенские и городские. Различаются они по установке на достоверность: если герои деревенских анекдотов почти всегда имеют реальных прототипов, то герои городских анекдотов лишены конкретики, такие анекдоты основаны на стереотипных представлениях о коми, в основном в русскоязычной городской среде. В свою очередь, из этих двух групп выделяется большая серия лингвистических анекдотов. Их можно было бы сравнить с так называемыми анекдотами об инородцах [1. С. 47-63], если бы они не были распространены к коми говорящей среде.

Информанты

Нина Ивановна Прокофьева, 1955 г.р. с. Кослан, Удорский район Республики Коми
Надежда Васильевна Логинова, 1962 г.р. с. Пысса, Удорский район Республики Коми
Коровина Мария Всеволодовна, 1956 г.р. д. Муфтыга, Удорский район Республики Коми

Список литературы

1. Шмелева Б.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. Москва : Языки славянской культуры, 2002. (Studia philologica. Series minor).
2. Лимеров П.Ф. Русский язык как «свой» и «чужой» в коми анекдотах // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2011. С. 312–316.
3. Панюков А.В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар, 2009. EDN: QUOHII
4. Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект : сб. статей. Москва : Изд-во Московского университета, 1997. С. 90–108.
5. Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь / сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1988.

References

1. Shmeleva, B.Y., & A.D. Shmelev 2002. *The Russian Joke: Text and Speech Genre*. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. (In Russ.)
2. Limerov, P.F. 2011. "The Russian Language as 'Native' and 'Foreign' in Komi Anecdotes." In *Ryabinin Readings*. Petrozavodsk, pp. 312–316. (In Russ.)
3. Panyukov, A.V. 2009. *Dynamics of the Development of Komi Folklore Traditions in the Context of Self-Organization Theory*. Syktyvkar, 2009. (In Russ.) EDN: QUOHII
4. Belikov, V.I. 1997. "Russian Pidgins." In *Minor Languages of Eurasia: A Sociolinguistic Aspect*. Moscow University Press, pp 90–108. (In Russ.)
5. Kuratov, I.A. 1988. *You Are Endless, Life*. V.I. Martynov (Comp.). Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лимеров Павел Федорович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0001-5290-267X; eLibrary SPIN-код: 9909-3300. E-mail: plimeroff@mail.ru

Bio note:

Pavel F. Limerov is a Doctor of Philology, Associate Professor, chief researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science." 26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5290-267X; eLibrary SPIN-code: 9909-3300. E-mail: plimeroff@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-390-399

EDN: JFZUIB

Научная статья / Research article

Рассказы о святочных гаданиях в традиции вишерских коми

А.Н. Рассыхаев^{ID}

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ rassyhaev@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены гадательные практики вишерских коми второй половины XX в., собранные в ходе полевого исследования в Корткеросском районе Республики Коми. Новизна работы определяется тем, что впервые сравнительно-описательному изучению подвергаются устные рассказы о гаданиях одной локальной традиции. В ходе анализа установлено, что святочный период в традиции вишерских коми называется *Вежа* ‘Святой’, *Вежадыр* ‘Святой период’; в народном сознании отмечается как пограничный, когда можно легко установить канал связи с потусторонним миром. В фольклорной традиции вишерских коми этот процесс называется заимствованным из русского и адаптированным словом *гадайтчем*, *гадайтчём*. Некоторые типы гаданий информанты или никак не называют, или предпочитают наименовать по действию: *кызысьні* ‘слушаться’, *видзедчині* ‘смотреться’, *сотні* ‘сжечь’ и т.д. Наиболее часто стараются ворожить накануне рубежных дат календаря: в ночь на Васильев день или накануне Крещения. Полевые данные начала XXI в. позволяют выделить корпус святочных ритуальных практик, как известных другим коми и севернорусским традициям, так и специфических только для вишерских коми. К ним можно отнести гадания девушек с хлебной лопатой. В устных рассказах о гаданиях отражаются современные тенденции бытования фольклорных традиций, которые характеризуются, с одной стороны, утратой некоторых гаданий, а с другой — проникновением новых явлений из русской традиции и их адаптацией к иноязычной среде. Видимо, одним из последних в коми традиции попадают спиритические сеансы с вызыванием духов, гадания с книгами и записками, связанные с распространением грамотности среди сельских жителей. Особый интерес представляют рассказы о сбывшихся гаданиях, когда девушки выходили замуж именно за тех, чей образ видели во время гадательных ритуалов.

Ключевые слова: коми фольклор, локальные традиции, гадания, устные рассказы, коми-русские взаимосвязи

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках плановой темы ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Фольклор народов Европейского Севера России в контексте этнокультурного взаимодействия» № 126020216214-3.

Для цитирования: *Рассыхаев А.Н.* Рассказы о святочных гаданиях в традиции вишерских коми // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 390–399. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-390-399> EDN: JFZUIB

© Рассыхаев А.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Stories about Yuletide Fortune-telling in the Tradition of the Vishera Komi

Alexey N. Rassykhaev^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre
of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,

✉ rassykhaev@mail.ru

Abstract. The study examines fortunetelling practices of the second half of the 20th century based on new expedition materials. Using a comparative descriptive method, for the first time, oral stories about fortunetelling of one local tradition are analyzed — Vishera Komi (Kortkerossky district of the Komi Republic). In this tradition, the Yuletide period is called *Vezha* ‘Holy’, *Vezhadyr* ‘Holy period’; in the popular consciousness it is marked as a liminal time when a communication channel with the other world can be easily established. In the folklore tradition of the Vishera Komi, this process is called a *gadaitch*, a word borrowed from Russian and adapted. Informants either do not name some types of fortune-telling in any way, or prefer to name them by action: *кызызысьни* ‘to obey’, *видзедчини* ‘to look at’, *сотни* ‘to burn’, etc. Most often they try to cast spells on the eve of calendar milestones: on the night of St. Basil's Day or on the eve of Epiphany. Field data from the beginning of the 21st century make it possible to identify a corpus of Yuletide ritual practices, both known to other Komi and Northern Russian traditions, and specific only to Vishera Komi. These include fortune-telling by girls with a bread shovel. Oral stories about fortune-telling reflect current trends in folklore traditions, characterized, on the one hand, by the loss of some fortune-telling, and on the other hand, by the penetration of new phenomena from the Russian tradition and their adaptation to a foreign language environment. Apparently, spiritualistic seances with evocation of spirits, fortune-telling with books and notes related to the spread of literacy among rural residents are among the latest in Komi traditions. Of particular interest are the stories about fortune-telling that came true, when girls married precisely those whose image they saw during fortune-telling rituals.

Key words: Komi folklore, local traditions, fortunetelling, oral stories, Komi-Russian interrelations

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216214-3 “Folklore of the peoples of the European North of Russia in the context of ethnocultural interaction.”

For citation: Rassykhaev, A.N. 2026. “Stories about Yuletide Fortune-telling in the Tradition of the Vishera Komi.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 390–399. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-390-399> EDN: JFZUIB

Введение

Гадательным практикам в народной традиции посвящен ряд работ российских ученых, в которых показано место гаданий в календарных и okazjiональных обрядах [1–4 и др.]. Общекоми традиция святочных гаданий и их семантика были проанализированы Н.Д. Конаковым [5] и В.А. Семеновым¹.

¹ Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ : учебное пособие по спецкурсу Сыктывкар : СГУ, 1991 (1992).

При этом до их публикаций в научной литературе по этой теме практически не было аутентичных текстов, способных полноценно охарактеризовать своеобразие коми гадательных практик. Подобные единичные тексты из разных коми фольклорных традиций были представлены в последующие годы в ряде сборников текстов. В данной работе поставлена цель — проанализировать гадательные практики святочного периода только в одной локальной традиции на основе аутентичных текстов и выяснить особенности гаданий у вишерских коми. К этой этнолокальной группе относятся верхневьчегодские коми, живущие в бассейне р. Вишеры в трех сельских поселениях Корткеросского района Республики Коми (Богородск, Большелуг, Нившера). В исследовании использованы материалы нескольких фольклорных экспедиций, проведенных в начале XXI в. автором данной работы, а также тексты из архивных работ и нескольких публикаций.

Результаты и обсуждение

В вишерской традиции святочный период принято называть *Вежа* ‘Священный, святой’, *Вежадыр* (*дыр* ‘время, период’). Термин довольно древний, на это указывает и народная терминология святок в удмуртском языке — *Вожо дыр*². В семантике календарного термина, по мнению П.Ф. Лимерова, отражается амбивалентное отношение к празднику — он не только священный, святой, но и «нечистый» [6. С. 106].

Как и у многих земледельческих народов, ритуалами гаданий преимущественно занимались девушки добрачного возраста. Этот отрезок времени в народной культуре характеризуется как пограничный, когда можно легко установить канал связи с духами потустороннего мира и выведать ответы на жизненные вопросы. По мнению ученых, гаданием принято называть «преднамеренно совершаемый ритуал», состоящий из трех этапов: подготовительных действий, получения знака судьбы и его толкование (расшифровка) [3. С. 329]. В.И. Чичеров замечает, что «группа брачных гаданий построена преимущественно на случайности ответа на поставленный вопрос и на произвольных истолкованиях наблюдаемых явлений» [1. С. 95], что в принципе подтверждается и на коми материале.

В народной культуре вишерских коми гадательный процесс терминологически на коми языке называется заимствованным из русского и адаптированным словом *гадайтчем*, *гадайтчём*. Это общекоми и распространенный в языке термин. При этом в других коми традициях гадания могут называть также такими словами, как *вөрöжитны* (печ.), *тунасьны* (иж., печ., скр., вв.)³.

² Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов : учеб. пос. по краеведению. 2-е изд., перераб. и доп. Ижевск : Удмуртия, 1997. С. 99. EDN: VQRYPL

³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С. 60, 381.

Некоторые типы гаданий в бассейне Вишеры или никак не называют, или предпочитают наименовать по действию: *кызысыні* ‘слушаться’, *видзедчині* ‘смотреться’, *сотні* ‘сжечь [бумагу]’ и т.д.

По рассказам информантов, чаще стараются гадать накануне рубежных дат календаря: в ночь на Старый Новый год (или Васильев день) или накануне Крещения. Как и повсеместно у коми, считается, что гадания на Васильев день чаще сбываются и с большей точностью [7. С. 60].

Существенная часть гаданий проходит в доме, помещении при соблюдении ряда условий, способствующих установлению контактов с потусторонними силами. Ритуалы проводятся около полуночи, в темноте или перед сном. Гадающие локализуются около таких опасных локусов, считающихся в народной традиции пограничными, как вход в подполье, надпечное окошко, порог дома⁴. В гаданиях используются атрибуты, помогающие легко вступить в связь с иномирными духами — вода, свечи, зеркала, зола. С этой же целью рекомендуется отказаться от нательных крестиков, убрать с божницы иконы, открыть вьюшку или форточку, использовать вокативные приговоры, призывающие нечистые силы на помощь [8. С. 99]. По справедливому замечанию Л.Н. Виноградовой, «для угадывания будущего было необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших, ритуалы гаданий осмыслились как дело нечистое, грешное и опасное»⁵. Весьма точно выводы ученого подтверждает одна из наших информантов: «Гадание — вот это настоящая дьявольская работа»⁶. В с. Керчомье Усть-Куломского района Республики Коми у потомков коми старообрядцев было зафиксировано аналогичное представление: *Енмыс лэдзё гадайтчыны. Управляйтё Омёлыс* ‘Бог разрешает гадать. Дьявол управляет’ [7. С. 60].

Судя по зафиксированным сообщениям, у вишерских коми наиболее были распространены гадания на замужество. Пытаясь заглянуть в будущее, девушки в доме гадают с помощью кольца и стакана с водой, установленного на блюде с золой. Гадающие садятся перед зеркалом за стол, стоящий перед входом в подполье:

«Тоже накануне Васильева дня помылись [в бане], пошли смотреться. Зеркало, над дверью в подполье, и стол поставили. Перед зеркалом стакан воды, в стакан с водой колечко бросили. А мы были втроем. А ее мама, *Пита Анна* ‘Анна Неофитовна’, [лежит] на лежанке над голбцом, мы боимся ведь. Ее мама легла на лежанку над голбцом. Потом смотрели, смотрели. Скрип!

⁴ Семенов В. А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. С. 64.

⁵ Виноградова Л.Н. Гадание // Славянские древности : этнолингвистический словарь. Т. I. А–Г. Москва : Международные отношения, 1995. С. 482.

⁶ ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11101-15. Зап. Л.С. Лобанова, А.Н. Рассыхаев 08.06.2012 в с. Богородск, Корткеросский р-н, Республика Коми. Инф.: Михайлова Устинья Андреевна, 1921 г.р. Для экономии места приведен только переведенный на русский язык текст. Переводы с коми языка — автора статьи.

Дверь в подполье, ее на веревку не прицепили, открылась — и наше гадание закончилось. Все на лежанку печи к Пита Анне поднялись. Какое уж там гадание!?»⁷.

Иногда принято было проводить гадание одной без присутствия остальных со свечами или линейной лампой (*дзузган*)⁸. В устных рассказах отмечают, что увиденное в середине кольца изображение точно передает портретное сходство с суженым (у одной муж лысый, как на фотокарточке, у другой — в кубанке)⁹.

С помощью гаданий можно было узнать не только возможность в ближайшее время выйти замуж, но и социальное положение, характер. Весьма оригинальным на фоне многочисленных предсказаний выглядит гадание с использованием хлебной лопаты. Девушка берет в руки хлебную лопату и ударяет ею по потолку, который мог быть сделан из досок или распиленных пополам бревен. Ударяя поочередно по каждому бревну, приговаривает: *Сьõп, жõник, сьõп, жõник* 'Вдовец, жених, вдовец, жених'. Если последним выпадает *жõник*, то это предвещает выход замуж, если *сьõп* — то нет. Примечательно, что рассказавший о гадании информант не знает значения вышедшего из употребления слова *сьõп*. В варианте описания этого гадания, записанного в том же с. Богородск, информант отмечает, что выпавший *сьõп* предсказывает выход замуж за вдовца, а хлебной лопатой было принято ударять вслепую, быстро пробегая от одной стены к другой¹⁰. Отметим также, что параллели этого гадания, основанного на принципе счета, находим в славянских традициях (приговаривают «молодец-вдовец», ударяя в доски забора от одного угла к другому) [3. С. 338]. Н.Д. Конаков в научно-популярной работе приводит гадание (без указания источника), когда перебирают кольца в изгороди и говорят: «Вдовец-холостец, вдовец-холостец» [9. С. 183]. Скорее всего, гадание было записано в русской традиции. Ср. также пересчет колец забора в пос. Нючпас Койгородского р-на Республики Коми у русских, предки которых ранее до XVIII в. жили в других губерниях (Архангельская, Вологодская, Вятская, Костромская) [10. С. 24].

В своих гаданиях девушки пытаются узнать цвет волос суженого. С этой целью через окошко на веревке спускают свою гребенку, чтобы утром посмотреть, какого цвета волосы прикрепятся к ней.

⁷ ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11203-19. Зап. А.Н. Рассыхаев 15.06.2015 в с. Большелуг, Корткеросский р-н, РК. Инф.: Шевченко Мария Николаевна, 1937 г.р., урож. дер. Макарсикт (ныне часть с. Большелуг).

⁸ ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11202-29. Зап. А.Н. Рассыхаев 15.06.2015 в с. Большелуг, Корткеросский р-н, РК. Инф.: Габова Лидия Михайловна, 1927 г.р.

⁹ ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11155-17. Зап. Л.С. Лобанова, А.Н. Рассыхаев 11.06.2013 в с. Нившера, Корткеросский р-н, РК. Инф.: Попова Агния Андреевна, 1928 г.р., урож. дер. Троицк, Богородский с/с, Корткеросский р-н, РК.

¹⁰ Коми фольклор. Календарные обряды и поэзия : хрестоматия / сост. В. В. Филиппова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2000. Ч. 1. С. 51.

Не менее разнообразно проводятся гадания на улице. В одном из гаданий, связанном с судьбоносными поворотами человека, используют ложку с водой. Помытую деревянную ложку выносят на ночь в сени, а утром смотрят, как в ложке замерзает вода. Лёд с двумя бугорками предвещает скорое замужество, с одним маленьким бугорком — рождение ребенка. В научной литературе встречаются другие варианты толкования предсказаний: один бугорок — к недостатку или деторождению, два бугорка — будет ребенок, яма — смерть или болезнь и т.д. [11. С. 118].

В святочный период с помощью гаданий была возможность определить судьбу человека в текущем году. Так, сначала готовят три стакана, в которые кладут хлеб, соль или сахар. Один из гадающих перемешивает стаканы, а второй с завязанными глазами выбирает. Соль предсказывает плохую, горькую жизнь, хлеб — хорошую, сытную, сахар — сладкую жизнь. Ожидаемую в течение года жизнь можно было узнать и с помощью записок, оставленных на ночь под подушку. В каждой из них записывался один сценарий предстоящего года — хороший, средний и плохой. Проснувшись утром и не вставая с постели, достают одну из записок и читают. Из полевых материалов известно, что такими гаданиями увлекались лица старшего возраста. Об ожидаемых изменениях в жизни гадающие могли узнать, разглядывая тень от сожженной газеты или бумаги. Если в силуэтах обнаруживают лошадей, то это предсказывает скорый приход женихов.

В систему гаданий могли включаться также вещие сны, вызванные с помощью определенной ритуальной практики. По народным представлениям, ответы на вопросы можно было узнать через сновидения. Так, девушки пытаются увидеть жениха, на ночь подложив под подушку гребенку или ложку. Ожидают во сне прихода жениха и за ключом, которым на ночь запирают пару ведер с водой на замок и кладут под подушку.

Информанты считают, что свою судьбу можно было увидеть во сне, обратившись к нечистой силе. Проводником в иной мир мог быть таракан, помещенный в коробку из-под спичек и привязанный веревкой к большому пальцу ноги. Перед сном нужно обратиться к святочным духам: *Куття-войсаяс, менэ ноолэдлэ!* ‘*Куття-войса* “Святочные духи”, меня водите!’ Один из информантов сообщает, как во время этого гадания во сне девушка стала кричать, махать руками, а проснувшись, утверждала, что нечистая сила чуть не выволокла ее через печную трубу¹¹.

Одним из самых распространенных гаданий, связанных с поворотными моментами судьбы человека (рождение, женитьба, смерть), являются слушания на перекрестке трех дорог. Оно считается одним из самых опасных, тесно переплетенным с возможной встречей с нечистой силой в виде святочных

¹¹ ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11230-18. Зап. Л.С. Лобанова 17.06.2015 в с. Большелуг, Корткеросский р-н, Республика Коми. Инф.: Турнина Анна Ивановна, 1934 г.р.

духов, которых в вишерской традиции называют *куття* (< рус. *кутья*), *куття-войса* букв. ‘ночной кутья’. В гадании участвует нечетное количество девушек или парней. В полночь они садятся на половик, сани и укрываются шубой, шалью, очерчивают себя хлебным ножом, а потом спрашивают, что их ждет в будущем? По доносившимся звукам гадающие пытаются узнать будущее. Акустический код расшифровывается следующим образом: конские копыта, пение или звон колокольчиков предсказывают приход жениха и свадьбу; стук по дереву, плач — смерть. Стараются также определить направление, откуда должен явиться суженый, а также его имущественное положение (на лошади или пешком).

Слушания на перекрестках у вишерских коми были настолько популярными, что, по словам рассказчиков, иногда все места были заняты гадающими. Во время слушаний на перекрестках, узнав о желании девушек, парни стремятся подшучивать: или сами производят различные звуки (к примеру, волокут железную лопату), или, незаметно подкравшись к гадающим, стаскивают сани в сторону реки. Доносившиеся звуки гадающие могут слушать и под окнами домов. На перекрестках дорог девушки также пытаются узнать имя суженого, бросив записки с именами парней и разобрав их между собой. Информанты нередко рассказывают о том, что гадания сбываются, а девушки выходят замуж именно за тех, кого видят во время гаданий.

К числу особенно распространенных у коми в XX в. относятся гадания с блюдцем и вызыванием духов умерших людей. Говоря об этом способе ритуального действия, информанты используют следующую терминологию: *лешейяслсь дук корні* ‘вызывать дух нечисти’, *гадайтчині блюдьен* ‘гадать с блюдцем’. В числе упоминавшихся духов, вызываемых вишерскими информантами, называются дух Пушкина, нечисти (*лешей дук*), а также дух местного мужчины-утопленника. Хотя многими и не упоминаются фамилии, но в описаниях гаданий из других локальных традиций коми встречаются имена известных государственных, политических деятелей (В.И. Ленин, И.В. Сталин), поэтов и писателей (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, С.А. Есенин), бардов (В.С. Высоцкий, В.Р. Цой) и т.д. Информанты сообщают, что перед гаданием пишут на газете или бумаге буквы, а на блюдце — стрелку. Непосредственно перед началом говорят: *Бергоо! Бергоо!* ‘Крутись! Крутись!’¹², или: *Блюдйö, блюдйö, зöлөтöй блюдйö, вөрзи!* ‘Блюдце, блюдце, золотое блюдце, двигайся!’ Разогрев руки, гадающие держат над блюдцем пальцы. Когда блюдце начинает двигаться, все читают по буквам ответы на заданные вопросы или задают вопросы: *Блюдйö, блюдйö, зöлөтöй блюдйö, висьтав, код лоö мян жöникным?* ‘Блюдце, блюдце, золотое блюдце, скажи,

¹² ФФ ИЯЛИ Коми НЦ: А11299-32. Зап. А.Н. Рассыхаев 05.06.2018 в с. Нившера. Инф: Ларукова (дев. — Подорова) Евдокия Александровна, 1936 г.р., урож. дер. Алексеевка, Нившерский с/с.

кто будет жених?’ (дер. Ивановская, Большелугский с/с) [12. С. 268]. К сожалению, по записям не удастся установить информацию о наличии при спиритическом сеансе медиатора, связывающегося с духом.

Страшное гадание может сопровождаться подшучиваниями и запугиваниями со стороны парней. Некоторыми информантами процесс гадания с фарфоровым блюдцем расценивается как дьявольская работа, способная сильно напугать девушек. Спиритические ритуалы с вызыванием духов, как справедливо замечают исследователи традиционной культуры, попадают из городской среды в сельский социум в начале XX в., где обретают календарно-сезонный характер и проводятся в святочный период [13. С. 220]. Уместно отметить, что в работах Н.Д. Конакова и В.А. Семенова гадания с блюдцем и вызыванием духов не приводятся и не рассматриваются вообще. Причиной этого может стать или отсутствие у исследователей соответствующих материалов, что, на мой взгляд, более правдиво, или спиритические сеансы ими не рассматриваются из-за того, что не отражают традиционный уклад жизни.

Заключение

Собственно, материалы начала XXI в., записанные нами среди вишерских коми, характеризуют устоявшиеся гадательные практики середины прошлого века. Возможно, мы не так подробно опрашивали информантов, поэтому неполно записаны сведения по проведению некоторых гаданий. Тем не менее новые полевые данные позволяют выделить корпус святочных ритуальных практик, как известных другим коми и русским традициям, так и специфических только для вишерских коми. К ним можно отнести гадание с хлебной лопатой. Аутентичные фольклорные материалы открывают новую народную терминологию, не зафиксированную ранее. Современные записи не содержат сведений о многих видах гадательных практик, известных по другим коми и русским традициям, к примеру, гаданий по книгам (Оракулу), с покойником, с ловлей животных в хлеву, бросанием валенок и др. Видимо, эти типы не были характерны для вишерских коми или они вышли из активного бытования намного раньше середины XX в. Вместе с тем в народную традицию коми проникают и адаптируются новые святочные гадания, связанные с вызыванием духов ушедших людей. Спиритические сеансы попадают в крестьянскую среду только в начале XX в., и, как показывают наши материалы, прочно закрепляются в фольклорной традиции вишерских коми.

Список литературы

1. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований). Т. 40. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 40.

2. Виноградова Л.Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст / отв. ред. Н.И. Толстой. Москва : Наука, 1981. С. 13–43. EDN: WLVXAH
3. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. Москва : Индрик, 2000. EDN: TOLSVB
4. Добровольская В.Е. Типы гаданий о смерти в традиционной культуре регионов бассейна Верхней Волги и Оки // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. науч. статей. Москва : ГРЦРФ, 2007. Вып. 10. С. 266–276.
5. Конаков Н.Д. От Святков до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1993.
6. Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар : [Коми НЦ УрО РАН], 1998. 125 с. EDN: VMWWJN
7. Катаева А. Святочные гадания в Керчомской локальной традиции // Известия Общества изучения Коми края. 2010. № 13. С. 59–63.
8. Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX вв. // Традиционная культура и быт народа комию Труды. ИЯЛИ Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1978. № 20. С. 91–103.
9. Конаков Н.Д. Календарная обрядность коми // Традиционная культура коми : этнографические очерки / [науч. ред. Н. Д. Конаков]. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1994. С. 181–200. EDN: VAACDD
10. Низовцева С.Г. Материалы о святочных гаданиях в русских заводских поселениях Республики Коми // Живая старина. 2019. № 1. С. 24–28. EDN: UKLONU
11. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар : [Коми НЦ УрО РАН], 1996. 132 с. EDN: VDPGPT
12. Панюков А.В., Савельева Г.С. Традиционный календарь в Коми крае (по полевым архивным материалам) // *Paleoslavica*. Cambridge, Massachusetts. 2007. Vol. XV / 2. P. 261–294.
13. Королева С.Ю. Простонародные спиритические гадания в XX в. (столоверчение и круг с буквами) // Шаги / Steps. 2018. Т. 4. № 2. С. 204–227. EDN: YMCAIP

References

1. Chicherov, V.I. 1957. *The winter period of the Russian agricultural calendar of the XVI–XIX centuries (Essays on the history of folk beliefs)*, vol. 40. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.)
2. Vinogradova, L.N. 1981. “Maiden fortune-telling about marriage in the cycle of calendar rituals (West-East Slavic parallels).” In *Slavic and Balkan folklore: Ritual. Text*, ed. by N.I. Tolstoy. Moscow: Nauka publ., pp. 13–43. (In Russ.) EDN: WLVXAH
3. Vinogradova, L.N. 2000. *Folk demonology and the mytho-ritual tradition of the Slavs*. Moscow: Indrik Publishing House. (In Russ.) EDN: TOLSVB
4. Dobrovolskaya, V.E. 2007. “Types of fortune-telling about death in the traditional culture of the Upper Volga and Oka basin regions.” In *Slavic traditional culture and the modern world*. Moscow: State Center of Russian Folklore publ., issue 10, pp. 266–276. (In Russ.)
5. Konakov, N.D. 1993. *From Yuletide to Christmas Eve: Komi traditional calendar rituals*. Syktyvkar: Komi Publishing House. (In Russ.)
6. Limerov, P.F. 1998. *Mythology of the afterlife*. Syktyvkar: Komi Scientific Center publ. (In Russ.) EDN: VMWWJN
7. Kataeva, A. 2010. “Yuletide divination in the Kerchomya local tradition.” In *Proceedings of the Society for the Study of the Komi Region*, no. 3, pp. 59–63. (In Russ.)
8. Dukart, N.I. 1978. “The Yule rituals of Komi in the late XIX — early XX centuries.” In *Traditional culture and way of life of the Komi people. Proceedings of the Institute of Language, Literature*

- and History of the Komi Branch of the Academy of Sciences of the USSR*. Syktyvkar, no. 20. pp. 91–103. (In Russ.)
9. Konakov, N.D. 1994. “Calendar rituals of Komi.” In *Traditional culture of Komi: Ethnographic essays*. Syktyvkar: Komi publishing house, pp. 181–200. (In Russ.) EDN: VAACDD
 10. Nizovtseva, S. G. 2019. “Materials about Christmas divination in Russian factory settlements of the Komi Republic.” In *Living Tradition*, no. 1, pp. 24–28. (In Russ.) EDN: UKLONU
 11. Konakov, N. D. 1996. *The traditional worldview of the Komi peoples: the world around them. Space and time*. Syktyvkar: Komi Scientific Center publ. (In Russ.) EDN: VDPGPT
 12. Panyukov, A.V. and G. S. Savelyeva. 2007. “The traditional calendar in the Komi Region (based on field archive materials).” In *Paleoslavica*. Cambridge, Massachusetts, vol. XV, no. 2, pp. 261–294. (In Russ.)
 13. Koroleva, S.Y. 2018. “Popular spiritualistic divination in the 20th century (table turning and a circle with letters).” In *Shagi / Steps*, vol. 4, no. 2, pp. 204–227. (In Russ.) EDN: YMCAIP

Сведения об авторе:

Рассыхаев Алексей Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0002-1927-3987; e-Library SPIN-код: 9279-4016; AuthorID: 533158. E-mail: rassyhaev@mail.ru

Bio note:

Alexey N. Rassykhaev is a Candidate in Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science” (FRS Komi SC UB RAS). 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1927-3987; e-Library SPIN-code: 9279-4016; AuthorID: 533158. E-mail: rassyhaev@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-400-413

EDN: JGJMOM

Научная статья / Research article

Вербальная магия в охотничьей и рыболовной практике коми-зырян

А.В. Панюков

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация
✉ apankomisc@mail.ru

Аннотация. В силу фрагментарности знаний о вербальной магии коми-зырян промысловая заговорная традиция еще не была объектом специального исследования. Автором осуществлена попытка представить общую картину бытования вербально-магических знаний в промысловой жизни. Понимая под вербальной магией широкий спектр иррациональных приемов и методов словесного воздействия на окружающий мир, автор обобщает опыт исследований в области заговорно-заклинательной традиции коми. Эта традиция тесно связана как с магическими знаниями, так и регламентацией языкового поведения в промысловой деятельности. Материалом для исследования послужили имеющиеся на сегодняшний день публикации, неопубликованные архивные источники и результаты собственных полевых исследований последних десятилетий. При сборе полевого материала нами были использованы методы интервьюирования и включенного наблюдения. При изучении фольклорных нарративов применялись методы структурно-семантического и прагматического анализа. Для исследования обрядовых описаний применялись методы сравнительно-сопоставительного и структурно-семантического анализа. К анализу привлечены не только сведения о заговорной традиции, но и широкий спектр фольклорных и этнографических сведений, касающихся представлений о промыслах, о промысловой обрядности и мифологии. В выстроенную автором общую картину бытования вербально-магических знаний жизни включен широкий спектр иррациональных приемов и методов словесного воздействия на окружающий мир — все, что связано как с магическими знаниями, так и регламентацией языкового поведения в промысловой деятельности. Такое расширенное понимание вербальной магии представлено как перспективный подход к дальнейшему изучению заговорно-заклинательной традиции коми.

Ключевые слова: коми-зыряне, мифология, фольклор, охота, рыболовство, демонология, заговоры, знахарство

История статьи: поступила в редакцию 15.02.2026; принята к печати 15.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках плановой темы ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Фольклор народов Европейского Севера России в контексте этнокультурного взаимодействия», № 126020216214-3.

Для цитирования: Панюков А.В. Вербальная магия в охотничьей и рыболовной практике коми-зырян // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 400–413. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-400-413> EDN: JGJMOM

© Панюков А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Verbal Magic in the Hunting and Fishing Practices of the Komi-Zyryans

Anatoliy V. Panyukov^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation,

✉ apankomisc@mail.ru

Abstract. Due to the fragmentary knowledge about Komi-Zyryan verbal magic, the incantation tradition of hunting and fishing has not yet been the object of special research. The author attempts to present a general picture of the existence of verbal-magical knowledge in the fishing and hunting life. Understanding verbal magic as a wide range of irrational techniques and methods of verbal influence on the surrounding world, the author summarizes the experience of research in the field of the Komi incantation tradition. This tradition is closely connected both with magical knowledge and the regulation of linguistic behavior in fishing and hunting activities. The material for the study was provided by currently available publications, unpublished archival sources, and the results of the author’s own field research over recent decades. When collecting field material, we used the methods of interviewing and participant observation. The methods of structural, semantic and pragmatic analysis were applied in the study of folklore narratives. Methods of comparative and structural-semantic analysis were used to study ritual descriptions. The analysis incorporates not only information on the incantation tradition but also a wide range of folklore and ethnographic data concerning ideas about fishing and hunting, associated rituals, and mythology. The general picture of the existence of verbal and magical knowledge constructed by the author includes a broad spectrum of irrational techniques and methods of verbal influence on the surrounding world – everything connected both with magical knowledge and the regulation of linguistic behavior in fishing and hunting activities. This expanded understanding of verbal magic is presented as a promising approach for the further study of the Komi incantation tradition.

Key words: Komi-Zyryans, mythology, folklore, hunting, fishing, demonology, incantations, witchcraft

Article history: received 15.02.2026; accepted 15.04.2026.

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the FRC Komi SC UB RAS, the state registration number of the project 126020216214-3 “Folklore of the peoples of the European North of Russia in the context of ethnocultural interaction.”

For citation: Panyukov, A.V. 2026. “Verbal Magic in the Hunting and Fishing Practices of the Komi-Zyryans.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 400–413. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-400-413> EDN: JGJMOM

Введение

В фольклорных представлениях коми разделение земных богатств между миром людей и миром духов природы сохраняет космологический характер. Ещё мифическое время бог-демиург Ен разделил богатства лесов и рек между людьми и природными духами, и получать свою долю люди могли только по согласованию с духами-хозяевами леса и воды. Эта согласованность определяет лишь общие границы мифологического и реального, и даже освоенное

человеком место обитания не принадлежит ему полностью. Взаимосвязь демонического и человеческого пространства, характерная для традиционных представлений об окружающем мире, в промысловой традиции многократно усилена, поскольку лес для охотника — не столько среда обитания представителей потустороннего мира, сколько пространство, где человек регулярно встречается с демонами и иррациональными проявлениями мира, каждый раз осваивая и обживая свои угоды, обретая новый мистический опыт. Все, что так или иначе связано с промысловой деятельностью, требовало соблюдения определенных поведенческих предписаний, имело и магическую коннотацию: если мужчины ушли на промысел, домашним запрещалось ругаться и шуметь, чтобы не распугать добычу и не вызвать ссору среди охотников. Если мужчина ушел на охоту, принято было на ночь на столе оставлять хлеб и еду, чтобы охотнику всегда попадалась добыча. Жесткая регламентация языкового поведения накладывалась и на самих промысловиков, так как любое нарушение речевого этикета, любое неосторожное слово могло отразиться на промысловой удаче. Промысловые артели, как охотничьи, так и рыбацкие возглавляли «знающие» — *тõдысь*, которые следили как за промысловой работой, так и за соблюдением правил поведения в пространстве *Võr-va*. От соблюдения общепринятых правил поведения на промысле зависела промысловая удача, которая и сегодня сохраняет сакральный смысл и окружена множеством суеверных примет и предписаний. При артельном промысле обеспечение промысловой удачи было возложено на главу артели *вежа видзись* — букв. ‘хранителя святости, духовной чистоты’. И не случайно в коми языке понятие «удача» связано с промысловой добычей *мой вийис* ‘бобровая струя’. Это вещество с древних времен использовалось человеком как ценное медицинское и парфюмерное средство¹.

С обеспечением удачи в промысле связана и практика использования иносказательной речи в особых ситуациях, наличие табуированной лексики и использование эвфемизмов, соблюдения абсолютного молчания в отдельные

¹ Бобровая струя (кастореум) — железа внутренней секреции, ароматическое вещество, вырабатываемое специальными пахучими железами у бобра; использовалось уже с древних времен. Еще в XVI в. препараты из бобровой струи входили в круг средств официальной медицины. В старину бобровая струя ценилась в четыре раза дороже самой бобровой шкуры. Так, в списке товаров, сгоревших при нападении на дом Сухановых в Усть-Сысольске в 1730 г., отмечено, что один фунт струи бобровой сухой стоит 3 рубля, столько же, сколько и десяток шкур куницы (см.: [4. С. 19]). Однако очевидно, что к этому времени товарная ценность бобровой струи уже была утрачена. Так, судя по этнографическим данным, один из последних бобров, случайно подстреленный верхнепечорским охотником в середине девятнадцатого столетия, был для него столь незнакомой добычей, что добывший бобра охотник снял только шкуру, даже не подозревая о существовании «бобровой струи» [4. С. 33, прим. 55]. В современном коми языке понятие *мой вийис* ‘бобровая струя’ утрачено, о чем говорит и появление глагольной формы *мойвины* ‘повезти’, интерпретируемой как «поймать бобра», что как бы и стало расцениваться как большая удача.

моменты, запреты на брань, на разговоры, касающиеся определенных тем и многое другое. От соблюдения этих правил, составляющих основу промысловой морали, зависела промысловая удача, которая и сегодня сохраняет сакральный смысл и окружена множеством суеверных примет и предписаний. Таким образом, не только заговоры и заклинания, но и любое слово, сказанное во время промысла, может быть рассмотрено как вступление в магический диалог с окружающим миром.

Обсуждение

Коми заговорная традиции в своей наиболее сакрализованной части, куда, несомненно, включена и промысловая традиция, и на сегодняшний день является «тайным», эзотерическим знанием, сохраняющим свою актуальность. Из широкого ряда заговорной терминологии можно выделить два основных названия *нимкыв* (букв. «имя-слово») и *вордкыв, ворданкыв* (*вордны* ‘желать’ и *кыв* ‘слово’). При этом заговор-*ворданкыв*, в отличие от *нимкыв*, не требовал специальных умений и использовался охотниками во многих ситуациях как приговорка-благопожелание, предполагающая открытое произнесение заговора. Термин *нимкыв*, обозначающий как собственно ‘заговор’, так и другие формы вербальной магии, в своем буквальном значении ‘имя-слово’ отражает архаичную взаимосвязь понятий «имя собственное» и «заклинание», предполагающую сохранение в коми заговорных текстах древних форм вербальной магии. Так, заговор-*нимкыв* вообще может состоять из одного слова. Обилие русскоязычных заимствований, характерное для многих пластов фольклора коми, в контексте заговорной поэзии объясняется универсальными для традиционных культур представлениями об особой силе «чужой» магии. Поскольку в силу сложившихся культурно-исторических реалий именно русский язык противопоставляется обыденному коми языку, он легко включается в сферу заговорного «словотворчества». Яркий пример появления такого слова-*нимкыв* приводит В.П. Налимов: «По словам известного пожегодского охотника, каждого человека можно погубить, если согласишься принять все его страдания, какие причинишь ему. Стоит только сказать одно слово, как приобретете над ним полную власть. Но он отказывался произносить это могучее слово. Только после долгих уговоров согласился назвать. Это единое слово было „анафема“ (подразумевается себе)»².

Согласно анимистическим представлениям, в какой-то мере сохраняющимся и сегодня, все промысловые животные, все лесные духи понимают человеческую речь, чутко воспринимают отношение человека к ним. Соот-

² Налимов В.П. Kansatieteellisiä kirjoituksia ja muistiinpanoja syrjääneistä. Venäjäksi. (1908) // Suomalais-Ugrilainen Seuran Arkisto (Архив Финно-угорского общества Финляндии, Хельсинки). I, 143, С.16.

ветственно, с самых первых минут промыслового сезона каждое сказанное слово могло повлиять на успешность предстоящего промысла. В общепринятых правилах и предписаниях отражены представления о самом лесе как о божественной сущности, способной и защитить, и наказать человека. При входе в лес независимо от цели, просили у него разрешения и защиты, при выходе — благодарили и оставляли какое-нибудь угощение: *«Во имя отца» лыддян, кор вӧрас пыран, кор капкан пуктан. «Господи лес, пусти мне вӧрын гуляйтышитны, кыйсины, ягод вотны, сет вӧля меным». <Мыйла рочен?> — Молитвасӧ ӧд рочен лыдьдӧны. А ме комиӧн: «Господи вӧрӧ, лӓдз, видз, мед ог ылав». Лыдьдӧны колӧ. Кыкысь лыдьдӧйтӧг пыралі — кыкысь путайчи. Молитвасӧ лыдьди да бӧр неті. Верман и ошкӧд паныдасьны, а мӧдногыс вӧрыс оз лӓдз, видзӧ* („Во имя отца“ прочитаешь, когда в лес заходишь, когда капкан ставишь. „Господи лес, пусти меня в лесу погулять, поохотиться, ягоды собирать, дай мне волю“. <А почему по-русски?> — Молитвы ведь на русском читают. А я по-коми: „Господи лес, пусти меня в лес, храни меня, не дай заблудиться“. Два раза без молитвы заходил — два раза и заплутал. Молитву прочитал и выбрался. Без молитвы можешь и с медведем повстречаться, а так лес не допустит, охраняет тебя)»³. Воплощением живой природы — «вӧр-ва» могло выступать и эхо, к которому обращались, вступая в лес: *«Йӧл да Йӧлгенья, возьми-ко золотные ключи, отвори царскӧй ворота. Земля-матушка и вӧр-ва матушка, спаси и сохрани, быд скӧтӧс, живӧтӧс, ставӧс, всех нас». Вӧрын кӧ, колӧ горӧдны «Йӧл да Йӧлгенья» — и йӧлаыс шыасяс. «Йӧл да Йӧлгенья» — кыдз бытте вӧр-ваыслӧн кӧзяин да кӧзяйка (« „Йӧл да Йӧлгенья, возьмите золотые ключи, отворите царские ворота. Земля-матушка и Лес-Вода матушка, спасите и сохраните, всякого скота, всякого живота, всех нас“». Если в лесу, надо крикнуть „Йӧл да Йӧлгенья“ — и эхо откликается. „Йӧл да Йӧлгенья“ — вроде как хозяин и хозяйка леса)»⁴. Здесь следует отметить, что по представлениям коми эхо характерно только для мира живых. Отсутствие эха, так же как и отсутствие тени, является признаками «иномирности». Так, коми-зыряне считают, что лай собак лешего не сопровождается звуками эха.*

Промысловики при входе в лес или перед началом промысла делали подношения лесному хозяину: оставляли на пне табак, хлеб и другую домашнюю снедь с просьбой об удаче, например: *Лешакӧ. босьт, вӧрса дядьӧ, босьт тайӧс, ме тэн сета, а тэ мен вай звер-пӧткасӧ* («Лешак, бери, лесной дядя, бери, это я тебе даю, а ты мне дай зверей и птиц») [3. С. 338]. Лесному хозяину могли отдавать и первую добытую дичь — оставляли на пне. Подобные

³ Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ. Далее — ФФ ИЯЛИ. В1012-8. Зап. А.В. Панюков, Г.С. Савельева от Доронина П. С., 1920 г.р., д. Шиладор Сыктывдинского р-на РК, 2005 г.

⁴ ФФ ИЯЛИ В1544-11. Зап. А.В. Панюков, Г.С. Савельева от Лобановой Е.Ф., 1924 г.р., с. Прокопьевка, д. Туся, Прилузского р-на РК, 2006 г.

подношения приносились рыбаками водяному или непосредственно реке или озеру, на котором собрались промыслять: *Ме дзоляна вёлі, айёкед ветлывлі чери кыйні. Ыджыд ты сія сизим верст кузя, дзик весътас, километра кык пасътта пё тайё. И вот шондіыс петё самёй сэтёні, кытён тыыслён помыс. Шонді петіг кежлас тэныд колё петны сэтчё Ыджыд ты водзладорас, вот кутишём и эм охотникъяслён важён, рыбакаъяслён примета, да, обычай. Ся сэні ыджыд тыясас вот, Ольгаасяс, ёні пё ми и озеро батюшкатё пё колё угодитны сылы, мед пё мян унджык чери сетас, гёсьтиндзи. Сія сувтіс бёжас, ачыс, мыйкарис, нянь шыбитіс шёрём. Из шёрёмсё, а нянь кёрышыслысь торсё, сія чегъялс, шёраліс крутёя, сакар тор пуктіс, пасъясис шондіыслы, вот и шуис: «Озеро батюшка, ме тэн вайи зэв ыджыд гёстиндзи, няньён, меям пё зэв дзоля отсасъысь да». И сія озероас пуктіс, вылысас. Ог ме тёд, гашкё нё сямёд вылё, может и сямёд вылё пуктёны, ме сія ог помнит нин. Да, мичаа пуктіс, сэсся пуксис и водзё мунам: «Ольга, ёні сэсся мунам вочча шондіыслы» («Я в детстве с отцом на рыбалку ходила. Большое озеро, семь верст в длину, два — в ширину, и солнце всходит над самым концом этого озера. И надо к самому рассвету солнца выйти на озеро Ыджыд ты, вот какая у охотников, у рыбаков когда-то была примета, обычай был. Вот на этом большом озере: „Ольга, сейчас мы озеру-батюшке, чтобы угодить, чтобы нам больше рыбы дал, гостинец дадим“. И вот он встал на корме, ломоть хлеба, корку хлеба крупно наломал, кусок сахара положил, перекрестился на солнце и сказал: „Озеро-батюшка, я принес тебе большой гостинец, с хлебом пришел. Не откажи в промысле, а то в этом году у меня помощница еще маленькая“. И положил на воду. Может и на бересту, я уже и не помню. Положил аккуратно, сел и дальше поплыли: „Теперь, Ольга, направимся навстречу солнцу“»⁵.*

Также широко практиковалось очищение огнём, которое охотничья артель проводила при входе в лес, а рыбаки — перед первым или очередным забросом невода. Проходя сквозь дым, произносили заговор: *Васянь кё — вайё, вёрсянь кё — вёрё, мортсянь кё — биё*» (Если из воды — в воду, если из леса — в лес, а если от человека — в огонь) [4. С. 145]. В промысловой среде и сегодня сохраняются определённые рудименты былого культа огня. При разжигании очага, или перед едой охотники совершали обряд кормления огня, бросая в него крошки хлеба или как особое угощение что-то необычное, принесенное из дома (например, бросали в очаг кусок луковицы и т.п.). Угощение во время первого ужина на промысле также могло быть предназначено Природе: «Угощают лес и воды вином (гостинцы), которое принесли с собой. Прежде чем пьет охотник, налив вино в „чиплюг“ (из бересты) и наотмашь

⁵ ФФ ИЯЛИ А0697-22. Зап. Ю.Г. Рочев в 1981 г. от Шлоповой О.С. в с. Турья Княжпогостского р-на РК.

выливает, приговаривая: *Юышт, вөр-ва матушка, да ачыд эн скупитчы!* („Выпей, матушка Лес-Вода, и сама не скупись!“)⁶.

По поверьям коми, и лес, и все обитатели леса наделены сверхъестественной сущностью. Поэтому прежде чем устроиться на постой под дерево или чтобы переждать под ним дождь, надо попросить разрешения и защиты от возможной угрозы и непогоды: *Вот тэ гымалігъясэ коз улэ ке кутан пырні, пельсь пу колö чегні да тотикедні козйыслі: «Козье, козье не лэдз не патера менö, избавит пö притча-лёкись. Лёкись-притчась не избавит!»* *Пельсь пуөн же колö тотикөдні, сія сөспу шусьö. Пелісьсэ чеган да, дзёляника чегыштан, бедь моз* («Вот, если ты в грозу станешь под ель прятаться, надо отломить рябиновую палочку и постучать об ель: „Ель, ель,пусти меня на постой,избави от притчи-несчастий. От несчастий-притчи избавь!“ Тогда надо рябиновой веткой постучать, она у нас „сөспу“ называется. Отломаешь рябиновую ветку, палочку»)⁷.

Популярны и истории о том, что дерево не пускает путника, в ответ на просьбу о ночевке, оно начинает громко шуметь даже при полном безветрии; охотник устраивается на ночь под другим деревом, а утром обнаруживает, что не пустившее его дерево ночью упало. По рассказам охотников, если не попросишься, то дерево все равно не даст уснуть, будет скрипеть и шуметь всю ночь: *Тэ лодьдя пöрöдын, да ся пуыслы шуан: «Но, тэ другö, менö лодьдя бокас лэдз узыны тая пу улас». А пу улас эд он биясь, а сія пуыслысь же, кондаслысь же ювалан тэ. Ся сія кондасэ чинтан чурка да ся сі вылö и пуктан, ся сэтчи и биясян, мыйкеас, лодьдяас бытье. Эся лыссэ сіе, козйысьлысь сэсса лыссэ кералан аслыд вольсавны. Вот сэсса сія ся миянэс и лэдзас. Ме лодьдя бокад Печерад ёна куйлывлы, гашке сіен на и костэммы да коктэммы. Недельясэдз вöлы ме ветла вöрад. Таны вöзйысены же, кыдзи нö вöзйысьтöгыд ся оз позь. А он кö вöзйысь, узянин спокой миме ловас. Гымалыгъясад да сэки на вöзйысян: «Пуö, пуö пö лэдз менö». Кранитас бытьте, мед гымньöв оз лый. «Вай шуö менö пу лэдз шойчыны, тая гымавыны кутіс зэв ёна да эн кöтöд ёна вывті». А ся козья лап улад пыран да онджык ёна кöтась* («Вот ты нодью приготовил, дерево свалил, и этому дереву и скажешь: „Ты, дружище,пусти меня у нодьи ночевать под этим деревом“. А совсем под деревом костер же не разожжешь, а у этого же сваленного дерева, у сухостоя, и просишь. Вот ты эту конду-сухостой разрубишь, чурку отрубишь и на неё другую положишь, вот это как нодья и есть. Вот дерево тогда нас и пустит на постой. Я у нодьи на Печоре много лежал, может поэтому и спина, и ноги болят. Неделями в лесу ходил. И здесь тоже просят, как, без разрешения нельзя. Затем лапник, у ели

⁶ Фонды Национального музея Республики Коми. Далее — ФНМРК. КП-12481. Л. 239. Записи В.В. Юхнина, с. Занулье Прилузского р-на РК, 1935 г.

⁷ ФФ ИЯЛИ В1104-43. Зап. А.В. Панюковым от М.Д. Михайловой, 1922 г.р., в с. Нившера Корткеросского р-на РК, 1994 г.

лапник нарубишь постелить себе. А если не попросишься, покоя на ночевке не будет. В грозу тоже просишься: „Дерево, дерево, пусти меня“. Чтобы охраняло от молнии. „Дерево, пусти меня отдохнуть, греметь сильно стало, не дай намокнуть“. Затем под ветки ели спрячешься и не так сильно намокнешь»⁸.

Так же было принято перед тем, как войти в лесную избушку, постучаться и попроситься на постой, иначе лесная нежить не даст покоя: *«Когда заходишь в избушку, здороваешься: „Здравствуй! — Чолём!“ Там в моей избушке в одном углу крест висит. Когда приходишь на свой промысловый участок, тогда спрашиваешь у бога, богатый или бедный год. У бога спросишь: „Ен, таво мыйке сетан он, лөседын эн?“ (Ен-бог, в этом году что-то дашь ли мне, приготовил ли?)»*⁹.

В фольклорных представлениях о духах местных промысловых угодий доминируют образы строгих, но справедливых хозяев. Леший — *вёрса* следит за соблюдением правил поведения в лесу, предупреждает о допущенных нарушениях. За серьёзные проступки он может полностью лишить удачи в охоте и, напротив, за оказанную помощь наградить богатым промыслом. При хорошем отношении к охотнику лесной хозяин может помогать ему в промысле: двигаясь параллельно охотнику, сбрасывает снег с деревьев, чтобы он не упал на охотника, добывает дичь в силках, чтобы она не мучилась, и ведёт к подранку охотника: *Шулёны, мый вирыс ворсё да охотникыс ачыс сэтчө, по интуиции мунё* («Говорят, что это „кровь играет“, и охотник сам туда по интуиции идёт»). [3. С. 353]. У лесного хозяина просят вернуть потерянную добычу, которую не могут никак найти сами. Если леший не отдаёт добычу, то могут, наоборот, попросить его забрать добычу с благословлением: *Босът Криста ради* («Возьми Христа ради!») — и после этого находят её [3. С. 345]. Как и владыка леса, водяной хозяин, по представлениям коми рыбаков, также строго относился к соблюдению норм и правил промысловой морали, наказывая за их нарушение лишением добычи. За ругательство, произнесённое во время заброса невода, водяной дух мог в ключья изодрать сеть, разломать другие снасти. При правильном отношении к воде и водяному хозяину рыболов никогда не оставался без улова. По рассказам рыбаков, водяной может помочь в трудных ситуациях: если лодка продырявится, водяной помогает добраться до берега. В одном из таких рассказов водяной однажды даже повернул течение реки, чтобы тонущий рыбак доплыл до деревни. Водяному полагалась и первая добыча, иногда и последняя [4. С. 187].

Применительно к использованию заговоров в промысловой деятельности, «знающие» промысловики заговаривали все орудия лова, снасти, ножи и

⁸ ФФ ИЯЛИ Х140-27. Зап. Ю.Г. Рочевым от Нестерова А.П. в с. Аныб Усть-Куломского р-на РК, 1977 г.

⁹ ФФ ИЯЛИ А1114-136. Зап. Г.С. Савельевой от Иванова И.К. 1921 г.р. в с. Нившера Корткеросского р-на РК, 1994 г.

рогатины, лыжи и устроенные на месте хранилища добычи. Заговоры-благопожелания произносились в наиболее важные для промысла моменты. Приступая к охоте, придя в лес, произносят *вордкыв*: *Кӧчлы–урлы не бырны, а ноптыр вайны!* (Зайцам-белкам не кончаться, а полный мешок добыть, принести!)»¹⁰. Когда в лузан (верхняя накидка с карманом для добычи) кладут добычу, приговаривают: *Лазйанӧй тыр да бур* («Лузан мой, заполняйся и добро»).¹¹ Когда опаливают дичь, приговаривают: *Чишки, поришки, Туришитчи да поришитчи сизим ареса ӧи ыжда. Чипэст да чапест айтэ да мамтэ, чойтэ да воктэ, иньтэ да айтэ, рӧдтэ да вужтэ миян чӧстуй вылэ.* («Опались да очистись, топорщись да надуйся, будь таким, как семигодовалый бык, позови, оклики родителей своих, братьев и сестер своих, супруга своего (супругу свою), родственников своих на нашу охотничью тропу») [4. С. 203]. Другой вариант, записанный в этой же традиции: *Чишки-поришки айтӧ мамтӧ чукӧст, рӧдтӧ-вужтӧ чипӧст айлӧн пиитиаль водзӧ, айлӧн чӧстуй вылӧ, турышитчы да порышитчы ыджыд кодз меж ыджда!* («Пались-опаливайся, отца мать призови, род-корень высвисти перед отцовское ружьё, на отцовские путики, обернись и свернись с кастрированного барана величиной»); или: *Чишки-поришки аски дасӧн* («Пались-опаливайся, завтра десяток») [5. С. 112]. Зауральские коми при опаливании уток заговаривали: *Жариччы-париччы, вӧр лалаысь дзояджыка, а чукчи дозмерысь ыджыдджыка* («Жарься-парься, (будь) меньше лося, но больше черного глухаря») [6. С. 88]. Чтобы получить богатую добычу, охотники при установке силков произносили следующий заговор: *Порогул ёг мында и пач кымес са мында!* («Сколько мусора под порогом и сколько сажу в дымоходе, столько я хочу поймать в свои силки») [6. С. 88]. Этот же заговор-*ворданкыв* мог произноситься и при разделке дичи, и в качестве финальной закрепки к другим заговорам.

С Петрова дня (дня апостолов Петра и Павла, которые в коми традиции стали персонифицироваться как одно лицо *Петыр-Павел*) начинался летний лов рыбы. Отправляясь на рыбную ловлю, рыбаки приговаривали: *Сет, Петыр-Павел, чери* («Дай, Петыр-Павел, рыбы»), а, съев первый улов, просили у святых удачи и благополучия на будущее: *Господе, Петыр-Павелэ, сет чери кыйысьлы здоровье да лыыс-сьӧмыс мыдта пуд да тув* («Господи Петр-Павел, дай рыбаку здоровья, да рыбы столько пудов и фунтов, сколько чешуи да косточек») [6. С. 89]. По описанию В.П. Налимова, «хороший рыбак пойманную им рыбу сначала несколько оглушает обухом топора, а не убивает ее окончательно; потом ее кладет в лодку и говорит: „Бейся, бейся, плещись! Зови отца, мать, деда, бабушку, прадеда, прабабушку, всех родственников. Не то

¹⁰ ФФ ИЯЛИ К 315-5. Запись Е.В. Ветошкиной, д. Ляли Княжпогостского р-на РК, Данные информанта не зафиксированы. 1981 г.

¹¹ ФНМРК КП-12481. Л. 241. Записи В.В. Юхнина, с. Занулье Прилузского р-на РК, 1935 г.

на том свете одна без родных скучать будешь: не с кем будет тебе резвиться, играть! Зови всех!“. Обыкновенно, рыба, по верованиям зырян, послушно зовет всех своих родственников в загробный мир, и те охотно идут в сети рыбака. Но если рыба оскорблена рыболовом, то она гонит своих родственников от сетей обидчика» [7. С. 47]. Зауральские коми верили, что если рыба при ударе издавала писк, то лов будет удачный, поскольку считалось, что так она сзывает другую рыбу [4. С. 203]. По одному из описаний артельной рыбалки, когда тоня вытаскивается на берег, хозяин артели зачерпывает воду пустой посудиною и окачивает ею мотню невода; затем ополаскивает посудину и выливает воду через край невода к берегу, после этого ставит посудину на берег, напротив от вытаскиваемого невода. Когда невод окачивается водой, произносится особый заговор: *Лысё-сьёмсё. ... Ассид юртё ин янёд* («Кости-чешую. ... Свою голову не опозорь»). Так заговаривают каждую новую посудину для рыбы [1. С. 175]. Очевидно, что, описывая ритуальные действия «первой» тони, рассказчик выдал только фрагмент заговора, чтобы он не потерял свою магическую силу.

Мы уже отмечали, что заговоры-*нимкыв* сохранялись и использовались в строгой тайне из убеждения их взаимосвязи с магическими способностями самого знахаря. Заговоры передавались только тогда, когда сам знахарь уже не мог ими пользоваться, при жестком отборе преемника, его способностей к тайным знаниям. И даже при этом бытовало убеждение в том, что при передаче заговора «тёдысь» знахарь мог скрыть от ученика какую-то её часть: *Нимкыв-заговор передают, только последнее слово не договаривают. И так каждый раз, всё короче и короче. Не знаю, наверно, самому нужно это слово найти*¹². Несомненно, что заговоры, связанные непосредственно с промыслом, составляют наиболее скрытую часть промысловых знаний.

Для того чтобы наглядно представить инновационные процессы, связанные с освоением севернорусской заговорной традиции, приведем два текста – *нимкыв*, бытовавшие в промысловой практике охоты на зайцев.

В комментариях к первому заговору написано, что эту «молитву» читают на заячью тропу, когда ставят капкан, чтобы попался заяц: *Исус Христос клич зысьному глаз устужака море, мою тропу, мой капкан с девяти ручей, с девяти болот — назад не воротись...* (не полный заговор)¹³.

Отметим, что и этот текст заговора записан не полностью, вероятно, исполнитель не досказал до конца из тех соображений, чтобы заговор не потерял свою силу.

Еще один заговор на ловлю зайцев («*кёч кьян нимкыв*») был записан на средней Вычегде: «*Святой Егорий-Гаврило, выгоняй белого зайца из северной*

¹² ФФ ИЯЛИ В1104-8. Зап. А.В. Панюков в с. Нившера Корткеросского р-на РК от В.С. Михайлова 1923 г.р, 1994 г.

¹³ ФНМРК КП-12481. Л. 300. с. Чухлом Сысольского р-на.

сторон, из восточной сторон, из западной сторон. Не петись, не воротись, если воротиться, правый глаз упадёт или правая нога ломается. Эту мой угодьё чистой как белой снег. Не попадайся злым людям, а только скакивай на мой угодьё»¹⁴.

Оба заговора представляют собой трансформы русских охотничьих заговорных текстов¹⁵. В них нет эпической части, смысловое ядро составляют два основных заклинательных мотива: собирание добычи со всех сторон к ловушке и запрет сворачивать с тропы. Вероятно, эти мотивы были характерны и для коми заговоров. Для сравнения приведём комиязычный аналог из заговорной традиции коми-пермяков: *Небыт гёна, шондi сина! Тэ бокö эн кеж, бöр эн берт, вевдорöт эн чеччовт. Мун веськыта аслат осьтаö, менам чомö». Лыддьöтöны лыс вылö, кодöн мавтöны кыйсянсö* («С мягкой, пушистой шерстью, с солнечными глазами! Ты в сторону не сворачивай, назад не поворачивай, иди прямо в свою норку, в мой чомик-избушку». Начитывают на лапник, которым обтирают снасть) [8. С. 83].

Для охоты на зайца коми-зыряне использовали разного рода петли, капканы и ловчие ямы, устраиваемые на заячьей тропе. Ловчие ямы на зайцев — «кöч гу» были особенно распространены у вычегодских охотников, представляют собой яму глубиной до 1,5 м размером 0,6–0,8 на 1,2–1,5 м, прикрытую сверху лапником. На шесте, установленном над ямой, укреплялась приманка — молодые осиновые ветки. На дно ямы вбивались пять-шесть кольев такой высоты, чтобы попавший в них заяц не доставал ногами до земли и не мог выпрыгнуть [4. С. 112]. Вероятно, в силу определенной специфики этого промысла именно он оказался наиболее мифологизирован и насыщен рассказами об охотничьей магии. Н.Д. Конаков отмечает, что в ходе полевых исследований ему неоднократно приходилось слышать об охотниках, останавливающих взглядом белок на дереве и заставляющих их спускаться прямо в руки или сгонявших колдовством десятки зайцев в принадлежащие им заячьи ямы — «кöч гу» [4. С. 204]. В рассказе о керчомском охотнике — «тöдысь» говорится о том, что девять упавших в яму в результате использования *нимкыв* зайцев могли бы разбежаться, но не выскакивают и ждут охотника [9. С. 141, прим. 173]. Знающий заговоры охотник может даже призвать зайцев из леса в свою деревню: «*Тöдысь*» с заговором-*нимкыв* поставит прямо у овина — и заяц приходит. Только, мол, самому есть такую добычу нельзя — знания „тöдöм“ — пропадут»¹⁶.

¹⁴ ФНМРК КП-12482 Л.161. Фольклор учащихся педтехникума. Рукопись. Зап. Кипрушев от Забоева В.А. 1904 г.р., д. Коноша Корткеросского р-на, 1934 г.

¹⁵ В качестве примера из русской традиции сошлёмся на текст рукописного охотничьего заговора на удачную охоту, записанного С.Е. Мельниковым в середине XIX в. от удорских коми (Мезень) [9. С. 480–482].

¹⁶ ФФ ИЯЛИ А1159 — 33. Зап. Е.Ю. Жилиной в с. Нившера Корткеросского р-на от Попова Е.Ф., 1994 г.

Завершая экскурс в область магических представлений отметим, что важное место в промысловой традиции коми-зырян занимала детская промысловая магия. Помимо традиционных развлекательно-игровых форм освоения мира охотника с самого раннего детства мальчики в той или иной мере привлекались к реальной промысловой деятельности. Взрослые охотники иногда уже пяти-шестилетних детей брали с собой на ближние угодья, обучая практическим навыкам на месте. Параллельно с этим в этом возрасте у детей началась собственная промысловая деятельность, связанная с добычей мелких лесных птиц: клестов, снегирей, полярных воробьев — пуночек в близлежащей округе с помощью силков, сеток и других ловушек. Вовлеченные в собственную промысловую жизнь, дети приобретали и закрепляли практические навыки «взрослой» охоты, осваивали основы традиционного, мужского мировоззрения. Кроме того, в детской промысловой практике активно использовались не только свой инструментарий, но и свои заговоры на дичь, составляющие особый пласт коми вербальной магии. Общей характеристике этой традиции, ее взаимосвязи с охотничьим промыслом взрослых, принципам поэтической организации этих заговорных текстов посвящена отдельная статья автора [10].

Заключение

Дав общее представление о заговорной традиции коми-зырян, мы затронули ряд проблем, так или иначе связанных с исследованием магических представлений, характерных для промысловой культуры коми. Несомненно, ключевую роль в ней играют заговорно-заклинательные знания, представляющие эзотерическую часть рассматриваемой традиции. Однако такое жанрово суженное восприятие искажает картину мира, на которой основана промысловая жизнь. Представления о духах-хозяевах местности имеют такой же коммуникативный характер. С ними можно установить вербальный контакт с целью задобрить или обратиться за помощью в нужный момент, что во многом снимает психологическую нагрузку: переживания за успех промысла, страх перед реальными опасностями и многое другое. Умение общаться с окружающим миром посредством персонифицированных сил природы входит в круг магических знаний наравне с вербальной магией, оформленной в виде особых, заговорных текстов. Таким образом, в общую картину бытования вербально-магических знаний в промысловой жизни должен быть включен широкий спектр иррациональных приёмов и методов словесного воздействия на окружающий мир, всё, что связано как с магическими знаниями, так и регламентацией языкового поведения в промысловой деятельности. Эта перспектива кажется нам столь же актуальной, как и дальнейшее изучение собственно заговорной традиции.

Использованные сокращения

ФФ ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми Научного центра

ФНМРК — фонды Национального музея Республики Коми

Список литературы

1. Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми : материалы по психологии колдовства. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997 (Переизд. 1928 г.).
2. Панюков А.В. Этнолингвистический аспект изучения коми заговорной традиции: нимкыв видзем (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН). Вып. 462. Сыктывкар, 2003. EDN: VAMJNJ
3. Му пуксьём — Сотворение мира / авт.-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2005.
4. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. Москва : Наука, 1983. EDN: VSIVPV
5. Ильина И.В., Уляшев О.И. Мужчина и женщина в традиционной культуре коми. Сыктывкар, 2009. EDN: QOKNVF
6. Ветошкина Е.В. Производственные и семейно-бытовые заговоры у коми // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 26. Сыктывкар, 1982. С. 87–97.
7. Налимов В.П. Очерки по этнографии финно-угорских народов. Ижевск; Сыктывкар, 2010. EDN: QPSEVZ
8. Кытчö тійö мунатö? (Куда же вы уходите?): Коми-пермяцкие сказки, песни, частушки, детский фольклор, заговоры, малые жанры фольклора / сост. В.В. Климов. Кудымкар : Пермское книжное издательство, 1991. Т. II.
9. Коми легенды и предания / вступ. статья, сост., прим. и пер. Ю.Г. Рочева. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1984.
10. Панюков А.В. Из детской промысловой магии коми-зырян // Традиционная культура. 2014. № 3 (55). С. 146–157. EDN: SVNKNJ

References

1. Sidorov, A.S. 1997. *Folk healing, witchcraft and damage among the Komi people: materials on the psychology of witchcraft*. Saint Petersburg: Aleteya publ. (Reprint of 1928 ed.). (In Russ.)
2. Panyukov, A.V. 2003. *The ethnolinguistic aspect of the study of the Komi conspiracy tradition: Nimkyy vidzem* (Scientific reports of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 462). Syktyvkar. (In Russ.) EDN: VAMJNJ
3. Limerov, P.F. (Comp.). 2005. *The creation of the world*. Syktyvkar: Komi Book Publishing House publ. Print. (In Russ.)
4. Konakov, N.D. 1983. *Komi hunters and fishermen in the second half of the XIX — early XX centuries*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.) EDN: VSIVPV
5. Ilyina, I.V. and O.I. Ulyashev. 2009. *Man and woman in the traditional Komi culture*. Syktyvkar. (In Russ.) EDN: QOKNVF
6. Vetoshkina, E.V. 1982. “Industrial and family plots in Komi”. In *National and international in Komi literature and folklore. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History*, no. 26. Syktyvkar, pp. 87–97. (In Russ.)
7. Nalimov, V.P. 2010. *Essays on ethnography of Finno-Ugric peoples*. Izhevsk; Syktyvkar. (In Russ.) EDN: QPSEVZ

8. Klimov, V.V. (Comp.). 1991. *Where are you going?: Komi-Permyak fairy tales, songs, ditties, children's folklore, conspiracies, small genres of folklore*. Kudymkar: Perm Book Publishing House publ. Vol. II. (In Komi-Permyak)
9. *Komi legends and traditions*. 1984. (Intro., Comp., Notes and Trans. by Yu.G. Rochev). Syktyvkar: Komi Book Publishing House publ. (In Russ.)
10. Panyukov, A.V. 2014. "From the children's hunting magic of the Komi-Zyryans." In *Traditional culture*, no. 3 (55), pp. 146–157. (In Russ.) EDN: SVNKNJ

Сведения об авторе:

Панюков Анатолий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Кomi научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26. ORCID: 0000-0003-1623-9940; eLibrary SPIN-код: 8783-1778. E-mail: apankomisc@mail.ru

Bio note:

Anatoliy V. Panyukov is a Candidate in Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science." 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1623-9940; eLibrary SPIN-code: 8783-1778. E-mail: apankomisc@mail.ru

БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

BILINGUAL EDUCATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-414-434

EDN: JKAQMG

Научная статья / Research article

Средовой подход в вузе как условие формирования этнокультурной компетентности у будущих педагогов начальной школы

В.Ф. Поберезкая^{}, С.Н. Терентьева^{}

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,

Сыктывкар, Российская Федерация

 violettaf09@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены различные российские подходы к реализации средового подхода на разных уровнях образования, выявлены структурные компоненты и типы образовательных сред, а также раскрыта роль образовательной среды вуза в формировании профессиональной этнокультурной компетентности будущих педагогов начальной школы. Представлен анализ результатов диагностического среза учителей начальных классов Республики Коми по определению уровня сформированности этнокультурной компетентности. Предложено авторское описание понятия «этнокультурная образовательная среда», определены компоненты этнокультурной образовательной среды вуза: целевой, нормативно-правовой, теоретико-методологический, содержательный, процессуальный, диагностико-результативный блоки. Разработана и описана модель этнокультурной образовательной среды кафедры начального образования Института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, реализующая средовой подход и направленная на формирование этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов.

Ключевые слова: этнокультурная компетентность, этнокультурная образовательная среда, университет, модель, будущий учитель начальных классов

История статьи: поступила в редакцию 07.02.2026; принята к печати 09.04.2026.

Вклад авторов: *Поберезкая В.Ф.* — концепция исследования, написание аналитических глав, оформление списка литературы и заключения; *Терентьева С.Н.* — аннотация, написание введения. Оба автора ознакомлены с окончательным текстом статьи и одобрили его.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н. Средовой подход в вузе как условие формирования этнокультурной компетентности у будущих педагогов начальной школы // Полилингвальность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 414–434. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-414-434> EDN: JKAQMG

Environmental Approach in Higher Education as a Condition for the Forming of Ethnocultural Competence of Future Primary School Teachers

Vita F. Poberezkaia[✉], Svetlana N. Terentyeva^{id}

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ violettaf09@gmail.com

Abstract. The authors of this article present various Russian perspectives on the implementation of an environmental approach at different levels of education, identify the structural components and types of educational environments, and identify the role of the university educational environment in developing the professional ethnocultural competence of future teachers working at the primary education level. The results of a diagnostic assessment of primary school teachers in the Komi Republic to determine the level of ethnocultural competence are analyzed. The authors have provided a description of the concept of “ethnocultural educational environment”, the components of the ethnocultural educational environment of the university are identified such as: target, normative-legal, theoretical-methodological, substantive, procedural, diagnostic-resultative blocks, a model of the ethnocultural educational environment of the Department of Primary Education of the Institute of Pedagogy and Psychology of the University, implementing the environmental approach, is designed and described in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University and aimed at developing ethnocultural competence in future primary school teachers.

Key words: ethnocultural competence, ethnocultural educational environment, university, model, future primary school teacher

Article history: received 07.02.2026; accepted 09.04.2026.

Authors' contribution: *Poberezkaia V.F.* — developed the study concept, wrote the analytical chapters, and prepared the bibliography and conclusion; *Terentyeva S.N.* — worked on the abstract, collected the data and wrote the introduction. Both of the authors have reviewed and approved the final text of the article.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

For citation: Poberezkaia, V.F. and S.N. Terentyeva. 2026. “Environmental Approach in Higher Education as a Condition for the Forming of Ethnocultural Competence of Future Primary School Teachers.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 414–434. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-414-434> EDN: JKAQMG

Введение

Республика Коми является одной из многонациональных республик Российской Федерации, в которой, по данным Росстата 2022 г., проживает более 120 национальностей, преобладающее большинство населения Республики Коми в городах по национальности русские, а коми преимущественно проживают в сельской местности.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН — 2020), 81 % жителей региона указали родной язык русский, 15,93 % — коми, другие — 2,57 % (табл.).

**Владение родным языком в Республике Коми
по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., %**
**Native language proficiency in the Komi Republic
according to the 2020 All-Russian Population Census, %**

Язык Language	Всё население Total population	Городское население Urban population	Сельское население Rural population
	% от указавших родной язык % of those who indicated their native language	% от указавших родной язык % of those who indicated their native language	% от указавших родной язык % of those who indicated their native language
Русский Russian	81,50	91,35	56,30
Коми Komi	15,93	5,55	42,46
Другие языки Other languages	2,57	3,1	1,24

И с т о ч н и к: составлено В.Ф. Поберезкой по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020). Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 6. Население по родному языку. https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.02.2026).

S o u r c e: compiled by V.F. Poberezkaia based on the results of the All-Russian Population Census Results of the 2020 All-Russian Population Census (VPN-2020). Volume 5. National Composition and Language Proficiency. Table 6. Population by Native Language, 2 February 2026, https://www.rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

В Республике Коми подготовка педагогов с высшим образованием осуществляется Сыктывкарским государственным университетом им. Питирима Сорокина (СГУ им. Питирима Сорокина). В университете обучается свыше 6 тысяч студентов разных национальностей, в том числе студенты из иностранных государств. Как и для большинства российских вузов, многоязычие (полилингвизм) для нашего вуза является объективной реальностью, и этот фактор необходимо учитывать в рамках образовательных программ и внеучебной деятельности.

Будущих учителей начальных классов готовит Институт педагогики и психологии университета (ИПиП), в котором также обучаются студенты разных национальностей. 18 % обучающихся института билингвы: из них коми-русский билингвизм — 62 %, кыргызско-русский билингвизм — 38 %.

90 % выпускников Института педагогики и психологии трудоустраиваются в школы Республики Коми. Особое внимание уделяется формированию этнокультурной компетентности обучающихся, будущих учителей начальных классов [1]. Дети разных национальностей в школах республики изучают два государственных языка: русский и коми, являясь при этом русско-коми или коми-русскими билингвами в зависимости от места проживания.

Многолетние исследования авторов статьи выявили, что «педагог современной школы не всегда оправдывает ожидания участников образовательных отношений в плане реализации этнокультурного образования. Большая часть учителей не в полном объеме владеет информацией об этнокультурных ценностях, не умеет выбирать, применять, использовать и оценивать содержание этнокультурного образования в своей профессиональной деятельности» [1. С. 152].

Цель исследования — теоретически обосновать и разработать модель, направленную на формирование профессиональной этнокультурной компетентности в условиях этнокультурной образовательной среды вуза у будущих педагогов, обучающихся младших школьников.

Обсуждение

Нами предложено следующее определение этнокультурной компетентности: «педагогическое взаимодействие и сотрудничество между участниками образовательного процесса в поликультурной среде, предполагающее трансляцию знаний этнокультурного содержания, понимание и эмоционально-ценностное отношение к этнокультурному наследию, и готовность к профессиональной деятельности в поликультурном обществе» [1. С. 154]. Структурными компонентами этнокультурной компетентности являются когнитивный, личностный, поведенческий.

Авторами была разработана анкета для диагностики учителей городских и сельских школ Республики Коми, направленная на выявление проблем, связанных с формированием этнокультурной компетентности педагогов. Результаты показали низкий уровень по когнитивному критерию этнокультурной компетентности: недостаточно знаний этнокультурного содержания, нет знаний о документах и законах, регулирующих реализацию этнокультурного образования. Уровень сформированности этнокультурной компетентности у учителей начальных классов по деятельностному критерию показывает, что половина респондентов из сельских школ имеют низкий уровень, а городских школ — средний уровень. Большая часть учителей в анкетах указала на тот факт, что в школах недостаточно условий для реализации этнокультурного компонента образовательной среды. Респондентами была указана только важность и значимость пространственно-предметного компонента (школьный уголок, оформление класса, школьный музей и т.п.), а такие компоненты, как дидактический и социальный, даже не упоминались. В своей деятельности практикующие учителя используют в основном традиционные методы обучения и воспитания: беседы, посещение культурно-массовых праздников, рассматривание «устаревших» наглядных пособий (дидактический компонент). Учителя имеют слабые представления о возможных формах повышения квалификации в этнокультурном направлении, указывая лишь курсы повы-

шения квалификации, но не отмечая при этом профессиональные конкурсы, научно-практические конференции, мастер-классы и другие мероприятия, которые ежегодно организуются в образовательных организациях Республики Коми.

Исходя из результатов анкетирования, можно утверждать, что у учителей начальных классов недостаточно знаний о нормативно-правовом сопровождении этнокультурного образования в регионе, нет представлений о структуре образовательной среды учреждения и об условиях реализации в этой среде этнокультурного компонента, а также способах повышения профессиональной этнокультурной компетентности.

При формировании этнокультурной компетентности реализуются разные подходы (деятельностный, личностно-ориентированный, средовой, культурологический и др.). На наш взгляд, одним из ведущих является средовой, остановимся на нем более подробно.

Т.В. Менг в своих исследованиях описала реализацию средового подхода в образовательном процессе вуза [2] через взаимодействие обучающихся с образовательной средой, в которой осуществляется не только обучение, но и развитие обучающихся. Для этого образовательная среда должна выполнять ряд задач: обеспечивать эффективное психологическое, физическое и социальное взаимодействие участников образовательного процесса, интегрировать социокультурные процессы, создавать безопасное и развивающее пространство [3].

Г.Г. Шек исследовал «средовой подход как педагогическую инновацию и условие его освоения, как процесс освоения средового подхода, как педагогическую новацию в современной массовой школе, которая возможна при выполнении следующих условий:

- наличие программы, направленной на способы выполнения диагностических, проектировочных, преобразовательных действий со средой в логике средового подхода;

- организация особым образом образовательной среды» [4. С. 5].

Д.Г. Медведев указал на современное состояние средового подхода, который развивается в основном как «принцип организации образовательной деятельности, и как методологический подход в педагогике как теории образования» [5. С. 17]. А.Е. Кругликов описал сущность и этапы становления средового подхода в образовательных процессах [6].

В стратегии развития образовательной системы ЮНЕСКО отмечается необходимость выстраивания эффективного взаимодействия между участниками образовательного процесса в новой среде обучения¹.

¹ Six ways to ensure higher education leaves no one behind Global education monitoring report: Policy Paper. UNESCO. URL: <https://unesdoc.unesco.org/search/6742b70e-240d-49ea-aa94-bc9557a7ef89> (accessed: 13.04.2017).

Понятие образовательной среды используется ведущими психологами и педагогами с начала прошлого века. Я. Корчак обратил внимание на социальную среду, в которой воспитываются дети. Основопологающим аспектом при этом является преобразование системы отношений между взрослым и ребенком в интересах развития самого ребенка [7]. Я. Корчак классифицировал образовательную среду как:

- догматическую (наличие жестких традиций и авторитета);
- безмятежного потребления (доброжелательное отношение и отсутствие требовательности к воспитанникам);
- внешнего лоска и карьеры (доброжелательное отношение и предъявление требований к обучающимся, но без активного привлечения к совместной деятельности участников образовательного процесса);
- идейную (творческая) (формируется высокая адекватная самооценка через возможность активно осваивать и преобразовывать окружающий мир).

Эту идею поддержал В.А. Ясвин, смоделировав образовательную среду через векторы «свобода — зависимость» и «активность — пассивность», он описал модальность образовательной среды для ее психолого-педагогической экспертизы [8].

С.Т. Шацкий, основываясь на деятельности Л.Н. Толстого (Яснополянская школа, «педагогика среды»), разработал концепцию взаимодействия образовательных учреждений и детей со средой, отмечая, что «могучее» влияние имеет «среда, в которой дети живут» [9. С. 241].

Л.С. Выготский указывал, что нельзя рассматривать личность и среду отдельно друг от друга, и считал, что решение проблем среды (условия, в которых живет и взаимодействует ребенок) влечет за собой динамику развития личности (изменение внутренних психических функций): «...влияние среды на развитие ребенка будет измеряться среди других прочих влияний также и степенью понимания, осознания, осмысления того, что происходит в среде» [10. С. 77]. В.А. Петровский, Л.М. Кларина, Л.А. Смывина описали многонациональную среду учебного заведения как воспитательное пространство, которое состоит из ценностей (научные, образовательные, культурные, этнические и др.) [11]. Ю.С. Мануйлов рассматривал средовой подход как условие воспитательной системы, влияющей на формирование и развитие личности школьника [12].

В.И. Слободчиков указывает, что параметрами образовательной среды являются ее ресурсный потенциал (насыщенность) и способ ее организации (структурированность). Автор определил компоненты образовательной среды как продукт взаимодействия образовательного пространства, управления образованием, места образования и самого учащегося [13].

Н.Б. Крылова описала образовательную среду как часть «социокультурного пространства, зону взаимодействия образовательных систем, их элемен-

тов, образовательного материала и субъектов образовательных процессов» [14. С. 91].

В.И. Иванова разработала акмеологическую концепцию формирования образовательной среды подготовки специалистов, считая, что «образовательная среда является частью социокультурного пространства» [15].

А.В. Дорофеев указывал, что фасилитационная среда (специально организованное, безопасное и продуктивное пространство) является одним из организационно-педагогических условий многомерной подготовки будущих педагогов [16].

Н.Л. Смит и А.В. Антонова определяют образовательную среду университета как многомерное явление, которое основывается на четырех формах образовательных сред (академической, информационной, социально-бытовой, этнокультурной), культурных кластерах (микроуровень культуры индивида, коллективистские и индивидуальные культуры, субкультуры, культурно-мировоззренческие кластеры) и формах образовательных сред (рис. 1) [17. С. 91].

Н.Б. Самойленко и Е.И. Подловилина считают, что образовательная среда определяется «для обучающегося коммуникативными, социокультурными, межкультурными, психолого-педагогическими и организационно-методическими условиями, которые обеспечивают в процессе обучения личностное и потенциально профессиональное развитие студента при поликультурном окружении» [18. С. 114].

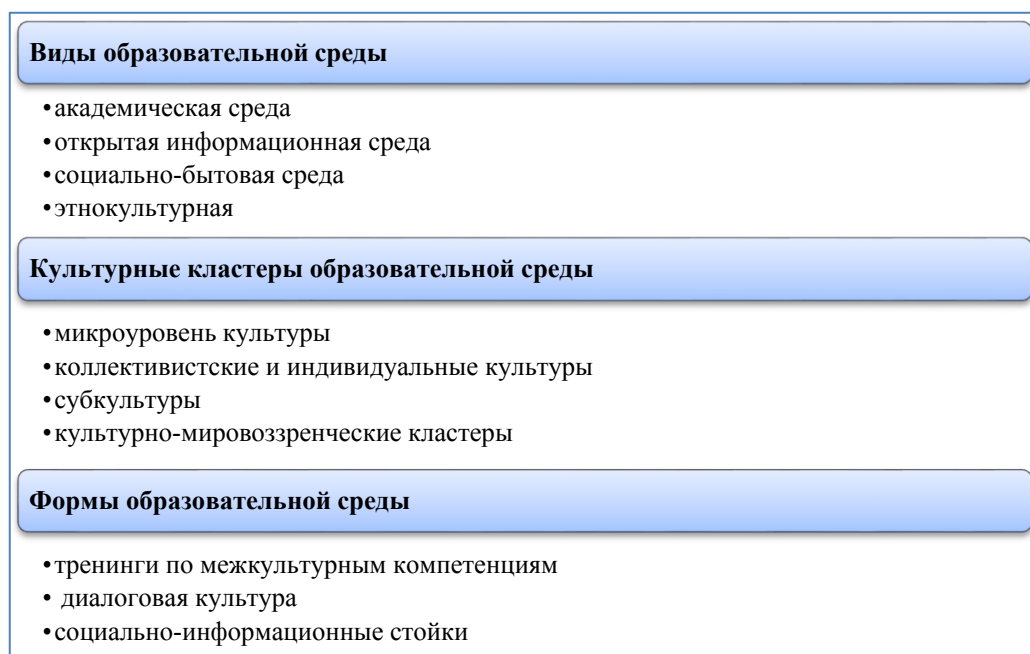

Рис. 1. Классификация образовательной среды

И с т о ч н и к: составлено В.Ф. Поберезкой по: Смит Н.Л., Антонов А.В. Кластерный подход к адаптации в многомерных средах университетов // Сервис +. 2020. Т. 14. № 4. С. 87–96.

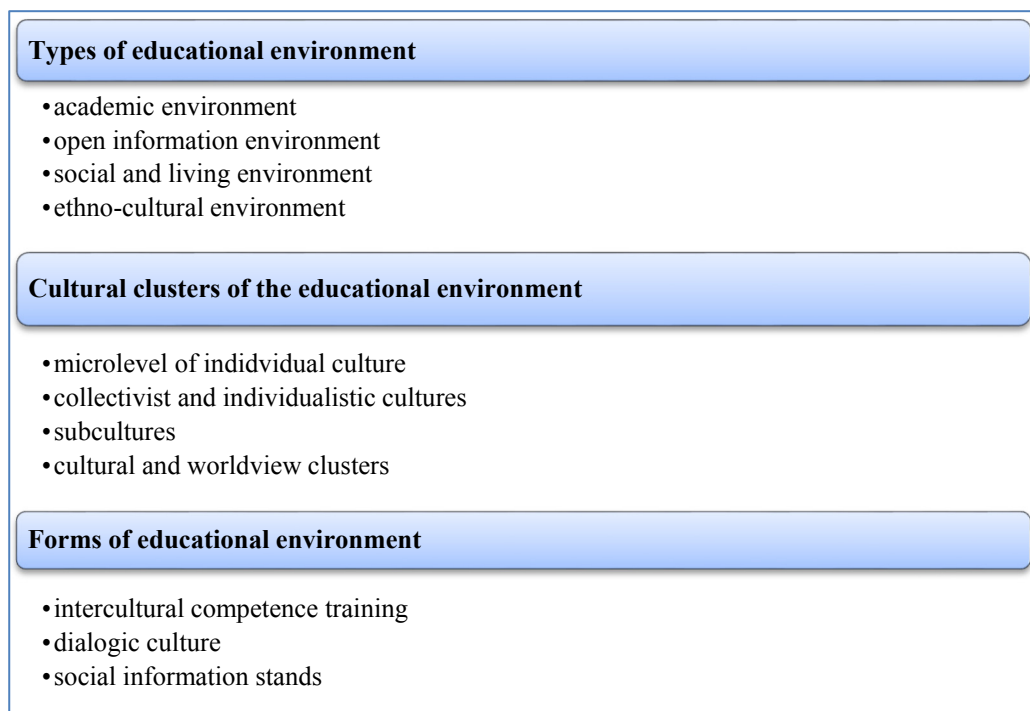

Figure 1. Classification of the educational environment

Source: compiled by V.F. Poberezkaia based on: Smith, N. L., and A. V. Antonov. 2020. "Cluster approach to adaptation in multidimensional university environments." *Servis +*, vol. 14, no. 4, pp. 87–96.

Е.В. Селезова отмечала взаимосвязь влияния образовательной среды на одаренность обучающихся профильных классов [19].

Е.С. Новикова обращала внимание на то, что образовательная среда вуза носит воспитательный характер в подготовке будущих учителей [20].

Ж.М. Макажанова описала педагогические условия, влияющие на формирование поликультурной личности студентов в образовательной среде колледжа. В качестве методологического основания автор выбрала личностно-ориентированный, системно-деятельностный, социокультурный, деятельностный подходы, которые обеспечиваются организацией средообразовательных действий [21].

Таким образом, существуют разные подходы к классификации образовательной среды, основанием для которой являются:

- система взаимодействий субъектов образовательного процесса (Я. Корчак, С.Т. Шацкий, В.А. Ясвин, В.И. Слободчиков);
- воспитательное пространство, включающее научные, культурные, этические и другие ценности (В.А. Петровский, Ю.С. Мануйлов);
- ресурсные потенциал и способы организации деятельности (В.И. Слободчиков, Г.Г. Шек);

– условия, обеспечивающие личностное и профессиональное развитие человека (Н.Б. Самойленко, Е.И. Подловилина).

Для описания модели этнокультурной образовательной среды рассмотрим разные подходы к ее определению.

Г.В. Палаткина указывала на значимость этнопедагогической среды высшего учебного заведения, которая «формирует личность человека — носителя национальной культуры, но в то же время способного усваивать традиции, культуру, язык других наций, формировать человека как субъекта и носителя межнациональной культуры» [22. С. 14].

П.В. Сулейманова выделила одну из характеристик образовательной среды — её этнокультурный потенциал [23].

А.Б. Афанасьева считала, что «этнокультурная образовательная среда предполагает погружение ребенка в этнокультуру, познание и освоение традиций, этноязыка и народного искусства, мировоззренческих ориентиров и ценностей этноса, норм поведения в различных ситуациях, в том числе и в процессе обучения. В узком смысле формирование такой среды сосредоточено на моноэтническом компоненте. Но в широком смысле, соответствующем современным требованиям образования и социума в целом, этнокультурная образовательная среда должна проектироваться с учетом полиэтничности современного мира и посредством знакомства с разными этнокультурами должна способствовать формированию способности к межкультурному общению и взаимопониманию» [24. С. 64].

З.Н. Алибекова определяет этнокультурную среду как «область социальной и культурной деятельности народа, его образ жизни, сфера передачи социального опыта, национальных обычаев и традиций» [25. С.45].

Л.П. Карпушина и П.Ю. Соколова отмечают, что «этнокультурная образовательная среда представляет собой специально организованное социально-предметное окружение образовательного учреждения, в котором происходит становление детей и подростков как граждан России, представителей определенного этноса и членов мирового сообщества» [26].

Мы исходим из понимания того, что этнокультурная образовательная среда представляет собой «организованное пространство образовательной организации, которое включает этнокультурные материалы (информационные и образовательные ресурсы, предметно-выставочное пространство, разработанные обучающимися и преподавателями по этнокультурной тематике)» [1. С. 161].

С целью структурирования модели этнокультурной образовательной среды обратимся к типизации образовательных сред в российской науке.

С.В. Тарасов определил такие структурные компоненты образовательной среды, как пространственно-семантический, пространственно-методический и коммуникационно-организационный (рис. 2) [27. С. 135–136].

Пространственно-семантический компонент **Spatial-semantic component**

- Архитектурно-эстетическая организация жизненного пространства школьников (архитектура школьного здания и дизайн интерьеров, пространственная структура учебных и рекреационных помещений и др.).

Architectural and aesthetic organization of students' living environment (school building architecture and interior design, spatial structure of educational and recreational premises, etc.).

- Символическое пространство школы (различные символы — герб, гимн, традиции и др.).
Symbolic space of the school (various symbols — emblem, anthem, traditions, etc.).

Содержательно-методический компонент **Content and methodological component**

- Содержательная сфера (концепции обучения и воспитания, образовательные и учебные программы, учебный план, учебники и учебные пособия и др.).

Content sphere (concepts of teaching and upbringing, educational and instructional programs, curriculum, textbooks and teaching materials, etc.).

- Формы и методы организации образования (формы организации занятий — уроки, дискуссии, конференции, экскурсии и т.д., ученические исследовательские сообщества, структуры классного и школьного самоуправления и др.).

Forms and methods of educational organization (forms of organizing lessons — classes, discussions, conferences, excursions, etc., student research communities, structures of classroom and school self-government, etc.).

Коммуникационно-организационный компонент **Communication and organizational component**

- Особенности субъектов образовательной среды (половозрастные и национальные особенности учащихся и педагогов, их ценности, установки, стереотипы и др.).

Characteristics of subjects of the educational environment (gender, age, and national/ethnic characteristics of students and teachers, their values, attitudes, stereotypes, etc.).

- Коммуникационная сфера (стиль общения и преподавания, пространственная и социальная плотность среди субъектов образования и др.).

Communication sphere (communication and teaching style, spatial and social density among educational subjects, etc.).

- Организационные условия (особенности управленческой культуры, наличие творческих групп педагогов, инициативных групп родителей и др.).

Organizational conditions (features of managerial culture, presence of teacher creative groups, parent initiative groups, etc.).

Рис. 2. Структурные компоненты образовательной среды

Источник: составлено В.Ф. Поберезкой по: [27].

Figure 2. Structural components of the educational environment

Source: compiled by V.F. Poberezkaia based on: [27].

В.И. Панов считал, что необходимо учитывать психологические и педагогические условия, позволяющие не только проявлять интерес и способности обучающихся, но и развивать их в соответствии с возрастной социализацией обучающихся. Данные условия должны отражаться в «структурных компонентах образовательной среды: деятельностный (пространство разных видов деятельности, необходимых для обучения и развития), коммуникативный (пространство и способы для межличностного взаимодействия обучающихся с данной средой и другими ее субъектами), пространственно-деятельностный (территориальность, персонализация, место-ситуация и т.д.)» [28. С. 66].

Проанализированные подходы к типизации образовательной среды дают основания утверждать, что она является многокомпонентной и многомерной и включает в себя:

- психологические особенности участников образовательного процесса (С.В. Тарасов);
- организационно-пространственную структуру (В.И. Панов, С.В. Тарасов);
- содержательно-методический потенциал (В.И. Панов, С.В. Тарасов);
- коммуникативную деятельность (В.И. Панов, С.В. Тарасов).

Рассмотрим компоненты этнокультурной образовательной среды кафедры начального образования Института педагогики и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина), осуществляющей этнокультурную подготовку будущих учителей начальных классов.

Пространство образовательной организации (университета):

- участники образовательного процесса (научно-педагогические работники кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина) и образовательные учреждения (школы Республики Коми и РФ);
- нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность участников образовательного процесса (ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», ФГОС ВО, ФГОС НОО);

Ресурсный потенциал:

- материально-техническая база: рекреационные помещения, библиотека, цифровая образовательная среда университета, ИКТ;
- организационный компонент: студенческое научное объединение института, творческие группы студентов и преподавателей, студенческий совет самоуправления и т.д.;
- этнокультурный компонент: субстанция культурного феномена (ценности, нормы, идеалы, традиции, устное и письменное народное творчество, искусство (пространственные, временные, пространственно-временные)), функции культуры (познание, регуляция, коммуникация, социализация, адаптация); деятельность (создание и преобразование).

Педагогический потенциал:

- содержательный компонент: основные профессиональные образовательные программы, учебные пособия, монографии;
- методический компонент: педагогические технологии (проектно-исследовательские, проблемно-диалогические, игровые), интерактивные методы обучения и взаимодействия, формы организации учебной и внеучебной деятельности (занятия, конкурсы, фестивали, конференции, экскурсии и т.д.);
- деятельностный компонент: просветительская, исследовательская, конкурсная, разработческая, опытно-экспериментальная деятельность;
- коммуникативный компонент: учет речевых особенностей участников образовательного процесса, способствующих развитию коммуникативных учебных действий как на русском, так и на родном языке (А.Д. Савенкова [29]).

Для описания и реализации модели этнокультурной образовательной среды в университете необходимо учитывать ее многомерность, так как для будущего учителя начальных классов важно не только получение высокого результата предметной подготовки (когнитивного и компетентностного), но и личностного роста как профессионала и члена общества, метапредметных результатов (коммуникативные и регулятивные умения, позволяющие самоорганизовываться в направлении будущей профессиональной деятельности, правильно определять ее ориентиры, цель, прогнозировать, осуществлять самоконтроль, а также осмысливать результаты профессиональной деятельности). Этому способствует этнокультурная образовательная среда университета, в которой построен образовательный процесс.

Педагогическое моделирование и проектирование этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина строится по следующему плану.

1. На основе нормативно-правовых документов выделение целевого блока модели и формулирование задач: знакомство с историей и традициями коми народа и народов, составляющих этнокультурное окружение региона; возрождение традиционных ремесел на уровне образовательной организации; популяризация народного творчества, изучение народных игр, обрядов, традиций народов, проживающих в регионе, а также овладение современными педагогическими технологиями на уровне трансляции опыта этнокультурного образования; развитие коммуникативных учебных действий обучающихся как на русском, так и на родном языке.

2. Теоретическое обоснование средового подхода и описание принципов его реализации.

Теоретико-методологический блок: теоретическое обоснование реализации средового подхода (Я. Корчак, В.А. Ясвин, В.И. Слободчикова, Г.Г. Шек, Д.Г. Медведев, Т.Г. Менг и др.).

Основываясь на исследованиях А.И. Артюхиной [30], С.Г. Тишулиной [31] и В.В. Чекалина [32], посвященных реализации средового подхода, перечислим необходимые принципы для реализации этнокультурной образовательной среды ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина (рис. 3).

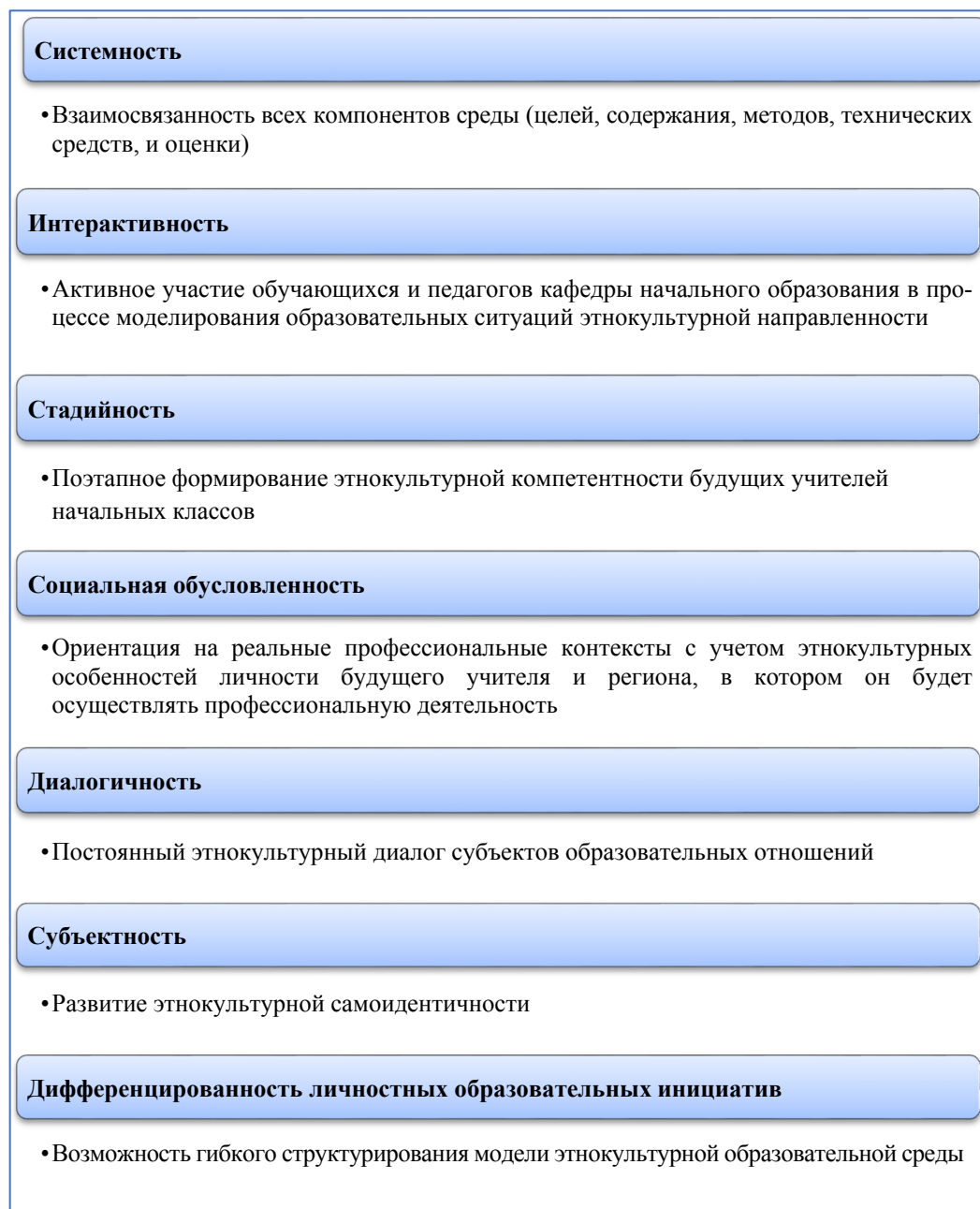

Рис. 3. Принципы реализации этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина

И с т о ч н и к: составлено В.Ф. Поберезкой.

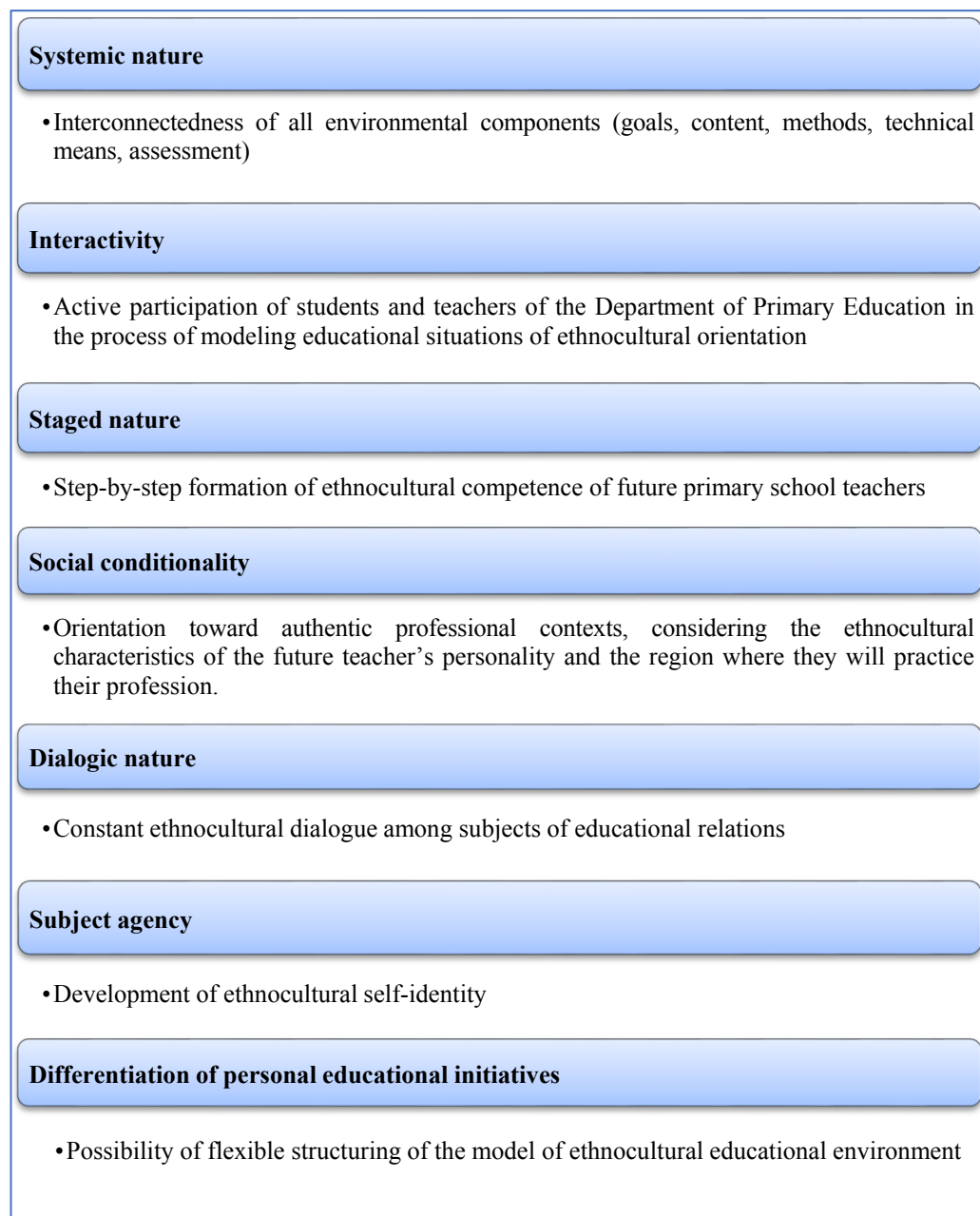

Figure 3. Principles of Implementation of the Ethno-Cultural Educational Environment of the Department of Primary Education of the Institute of Pedagogy and Psychology of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

S o u r c e: compiled by V.F. Poberezkaia.

3. Определены компоненты этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина, формы учебной и внеурочной деятельности и ее виды, что является содержательно-процессуальным блоком модели среды.

Реализация данных принципов носит поэтапный характер: будущие учителя начальных классов уже с 1-го курса сначала в пассивной форме взаимодействия (как зритель и участник мероприятий — конкурсная деятельность), далее — как активный транслятор приобретенного опыта этнокультурной деятельности (исследовательская и проектная деятельность) и на старших курсах — как интерактивный субъект взаимодействия (просветительская, опытно-экспериментальная, научная деятельности) включаются в учебную и внеучебную деятельность с целью формирования этнокультурной компетентности. Это дает возможность учитывать индивидуальные и национальные особенности как обучающихся, так и преподавателей кафедры, выстроить систему работы, в которой учитывается уровень сформированности этнокультурной компетентности обучающихся. На основе дифференцированности, интерактивности и диалогичности взаимодействия всех участников образовательного процесса происходит формирование коммуникативных результатов деятельности как на родном, так и на русском языке. Это позволяет не только понимать этнокультуру как феномен, но и творчески ее перерабатывать при выполнении исследовательских, проектных заданий, которые могут быть, в зависимости от уровня сформированности этнокультурной компетентности, заданы педагогом либо самими обучающимися на основе выдвинутых проблем и освоенных способов их реализации.

Содержательно-процессуальный блок включает в себя:

- компоненты этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина, в частности ресурсный — само пространство организации (университета) и педагогический потенциал профессорско-преподавательского состава кафедры начального образования;

- формы учебной и внеурочной деятельности и виды деятельности, реализуемые в рамках модели.

4. Описание диагностико-результативного блока [1].

5. Реализация корректирующей модели этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина.

6. Трансляция опыта по внедрению модели этнокультурной образовательной среды университета. Результативный блок является основанием для трансляции опыта внедрения смоделированной модели, которая направлена на формирование профессиональной этнокультурной компетентности у будущих педагогов, осуществляющих свою деятельность на уровне начального общего образования.

Основными блоками модели являются целевой, нормативный, теоретико-методологический, содержательно-процессуальный, диагностический и результативный (рис. 4).

Целевой блок	<i>Цель:</i> формирование этнокультурной компетентности будущих учителей начальных классов в ЭОС вуза	<i>Задачи:</i> • знакомство с историей и традициями коми народа и народов, составляющих этнокультурное окружение региона • возрождение традиционных ремёсел на уровне образовательной организации • изучение и популяризация народного творчества, народных игр, обрядов, традиций народов, проживающих в регионе • овладение современными педагогическими технологиями на уровне трансляции опыта этнокультурного образования • развитие коммуникативных учебных действий обучающихся как на русском и родном языках
Нормативный блок	<i>Нормативно-правовые акты:</i> – <i>федерального уровня</i> (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ), Национальная доктрина образования, ФГОС ВО и др.) – <i>регионального уровня</i> (Закон Республики Коми «О государственных языках РК» № 64-РЗ, Распоряжение Правительства РК от 28 августа 2025 г. № 401-р, Постановление РК № 365 и др.) – <i>локальные акты университета</i> СГУ имени Питирима Сорокина (приказы, распоряжения, положения) – <i>локальные акты института</i> ПиП СГУ им. Питирима Сорокина (приказы, распоряжения, положения)	
Теоретико-методологический блок	<i>Средовой подход:</i> Я. Корчак; В.А. Ясвин; В.И. Слободчикова; Г.Г. Шек; Д.Г. Медведев, Т.В. Менг и др.	<i>Принципы:</i> • Системность • Интерактивность • Стадийность • Социальная обусловленность • Диалогичность • Субъектность • Дифференцированность личностных образовательных инициатив
Содержательно-процессуальный блок	<i>Компоненты этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина:</i> • <i>ресурсный потенциал</i> (материально-техническая база, организационный компонент, этнокультурный компонент); • <i>пространство образовательной организации (университета)</i> (участники образовательного процесса, нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность участников образовательного процесса); • <i>педагогический потенциал</i> (содержательный, методический, деятельностный, коммуникативный компоненты) • <i>Формы учебной деятельности</i> (уроки-исследования, уроки-путешествия, уроки-экскурсии и др.) • <i>Формы внеурочной деятельности</i> (экскурсии, в том числе виртуальные, творческие мастерские, мастер-классы, организация конкурсов, фестивалей, праздников, вечера встреч) • <i>Виды деятельности</i> (просветительская, исследовательская, конкурсная, разработческая, экспериментальная)	
Диагностико-результативный блок	<i>Критерии и показатели сформированности компонентов этнокультурной компетентности (Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н.):</i> • <i>когнитивный:</i> овладение знаниями этнокультурного содержания • <i>личностный:</i> личностное (эмоционально-ценностное) отношение к культурному (в частности, этнокультурному) наследию коми народа и народов региона • <i>поведенческий:</i> умение организовывать свою профессиональную деятельность в соответствии с задачами этнокультурного воспитания подрастающего поколения	<i>Показатели сформированности этнокультурной компетентности будущих учителей начальных классов (Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н.):</i> • Высокий • Средний • Низкий
Результат: сформированность этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов в ЭОС вуза, включающей в себя сотрудничество субъектов образовательного процесса, направленное на приобретение знаний этнокультурного содержания, развитие ценностного отношения к этнокультурному наследию и трансляцию опыта этнокультурного образования		

Рис. 4. Модель этнокультурной образовательной среды кафедры НО ИПиП СГУ им. Питирима Сорокина

Примечание. ЭО — этнокультурное образование; ЭОС — этнокультурная образовательная среда
Источник: составлено В.Ф. Поберезкой.

Target block	Goal: formation of ethnocultural competence of future primary school teachers in the ethnocultural educational environment of the university	Objectives: • To introduce students to the history and traditions of the Komi people and other ethnic groups that form the ethnocultural environment of the region. • To revive traditional crafts within the educational organization. • To study and promote folk arts, games, rituals, and traditions of the peoples living in the region. • To master modern pedagogical technologies for transmitting best practices in ethnocultural education. • To develop students' communicative skills in both Russian and their native languages.
Normative block	Regulatory and legal framework: – At the federal level: Federal Law “On Education in the Russian Federation” No. 273-FZ of December 29, 2012; National Doctrine of Education; Federal State Educational Standards for Higher Education (FSES HE); etc. – At the regional level: Law of the Komi Republic “On the State Languages of the Komi Republic” No. 64-RZ; Decree of the Government of the Komi Republic No. 401-r of August 28, 2025; Resolution of the Komi Republic No. 365; etc. – Local acts of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (SSU): orders, directives, regulations.	
Theoretical and methodological block	Environmental approach: J. Korczak, V.A. Yasvin, V.I. Slobodchikov, G.G. Shek, D.G. Medvedev, T.V. Meng, etc.	Principles: • Systematicity • Interactivity • Staged nature • Social conditionality • Dialogicity • Agency • Differentiation of personal educational initiatives
Content and process block	Components of the Ethnocultural Educational Environment of the Department of Primary Education at the Institute of Pedagogy and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University: • Resource potential (material and technical base, organizational component, ethnocultural component) • Space of the educational organization (university) (participants in the educational process, regulatory and legal documents governing the activities of the participants in the educational process) • Pedagogical potential (content, methodological, activity-based, and communicative components) • Forms of Classroom Activities (research lessons, journey lessons, excursion lessons, etc.) • Forms of Extracurricular Activities (excursions, including virtual ones, creative workshops, masterclasses, organization of competitions, festivals, celebrations, reunion evenings) • Types of Activities (educational, research, competitive, developmental/design, experimental)	
Diagnostic and Results Block	Criteria and Indicators of the Formation of Ethnocultural Competence Components (Poberezkaia V.F., Terentyeva S.N.): • Cognitive component: mastery of knowledge with ethnocultural content • Personal component: personal (emotional-value) attitude toward the cultural (specifically, ethnocultural) heritage of the Komi people and the peoples of the region • Behavioral component: ability to organize one's professional activities in accordance with the tasks of ethnocultural education of the younger generation	Indicators of the Formation of Ethnocultural Competence of Future Primary School Teachers (Poberezkaia V.F., Terentyeva S.N.): • High • Medium • Low
Result: the formation of ethnocultural competence among future primary school teachers within the ethnocultural educational environment (EES) of the university, which includes cooperation among the subjects of the educational process aimed at acquiring knowledge of ethnocultural content, developing a value-based attitude toward ethnocultural heritage, and transmitting the experience of ethnocultural education.		

Figure 4. A model of the ethno-cultural educational environment of the Department of Primary Education of the Institute of Pedagogy and Psychology of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
Source: compiled by V. F. Poberezkaia.

Заключение

Изучение теоретических основ для внедрения средового подхода в российской науке не теряет значимости на протяжении более 100 лет. Данный подход актуален и в наше время и его внедрение зависит в том числе от внешних факторов, таких как социальный, экономический, технологический и материальный. Появляются новые компоненты образовательных сред, например виртуальные, цифровые, в которых необходимо также описывать и находить возможности для формирования этнокультурной компетентности не только у будущих учителей начальных классов, но и у подрастающего поколения в целом.

Список литературы

1. *Поберезкая В.Ф., Терентьева С.Н.* Модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов (на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина») // *Человек. Культура. Образование*. 2023. № 4 (50). С. 149–166. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149>. EDN: CTDHIA
2. *Менг Т.В.* Педагогические условия построения образовательной среды вуза: дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 1999. EDN: NLPXQL
3. *Менг Т.В.* Средовый подход к организации образовательного процесса в современном вузе // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 52. С. 70–83. EDN: KXNPGR
4. *Шек Г.Г.* Средовой подход как педагогическая инновация и условия его освоения: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2001. EDN: NLXREL
5. *Медведев Д.Г.* Организация обучения студентов-механиков в информационно-образовательной среде классического университета. Минск : БГУ, 2018. EDN: GWMHTW
6. *Кругликов А.Е.* Имитационно-моделирующая обучающая среда как средство подготовки курсантов летного военного вуза к профессиональным взаимодействиям со службами управления полетами : дис. ... канд. пед. наук. Армавир, 2024.
7. *Корчак Я.* Как любить ребенка : книга о воспитании / пер. с пол. К.Э. Сенкевич. Москва : Политиздат, 1990.
8. *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва : Смысл, 2001. EDN: OFJKFI
9. *Шацкий С.Т.* Педагогика : избранные сочинения : в 2 томах. Том 1. Москва : Юрайт, 2019.
10. *Выготский Л.С.* Лекции по педологии. Ижевск : Удмуртский университет, 2001.
11. *Петровский В.А., Кларина Л.М., Смыгина Л.А.* Построение развивающей среды в дошкольном учреждении. Москва, 1993. EDN: PRLDEP
12. *Мануйлов Ю.С.* Средовой подход в воспитании : дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 1997. EDN: NLLXAV
13. *Слободчиков В.И.* Образовательная среда: реализация целей образования в пространстве культуры // *Новые ценности образования: культурные модели школ*. Москва, 1997. Вып. 7. С. 177–184.
14. *Крылова Н.Б.* Культурология образования. Москва : Народное образование, 2000.
15. *Иванова В.И.* Акмеологическая концепция формирования образовательной среды подготовки специалистов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2009. EDN: NKQNQL
16. *Дорофеев А.В.* Многомерная математическая подготовка будущего педагога: дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2011. EDN: STTJIU

17. Смит Н.Л., Антонов А.В. Кластерный подход к адаптации в многомерных средах университетов // Сервис +. 2020. Т. 14, № 4. С. 87–96. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2020-10410> EDN: QACBFC
18. Самойленко Н.Б., Подловилина Е.И. Понятийный аппарат поликультурного образования // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью. 2021. № 2. С. 113–120. EDN: CJJJEA
19. Селезова Е.В. Проектирование среды профильной химической подготовки в образовательных организациях для одарённых детей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2023. EDN: ILQEEF
20. Новикова Е.С. Воспитывающая среда педагогического вуза как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2023. EDN: DAGXFK
21. Макажанова Ж.М. Педагогические условия формирования поликультурной личности студентов в образовательной среде колледжа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2024. EDN: FYQYNV
22. Палаткина Г.В. Этнопедагогические факторы мультикультурного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2003. EDN: NHJGBD
23. Сулейманова П.В. Этнокультурный потенциал образовательной среды ссуза многонационального региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8371> (дата обращения: 02.03.2026). EDN: PWBAAL
24. Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование как феномен культурного поля: монография. СПб. : СПГУТД, 2014. EDN: UCYPLH
25. Алибекова З.Н. Этнокультурная среда как фактор аксиологического воспитания школьников // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2014. № 3 (28). С. 44–50. EDN: SYQLEB
26. Карпушина Л.П., Соколова П.Ю. Моделирование процесса социализации детей и подростков в условиях этнокультурной образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=oxcdit> (дата обращения: 02.03.2026). EDN: OXCDIT
27. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 3, № 3. С. 133–138. EDN: PYJOQL
28. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. Москва : Наука, 2004.
29. Савенкова А.Д. Формирование гендероориентированной образовательной среды в организациях среднего профессионального образования : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2015. EDN: FLUOPD
30. Артюхина А.И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2007. EDN: ZNFSQH
31. Тишулина С.Г. Теоретико-методологические основы проектирования этнокультурной среды в образовательной организации // Наука и школа. 2021. № 3. С. 94–100. EDN: FQUHQD
32. Чекалин В.В. Педагогическое обеспечение эргатической образовательной среды: теоретический анализ и перспективы проектирования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, вып. 11. С. 1859–1866. <https://doi.org/10.30853/ped20250012> EDN: PKTXZ

References

1. Poberezkaia, V.F., and S.N. Terentyeva. 2023. “A model for forming ethno-cultural competence among future primary school teachers (on the example of the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University).” In *Human. Culture. Education*, no. 4, pp. 149–166. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149> EDN: CTDHIA

2. Meng, T.V. 1999. *Pedagogical conditions for constructing the educational environment of a university*. [Candidate's dissertation]. Saint Petersburg. (In Russ.) EDN: NLPXQL
3. Meng, T.V. 2008. "Environmental approach to the organization of the educational process in a modern university." *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, no. 52, pp. 70–83. (In Russ.) EDN: KXNPGR
4. Shek, G.G. 2001. *The environmental approach as a pedagogical innovation and conditions for its implementation* [Candidate's dissertation]. Yelets. (In Russ.) EDN: NLXREL
5. Medvedev, D.G. 2018. *Organizing the training of mechanical engineering students in the information-educational environment of a classical university*. Minsk: BSU publ. (In Russ.) EDN: GWMHTW
6. Kruglikov, A.E. 2024. *Simulation-modeling learning environment as a means of preparing military flight school cadets for professional interactions with flight control services* [Candidate's dissertation]. Armavir. (In Russ.)
7. Korczak, J. 1990. *How to love a child: A book on upbringing* (K.E. Senkevich, Trans.). Moscow: Politizdat publ. (In Russ.)
8. Yasvin, V.A. 2001. *Educational environment: From modeling to design*. Moscow: Smysl publ. (In Russ.) EDN: OFJKFI
9. Shatsky, S.T. 2019. *Pedagogy. Selected works*. Vol. 1. Moscow: Yurait publ. (In Russ.)
10. Vygotsky, L.S. 2001. *Lectures on pedology*. Izhevsk: Udmurt University publ. (In Russ.)
11. Petrovsky, V.A., L.M. Klarina, and L.A. Smyvina. 1993. *Constructing a developmental environment in a preschool institution*. Moscow. (In Russ.) EDN: PRLDEP
12. Manuylov, Yu.S. 1997. *The environmental approach in upbringing* [Doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: NLLXAV
13. Slobodchikov, V.I. 1997. "Educational environment: Realizing the goals of education in the space of culture." In *New values of education: Cultural models of schools*, issue 7. Moscow, pp. 177–184. (In Russ.)
14. Krylova, N.B. 2000. *Cultural studies of education*. Moscow: Narodnoe obrazovanie publ. (In Russ.)
15. Ivanova, V.I. 2009. *Acmeological concept of forming the educational environment for specialist training* [Abstract of doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: NKQNQL
16. Dorofeev, A.V. 2011. *Multidimensional mathematical training of a future teacher* [Doctoral dissertation]. Kazan. (In Russ.) EDN: STTJIU
17. Smith, N.L., and A.V. Antonov. 2020. "Cluster approach to adaptation in multidimensional university environments." In *Servis +*, vol. 14, no. 4, pp. 87–96. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2020-10410> EDN: QACBFC
18. Samoylenko, N.B., and E.I. Podlovilina. 2021. "Conceptual framework of multicultural education." In *Problems and Prospects of Modern Humanitarian Studies: Pedagogy, Teaching Methods, Philology, Youth Work Organization*, no. 2, pp. 113–120. (In Russ.) EDN: CJJJEA
19. Selezova, E.V. 2023. *Designing the environment for specialized chemical training in educational organizations for gifted children* [Abstract of Candidate's dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: ILQEEF
20. Novikova, E.S. 2023. *The nurturing environment of a pedagogical university as a means of forming professional competence of a future teacher* [Candidate's dissertation]. Volgograd. (In Russ.) EDN: DAGXFK
21. Makazhanova, Zh. M. 2024. *Pedagogical conditions for forming a multicultural personality of students in the college educational environment* [Abstract of Candidate's dissertation]. Saratov. (In Russ.) EDN: FYQYNV
22. Palatkina, G.V. 2003. *Ethnopedagogical factors of multicultural education* [Abstract of doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: NHJGBD
23. Suleymanova, P.V. 2013. "Ethnocultural potential of the educational environment of a secondary vocational school in a multiethnic region." In *Modern Problems of Science and Education*, no. 1. <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=8371> EDN: PWBAAL

24. Afanasyeva, A.B. 2014. *Ethnocultural education as a phenomenon of the cultural field*. Saint Petersburg: SPGUTD publ. (In Russ.) EDN: UCYPLH
25. Alibekova, Z.N. 2014. "Ethnocultural environment as a factor in the axiological education of schoolchildren." In *Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.) EDN: SYQLEB
26. Karpushina, L.P., and P.Yu. Sokolova. 2012. "Modeling the process of socialization of children and adolescents in the conditions of an ethnocultural educational environment." In *Modern Problems of Science and Education*, no 1. <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=oxcdit> EDN: OXCDDT
27. Tarasov, S.V. 2011. "Educational environment: Concept, structure, typology." In *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 3, no. 3, pp. 133–138. (In Russ.) EDN: PYJOQL
28. Panov, V.I. 2004. *Ecological psychology: An experience in constructing a methodology*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
29. Savenkova, A.D. 2015. *Formation of a gender-oriented educational environment in organizations of secondary vocational education* [Candidate's dissertation]. Moscow. (In Russ.) EDN: FLUOPD
30. Artyukhina, A.I. 2007. *The educational environment of a higher educational institution as a pedagogical phenomenon (based on the material of designing the educational environment of a medical university)* [Abstract of doctoral dissertation]. Volgograd. (In Russ.) EDN: ZNFSQH
31. Tishulina, S.G. 2021. "Theoretical and methodological foundations for designing an ethnocultural environment in an educational organization." In *Science and School*, no. 3, pp. 94–100. (In Russ.) EDN: FQUHQD
32. Chekalin, V.V. (2025). "Pedagogical support of the ergatic educational environment: Theoretical analysis and design prospects." *Pedagogy. Theory and Practice*, vol. 10, issue 11, pp. 1859–1866. <https://doi.org/10.30853/ped20250012> EDN: IIKTXZ

Сведения об авторах:

Поберезкая Вита Федоровна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Российская Федерация, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55. ORCID: 0000-0002-5852-614X; eLibrary SPIN-код: 9663-0454. E-mail: violettaf09@gmail.com

Терентьева Светлана Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Октябрьский пр., 55, г. Сыктывкар, 167001, Российская Федерация. ORCID: 0000-0002-9363-7187. eLibrary SPIN-код: 7000-7780. E-mail: terentjewasw@yandex.ru

Bio notes:

Vita F. Poberezkaia is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Primary Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5852-614X; eLibrary SPIN-code: 9663-0454. E-mail: violettaf09@gmail.com

Svetlana N. Terentyeva is a Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky Prospekt, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9363-7187; eLibrary SPIN-code: 7000-7780. E-mail: terentjewasw@syktsu.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-435-447

EDN: JTSOEN

Научная статья / Research article

Особенности применения контрастивного подхода в практике подготовки студентов к преподаванию русского языка в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма

Н.А. Трубинова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Российская Федерация,

✉ trubinova_na@pspu.ru

Аннотация. В исследовании описаны особенности подготовки будущих учителей к преподаванию русского языка в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма, для которого характерны следующие виды: координативный (субъекты свободно владеют обоими языками в социуме), активный (субъекты пользуются обоими языками во время обучения, в домашних условиях, в общении со сверстниками), контактный (субъекты поддерживают контакт как с носителями русского языка, так и с носителями родного языка) и параллельный (русский язык частью обучающихся усваивается с опорой на родной язык). В ходе констатирующего эксперимента установлено, что учителя-филологи, владеющие коми-пермяцким и русским языками, в процессе преподавания русского языка обращаются к родному языку для сопоставления сходных и различных языковых явлений, ведут пропедевтическую работу по преодолению ошибок интерференции. В связи с этим в качестве обязательного для освоения будущими учителями при подготовке к преподаванию русского языка в условиях билингвизма рассматривается контрастивный подход. Особое внимание автором уделено применению методов контрастивного подхода, в частности, рассмотрены возможности использования контрастивного анализа при изучении морфологических тем и описаны соответствующие приемы. На этой основе смоделирован авторский фрагмент урока, обозначены темы уроков, разработанных на занятиях со студентами.

Ключевые слова: билингвизм, русский язык, коми-пермяцкий язык, контрастивный подход, приемы контрастивного анализа

История статьи: поступила в редакцию 10.02.2026; принята к печати 10.04.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трубинова Н.А. Особенности применения контрастивного подхода в практике подготовки студентов к преподаванию русского языка в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 435–447. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-435-447> EDN: JTSOEN

Features of Applying a Contrastive Approach in Training Students to Teach Russian in the Context of Komi-Permyak-Russian Bilingualism

Nadezhda A. Trubinova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation,

✉ trubinova_na@pspu.ru

Abstract. The research describes the features of training future teachers to teach Russian in the context of Komi-Permyak-Russian bilingualism. It is characterized by the following types: coordinative (since speakers are fluent in both languages in society), active (since speakers use both languages during instruction, at home, and in communication with peers), contact (speakers maintain contact with both native Russian speakers and native speakers of their native language), and parallel (some students acquire Russian based on their native language). During the ascertaining experiment, it was found that language arts teachers proficient in both Komi-Permyak and Russian, in the process of teaching Russian, use the native language to compare similar and different linguistic phenomena and conduct preventative work to overcome interference errors. Our study is devoted to the application of contrastive approach techniques in the practice of preparing bilingual students for teaching Russian. The study focuses on the application of methods within the contrastive approach, particularly examining the possibilities of using contrastive analysis when studying morphological topics and describing corresponding techniques. Based on this, the author's model of a lesson fragment is presented, and the topics of lessons developed during classes with students are outlined.

Key words: bilingualism, Russian language, Komi-Perm language, contrastive approach, techniques of contrastive analysis

Article history: received 10.02.2026; accepted 10.04.2026.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

For citation: Trubinova, N.A. 2026. "Features of Applying a Contrastive Approach in Training Students to Teach Russian in the Context of Komi-Permyak-Russian Bilingualism." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 435–447. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-435-447> EDN: JTSOEN

Введение

Русский и коми-пермяцкий языки, относящиеся к разным языковым семьям и имеющие различный грамматический строй, на территории Коми-Пермяцкого округа сосуществуют и взаимодействуют на протяжении нескольких столетий. Для детей, владеющих коми-пермяцким языком с раннего детства, он является первым и родным¹ языком, в то время как русский язык — вторым. При изучении второго языка новая грамматика сравнивается с грамматикой родного языка, человек мысленно опирается на уже известную языковую структуру, пропуская языковые находки через привычную систему понятий. Так и в нашем случае, изучая грамматику русского языка, учащиеся

¹ Словарь социолингвистических терминов / отв. редактор : доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. Москва : Институт языкознания РАН, 2006. С. 187.

обращаются к уже знакомой грамматике коми-пермяцкого языка. На сегодняшний день метод сопоставления, как считают ученые [1. С. 6], является основным методом изучения неродственных языков.

В «Новом словаре методических терминов и понятий» Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин определяют сопоставительный метод как «разновидность сравнительного метода изучения языков, состоящую в сопоставлении (сравнении) систем двух языков с целью выявления расхождений (контрастов)»². В словарях и лингвистических источниках дается следующее определение: «Сопоставительный метод — это система приемов и методики анализа, используемая для выявления общего и особенного в сравниваемых языках»³, сопоставительный метод определяется также как «исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. С. м. направлен в первую очередь на выявление различий между двумя сравниваемыми языками и поэтому называется контрастивным»⁴.

Термины *сопоставительный* и *контрастивный* изначально рассматривались в лингвистике как синонимы, так как любое сопоставление основано на выявлении совпадающих и несовпадающих, то есть контрастивных языковых категорий. По мнению Г. Хельбига, сопоставительная лингвистика имеет «более теоретическую ориентацию и занимается как сходствами, так и различиями между языками, тогда как контрастивная лингвистика имеет более практическую направленность и занимается преимущественно различиями между языками» [1. С. 8]. Также необходимо отметить, что «сопоставительный метод считается правомерным применительно к двум языкам» [2. С. 31], при этом, как утверждает О.Ю. Инькова, «выбор языков не связан ни с их принадлежностью к одной языковой семье... ни стремлением к всеобъемлющему сравнению... ни регулярностью взаимодействия культур сопоставляемых языков...». Контрастивная лингвистика, как и теория перевода, выбирает просто два „разных языка“, причем этот выбор обычно обусловлен внешними факторами» [3. С. 20].

Так как контрастивная лингвистика имеет практическую направленность, то ее цель — выявление и изучение различных языковых несоответствий в двух языках. При достижении этой цели учитываются следующие принципы:

- анализ только двух языков: родного и неродного (изучаемого);
- изучение отдельных единиц языка, а не подсистем;
- материал рассматривается от перечня категорий языковой единицы к их возможным несоответствиям в двух языках.

² Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва : Изд-во ИКАР, 2009. С. 285.

³ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. С. 351.

⁴ Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/481a.html> (дата обращения 03.09.2025).

Базовым понятием для нашего исследования является *контрастивный подход*. Опираясь на определение понятий *подход к обучению*⁵ и *контрастивная лингвистика* В. Гака и Г. Хельбига (см. выше), дадим рабочее определение понятия *контрастивный подход*. *Контрастивный подход* – это подход к обучению языку на основе сопоставления двух языков (родного и изучаемого) с целью выявления языковых различий для усовершенствования методики преподавания в условиях билингвизма. На основе контрастивного подхода возможно изучать отдельные языковые явления и единицы русского языка в сопоставлении с аналогичными единицами в родном языке.

Таким образом, владение двумя языками, родным и русским, и работа с учащимися-билингвами делает актуальным для учителя применение контрастивного подхода на уроках русского языка. Как уже было отмечено, анализируемые нами языки принадлежат к разным языковым семьям (коми-пермяцкий язык — к финно-угорской языковой семье, русский — к индоевропейской языковой семье). В.И. Лыткин указывает на то, что «по своему морфологическому типу коми-пермяцкий язык относится к агглютинирующим, его особенности наглядно обнаруживаются при сопоставлении с русским языком, который является флективным»⁶.

Исходя из сказанного, мы определили *цель исследования* — выявление возможностей применения контрастивного подхода при обучении русскому языку в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма в школах Коми-Пермяцкого округа.

Обсуждение

Сопоставляя два языка, мы наблюдаем следующее: «Есть явления, которые свойственны лишь русскому языку, а также явления, которые имеют частичное соответствие в родном языке учащихся» [4. С. 103]. Например, в русском языке есть категория рода, а в коми-пермяцком ее нет; в русском языке используются предлоги, а в коми-пермяцком — послелог; категория вида у глагола существует в обоих языках, но имеет различное значение; наклонение глагола выделяется в обоих языках и не имеет различий. «Расхождения в языковых системах затрудняют восприятие и усвоение грамматических категорий в русском языке. Те явления родного языка, которые имеют прямые соответствия в русском языке, наоборот, оказывают помощь в усвоении русской грамматической системы» [4. С. 103]. Именно поэтому методика преподавания русского языка в условиях билингвизма должна учитывать особенности

⁵ Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). С. 200.

⁶ Коми-пермяцкий язык : введение, фонетика, лексика и морфология : учебник для выш. учеб. заведений / под ред. и при соавт. проф. В.И. Лыткина. Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. С. 167.

родного языка учащихся, опыт его применения, факты родного языка, порождающие интерференцию, и факты, способствующие усвоению категорий русского языка. Учителю необходимо помнить об этих особенностях и учитывать их при выборе методов и приемов обучения. Для подтверждения этого факта мы обратились к учителям, преподающим в основной школе и русский, и коми-пермяцкий языки.

В феврале 2025 г. нами был проведен опрос учителей-филологов Коми-Пермяцкого округа Пермского края (опрос проводился в школах Юсьвинского МО, Кудымкарского МО, Кочевского МО) с целью выявления ценностного отношения к языкам в условиях билингвизма. В эксперименте приняли участие 12 учителей со стажем работы от 5 до 35 лет. Все опрошенные считают родным языком коми-пермяцкий. Отвечая на вопрос «Помогает или мешает родной язык в обучении русскому языку? Почему?», учителя утверждают, что родной язык помогает в обучении русскому языку, и отмечают темы курса русского языка (например, «Текст», «Фразеологизмы», «Имя существительное», «Наклонение глагола», «Синтаксический и пунктуационный разбор предложений»), при изучении которых следует обращаться к коми-пермяцкому языку.

В марте 2025 г. до педагогической практики был проведен опрос студентов 4-го и 5-го курсов профиля подготовки «Родной язык и литература и Русский язык» (направление подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)») с целью выявления отношения к применению контрастивного подхода в процессе преподавания русского языка в условиях билингвизма. В ходе эксперимента было опрошено 16 студентов. Отвечая на вопрос: «Как помогает родной язык учащихся в обучении русскому языку?», студенты отмечают следующее:

- родной язык помогает увидеть контрасты с русским языком, выявить отличия между языками;
- родной язык дает возможность привлечь внимание к тем категориям русского языка, которые в родном языке имеют иное содержание;
- при обучении русскому языку учащиеся могут опереться на уже имеющиеся знания по родному языку, если те или иные категории в языках совпадают;
- установление связи с родным языком повышает интерес к изучению русского языка.

На вопрос «На каждом ли уроке учителю стоит обращаться к родному языку учащихся?» — все опрошенные однозначно отвечают «нет», так как явления и категории родного языка необходимо сопоставлять с явлениями и категориями русского языка в тех случаях, когда они имеют общее название и различное содержание или общее название и сходное содержание.

Как следует из результатов опроса, учитель, владеющий двумя языками и работающий в условиях билингвизма, обращается к родному языку учащихся на уроках русского языка, поэтому важно уделить внимание вопросу

обучения приемам контрастивного подхода при подготовке будущих учителей. На занятиях вузовского курса «Контрастивный подход в обучении филологическим дисциплинам» студенты-билингвы знакомятся с соответствующими методами и приемами преподавания.

Исследователи называют ведущим методом контрастивного подхода контрастивный анализ. В своей монографии И.А. Стернин, говоря о контрастивном анализе, обращается к работам А. Гудавичюс: «Контрастивный анализ ограничивается двумя языками. Он имеет, главным образом, прикладные цели, среди которых выделяются лингводидактические. „Разновидностью контрастивных исследований является изучение одного языка «в зеркале» другого...“» [5. С. 14]. Выделим приемы контрастивного анализа, которые, на наш взгляд, можно применять при изучении русского языка в школе в условиях билингвизма (табл. 1).

При разработке технологических карт уроков к практическим занятиям студентам необходимо учитывать, что изучение грамматических тем курса русского языка в условиях билингвизма должно строиться так, чтобы предлагаемая педагогом методика отвечала на ряд вопросов:

- Какова роль родного языка учащихся в процессе обучения русскому языку?
- Стоит ли обращаться к родному языку при изучении той или иной темы курса русского языка?
- Когда и как использовать явления родного языка для облегчения усвоения грамматических тем русского языка?

Также необходимо помнить о последовательности действий учителя при отборе языкового материала для урока русского языка с применением контрастивного подхода:

- 1) выявить расхождения в языковых явлениях;
- 2) определить особенности каждого явления в сопоставляемых языках;
- 3) отобрать соответствующий языковой материал;
- 4) предвидеть и предотвратить нежелательные смешения значений языковых единиц.

В ходе экспериментальной работы бакалаврам было предложено проанализировать темы школьного курса русского языка, при изучении которых учитель может использовать приемы контрастивного анализа. Совместно со студентами 4-го курса на занятиях по дисциплине «Контрастивный подход в обучении филологическим дисциплинам» нами была проанализирована тема «Прилагательные полные и краткие» (§ 107 учебника по русскому языку для 5 класса под ред. Т.А. Ладыженской и М.Т. Баранова⁷).

⁷ Русский язык : 5-й класс : учебник : в 2 частях. Ч. 2 / Т.А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л.А. Тростенцова [и др.]. 5-е изд., перераб. Москва : Просвещение, 2023. С. 88.

Таблица 1. Приемы, реализующие контрастивный анализ при изучении русского языка в условиях билингвизма

№	Прием	Содержание	Пример
1.	Выявление одноименных грамматических категорий	Выявление различий в содержании одноименных грамматических категорий в русском и родном языках	И в русском, и в коми-пермяцком языке глагол имеет категорию спряжения, которая схожа только названием, так как значение данной категории совершенно разное: в русском языке существует I, II спряжение и ряд разноспрягаемых глаголов, а в коми-пермяцком — положительное и отрицательное спряжение
2.	Выявление безэквивалентных единиц грамматического уровня	Поиск языковых единиц, изучаемых в школьном курсе русского языка и отсутствующих в родном языке	Наличие предлогов в русском языке и отсутствие их в родном языке (в коми-пермяцком языке послелого)
3.	Перевод языковых единиц с родного языка на русский	Выявление трудностей при переводе с родного языка на русский и поиск нужных единиц для адекватной передачи лексического и грамматического значения	При переводе сочетания слов или предложения с коми-пермяцкого языка на русский для передачи правильного грамматического значения необходимо учесть особенности коми-пермяцкого и русского языков

И с т о ч н и к: составлено Н.А. Трубиновой.

Table 1. Techniques for Implementing Contrastive Analysis in Studying the Russian Language in a Bilingual Setting

No.	Technique	Description	Example
1.	Identifying grammatical categories that share the same name but differ in content	Identifying differences in the content of identically named grammatical categories in Russian and the native language	Both Russian and Komi-Perm languages have a verbal conjugation category, which shares only the name, as the meaning of this category is completely different: Russian has the first and second conjugation and a set of hetero-conjugated verbs, whereas Komi-Perm has positive and negative conjugation
2.	Identifying non-equivalent grammatical units	Searching for linguistic units taught in the school Russian language course that are absent in the native language	The presence of prepositions in Russian and their absence in the native language (Komi-Perm uses postpositions instead)
3.	Translating linguistic units from the native language into Russian	Identifying difficulties in translating from the native language into Russian and searching for the appropriate units to convey lexical and grammatical meaning accurately	When translating a phrase or sentence from Komi-Perm into Russian, it is necessary to consider the features of both Komi-Perm and Russian to convey the correct grammatical meaning

S o u r c e: compiled by N.A. Trubinova.

В коми-пермяцком языке прилагательное не имеет краткой формы, у учащихся могут возникнуть трудности в образовании кратких прилагательных в русском языке, употреблении их в речи, поэтому на уроке важно показать, чем коми-пермяцкое прилагательное отличается от русского прилагательного. Продемонстрируем фрагмент разработанного совместно со студентами урока по указанной теме с использованием трех приемов контрастивного анализа (перевод языковых единиц с родного языка на русский, выявление одноименных грамматических категорий и безэквивалентных единиц грамматического уровня).

Разработанный фрагмент начинается с актуализации опорных сведений. Языковой материал заносится в таблицу. Представим ход урока в табл. 2.

Таблица 2. Ход урока

Этап урока	Содержание урока, деятельность учителя	Деятельность обучающихся												
Актуализация опорных сведений	Учитель на основе примеров и наводящих вопросов предлагает классу провести наблюдение над лингвистическим материалом. – Ребята, прочитайте эти словосочетания (на слайде): <i>Чочком лым</i> <i>Чочком пизь</i> <i>Чочком ыб</i> – Какое слово встречается в каждом словосочетании? – Какая это часть речи? – Переведите эти словосочетания на русский язык. – Выделите окончания прилагательных. (В каком столбике будете выделять окончания прилагательных?) – Почему окончания прилагательных в русском языке различны? – Что мы должны помнить про род прилагательного? – Обратите внимание на словосочетания «чочком кыдзез» и «белые берёзы». Что заметили в этом случае?	Обучающиеся отвечают на вопросы учителя: – <i>Чочком.</i> – <i>Прилагательное.</i> <i>Чочком лым — Белый снег</i> <i>Чочком пизь — Белая мука</i> <i>Чочком ыб — Белое поле</i> – <i>Во втором, потому что в коми-пермяцком языке нет окончаний.</i> – <i>В русском языке прилагательное изменяется по родам.</i> – <i>Род прилагательного зависит от существительного, с которым оно согласуется.</i> – <i>В коми-пермяцком языке прилагательное остается в прежней форме, не добавляется морфема, отвечающая за множественное число.</i>												
Наблюдение за лингвистическим материалом	– А теперь к этим словосочетаниям мы добавим следующие сочетания слов (колонка 3 в табл.): <table><tr><td><i>Чочком лым</i></td><td><i>белый снег</i></td><td><i>снег бел</i></td></tr><tr><td><i>Чочком пизь</i></td><td><i>белая мука</i></td><td><i>мука бела</i></td></tr><tr><td><i>Чочком ыб</i></td><td><i>белое поле</i></td><td><i>поле бело</i></td></tr><tr><td><i>Чочком кыдзез</i></td><td><i>белые берёзы</i></td><td><i>берёзы белы</i></td></tr></table> – Выделим окончания прилагательных третьей колонки. – Чем схожи прилагательные второй колонки с прилагательными третьей колонки? – А чем отличаются прилагательные второй колонки от прилагательных третьей колонки? – Прилагательные какой колонки можем назвать полными? – А неполными? – А каким другим словом мы можем заменить слово «неполный»?	<i>Чочком лым</i>	<i>белый снег</i>	<i>снег бел</i>	<i>Чочком пизь</i>	<i>белая мука</i>	<i>мука бела</i>	<i>Чочком ыб</i>	<i>белое поле</i>	<i>поле бело</i>	<i>Чочком кыдзез</i>	<i>белые берёзы</i>	<i>берёзы белы</i>	Обучающиеся проводят наблюдение, отвечают на вопросы учителя: – <i>Корень бел-.</i> – <i>В 3-й колонке чего-то не хватает, будто окончание неполное.</i> – <i>Второй.</i> – <i>Третьей.</i> – <i>Краткий.</i>
<i>Чочком лым</i>	<i>белый снег</i>	<i>снег бел</i>												
<i>Чочком пизь</i>	<i>белая мука</i>	<i>мука бела</i>												
<i>Чочком ыб</i>	<i>белое поле</i>	<i>поле бело</i>												
<i>Чочком кыдзез</i>	<i>белые берёзы</i>	<i>берёзы белы</i>												
Введение новой темы, постановка целей	Учитель подводит к теме урока. – Предположите, какую новую категорию русских прилагательных мы с вами сегодня будем изучать? – Запишем тему урока: «Прилагательные полные и краткие». Вопрос учителя, подводящий к целеполаганию. – Как бы вы сформулировали цель нашего урока?	Обучающиеся формулируют тему урока. – <i>Краткие прилагательные.</i> Обучающиеся определяют цель урока: – <i>Ознакомиться с краткими прилагательными, научиться образовывать их, находить в тексте, употреблять в речи.</i>												
Открытие нового	Учитель предлагает материал для исследования, с помощью наводящих вопросов помогает открыть новую тему – Мы с вами выявили, что прилагательные бывают полные и краткие. А в каком языке? – Необходимо помнить, что в русском языке прилагательные имеют полную и краткую форму. Возвращаемся к таблице с русскими прилагательными в полной и краткой форме (столбик 2 и 3), отвечаем на вопросы и фиксируем результаты наблюдения с помощью схемы (см. рис.): – Обратите внимание, на что указывают окончания кратких прилагательных? – Отметим в схеме. А полные? – Итак, к какому выводу мы пришли? – А если мы скажем «белого снега», «белым снегом»? Чем можно дополнить нашу схему? – А краткие?	Обучающиеся проводят наблюдение, отвечают на вопросы учителя: – <i>В русском. В коми-пермяцком языке у прилагательных не различают полную и краткую формы, так как форма только одна.</i> Обучающиеся проводят наблюдение в процессе сопоставительного анализа полных и кратких прилагательных в русском языке и фиксируют результаты в схеме: – <i>Краткие прилагательные изменяются по числам и родам.</i> – <i>Полные прилагательные тоже изменяются по числам и родам.</i> – <i>Прилагательные в русском языке имеют полную и краткую форму. Краткие прилагательные изменяются по числам и родам, как и полные.</i> – <i>Полные прилагательные изменяются по падежам.</i> – <i>Нет.</i>												

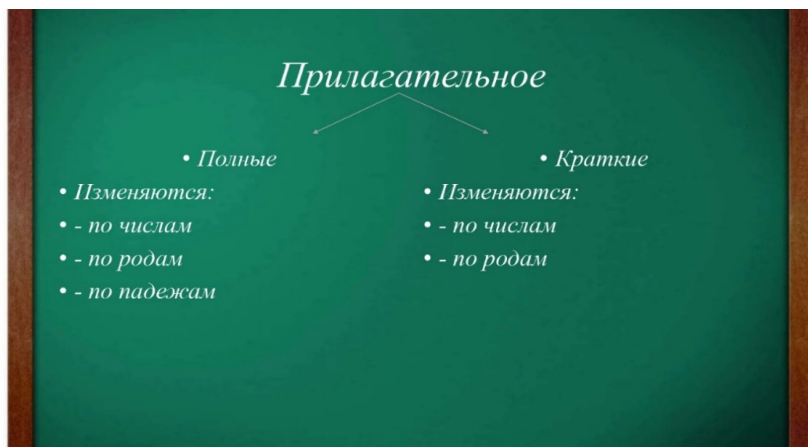
Источники: составлено Н.А. Трубиновой.

Table 2. Lesson Procedure

Lesson stage	Content of the lesson, Teacher's activities	Student's activities												
Activation of prior knowledge	Based on examples and guiding questions, the teacher invites the class to observe linguistic material. – Read these phrases (on the slide): <i>Chochkom lym</i> (white snow) <i>Chochkom piz'</i> (white flour) <i>Chochkom yb</i> (white field) – Which word appears in each phrase? – What part of speech is it? – Translate these phrases into Russian. – Highlight the adjective endings. (In which column will you highlight the adjective endings?) – Why are the adjective endings in Russian different? – What should we remember about the gender of adjectives? – Pay attention to the phrases “Chochkom kydzzez” (white birches) and “belye berjozy” (white birches). What do you notice in this case?	Students answer the teacher's questions: – <i>Chochkom</i> (white). – An adjective. <i>Chochkom lym</i> — <i>Belyj sneg</i> (white snow) <i>Chochkom piz'</i> — <i>Belaja muka</i> (white flour) <i>Chochkom yb</i> — <i>Beloje pole</i> (white field) – In the second column, because Komi-Perm has no endings. – In Russian, adjectives change by gender. – The adjective agrees in gender with the noun it modifies. – In Komi-Perm, the adjective remains unchanged. - In “Chochkom kydzzez” (“white birches”), no morpheme is added to indicate the plural.												
Language observation	– Now let's add the following word combinations to these phrases (column 3 in the table). <table border="1"> <tbody> <tr> <td><i>Chochkom lym</i> (white snow)</td><td><i>belyj sneg</i> (white snow)</td><td><i>sneg bel</i> (snow is white)</td></tr> <tr> <td><i>Chochkom piz'</i> (white flour)</td><td><i>belaja muka</i> (white flour)</td><td><i>muka bela</i> (flour is white)</td></tr> <tr> <td><i>Chochkom yb</i> (white field)</td><td><i>beloje pole</i> (white field)</td><td><i>pole belo</i> (field is white)</td></tr> <tr> <td><i>Chochkom kydzzez</i> (white birches)</td><td><i>Belyje berjozy</i> (white birches)</td><td><i>Berjozy bely</i> (birches white)</td></tr> </tbody> </table> – Let's highlight the adjective endings in the third column. – How are the adjectives in the second column similar to those in the third column? – How do the adjectives in the second column differ from those in the third column? – Which column's adjectives can we call full? – And which can we call non-full? – What other word could we use instead of “non-full”?	<i>Chochkom lym</i> (white snow)	<i>belyj sneg</i> (white snow)	<i>sneg bel</i> (snow is white)	<i>Chochkom piz'</i> (white flour)	<i>belaja muka</i> (white flour)	<i>muka bela</i> (flour is white)	<i>Chochkom yb</i> (white field)	<i>beloje pole</i> (white field)	<i>pole belo</i> (field is white)	<i>Chochkom kydzzez</i> (white birches)	<i>Belyje berjozy</i> (white birches)	<i>Berjozy bely</i> (birches white)	Students observe and answer the teacher's questions: – The root “bel-” (white-). – In the 3rd column, something is missing, as if the ending is incomplete. – The second. – The third. – Short.
<i>Chochkom lym</i> (white snow)	<i>belyj sneg</i> (white snow)	<i>sneg bel</i> (snow is white)												
<i>Chochkom piz'</i> (white flour)	<i>belaja muka</i> (white flour)	<i>muka bela</i> (flour is white)												
<i>Chochkom yb</i> (white field)	<i>beloje pole</i> (white field)	<i>pole belo</i> (field is white)												
<i>Chochkom kydzzez</i> (white birches)	<i>Belyje berjozy</i> (white birches)	<i>Berjozy bely</i> (birches white)												
Topic presentation and goal setting	The teacher leads the class to the topic: – Based on what we've observed, what new category of Russian adjectives do you think we will study today? – Let's write down the topic: “Full and Short Adjectives.” Guiding question for goal setting: – How would you formulate the goal of our lesson?	Students formulate the topic: – Short adjectives. Students determine the lesson goal: – To learn about short adjectives, learn how to form them, find them in a text, and use them in speech.												
Guided discovery	The teacher presents material for investigation and helps students discover the new topic through guiding questions. – We have identified that adjectives can be full or short. In which language does this distinction exist? – It is important to remember that in Russian, adjectives have both full and short forms. Let's return to the table with Russian adjectives in full and short forms (columns 2 and 3), answer the questions, and record the observation results using a diagram (see Figure): – Pay attention: what do the endings of short adjectives indicate? – Let's note that in the diagram. And what about full adjectives? – So what conclusion have we reached? – What if we say “belogo snega” (of white snow), “belym snegom” (with white snow)? What can we add to our diagram? – And what about short adjectives?	Students conduct observations and answer the teacher's questions. – In Russian. In Komi-Perm, adjectives do not distinguish between full and short forms – there is only one form. Students observe, answer the teacher's questions, and record the results in a diagram during a contrastive analysis of full and short adjectives in Russian. – Short adjectives change by number and gender. – Full adjectives also change by number and gender. – Adjectives in Russian have both a full and a short form. Short adjectives change by number and gender, just like full ones. – Full adjectives change by case. – Short adjectives do not.												

Source: compiled by N.A. Trubinova.

Представим опорную схему, которая получалась в ходе обсуждения (рис.).

Словоизменительные категории полных и кратких прилагательных

И с т о ч н и к: выполнено Н.А. Трубиновой.

Inflectional categories of full and short adjectives

S o u r c e: compiled by N.A. Trubinova.

Таким образом, используя приемы контрастивного анализа, учитель на основе сопоставления покажет особенности полных и кратких прилагательных, поможет обучающимся лучше освоить тему.

Кроме приведенного примера, студентами были разработаны конспекты по темам:

■ «Множественное число имен существительных»⁸. В коми-пермяцком языке множественное число существительного выражается суффиксом -эз (-ез),

⁸ Русский язык : 5-й класс : учебник: в 2 частях. Ч. 2. С. 36.

а в русском языке — разные показатели множественного числа. Также необходимо обратить внимание на существительные *pluralia tantum* в русском языке и несклоняемые существительные (значение множественности у последних выражается аналитически). У обучающихся могут возникнуть следующие трудности: в образовании форм множественного числа (подбор правильного показателя); учащиеся-билингвы могут добавить показатель множественного числа к несклоняемым существительным и существительным только множественного числа, как в родном языке; трудности могут возникнуть при морфемном разборе. Поэтому важно на примере контрастивного анализа показать образование множественного числа существительных в русском языке. При разработке этой темы использовались перевод языковых единиц с родного языка на русский и выявление одноименных грамматических категорий.

■ «Несклоняемые имена существительные»⁹. Тема является сложной для изучения, потому что, войдя в коми-пермяцкий язык, несклоняемые существительные будут изменяться по падежам, будут употребляться с лично-притяжательными суффиксами. Учащиеся-билингвы могут просклонять такие существительные по привычной им схеме. Используя перевод с коми-пермяцкого на русский язык, учитель показывает особенности несклоняемых существительных в русском языке. При разработке этой темы применялся прием перевода языковых единиц с родного языка на русский.

■ «Притяжательные прилагательные»¹⁰. В коми-пермяцком языке нет притяжательных прилагательных, при изучении данной темы обучающиеся могут допустить ошибки в разграничении разрядов прилагательных. В ходе урока учитель может использовать прием контрастивного анализа, а также прием выявления безэквивалентных единиц грамматического уровня, необходимо обратить внимание обучающихся на значение и способы образования притяжательных прилагательных.

■ «Предлог как часть речи. Грамматические функции предлогов»¹¹. В коми-пермяцком языке отсутствуют предлоги, но имеются послелогии. В связи с этим важно акцентировать внимание на изучении этой части речи. У обучающихся могут возникнуть трудности при подборе нужного предлога для связи слов в словосочетании, при синтаксическом разборе школьники-билингвы могут не распознать изучаемую часть речи в предложении. При разработке этой темы студентами использованы приемы перевода языковых единиц с родного языка на русский, контрастивного анализа и выявления безэквивалентных единиц грамматического уровня.

⁹ Русский язык : 5-й класс : учебник: в 2 частях. Ч. 2. С. 45.

¹⁰ Русский язык : 6-й класс : учебник: в 2 частях. Ч. 2 / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова [и др.]. 5-е изд., перераб. Москва : Просвещение, 2023. С. 26.

¹¹ Русский язык : 7-й класс : учебник: в 2 частях. Ч. 2 / М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова [и др.]. 5-е изд., перераб. Москва : Просвещение, 2023. С. 20.

Для анализа результатов проведенной работы студентам-филологам был предложен итоговый опрос, который включал вопрос о ценности применения контрастивного подхода в обучении русскому языку в условиях билингвизма. Будущие учителя отметили, что такой подход продуктивен в ситуациях:

- сравнения с другим языком, выявления сходства и различия,
- установления связей между языками;
- подбора языковых примеров;
- профилактики ошибок интерференции;
- развития языкового чутья;
- повышения познавательного интереса учащихся.

Таким образом, учителя, применяющие в условиях билингвизма контрастивный подход, повышают интерес обучающихся к языкам, помогают на основе сопоставления понять и осмыслить особенности языков, формируют ценностное отношение к русскому и коми-пермяцкому языкам.

Школьники, обращаясь к явлениям родного языка, сопоставляя единицы двух языков, получают опыт бережного отношения к языкам и целенаправленного внимания к одноименным языковым явлениям, различным по содержанию. В сознании учащихся формируется более системное представление о грамматическом строе русского языка.

Заключение

В ходе проведенного нами исследования акцентировано внимание на применении приемов контрастивного подхода при обучении русскому языку в условиях коми-пермяцко-русского двуязычия. Результаты констатирующего эксперимента обозначили вопросы, которые необходимо решать в практике подготовки студентов-билингвов к преподаванию русского языка, а именно:

- целесообразность обращения к родному языку обучающихся при изучении тем курса русского языка;
- перечень морфологических тем, требующих применения контрастивного подхода при изучении русского языка в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма;
- лингвистическое содержание уроков русского языка с применением контрастивного подхода;
- методы и приемы обучения морфологии русского языка с опорой на контрастивный подход.

В ходе экспериментальной работы определены эффективные приемы контрастивного анализа:

- выявление одноименных грамматических категорий, имеющих различное значение;
- выявление безэквивалентных единиц и категорий грамматического уровня;
- перевод языковых единиц с родного языка на русский.

С учетом перечисленных приемов смоделированы уроки по темам курса русского языка («Множественное число имен существительных», «Несклоняемые имена существительные», «Прилагательные полные и краткие», «Причастительные прилагательные», «Предлог как часть речи. Грамматические функции предлогов»), требующим применения такого анализа.

Итоговый опрос студентов свидетельствует об осознании будущими учителями значимости контрастивного подхода для изучения русского языка в условиях билингвизма.

Список литературы

1. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. Москва : Прогресс, 1989. С. 5–17.
2. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. Москва : Изд-во «Наука», 1981.
3. Инькова О.Ю. О сопоставительном методе в лингвистических исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 6. С. 17–31. <https://doi.org/1010.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-17-31> EDN: OZJMGF
4. Трубинова Н.А. Трудности в изучении русских частей речи в условиях коми-пермяцко-русского билингвизма // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № 2-2 (50). С. 103–105. EDN: ZZJHWY
5. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: проблемы теории и методики исследования. Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007.

References

1. Gak, V.G. 1989. "On contrastive linguistics." In *New in foreign linguistics*, issue XXV. Contrastive linguistics. Moscow: Progress, pp. 5–17. (In Russ.)
2. Yartseva, V.N. 1981. Contrastive grammar. Moscow: Nauka publ. (In Russ.)
3. Inkova, O.Yu. 2022. "On the comparative method in linguistic research." In *Bulletin of Moscow University*. Series 9. Philology, no. 6, pp. 17–31. (In Russ.). <https://doi.org/1010.55959/MSU0130-0075-9-2022-6-17-31> EDN: OZJMGF
4. Trubinova, N.A. 2024. "Difficulties in learning Russian parts of speech in the context of Komi-Permyak-Russian bilingualism." In *Bulletin of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*, no. 2–2, pp. 103–105. (In Russ.). EDN: ZZJHWY
5. Sternin, I.A. 2007. *Contrastive linguistics: problems of theory and research methods*. Moscow: AST: Vostok-Zapad publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Трубинова Надежда Александровна — старший преподаватель кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, аспирант 2-го года обучения, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24. ORCID: 0009-0002-5866-9076; eLibrary SPIN-код: 5510-4430. E-mail: trubinova_na@pspu.ru

Bio note:

Nadezhda A. Trubinova is Senior Lecturer, the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak Languages and Methods of Teaching Languages, postgraduate student, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 24 Sibirskaya St, Perm, 614990, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-5866-9076; eLibrary SPIN-code: 5510-4430. E-mail: trubinova_na@pspu.ru

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-448-458

EDN: JUMDTX

Интервью / Interview

**К 100-летию литературно-художественного журнала
«Войвыв кодзув» («Северная звезда»):
интервью с главным редактором журнала
Ниной Александровной Обрезковой**

Е.В. Остапова

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ Ost-1966@yandex.ru

Для цитирования: К 100-летию литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда»): интервью с главным редактором журнала Ниной Александровной Обрезковой / Е.В. Остапова, интервьюер // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 448–458. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-448-458> EDN: JUMDTX

© Остапова Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The 100th Anniversary of the Literary and Artistic Journal *Voyvyv Kodzuv* (“Northern Star”): An Interview with Editor-in-Chief Nina A. Obrezkova

Elena V. Ostapova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation

✉ Ost-1966@yandex.ru

For citation: “The 100th Anniversary of the Literary and Artistic Journal *Voyvyv Kodzuv* (“Northern Star”): An Interview with Editor-in-Chief Nina A. Obrezkova.” 2026. Interview by Elena V. Ostapova. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 448–458. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-448-458> EDN: JUMDTX

2026 год является юбилейным годом для литературно-художественного журнала Республики Коми «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), публикующего литературные произведения на коми языке. Журналу исполняется **100 лет**.

Предлагаем читателям интервью с главным редактором журнала — поэтом, прозаиком, переводчиком, членом Союза писателей России **Ниной Александровной Обрезковой**. Интервьюировал кандидат филологических наук, доцент **Елена Васильевна Остапова**.

— *Нина Александровна, литературно-художественному журналу «Войвыв кодзув» («Северная звезда») исполняется 100 лет. Это не просто дата, это — Дата. Познакомьте, пожалуйста, наших читателей с журналом.*

— Очень непросто представить, что это начиналось целых сто лет назад, ведь сто — это очень много, целый век. А кажется, что ты прожил с ним эти все сто лет, знаешь и писателей, создававших журнал и творивших все эти сто лет, читал их произведения. Всё-таки нас учили хорошо и в школе, и в университете, и историю коми литературы наше поколение знает. И всё это очень близко, дорого, ведь история журнала — это история коми народа, история малой, а на самом деле, самой большой и единственной родины.

«Войвыв кодзув» («Северная звезда») — сегодня это ежемесячный литературно-художественный журнал на коми языке. Учредителями журнала являются Администрация Главы и Правительства Республики Коми и «Союз писателей Республики Коми» — региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Это, так сказать, официальное представление журнала. Менее официально — сегодня это единственный в мире журнал, который публикует произведения коми авторов и переводы на коми язык произведений с других языков, отражает литературный процесс в Республике Коми и, соответственно, выходит только на коми языке.

Первый номер журнала вышел в октябре 1926 г. Назывался он в то время «Ордым», именовался крестьянским журналом и был органом Коми Обкома

ВКП (б). «Ордым» с языка коми — это просека. Не случайно некоторое время журнал выходил с такой обложкой: охотник идет по просеке (рис. 1). На мой взгляд, «Ордым» — очень мужское название, как, впрочем, и создание большой литературы — занятие мужское. Создавали журнал сильные и молодые коми поэты и писатели, уверенные в своей просеке, уверенные в том, что пришло время коми литературы. Концепция журнала того времени была определена

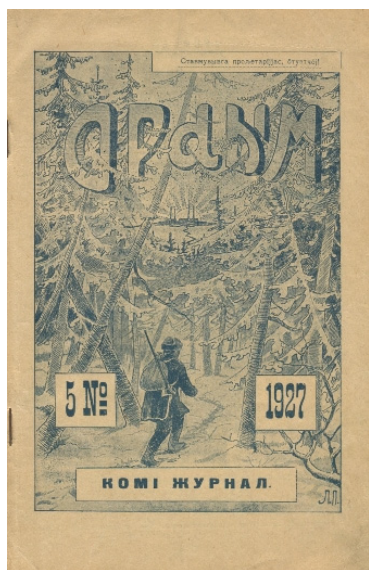

Рис. 1. Обложка журнала «Ордым» (1927, № 5)

Источник: архив журнала.

Figure 1. The cover of *Ordym* journal (1927, no. 5)

Source: archive of the journal.

так: «Будем писать о работе Советской власти и партии ВКП, о сельской жизни, о крестьянской жизни и ее развитии, о кооперативах, о коми произведениях, печатать хорошие произведения (стихи и рассказы) и о многом другом».

В первом номере журнала литературе было отведено лишь треть объема, остальная часть была отдана освещению событий общественно-политической жизни, советам о содержании скота и другим не менее важным крестьянским делам, в третьем номере 1927 г. литературные произведения и освещение событий литературного процесса занимали уже почти половину страниц, и с десятого номера 1928 г. журнал стал полностью литературным.

В 1931 г., когда журнал переименовали в «Ударник», страна начинала жить тем, что характеризовало все тридцатые: досрочно выполнялись планы пятилетки, развивалось стахановское движение... «Ударник» — это уже был «Коми журнал художественной литературы», орган КУЛЬТПРОП ОК ВКП (б) и Коми ассо-

циации пролетарских писателей (КАПП). Помимо задач информирования о строительстве социализма, борьбы с классовыми врагами и необходимости следования линии национальной политики партии журнал ставил задачи знакомства с русской и коми пролетарской художественной литературой и подготовки молодых коми писателей. Под таким названием журнал существовал вплоть до начала Великой Отечественной войны. В мае 1941 г. был подписан в печать последний номер журнала. Журнал закрыт — все ушли на фронт.

Следующий номер вышел в свет лишь в январе 1946 г. И там уже — стихи солдат и офицеров — коми поэтов, написанные в окопах Великой Отечественной. С этого номера и по сегодняшний день журнал называется «Войвыв кодзув» («Северная звезда»).

Первый номер журнала подписал Алексей Надеев. Было ему чуть больше 30 лет. Со второго номера редактором долгое время был коми поэт, драматург, журналист Николай Павлович Попов, писавший под псевдонимом «Жугыль»

(«Печальный»), дедушка народной писательницы Республики Коми Елены Габовой. Несколько номеров подписал Виктор Алексеевич Савин, коми советский поэт, драматург, актёр, общественный деятель, основоположник коми советской литературы и театра. Первый номер под новым названием «Войвыв кодзув» («Северная звезда») подписал коми прозаик и драматург Илья Иванович Пыстин.

В разное время журналом руководили известные коми поэты и писатели Василий Васильевич Юхнин, Яков Митрофанович Рочев, Серафим Алексеевич Попов, Иван Григорьевич Торопов, Пётр Федотович Шахов, Владимир Александрович Попов, Егор Васильевич Рочев, Владимир Васильевич Тимин.

— *Какие знаменательные события в истории журнала вы хотели бы отметить, какие имена?*

— Знаменательным событием, на мой взгляд, было само появление журнала. Сложно даже представить, как в то время собирались номера журнала, когда писателей-то коми практически не было. Уже в первом номере вышли стихотворения и рассказы на коми языке.

Шагом вперед в развитии коми литературы, театра и, конечно, журнала стало появление драматургических произведений. В двенадцатом номере 1927 г. напечатана первая пьеса Виктора Савина «Кулӧмдінса бунт» («Усть-Куломское восстание»), рассказывающая о восстании коми крестьян 1842–1843 гг. Во втором номере 1949 г. была напечатана пьеса Николая Дьяконова «Свадьба», которой суждено было прогреметь по всей стране. Московский драматург А. Глебов перевел пьесу на русский язык — и под названием «Свадьба с приданым» её поставили в Московском театре сатиры. Одноимённый фильм, вышедший на экраны в 1953 г., положил начало всеобщей любви зрителей Советского Союза на долгие годы.

Новой ступенью в развитии коми прозы и литературы в целом явилось зарождение жанра повести. В девятом номере 1931 г. опубликовано начало повести «Сиктса асыв» («Сельское утро») Геннадия Федорова. Этой публикацией было положено начало рождения повести, которая вошла в историю коми литературы как первая повесть коми литературы. А Геннадий Федоров впоследствии стал первым народным писателем Республики Коми. Журнал стал свидетелем появления и первых романов: в 1939 г. был опубликован первый коми роман «Алая лента». Автор — Василий Юхнин.

Ещё одно большое событие — возрождение журнала после Великой Отечественной войны. Страна восстанавливалась после страшной войны, и в это сложнейшее время в республике нашлись силы и возможности возродить литературно-художественный журнал. Появились новые поэты и писатели, новые темы, новые произведения.

Журнал своими публикациями откликался на все события, происходящие в стране. В период роста национального самосознания появились произ-

ведения, повествующие об историческом прошлом коми народа. В исторической повести Владимира Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской», опубликованной в журнале в 1997–1998 гг., его романа «Викинг из Биармии» (2010), романов Геннадия Юшкова «Чугра» (в номерах журнала за 1978–1979), «Родовой знак» (в номерах за 1984–1987), «Бива» (в номерах журнала за 1996–1999) отразилось мировоззрение, мироощущение народа коми, его традиции, обряды, элементы культуры — всё то, что делает любой народ народом, отличающимся от других при единстве основополагающих жизненных устоев.

Деятельность журнала была высоко оценена. Большим событием в жизни журнала стало награждение орденом «Знак почёта» в 1976 г.

— *Журнал не развивается в вакууме, на его страницах находит отражение творческое сотрудничество и взаимодействие. Это только финно-угорское сотрудничество? Или эти контакты можно рассматривать шире?*

— Абсолютно справедливое утверждение о творческом сотрудничестве и взаимодействии. Практически все коми писатели обращались к творчеству представителей разных народов, и многие переводы впервые увидели свет на страницах журнала. В годы становления коми советской литературы переводы произведений русской и мировой литературы давали возможность грамотным на тот момент жителям коми края приобщиться к литературе. В первом номере журнала «Ударник» 1937 г. были опубликованы стихотворения А. Пушкина в переводах основоположника коми литературы Ивана Куратова. Его же переводы стихотворений Беранже, Бёрнса и Шиллера можно почитать в двенадцатом номере журнала «Ударник» за 1939 год. В разные годы публиковались переводы произведений А. Островского, А. Пушкина, С. Есенина, А. Твардовского, М. Исаковского, В. Лебедева-Кумача, С. Маршака, С. Михалкова, М. Шолохова и многих других писателей и поэтов разных стран и народов. И, конечно, особое место среди публикаций на страницах журнала занимают переводы с финно-угорских литератур, причем периоды взлета переводы с родственных языков совпадают с периодами роста уровня самосознания и коми народа, и других финно-угорских народов. Большой вклад в пополнение переводной коми литературы внесли Василий Лыткин, Иван Вавилин, Павел Шеболкин, Михаил Лебедев, Серафим Попов, Геннадий Федоров, Яков Рочев, Федор Щербаков, Геннадий Юшков, Альберт Ванеев, Владимир Тимин, Евгений Козлов и др.

— *В каком состоянии подходит журнал к своему вековому юбилею? Изменилась ли его концепция? Какие новые имена авторов вы хотели бы отметить?*

— За сто лет концепция и наполнение журнала, конечно, много раз менялись, как менялась и наша жизнь. Сегодня литературно-художественный журнал «Войвыв кодзув» живёт, наверное, так же, как большинство «бумаж-

ных» литературных журналов — в поисках авторов, интересных материалов... и в стремлении не потерять своих читателей... Отличие и беда, может быть, в том, что численность народа коми сегодня уменьшается, стало быть, уменьшается и число писателей, пишущих на коми языке, да и читателей хотелось бы, конечно, больше... Для сравнения — в 70-е гг. XX в. тираж журнала достигал 7000 экземпляров. В 2026 г. тираж составляет 400 экземпляров.

Много написано о цифре, соцсетях как конкурентах бумажных журналов. Что касается цифры, журнал не представлен в электронном виде в сети. Это и хорошо, и не очень, наверное. Хорошо, что не все уходят туда, плохо, что те, кто только там, нас не видят. Есть маленькая надежда, что наступит всё-таки цифровой детокс и мы не успеем до этого времени сойти на нет. Успеют родиться и вырасти дети, говорящие и читающие на коми языке, и вырастет новое поколение читателей нашего журнала. Насчет соцсетей. Считаю, что это не хорошо и не плохо. Это есть. И с этим надо считаться. Из минусов — авторы соцсетей, собирающие лайки своих друзей и родственников, позволяют себе считать свои произведения высшей ступенью литературы, что, на наш взгляд, не очень хорошо с точки зрения формирования вкусов читателя. Но каждый находит то, что ищет. Самый главный для меня плюс — в соцсетях в том числе я нахожу своих будущих авторов.

Сегодня концепцию журнала я бы определила так: наряду с публикациями произведений профессиональной художественной литературы именитых коми авторов и переводов произведений с других языков, журнал должен восприниматься читателями и как «свои о своих для своих». Сегодня, думаю, как и везде, у нас наблюдается процесс, когда начинают писать и иногда пишут вполне профессионально люди, обратившиеся к творчеству после пятидесяти лет. Они пишут в основном о своей жизни, о событиях, случившихся с их соседями, друзьями, коллегами, пишут тёплые очерки о родной земле, о природе, об истории республики. Среди них есть и авторы, которые создают новые художественные миры, владеют литературным инструментарием, и это даёт надежду на большую литературу. На мой взгляд, это вполне благодатная история для нашего журнала в современных условиях. Более того, авторы, к которым обращается журнал с предложением сотрудничества, считают это для себя великой честью. Стало быть, престиж журнала высок, и задача сегодняшней команды — не уронить его!

Молодые авторы появляются реже. К сожалению, система обучения в национальном ключе значительно утрачена, и это даёт свои плоды. Дети в коми сёлах уходят от языка своих родителей. Это, наверное, тема для отдельного разговора, но когда нет семян, не будет рассады, не будет и урожая, если такое сравнение возможно... Тем не менее ждём лучших времен, и, что в наших силах, делаем для приближения оных. В этом году к нам обратилась Национальная детская библиотека им. С. Маршака. Они предложили сделать

Рис. 2. Обложка журнала «Войвыв кодзув» (2015, № 11)
Источник: архив журнала.

Figure 2. The cover of Voivvyv kodzuv journal (2015, no. 11)
Source: archive of the journal.

целый номер журнала для детей по публикациям в журнале прошлых лет, своего рода дайджест детской коми литературы за 100 лет. Мы приняли их вызов и начинаем работать. Надеемся, что среди детей, которые прочитают или которым прочитают стихи и рассказы этого номера, будут если не будущие коми писатели, то активные читатели нашего журнала.

Придумываем тематические номера, к примеру, в этом году целый номер будет отдан произведениям, в которых «живут» лодки. Лодка в культуре коми народа — не только важнейшее средство передвижения из-за обилия рек и озёр, но и некий символ коми народа, коми культуры (рис. 2). Жить на реке и не иметь лодку — нонсенс. Особое уважение сельчан вызывают мастера, умеющие делать традиционную лодку. Даже при сегодняшних возможностях иметь металлические и пластиковые лодки, деревянная лодка — это символ чего-то тайного, сакрального в душе коми человека.

Мы создали специальную рубрику «Пишут студенты», в которой студенты коми кафедры Сыктывкарского университета публикуют свои первые научные опусы о коми литературе.

Сегодня задачи журнала лежат не только в плоскости литературно-художественной. Его миссия гораздо шире в свете сохранения коми языка и культуры, сохранения коми народа как этноса.

— *Как вы относитесь к проблеме перевода художественных произведений, в том числе классических, на коми язык? Понятно, что языковая ситуация для коми языка меняется не в лучшую сторону, и эта тенденция характерна для большинства национальных регионов Российской Федерации. «Классику можно читать и по-русски», — такое высказывание часто встречается. Нужны ли переводы классических произведений на коми язык?*

— Эта тема бесконечна, и абсолютная правда, видимо, здесь у каждого своя. Переводы, в том числе и художественные, служат ведь не только для понимания прочитанного. В ситуации практически абсолютного коми-русского билингвизма читать тексты на русском языке может любой желающий. А со знанием других языков, что сегодня неудивительно в среде молодых, доступны произведения мировой литературы на языках оригинала. Переводы, на мой взгляд, это прежде всего обогащение языка, на который осуществляется перевод. Переводческая деятельность «заставляет» толмача придумывать

новые слова, искать старым словам новые значения и т.д., то есть это один из путей развития любого языка. Перевод мировой и русской классики — это во многом и поддержание престижа языка. Если язык способен передать смыслы, заложенные в лучших образцах художественной литературы, мировой в том числе, стало быть, язык стоит гораздо выше того бытового, кухонного уровня, на который его время от времени пытаются поставить.

— *Каких современных авторов вы бы хотели отметить?*

— Республика Коми в последние годы потеряла многих своих крупных писателей. Ушли в мир иной столпы коми литературы — Альберт Ванеев, Геннадий Юшков, Иван Торопов, Владимир Тимин, Александр Ульянов... Красивые сильные мужчины, атланты, держащие небо коми литературы, которые пришли в литературу в 60-е, многие с профессиональным литературным образованием, и принесли свежий ветер в коми журнал. Из женщин того времени — Нина Куратова, Александра Мишарина... Казалось, так будет вечно... К сожалению, после их ухода образовался некий вакуум. А скоротечное время не дало быстро заполниться этому вакууму. Как итог — журнал как бы тоже несколько завис. Что печатать? Кого печатать? И словно в помощь большой коми литературе по всей республике начали писать самые разные люди, в основном после 40–50... Ну об этом уже было выше...

Из авторов сегодня активно пишет Алексей Попов, наш патриарх, ему семьдесят пять, он один из самых продуктивных авторов нашего журнала. Много пишут и печатаются Олег Уляшев, Александр Шебырев, Евгений Козлов, Иван Ногиев, Нина Обрезкова — это из поколения 60+. Из более молодых — Анжелика Елфимова, Алена Ельцова, Алена Нестерова, Ольга Баженова, Алена Шомысова, Любовь Ануфриева... Сложилось так, что одни и те же авторы сегодня работают и в поэзии, и в прозе, и в драматургии. Проза сегодня в основном представлена малыми формами — рассказ, повесть. Видимо, время в коми литературе пока не для романов.

— *Нина Александровна, журнал «Войвыв кодзув» стал стартовой площадкой для многих коми поэтов, писателей, драматургов, публицистов. Как видим, он продолжает формировать диалогическое пространство писатель — читатель и в нынешнее время. А какую роль в вашей творческой судьбе сыграл журнал?*

— Сорок лет назад в журнале «Войвыв кодзув» появилось первое мое стихотворение. И с тех пор в разное время с разной периодизацией в этом журнале были напечатаны практически все мои стихотворения, рассказы, пьесы, переводы... И всегда в моем понимании это был своего рода Олимп, который надо покорить. Было очень большим счастьем, если главред того времени говорил тебе, к примеру: «Очень хорошие переводы очень хороших стихов», — так мне как-то сказал Михаил Елькин, прочитав мои переводы стихотворений марийского поэта Альбертины Ивановой. Но было и другое — долго

не принимали мой перевод на коми язык повести хантыйского автора Романа Ругина «Ланги». И это было для меня нормально — значит, надо работать! В итоге после многих переделок перевод повести был напечатан. Хотя... по юности было как-то раз и такое: некоторые стихотворения были отредактированы без моего согласия. И мне это очень не понравилось. И я высказала своё недовольство. Хотя отредактированные стихи, как я сейчас понимаю, были лучше моего же оригинала. Многое, конечно, печатали и без редактирования. Рассмешили меня как-то слова того же Михаила Елькина по случаю приёма меня в Союз писателей России. Принесла я на другой день свои стихи, и он мне сказал: «Теперь ты профессиональный поэт, и значит...» Что значит? Что изменилось за одну ночь после приёма в Союз? Я окончила ночью Литинститут? Но слова эти помню до сих пор, значит, они не были лишены смысла, и ответственность за сказанное и написанное мной стала неизмеримо выше...

Но за сорок лет я так ни разу и не была уверена на 100 процентов, что мои произведения напечатают. Приносила на бумаге или отправляла по электронке и добавляла: «Отправляю свою нетленку, подойдет — напечатаете». И это не поза, это всегда сомнения — получилось ли? Тот ли уровень? И никогда не досаждала редакции, если долго не печатали: ну что? когда? и всё в этом духе. Потому что журнал — это ведь не только буквы на бумаге. Многое должно совпасть в душе, мыслях главного редактора, да и во вселенной, чтобы собрать номер... До сих пор помню на листках моей рукописи пометки редактора и великолепного коми поэта Евгения Козлова: –, +, +, –, ... — и вдруг три знака восклицания (!!!). Эти и многие другие воспоминания — это память о ступенях моего литературного развития. После каждого такого отклика — а это очень важно! — был анализ случившегося и, думаю, новая ступень. Поэтому с полной уверенностью могу сказать: журнал «Войвыв кодзув» для меня — это школа мастерства, которая не закрывает свои двери и по сей день...

— *Поделитесь, пожалуйста, как вам удаётся совмещать роли главного редактора и поэта?*

— Сложный вопрос. С одной стороны, мне кажется, я всегда знала, как делается журнал. И сегодня, когда мне приносят рукописи, я точно знаю, что пойдёт, а что нет. Если материал сыроват, можно ли его доработать с автором... Что касается роли поэта... Сегодня, об этом я уже говорилось, очень важно сохранить журнал. Стало быть, «главредство» ныне в приоритете. Речь не идет о категорическом конформизме, речь о том, чтобы научиться ставить приоритетные задачи и... чтобы твоя позиция поэта была понятна читателям, но не мешала жизни журнала. И потом... я главред лишь полтора года. А как автор и как публичный человек известна в республике около сорока лет...

— *Вернёмся к современному состоянию журнала. Наше время диктует свои правила для активизации писателей и читателей. Какие конкурсы проводит журнал? Каковы задачи и результаты?*

— Журнал проводит много маленьких конкурсов в своей группе в соцсетях, как сегодня принято. Это небольшие вопросы по истории журнала, по каким-то событиям, по коми языку и т.д.

Из больших конкурсов можно говорить о двух, проводимых ежегодно при поддержке Министерства национальной политики Республики Коми. Первый — это «Эзысь борд» («Серебряное крыло») — конкурс среди авторов журнала — ведёт свою историю с 2006 г. и был создан с целью выявления лучших произведений, опубликованных в журнале за текущий год в номинациях поэзия, проза, драматургия, перевод и публицистика. И второй — «Видза, Войвыв кодзув» («Здравствуй, «Войвыв кодзув») — конкурс для читателей. Он был инициирован Вами, большим другом журнала, его постоянным читателем, исследователем литературы, доцентом Сыктывкарского университета Е.В. Остаповой. Суть конкурса в том, что любой желающий выбирает произведение из публикаций журнала за сто лет и представляет на суд жюри свое прочтение в аудио-видео-формате. Цель создания данного состязания — популяризация чтения на коми языке, в том числе и произведений в журнале «Войвыв кодзув». Надо сказать, что этот конкурс достаточно популярен среди жителей Республики Коми, и каждый год мы получаем порядка ста работ. В конце года победители заочного конкурса приезжают со всей республики на вечер награждения и уже «вживую» читают стихотворения, отрывки из прозы, демонстрируют сцены из драматических произведений и сами получают огромное удовольствие и, надеемся, мотивируются на чтение новых произведений коми литературы. Для редакции и для меня как главреда особо важно то, что в этих конкурсах принимают участие и старшеклассники школ, учащиеся колледжей и студенты коми кафедры Сыктывкарского университета.

— *Как Республика Коми будет отмечать 100-летие журнала? Какие мероприятия приурочены к этой знаменательной дате?*

— Если из невозможного, хочу, чтобы было так: каждый житель Республики Коми узнает в 2026 г., что есть такой журнал, и каждый сотый подпишется на него. Из возможного: у нас совместно с Министерством национальной политики Республики Коми разработана так называемая дорожная карта, в которой запланированы мероприятия в учреждениях культуры и образования города Сыктывкара и республики в целом. Мероприятия запланированы в течение года — это и встречи с читателями в городе Сыктывкаре и дальних селах за 500 километров. Это встречи в учебных заведениях в различных форматах, включая чтения на коми языке произведений из различных выпусков журнала. Чтение вслух молодежью на коми языке — сегодня, на наш взгляд, это ещё одна возможность отсрочить, а возможно, и остановить постепенное угасание языков и самой прессы на национальных языках. Какого-то радио-

нального объяснения этому у меня нет, но, поскольку мы хотим сохранения всего нашего, мы имеем право делать иррациональные шаги.

— *Каким вы видите будущее журнала, его миссию?*

— Как и всё в жизни, в коми литературе развитие идёт по спирали... Были и взлёты, и снижение уровня полётов... Может быть, мы в той точке, в которой начинается отсчёт нового подъёма, нового взлёта... Задача нашей команды, я считаю, подготовить почву для этого взлёта, сохранить журнал, сохранить и умножить интерес читателей к журналу, участвовать в общественном процессе сохранения коми языка, способствовать обучению молодых кадров. Хочется верить, что завтра придут юноши и девушки с дипломами Литинститута... Хочется верить, что и завтра, и послезавтра, и в обозримом и необозримом будущем журнал будет выходить на нашем родном языке, будут у него читатели, и очень хочется знать, что родятся новые Куратовы, Юшковы, Тимины... Иначе нет смысла...

И еще. В журнале целый век работали и публиковались люди с великолепным коми языком, с хорошим литературным инструментарием, люди, прекрасно знавшие историю и культуру коми народа, люди, которые радели за журнал, боролись за журнал, любили журнал. Профессионально делали его. Хочется сохранить журнал и в память об этих людях...

— *Благодарю вас, Нина Александровна, за содержательную беседу. Поздравляю с юбилеем! Желаю журналу долгой и плодотворной жизни, новых авторов и читателей. И вам желаю успехов в поэтическом творчестве!*

Сведения об авторе:

Елена Васильевна Остапова — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой коми филологии, финноугроведения и регионоведения, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Российская Федерация, 167001, Октябрьский проспект, д. 55. ORCID: 0000-0001-9128-7980; eLibrary SPIN-код: 8061-5703. E-mail: Ost-1966@yandex.ru.

Bio note:

Elena V. Ostapova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies and Regional Studies, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 55 Oktyabrsky prospect, Syktyvkar, 167001, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9128-7980; eLibrary SPIN-code: 8061-5703. E-mail: Ost-1966@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СТАТЬИ

INFORMATIONAL ARTICLES

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-2-459-474

EDN: JWJCQF

Informational article / Информационная статья

Komi-Language Journal of Science and Education

Elena V. Eltsova^{ID}, Olga I. Nekrasova^{ID}

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch, Russian Academy of Sciences,” Syktyvkar, Russian Federation

✉ alena.eltsova@mail.ru

Abstract. The article presents an informational review of the scholarly and educational journal Komi Philology of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, and examines the publications of the main sections of 14 issues of the journal for 2020-2025: “Linguistics,” “Literary Studies,” “Folklore Studies,” and the “Study of the Komi Language and Literature in Schools.” The study was based on articles in the journal written in the Komi and Komi-Permyak languages. The paper analyzes these works to determine their relevance and role in the development of Komi philology and education.

Key words: Komi linguistics, Komi literary studies, Komi folklore studies, Komi language at school

Article history: received 14.02.2026; accepted 14.04.2026.

Authors’ contribution: *Nekrasova O.I.* — developed the research concept, wrote the following sections: “Editorial Board, Authors, Sections and Rubrics,” the sections “Linguistics,” “Study of the Komi Language and Literature in School,” and conclusion; *Eltsova E.V.* — wrote the introduction, sections “Literary Studies,” “Folklore Studies,” “Study of the Komi Language and Literature in School”; prepared the reference list and footnotes. Both authors have reviewed and approved the final manuscript.

Conflict of interest: the authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The work was prepared as part of the planned topic “The Artistic Experience of Komi Literature in the Sociocultural Context” (2026–2030). FUUU-2026-0005 and “The Permian languages as a historically established and dynamically developing system.”

For citation: Eltsova, E.V. and O.I. Nekrasova. 2026. “Komi-Language Journal of Science and Education.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (2), 459–474. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-459-474> EDN: JWJCQF

© Eltsova E.V., Nekrasova O.I., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Научно-образовательный журнал на коми языке

Е.В. Ельцова^{id}, О.И. Некрасова^{id}

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация,
✉ alena.eltsova@mail.ru

Аннотация. В статье представлен информационный обзор научно-образовательного журнала Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина «Коми филология», рассмотрены публикации основных разделов 14 выпусков журнала за 2020–2025 гг.: «Языкознание», «Литературоведение», «Фольклористика», «Изучение коми языка и литературы в школе». Материалом для изучения послужили публикации в журнале, написанные на коми и коми-пермяцком языках: в работе выполнен их анализ с целью определения актуальности данного издания, его роли в развитии коми национальной филологии и образования.

Ключевые слова: коми языкознание, коми литературоведение, коми фольклористика, коми язык в школе, научные издания на национальных языках

История статьи: поступила в редакцию 14.02.2026; принята к печати 14.04.2026.

Вклад авторов: *Некрасова О.И.* — концепция исследования, написание частей «Редколлегия, авторы, разделы и рубрики», о разделах журнала «Языкознание», «Изучение коми языка и литературы в школе», заключения; *Ельцова Е.В.* — написание введения, частей о разделах журнала «Литературоведение», «Фольклористика», «Изучение коми языка и литературы в школе», оформление списка литературы и сносок. Оба автора ознакомлены с окончательным текстом статьи и одобрили его.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа подготовлена в рамках реализации государственных заданий ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте» (2026-2030 гг.) (FUUU-2026-0005) и «Пермские языки как исторически сложившаяся и динамически развивающаяся система» (рег. № 126020216215-0).

Для цитирования: *Ельцова Е.В., Некрасова О.И.* Научно-образовательный журнал на коми языке // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 2. С. 459–474. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-2-459-474> EDN: JWJCQF

Introduction

Every language reflects a national culture and worldview. For an individual, their native language holds an independent value and plays an important role in preserving the cultural traditions and history of a people. This value does not depend on the number of its speakers.

In Russia, state support is guaranteed for both the official Russian language and the national languages of indigenous ethnic groups. However, as researchers have noted, these guarantees do not extend to granting these languages the status of professional languages in academia. The need to publish research in one's native language currently depends on the capabilities of regional authorities and the initiative of the authors themselves [1, p. 913]. Nevertheless, the need for such publications persists, demonstrating that the inertia of conventional monolingualism

in science can be overcome. This article presents a successful example of overcoming this inertia.

Scientific works by Komi philologists written in the Komi language were published as early as the 1920s and 1930s in the first Komi literary and art journal, *Ordym* ('The Path') — later renamed *Udarnik* and *Voivyy kodzuv* ('The North Star') — and, in the 1990s, in the journal *Art* ('Harmony'). Furthermore, collections of articles, textbooks, methodological guidelines, and monographs on linguistics, literary studies, and folklore studies were periodically issued in the Komi language. However, a separate periodical publication in the form of a journal dedicated specifically to scientific works on Komi philology and education has never existed. A partial exception is the collection of scientific papers *Issues of Komi Philology*, published between 2005 and 2009 at Syktyvkar State University, though predominantly in Russian. The articles published in these collections examined little studied or unexplored issues of the Komi language and literature, offered new interpretations of previously studied phenomena, analyzed works of fiction, and provided assessments of literary processes [2, p. 2]. In the period from 2012 to 2021, another platform for publishing Komi philological works was the *Bulletin of Syktyvkar University: Humanities Series*, which published articles on Komi philology in Russian (the only special issue of this journal in the Komi language was published in 2018 [3]).¹

By 2020, the need had arisen to create a separate periodic scientific and educational publication in the Komi language. The relevance of its creation can be explained, not least, by the fact that this is a way to expand the spheres of functioning of the modern Komi language: scientific and educational publications in Komi demonstrate its high level of development and the language's capabilities in national philological science, theory, and methodology of school and university teaching of the Komi language and literature.

Editorial Board, Authors, Sections, and Rubrics

The first issue of the scholarly and educational journal *Komi Philology* (ISSN 2713–3311) was published in 2020, adding to the list of academic publications of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Currently, 14 issues of the journal have been published with a frequency of twice a year. Information about the journal

¹ The special issue of the journal "Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series" presents scientific articles in the Komi language on the topics of "Komi Philology" and "Ethnocultural Education." The authors are researchers of the Komi language, literature, and folklore at the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, the Komi Republican Academy of Public Administration and Management, the Institute of Language, Literature, and History of the Komi Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, and postgraduate students. The articles focus on current issues in Komi linguistics, literary studies, folklore studies, and the teaching of the Komi language and literature in schools. See: [3].

is available on the university's website,² where full text versions of the published issues can also be viewed. Here are some issues of the journal in the figure below.

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University is the only higher education institution that trains Komi philologists — specialists in Finno-Ugric linguistics, literary studies, and folklore. The university has a Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies, and Regional Studies. The status of the Komi language is legally established; Komi is one of the official languages in the Komi Republic.³ The issues of preserving, developing, and ensuring the functioning of a minority language in a bilingual and multinational environment are relevant: it is necessary to address the tasks of studying the Komi language and training national scientific personnel, while also actively developing the use of the Komi language in science, education, and other public spheres. The importance of preserving cultural and linguistic diversity today is discussed at various levels; it is also one of the central themes in matters of preserving and developing Finno-Ugric peoples. Currently, the activation of the scientific Komi language is observed so far only in the field of certain humanities: in linguistics, literary studies, and folklore. These factors have influenced the choice of language for publications in the journal *Komi Philology*. Scientific, scholarly, and methodological articles, reviews, and critiques devoted to current problems in linguistics, literary studies, folklore, and education in the journal are presented primarily in the Komi and Komi-Permyak languages — the publication aims to support the implementation of the Komi language in the scientific sphere. Publications in other languages are few and are placed mainly in special issues.

The publication of the journal became possible thanks to the support of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University and the Ministry of National Policy of the Komi Republic. The initiator of the creation of the scientific and educational journal

was Elena Vasilievna Ostapova, Candidate of Philological Sciences, Head of the University's Scientific and Educational Center *Innovations in Ethnic Humanitarian Education*, currently Head of the Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies and Regional Studies at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University and Editor-in-Chief of the journal *Komi Philology*. The editorial board

The issues of *Komi philology* journal

Source: compiled by Elena V. Elitsova, Olga I. Nekrasova.

² *A Scholarly and Educational Journal Komi Philology*, 4 Feb. 2026, <https://www.syktsu.ru/about/nd/nauchnye-izdaniya-vuza/komi-filologiya/>

³ *Law of the Komi Republic No. 2 of May 28, 1992 "On the State Languages of the Komi Republic,"* 4 Feb. 2026, base.garant.ru. <https://base.garant.ru/27300988/>

includes leading specialists of the department and researchers from the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. A great deal of work on preparing the issues undertaken by R.P. Popova and G.V. Punegova.

The emergence of a scholarly and educational journal in the Komi language represents a response to the public need for a unified effort and a systematic approach to preserving and developing the language of the titular nation, advancing science and national culture, improving methods of teaching the native language, and facilitating the exchange of pedagogical experience.

Thus, the journal *Komi Philology* serves as a platform for researchers, educators, and cultural workers to publish the results of their studies in the fields of philology, language teaching, literature, folklore, and the methodology of teaching the native language and literature — specifically in the Komi language. The journal's target audience includes specialists in Komi philology, schoolteachers, librarians, students, translators, and anyone interested in issues related to the Komi language, literature, and culture. This is its main value: the publication is accessible not only to professional users and narrow specialists but also to a wide range of readers.

The number of article authors and contributors increases with each issue. They are primarily researchers and graduate students from the sectors of Language, Literary Studies, and Folklore at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as staff, students, and postgraduates of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. Articles by schoolteachers are appearing in the journal more and more frequently. Among the publication's regular authors are E.A. Tsypanov, V.M. Ludykova, R.P. Popova, G.V. Punegova, O.I. Nekrasova, E.V. Eltsova, E.V. Ostapova, A.N. Rassykhayev, L.E. Surnina, and others.

The journal makes it easier for readers to find the necessary material. It includes permanent and non-permanent sections and columns to help readers find the material they need: “Коми кыв туялӧм / Linguistics,” “Коми литература туялӧм / Literary Studies,” “Коми фольклор туялӧм / Folklore Studies,” “Школаын коми кыв да литература велӧдӧм / Study Komi Language and Literature at School,” “Тшупӧда пас / Anniversaries,” “Донъяланкыв / Reviews,” “Юӧр / Reports,” “Коми гӧгӧртас / Komi World,” “Казьтылӧм / Memoirs.”

Special issues of the journal are published periodically, providing an opportunity for the publication of thematically focused materials. For instance, special issue 5–6 of 2021 presents materials from the conference “Izhma Readings: Interregional Scientific and Practical Conference ‘Cultural Heritage of the Izvatas. Tradition. Prospects’ in Memory of Folklorist and Researcher of Izvatas Traditional Culture V.V. Filippova” (July 2, 2021, Izhemsky District, Izhma village). This issue contains texts of papers dedicated to the life and work of Valentina Viktorovna Filippova (1957–2012), as well as reports on the history, economic development, traditions, language, spiritual heritage, culture, and literature of the Komi-Izhma

ethnographic group. A separate section of the issue includes memories of V.V. Filippova from her students — graduates of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

The second special issue of the academic journal *Komi Philology* (Issues 11–12, 2024) presents materials from the First Interregional Scientific and Practical Conference “V Vaneev Readings.” The conference was held in the Udora District of the Komi Republic (Koslan village — Butkan village) on December 15, 2023, and was dedicated to the 90th anniversary of the People’s Poet of the Komi Republic, A.E. Vaneev, a native of the Udora District. The issue features a range of contributions, including literary and linguistic studies of the poet’s work, a review of a collection of articles about his life and legacy published in the series *Sketches for a Literary Portrait* (2023) [4], and reports on various projects organized for the writer’s anniversary. The second part of the issue broadens its scope to include research in Komi, Komi-Permyak, Udmurt, Karelian, and Saami philology, reflecting the journal’s commitment to engaging a wide community of authors and readers.

The 7–8 issue of the journal for 2022 was timed to coincide with the fiftieth anniversary of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University. It contains scholarly articles on the history of the establishment and development of Komi philology at the university, presents the research and educational activities of the lecturers of the Department of Komi Philology, and defines their role in the department’s work from 1972 to the present. In her article “50 Years of Studying and Researching the Komi Language and Literature at Syktyvkar University,” Doctor of Philological Sciences V.M. Ludykova writes about the significance of the academic work of the Department of Komi Philology: “Research activity has always been and will remain an important component of the work of the Department of Komi and Finno-Ugric Philology at Syktyvkar University. In a short time, the department became a center for the study of the native language, folklore, and literature”⁴ [5, p. 29]. Of particular value are the archival photographs published in this issue, as well as memoirs of the department’s lecturers and graduates about their years of work and study.

The 2025 issue 13–14 publishes new scholarly research by scientists, students, and postgraduates in the fields of Komi-Permyak philology and education. Written in Russian, Komi, and Komi-Permyak, these works are gathered in a special section dedicated to the 100th anniversary of the Komi-Permyak Okrug.⁵ This section presents modern approaches to the study of the Komi-Permyak language and literature, and highlights the history of science and education of the Komi-Permyak people.

Today, the journal *Komi Philology* is the only publication of its kind to feature such materials in the Komi and Komi-Permyak languages. Their “novelty, relevance, and timeliness” are also highlighted by its readers [6, p. 207].

⁴ Translated by E.V. Eltsova.

⁵ The Komi-Permyak Autonomous Okrug, with its administrative center in Kudymkar, was established in 1925. In 2005, it was merged with Perm Oblast to form Perm Krai, acquiring the status of the Komi-Permyak Okrug.

Section Linguistics

This section is a regular feature of the journal, publishing articles on various aspects of the Komi-Zyrian and Komi-Permyak languages. It is important to note not only the scholarly but also the practical significance of the published articles, which provide rich material for linguists, students (including both undergraduate and graduate levels), schoolteachers, gymnasium instructors, and educators at secondary specialized schools and universities who teach the Komi language and literature or the Komi-Permyak language and literature. The articles are also a valuable resource for Komi press workers and translators.

From its very first issues, the journal has showcased a remarkable diversity of topics. The modern Komi and Komi-Permyak languages are characterized by dialectal diversity, their functioning in conditions of bilingualism, and ongoing changes in the cultural and communicative space. In this regard, materials related to translation issues are always of great interest. Articles devoted to this topic include those by N.I. Vattuleva on the history of the translation of the Bible into the Komi language, from the first translations by Stefan of Perm to the present day;⁶ N.A. Gabova on the modern translation of the *The Proverbs of Solomon* into the Komi language;⁷ N.A. Obreskova on the features of S.A. Popov's poem "Lola" ('The Elk') and its translation into Russian⁸; and N.S. Sergieva on the system of views of the Komi poet A.E. Vaneev regarding the process of poetic translation and the author's work with translators, as well as the principles of authorial selection and translation quality assessment.⁹ E.A. Tsypanov,¹⁰ M.S. Fedina, and V.A. Stepanov,¹¹ addressed the study of the history and development of the Komi literary language and the Komi writing system in their articles.

Issues of phonetics and dialectology are addressed in articles by R.P. Popova on the phonetic features of the Izhma dialect of the Komi language;¹² by G.V. Pune-gova on the study of the vocalic system of the Izhma dialect based on spectral analysis data and on the features of timbral characteristics of characters' speech in

⁶ Vattuleva, N.I. 2020. "From the history of the translation of the Bible into the Komi language." *Komi Philology*, no. 1, pp. 9–14. (In Komi).

⁷ Gabova, N.A. 2020. "On the translation of the Book of "Proverbs of Solomon" into the Komi language." *Komi Philology*, no. 1, pp. 14–20. (In Komi).

⁸ Obreskova, N.A. 2020. "On the translation of S.A. Popov's poem "The Elk" into Russian." *Komi Philology*, no. 1, pp. 64–68. (In Komi).

⁹ Sergieva, N.S. 2024. "Translations of Albert Vaneev's poetry into Russian: The problem of quality and selection." *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 63–78. (In Russ.)

¹⁰ Tsypanov, E.A. 2020. "How is the Komi literary language changing?" *Komi Philology*, no. 1, pp. 94–106. (In Komi).

¹¹ Fedina, M.S., and V.A. Stepanov. 2020. "On the history of Komi writing." *Komi Filology*, no. 2, pp. 43–53. (In Komi).

¹² Popova, R.P. 2021. "On some phonetic features of the Izhma dialect of the Komi language." *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 177–183. (In Russ.)

Komi literary works.¹³ Phonetic interference is the focus of A.O. Panyukova's work, which examines pronunciation variants of affricates in the interfered speech of bilinguals.¹⁴ V.P. Chuprov describes the possibilities for scholarly research on the phonetic structure of the Izhma dialect of the Komi language using the oral corpus of Izhma texts *Komi Mediateka* and the ELAN program.¹⁵

Lexical resources of the Komi and Komi-Permyak languages often come into focus in the authors' articles. These include works by O.N. Bazhenova on the stylistic functions of Russian borrowings in Komi literary texts¹⁶ and on the use of dialectisms in Komi literary works; by D.N. Kaneva on Izhma dialectisms and their functions in Komi literary texts;¹⁷ by O.N. Artyeva and O.N. Bazhenova on synonyms in the story "Prosa Rok" ('Millet Porridge') by I.G. Toropov;¹⁸ by E.I. Sidorova on the study of appellative vocabulary recorded in the names of geographical features in the village of Kuratovo and its surroundings;¹⁹ by E.A. Tsypanov on the semantics of lexico-semantic variants of the ethnonym *Chud* in the traditional perception of the Komi people, and on the variety of names for the puffball mushroom (*Lycoperdon perlatum* Pers.) in the Komi language, its dialectal variants, and the phenomenon of secondary nomination leading to the emergence of pejorative meanings;²⁰ by E.A. Aibabina and O.I. Nekrasova on borrowed mythological vocabulary denoting the house spirit, prevalent in Komi dialects;²¹ by G.V. Punegova on verbs of sound in the poetry of A.E. Vaneev;²² by K.K. Kolchurina, A.D. Krivoshchekov, and V.A. Nechaeva on pictorial words in the Komi-Permyak-Russian dictionary of

¹³ Punegova, G.V. 2021. "An Experimental Study of the Vowels of the Izhma Dialect of the Komi Language." *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 183–189. (In Russ.); Punegova, G.V. 2025. "Speech Timbre in Komi Literary." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 94–110. (In Komi).

¹⁴ Paniukova, A.O. 2020. "Variability of Affricates in the Russian and Komi Speech of Bilinguals in Conditions of Bilateral Bilingualism." *Komi Philology*, no. 1, pp. 68–80. (In Komi).

¹⁵ Chuprov, V.P. 2021. "Possibilities of Studying the Izhma Dialect of the Komi Language Using the ELAN Program." *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 204–210. (In Komi).

¹⁶ Bazhenova, O.N. 2020. "Stylistic Functions of Russian Lexical Borrowings in Komi Literary Texts." *Komi Philology*, no. 1, pp. 5–9. (In Komi); Bazhenova, O.N. 2020. "Dialectisms in Works of Komi Fiction." *Komi Philology*, no. 2, pp. 5–15. (In Komi).

¹⁷ Kaneva, D.N. 2021. "The Izhma Dialect in Komi Literary Texts." *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 135–140. (In Russ.)

¹⁸ Artyeva, O.N., and O.N. Bazhenova. 2021. "Synonyms in I.G. Toropov's Short Story *Millet Porridge*." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 6–11. (In Komi).

¹⁹ Sidorova, E.I. 2021. "Appellative Vocabulary of Microtoponyms in the Village of Kuratovo and Its Environs." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 77–94. (In Komi).

²⁰ Tsypanov, E.A. 2021. "What Does the Word *Chud* Mean in Komi Speech?" *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 94–101. (In Komi); Tsypanov, E.A. 2020. "A Distinctive Mushroom (*Lycoperdon perlatum* Pers.) and Its Names in the Komi Language." *Komi Philology*, no. 2, pp. 53–59. (In Komi).

²¹ Aibabina, E.A., and O.I. Nekrasova. 2023. "Borrowed Vocabulary for the Household Spirit in Komi Dialects." *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 6–17. (In Komi).

²² Punegova, G.V. 2024. "Verbs of Sound in the Poetry of Albert Vaneev." *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 50–63. (In Komi).

1985;²³ by A.S. Lobanova, A.A. Rychkov, and K.O. Savelyeva with lexical studies on phytonyms, toponyms, and somatisms carried out on the material of the Komi-Permyak language;²⁴ by L.V. Uteva on terms of affinal kinship in the Komi-Permyak language;²⁵ and others. Problems of dialogic speech in Komi children's literature are explored in the works of G.V. Punegova.²⁶

Works devoted to the syntax of the Komi language are of undoubted interest. First of all, these are articles by V.M. Ludykova concerning subjective modality in the Komi language and affective syntax. Valuable material for teachers of the Komi language and literature is contained in her works, which explore the language of Komi folklore and the language of poetic and prose texts by famous Komi poets and writers — G.V. Butyreva, N.A. Frolov, I.G. Toropov, and A.E. Vaneev. An article by E.A. Tsypanov is devoted to the peculiarities of the syntax of the Komi-Permyak literary language.²⁷ R.P. Popova and L.I. Khatanzey-skaya studied comparative constructions with the postpositions *kod'* and *moz*, characterizing a person, in the works of Ya.M. Rochev and G.A. Yushkov.²⁸

In the *Linguistics* section, works have been published that can be described as innovative in Komi linguistics, as they represent studies on the functioning of the Komi language in the Internet space. This includes an article by Yu.S. Sycheva, which for the first time analyzes the phonetic, grammatical, lexical, and syntactic features of the Komi language on the social network 'Vkontakte'.²⁹ The functioning of the Komi language in the electronic information space is the focus of an article by M.S. Fedina, which introduces the work on the Komi section of the new online encyclopedia, RUViki.³⁰

²³ Kolchurina, K.K., A.D. Krivoshchekova, and V.A. Nechaev. 2025. "Onomatopoeic Words in the Komi-Permyak-Russian Dictionary (1985): Statistical and Semantic Aspects." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 7–14. (In Komi-Permyak).

²⁴ Lobanova, A.S., A.A. Rychkova, and K.O. Savelyeva. 2025. "Studies on the Komi-Permyak Language." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 15–27. (In Komi-Permyak).

²⁵ Uteva, L.V. 2025. "On the Question of Terms for Affinal Kinship in the Komi-Permyak Language." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 69–75. (In Komi-Permyak).

²⁶ Punegova, G.V. 2020. "Features of Dialogic Speech in the Children's Works of Elena Kozlova." *Komi Philology*, no. 2, pp. 30–43. (In Komi); Punegova, G.V. 2021. "On Certain Linguistic Features of Dialogic Speech in Komi Literary Works." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 56–68. (In Komi).

²⁷ Tsypanov, E.A. 2021. "Distinctive Features of the Syntax of the Komi-Permyak Literary Language." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 76–84. (In Komi).

²⁸ Popova, R.P., and L.I. Khatanzeeiskaya. "Comparative Constructions with the Postpositions *kod'* and *moz* Characterizing a Person in the Works of Ya.M. Rochev and G.A. Yushkov." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 49–56. (In Komi).

²⁹ Sycheva, Yu.S. 2020. "The Functioning of the Komi Language in the Social Network 'Vkontakte'." *Komi Philology*, no. 1, pp. 80–93. (In Komi).

³⁰ Fedina, M.S. 2025. "On the New Komi Internet Encyclopedia." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 110–19. (In Komi).

Section *Literary Studies*

The *Literary Studies* section features research that spans the entire development of Komi literature, from its origins in the mid-19th century to the most recent works of the early 21st century. The articles published in the journal are typically the product of long term scholarly inquiry into the theory and history of this national literature. They reveal not only the dynamic evolution of Komi literature itself but also the development of Komi literary studies as an academic discipline. Furthermore, these publications shed light on the methodological foundations of contemporary Komi literary scholarship, which predominantly employs biographical, cultural-historical, psychological, and comparative-contrastive approaches.

Throughout the history of the journal's publication, *Komi Philology* has paid close attention to the work of the founder of Komi literature, Ivan Alekseevich Kuratov (1839–1875). This focus is certainly justified: Kuratov studies have been developing since the 1920s, and interest in the poet's work continues to grow today. New aspects of the writer's poetic heritage are constantly being discovered. For instance, the features of the subjective organization in I.A. Kuratov's peasant cycle poems are analyzed in articles by L.E. Surnina,³¹ who argues that "the poet's lyrics are a unique and significant phenomenon" not only in Komi and other Finno-Ugric literatures, but also in world culture and literature as a whole³² [7, p. 152].

The authors of the articles also draw on the work of other classic and contemporary Komi writers, including poets and prose writers of the 20th and 21st centuries who have made a significant contribution to the creation and development of Komi literature. These include K.F. Zhakov, V.T. Chistalev, A.P. Razmyslov, G.A. Yushkov, A.E. Vaneev, F.V. Shcherbakov, Yu.K. Vasyutov, M.A. Elkin, G.V. Butyreva, A.M. Luzhikov, N.A. Obrezkova, E.E. Afanasyeva, I.I. Nogiev, and others.

The largest number of literary studies in this section are devoted to Komi poetry and the lives and works of Komi poets. Among them, works in the genre of the literary portrait predominate, in which the researcher conducts a holistic analysis of the writer's oeuvre in relation to their personality. For example, E.V. Eltsova presented literary portraits of the Komi poets M.A. Yelkin, A.M. Luzhikov, A.P. Razmyslov, and F.V. Shcherbakov (the latter in collaboration with N.V. Gorinova).³³

³¹ Surina, L.E. 2020. "The Image of the Hero in I. Kuratov's Poem 'Pöch' (The Old Woman)." *Komi Philology*, no. 1, pp. 176–182. (In Komi); Surina, L.E. 2023. "The Theme of Life and Death in I. Kuratov's Poems *An Old Man's Life* and *A Young Man's Death*." *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 101–113. (In Komi); Surina, L.E. 2025. "An Analysis of I.A. Kuratov's Poems from the Perspective of Their Subject Organization." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 151–165. (In Komi).

³² Translated by E.V. Eltsova.

³³ Eltsova, E.V. 2020. "The Life and Work of Komi Poet Mikhail Yelkin." *Komi Philology*, no. 1, pp. 122–133 (In Komi); Eltsova, E.V. "Artistic Features of the Poetic Work of A. Luzhikov."

An article by A.V. Maleva presents a literary portrait of L.A. Anufriyeva.³⁴ These articles provide clarified or previously unknown facts about the poets' biographies, identify and describe significant milestones in their lives and creative careers, analyze the distinctive features of their work — including stylistics, central themes, and motifs — and characterize their use of language. The novelty of this body of work lies in the fact that several of these studies, for the first time in the history of Komi literary scholarship, address the life and work of a particular writer, thereby introducing new historical and literary material into scholarly circulation. Furthermore, these articles offer fresh perspectives on the work of Komi writers and analyze previously unexplored texts.

Several issues of the journal are dedicated to the study of the poetic image — an artistically recreated and aesthetically meaningful object or phenomenon that arises in the reader's mind from the poetic text. An in depth study of a system of images provides an opportunity to see the work of individual poets belonging to different historical eras in a new light. Several issues also feature articles by young scholars devoted to various images in the work of Komi poets: by postgraduate student I.V. Koroleva — on the poetry of G.V. Butyreva,³⁵ and by undergraduate V.E. Koroleva — on the poems of E.V. Kozlov.³⁶ The evolution of the relationship between nature and man in the work of the writer V.I. Lytkin, the features of the artistic depiction of nature, the main motifs, images, and types of landscapes are examined by O.S. Ziyavadinova³⁷. Finally, in the works of E.V. Ostapova³⁸ and L.E. Surnina,³⁹ the stylistic features of the works of Komi poets are investigated.

On the pages of the journal *Komi Philology*, literary scholars pay close attention to the work of the People's Poet of the Komi Republic, A.E. Vaneev. In 2024, to mark the writer's 90th anniversary, a special issue of the journal was prepared and published (see above), with articles dedicated to his life and various

Komi Philology, no. 3–4, pp. 102–117. (In Komi); Eltsova, E.V. 2025. “Native Land — You Are My Happiness...: The Life and Work of Anany Razmyslov.” *Komi Philology*, no. 13–44, pp. 130–142. (In Komi); Gorinova, N.V., and E.V. Eltsova. 2020. “Stars Never Die...: The Life and Work of Fyodor Shcherbakov.” *Komi Philology*, no. 1, pp. 107–114. (In Komi).

³⁴ Maleva, A.V. 2021. “Artistic Originality of the Lyrics of the Izhma Poetess Lyubov Anufriyeva.” *Komi Philology*, no. 5–6, pp. 171–177. (In Russ.)

³⁵ Koroleva, Yu.V. 2020. “Like a Goose Trying to Break Free into the Sky: The Temple in the Poems of G.V. Butyreva.” *Komi Philology*, no. 1, pp. 141–146. (In Komi); Koroleva, Yu.V. 2021. “The Concept of HOME in the Lyrics of Galina Butyreva: The Creation of the Cosmos.” *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 117–125. (In Komi).

³⁶ Koroleva, V.E. 2024. “The Lyrical Hero in the Poems of E.V. Kozlov.” *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 149–155. (In Komi).

³⁷ Ziyavadinova, O.S. 2023. “Man and Nature in the Literary Work of V.I. Lytkin.” *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 72–81. (In Komi).

³⁸ Ostapova, E.V. 2020. “The Artistic Function of the Ellipsis in the Poems of Nina Obrezkova.” *Komi Philology*, no. 1, pp. 156–165. (In Komi).

³⁹ Surnina, L.E. 2020. “This Language is Dear to Me, Soft, Beautiful, Sonorous: On the Role of Stylistic Devices in Literary Works.” *Komi Philology*, no. 2, pp. 87–96. (In Komi).

aspects of his poetic work. The theme of war in A.E. Vaneev's poetry is explored in an article by E.V. Elitsova;⁴⁰ the means of depicting pain in the poet's sonnets are investigated by E.V. Ostapova.⁴¹

Numerous works for children have been published in the Komi Republic, where children's literature has long been a priority. This fact also accounts for the emergence of research on children's literature, which is reflected in academic journals: in 2020–2021, articles by L.E. Surnina, V.A. Limerova, Yu.V. Koroleva, and E.V. Elitsova explored the artistic features of Komi children's literature. Undoubtedly, the publication of such research can also benefit contemporary Komi writers who create works for children, as analytical articles can provide direction for the further development of their creative work.

Komi prose is also given significant attention in the journal. The genre features of the Komi short story are examined in articles by G.K. Lisovskaya, T.L. Kuznetsova, E.M. Kosnyreva, and I.I. Popova. They define the types of stories in the works of K.F. Zhakov,⁴² characterize the heroes of I.V. Kodanov's stories,⁴³ and explore the psychological depth of I.I. Nogiev's prose.⁴⁴ The journal also addresses a genre transitional between journalism and fiction — the writer's diary. In this area, E.V. Elitsova has identified the artistic features of V.T. Chistalev's Verkhne-Chovsky diary.⁴⁵

The appearance of scientific publications on Komi literature in the Komi language in the journal *Komi Philology* marks a new stage in the development of national literary studies. The publication facilitates the development of a terminological base for literary studies in the Komi language and enhances the practical value of the research conducted.

Section *Folklore Studies*

Folklore studies are represented on the pages of the journal *Komi Philology* by the works of scholars from the Folklore Sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre: A.N. Rassyskhaev, L.S. Lobanova, and N.S. Korovina.

⁴⁰ Elitsova, E.V. 2024. "The Lyrical Embodiment of the Theme of War in the Poetry of A. Vaneev." *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 7–16. (In Russ.).

⁴¹ Ostapova, E.V. 2024. "The Poet's Pain (On the Sonnets of A.E. Vaneev)." *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 41–50. (In Komi).

⁴² Lisovskaya, G.K. 2020. "The Distinctive Character of K.F. Zhakov's Short Stories." *Komi Philology*, no. 1, pp. 147–155. (In Komi).

⁴³ Popova, I.I. 2024. "The Heroes of I.V. Kodanov's Short Stories." *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 156–161. (In Komi).

⁴⁴ Kosnyreva, E.M. 2021. "Devices of Psychologism in Ivan Nogiev's Short Story *The Ruble*." In *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 125–133. (In Komi).

⁴⁵ Elitsova, E.V. 2020. "The Verkhne-Chovsky Diary — The Last Work of V. Chistalev." *Komi Philology*, no. 1, pp. 115–122. (In Komi).

As the researchers themselves note, most of the works are written “based on field materials” [8. P. 165], and it is here that their novelty and practical value lie: previously unpublished materials on Komi fairy tale and non-fairy-tale prose, as well as on the folk calendar, have been introduced into scholarly discourse. The features of the folk calendar within the micro-local folklore tradition of the village of Bolshelug are studied in the work of A.N. Rassykhaev. He has also analyzed cycles of oral stories about prominent figures: about St. Stephen of Perm, about the strongman Pakom Stepan, about the hypnotist M. Savin, nicknamed Bisin Mish, and narratives concerning the destruction of temples and the punishment of a blasphemer. A.N. Rassykhaev has also researched the specific terminology of Komi game folklore.⁴⁶ The work of N.S. Korovina is devoted to issues related to the art of the Udora storytellers and their role in the culture of the Komi people.⁴⁷

Folklore scholars carry out research work with school students: this is evidenced by articles published in the journal *Komi Philology*. Issue 11–12 for 2024 includes articles by students of grades 8–9 of the Gymnasium of Arts, written under the guidance and in co-authorship with L.S. Lobanova, a researcher at the Institute of Language, Literature and History.

Section Study Komi Language and Literature at School

In 1997, the Ministry of Education, Science and Youth Policy of the Komi Republic and the Komi Republican Institute for Educational Development founded the scientific and methodological journal-almanac *Chuzhan kyyv* (‘Native word’), which has been published intermittently over the years. Its main priorities were issues related to preschool, school, and ethno-cultural education. To assist educators, the journal published various materials and recommendations in both Komi and Russian on methods of teaching the Komi language and literature, Komi oral folk art, and ethno-cultural local studies. The journal was created to support and develop the teaching of the Komi language and to facilitate the exchange of experience among teachers. It included materials on the methodology of teaching subjects in the Komi language, lesson scenarios, and various materials on native culture.

⁴⁶ Rassykhaev, A.N. 2020. “Specific Features of the Traditional Folk Calendar in the Village of Bolshelug.” *Komi Philology*, no. 1, pp. (In Komi); Rassykhaev, A.N. 2021. “Oral Stories about Stefan of Perm in the Nivshera Folklore Tradition.” *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 133–142. (In Komi); Rassykhaev, A.N. 2025 “Folklore Tales about the Komi Hero Pakom Stepan.” *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 142–151. (In Komi); Rassykhaev, A.N. 2020. “The Hypnotist Bisin Mish — a Hero of Komi Folklore.” *Komi Philology*, no. 2, pp. 104–113. (In Komi); Rassykhaev, A.N. 2020. Rassykhaev, A.N. 2024. “Oral Stories about the Destruction of Churches in Komi Folklore.” *Komi Philology*, no. 11–12, pp. 191–201. (In Komi); Rassykhaev, A.N. 2023. “On the Abstruse Terms of Komi Folk Games.” *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 82–101. (In Komi).

⁴⁷ Korovina, N.S. 2020. “Udora Storytellers in the Traditional Culture of the Komi People.” *Komi Philology*, no. 2, pp. 97–104. (In Komi).

Today, research on education and the teaching of the Komi language and literature in schools is published in the journal's *Komi Philology* section — *Study the Komi Language and Literature at School*.

The educational section was featured in the journal from its very first issue. Although works on the study of the Komi language and literature in schools have so far been published in only a few issues, their number remains relatively modest. Nevertheless, each of these works holds significant value in the current context,⁴⁸ playing an important role in providing psychological support and motivation for schoolteachers. They also raise key linguistic issues and facilitate the exchange of advanced pedagogical experience. The teacher is one of the key figures in the preservation of the native language and culture.

A significant portion of this section of the journal focuses on the methodology of teaching the Komi language, literature, and folklore in schools and higher education institutions. The authors propose innovative and non-traditional approaches, methods, and techniques for studying these subjects. For instance, the article by E.V. Ostapova on the methodology of creating a translator's school called *Winged Boat* at the university level attracts attention. Her work on the color perception of Komi fiction by Syktyvkar State University students — a study based on student essays — is innovative in nature. Also significant are E.V. Ostapova's article on the methodology of teaching expressive reading in middle school grades,⁴⁹ the works by V.A. Limerova on the methodology of introducing theoretical-literary sections in Komi literature textbook anthologies,⁵⁰ and those by O.T. Koikova, a lecturer at the I.A. Kuratov Syktyvkar Humanitarian-Pedagogical College, on the methodology of studying folklore in primary school.⁵¹

The Department of Komi Philology, Finno-Ugric Studies, and Regional Studies at Pitirim Sorokin Syktyvkar State University trains specialists in pedagogical education. Of particular importance is the editorial board's aspiration to involve

⁴⁸ Information and Methodological Letter on the organization of the study of academic subjects "Native Language (Language of the Peoples of the Russian Federation) and/or the State Language of a Republic of the Russian Federation," "Literary Reading in the Native Language (Language of the Peoples of the Russian Federation)," "Native Literature (Literature in the Language of the Peoples of the Russian Federation)." ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511521/

⁴⁹ Ostapova, E.V. 2021. "School of Translators *The Winged Boat*: First Steps." *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 167–73. (In Komi); Ostapova, E.V. 2025. "The Multicoloredness of Komi Literature Through the Eyes of Students." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 196–203. (In Komi); Ostapova, E.V. 2020. "Teaching Expressive Reading of a Dramatic Work in School (Based on the Translated Play *Son of the Star* by V. Chistalev)." *Komi Philology*, no. 2, pp. 114–21. (In Komi); Ostapova, E.V. 2023. "Teaching Expressive Reading of a Prose Work in School (On the Example of Works of Komi Literature from the Textbook-Anthology for the 6th Grade)." *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 151–64. (In Komi).

⁵⁰ Limerova, V.A. 2023. "Formation of Theoretical-Literary Knowledge in Komi Literature Lessons in the 6th Grade." *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 136–50. (In Komi).

⁵¹ Koikova, O.T. 2025. "The Study of Komi Folklore in Lessons of Literary Reading in the Native (Komi) Language." *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 166–82. (In Komi).

students, master's students, and postgraduates enrolled in the department's programs in methodological research. Methodological developments based on final qualification and master's theses recommended for publication are subsequently printed in the journal *Komi Philology*. Examples include articles by senior students P.V. Ignatova on methodological techniques for teaching terms in Komi literature lessons,⁵² S.O. Pozdeeva on the methodology of using game technologies in Komi language lessons at school,⁵³ V.A. Ignatov on the methodology of conducting lesson-research in Komi literature at school,⁵⁴ and N.P. Kuratova and G.V. Punegova on project technologies in studying the Komi language.⁵⁵

The section *Study of the Komi Language and Literature at School* is undergoing active development. Meanwhile, intensifying the participation of the pedagogical community (teachers, instructors, educators) in covering a wider range of topics related to teaching the Komi language and literature in educational institutions at various levels could become an important step in the development of the scientific foundations of native language teaching methodology and the journal itself, since “the task of the modern school is not only to impart knowledge but also to educate students as individuals. Currently, new forms of learning in schools and new directions in educational activities — such as project-based, creative, and scientific work — are being improved and are developing rapidly”⁵⁶ [9. P. 126].

Conclusion

A review of the journal's content allows us to draw several conclusions. The uniqueness of the scientific and educational journal *Komi Philology* lies in the fact that it is effectively the first periodical scientific journal on philology published in a national (Komi) language among the periodicals of Russia's Finno-Ugric languages. It plays an important role in shaping new scientific knowledge in the fields of Finno-Ugric philology, education, and Komi culture as a whole, thereby contributing to the development and strengthening of the Komi literary language and its scientific style. The publication of a scientific and educational journal in the Komi language can be considered an achievement of the national periodical press, an indicator of the development of national culture, and a contribution to the preservation of the Komi language and identity.

⁵² Ignatova, P.V. 2021. “Methodological Techniques for Teaching Terms in Komi Literature Lessons.” *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 149–160. (In Komi).

⁵³ Pozdeeva, S.O. 2021. “Game Technologies in Komi Language Lessons.” *Komi Philology*, no. 3–4, pp. 173–189. (In Komi).

⁵⁴ Ignatov, V.A. 2023. “Research-Oriented Lessons in the Study of A.V. Ulyanov's Short Stories *Black Autumn* and *Only Sons* in the 11th Grade.” In *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 113–124. (In Komi).

⁵⁵ Kuratova, N.P., and G.V. Punegova. 2023. “The Use of Project Technologies in Studying the Komi Language Verb.” *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 25–35. (In Komi).

⁵⁶ Ibid.

References

1. Lamazhaa, Ch.K. 2025. “Terminological traps for Russian bilingual scientists.” In *Poliliguallity and Transcultural Practices*. 22 (4), pp. 901–926 <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-4-901-926> EDN: DTWNOZ
2. *Issues of Komi philology*: A collection of scientific articles. 2005. Syktyvkar: Syktyvkar State University Press publ. (In Russ. and Komi).
3. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2018. Issue 7. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press publ. (In Russ.)
4. *Albert Vaneev: So that I could sing in my language in the Parma...*: A Collection of articles on the works of A.E. Vaneev. 2023. Sketches for a *Literary Portrait* series, no. 4. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Press publ. (In Russ. and Komi).
5. Ludykova, V.M. 2022. “50 years of teaching and researching Komi language and literature at Syktyvkar State University.” *Komi Philology*, no. 7–8, pp. 6–44. (In Komi). EDN: GQOWGS
6. Zvarich, L.Ya. 2022. “Dedicated to the first issue of the *Journal Komi Philology*”. In *Komi Philology*, no. 7–8, pp. 207–213. (In Komi). EDN: NEPORW
7. Surnina, L.E. 2025. “Analysis of I. A. Kuratov’s poems from the perspective of their subjective organization.” *Komi Philology*, no. 13–14, pp. 151–165. (In Komi).
8. Rassykhaev, A.N. 2020. “Folk calendar in the village of Bolshelug.” In *Komi Philology*, no. 1, pp. 165–75. (In Komi) EDN: LLGLCF
9. Kuratova, N.P., and G.V. Punegova. 2023. “The use of project technologies in studying the Komi verb.” *Komi Philology*, no. 9–10, pp. 125–135. (In Komi). EDN: CJZNXT

Bio notes:

Elena V. Eltsova is a Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1543-4608; e-Library SPIN-code: 8322-7088. E-mail: alena.eltsova@mail.ru

Olga I. Nekrasova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre “Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Science.” 26 Kommunisticheskaya St, Syktyvkar, 167982, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9983-1127. e-Library SPIN-code: 9175-1305. E-mail: lesik3108@yandex.ru